

НЕПРОСТЫЕ ИСТОРИИ 3

В стране чудес

16+

ФЭНТЕЗИ / МИСТИКА

**Мария Дёмина
Тим Яланский
Наталья Шемет
Елена Есакова
Вероника Князева
Дарья Сойфер
Наталья Ильина
Даха Тараторина
Мария Дышкант
Алексей Ладо
Наталия Смолина
Жанна Бочманова
Алла Френклах
Геннадий Добрушин
Дмитрий Ахметшин
Ирина Ваганова
Евгения Кретова
Елена Румянцева
Татьяна Виноградова
Алёна Коновалова
Евгения Кретова**

Непростые истории

3. В стране чудес

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39429759
SelfPub; 2018*

Аннотация

Есть края, из которых невозможно вернуться. Есть дали, которые невозможно забыть. Их лазоревые глубины будут сниться ночами, видеться в полумраке зеркал, грезиться наяву. Протяни руку – и вот они, совсем рядом, как в детстве, за пеленой неизведанного. Дотронешься – и оживут кентавры, расправят могучие плечи джинны, и оборотни тяжело ступят по стылой земле. Там, в стране чудес, спрятались наши мечты и страхи, смотрят на нас, ждут возвращения. Серия "Непростые истории".

Содержание

Аннотация	7
От составителя. Вместо предисловия	8
Тим Яланский	9
Ключ от бессмертия	10
Цикламеновые мечты	21
Алексей Ладо	39
Наследники	40
Легенда о живом городе	56
Татьяна Виноградова	75
Форель по-бадвардски	76
Алёна Коновалова	110
Запах трав	111
Ирина Ваганова	136
Укушенная	137
Наталья Смолина	166
Победитель	167
Елена Румянцева	176
Неожиданный гость	177
Геннадий Добрушин	195
Милосердие	196
Очередь	206
Вероника Князева	220
Из маленького мира	221

Назойливые отражения	237
Мария Дышкант	247
Джинн и человек	248
Дмитрий Ахметшин	270
Поруганная истина, потерянная вера	271
Мария Дёмина	288
Вечная весна	289
Наталья Ильина	312
Крылатые кони	313
Алла Френклах	328
Артемида	329
Елена Есакова	340
Сказ о любви и ненависти	341
Наталья Шемет	367
Легенда о Чёрном озере	369
Тим Яланский	402
Феевод	403
Даха Тараторина	426
Велесов сад	427
Жанна Бочманова	450
Где ты, там я	451
Папина дочка	486
Дарья Сойфер	512
Увертюра для Красной Шапочки	513
Евгения Кретьова	526
Дом с панорамными окнами	527

НЕПРОСТЫЕ ИСТОРИИ: В стране чудес
СБОРНИК РАССКАЗОВ В ЖАНРАХ ФЭНТЕЗИ И МИ-
СТИКИ

Аннотация

Есть края, из которых невозможно вернуться. Есть дали, которые невозможно забыть. Их лазоревые глубины будут сниться ночами, видаться в полумраке зеркал, грезиться наяву. Протяни руку – и вот они, совсем рядом, как в детстве, за пеленой неизведанного. Дотронешься – и оживут кентавры, расправят могучие плечи джинны, и оборотни тяжело ступят по стылой земле. Там, в стране чудес, спрятались наши мечты и страхи, смотрят на нас, ждут возвращения.

От составителя.

Вместо предисловия

Перед вами третий том сборника современной прозы «Непростые истории» – «В стране чудес», посвященный жанрам фэнтези и мистики.

Новые миры, пугающие своей достоверностью, герои, будто сошедшие с полотен Врубеля, Васнецова или Куинджи, завораживающие ароматы. Тайна рука об руку с чудом – это ли не главный магический коктейль, который заставляет нас снова и снова погружаться в мир фантазий, заглядывать за черту, всматриваться в неверную синеву зеркал?

Напрасно кто-то скажет, что фэнтези – это сказки для детей.

Это мир, в котором за тонким флёром допущения кроется леденящее душу «что, если».

Что, если кентавры и драконы – вымысел лишь отчасти?
И чьи-то сапфирово-синие глаза – залог сокрытия тайны?

Что, если тот мир ближе, чем мы себе придумали?

Что, если от погружения в него вас отделяет шелест одной-единственной страницы? А за ней – обманутый вечностью Кай?

Тим Яланский

Совладелец литературного сайта, автор-составитель сборника «Странники» (2018, «АСТ»). Рассказы опубликованы в сборнике «Синяя Книга» (2014, «Дятловы горы»), неоднократно становились победителями в сетевых конкурсах.

Пишу прозу, преимущественно, фантастику и фэнтези, статьи. Любимые темы – приключения, о дружбе и любви.

Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovатели/userprofile/Thinnad.html>

Ключ от бессмертия

Стылая мостовая скрипела солью, набензиненный снег забился в щели плит. Парочка впереди остановилась. Кей с расстояния в десять шагов видел, как алеют негодованием щёки девушки.

– Ненавижу тебя! – выкрикнула она спутнику, локоны из-под смешной шапки с помпоном рассыпались по пушистому воротнику. – Ненавижу!

Пар стыл в морозном воздухе.

«Клак-клак», – стучали каблочки сапожек, когда она побежала прочь, вниз по улице, минуя прохожих.

– А-а-ах-х! – глаза распахнулись, встретив бездонный взгляд высокого незнакомца. На мгновенье девушке показалось, что над обтянутыми чёрным кашемиром плечами колышутся завесы прозрачных нитей. Холодные пальцы Кея коснулись её губ, забирая дыхание... и ненависть.

Вот так. Он поможет. Несколько выдохов, кусочек живого огня, минутное головокружение – девушка не вспомнит, что с ней случилось. Она не вспомнит угловатую фигуру с чёрными глазами и бледными пальцами. Останется лишь опустошённость. Об исчезновении нескольких дней жизни она даже не узнает. Маленький ключ на груди Кея приятно кольнул холодом.

Люди любили причинять друг другу боль, и Кей помогал

им освободиться, зная, что никогда не услышит слов благодарности.

Чужое дыхание грело пальцы, свивалось в туманную нить. Кей добавил её в трепещущие полотнища за плечами. К концу года крылья стали совсем большими. Хороший урожай для Вечности.

Сегодня людно – небо потрескивало, сбрасывая чешуи Старого Года, и желающих совершить променад под огнями аллея прибавилось. Страсти играли острыми цветными всполохами. Женщина затаила дыхание при виде витрины с сапожками, напряжение сделало её плечи угловатыми и жёсткими; лохматый парень в шарфе грел дыханием ладошки смеющейся девчонки, пьяненький мужичок улыбался внутрь себя – и душный пар вырывался в темнеющее небо. Тлен. Прозрачные нити кусочков жизней шелестели и колыхались за спиной собирателя Вечности.

Люди такие расточительные. Дурацкие страсти сжигали их время. Мужчины и женщины лгали друг другу и себе, чтобы не оставаться наедине с зимой. Кей как доктор забирал боль, отрезал кусочки симпатий и выдёргивал огоньки страсти – а кусочки жизней, брошенные хозяевами в никуда, спасал.

Любовь не бывает вечной, но может питать собой Вечность.

Шепоток влюблённых на заснеженной лавке, крик малы-

ша, уронившего карамель, – Кей искусно забирал то, что им не нужно, и ключ на груди кололся инеем. Пальцы теплели.

Недалеко умирал человек. Кей чувствовал это, губам стало жарко. Последние вдохи, когда человек желает жить, – драгоценнее их только первые секунды после рождения. Достойное завершение года, много нитей Вечности: когда новогодней ночью откроется переход на Ту Сторону, Кей принесёт Госпоже прекрасный подарок.

Это рядом... Кованая решётка ограды впиалась в пальцы, замёрзшие кусты роз задрожали. Вверху в ветвях завозилась птица, и Кея окутало колючей ледяной пылью. Тусклое окошко, невысокий балкон «мечта домушника». Зашуршала ткань пальто по крашеному бетону, Кей перекинул ноги и замер. Большой чёрный ворон спикировал из ночи и сел на перила, словно предупреждая.

Снова он.

Птица преследовала Кея. Сначала выглядящий досадной случайностью, ворон превратился в неприятное обстоятельство. И стал агрессивнее. Кей потёр затянувшийся шрам на скуле. Ворон с некоторой задержкой появлялся во всех местах, где Кей работал в последние годы. При переходах птица теряла его, а потом находила. Снова и снова. Это была та самая пернатая тварь – нахальная, ловкая, хищная, со взъерошенной бородкой у массивного стального клюва.

Тихое карканье остановило тянущуюся к балконной двери руку. Кей замер. Что ему нужно? От мерзкой птицы надо

избавиться. Он прижался спиной к ледяной стене, прикрыл рукавом лицо и пнул ворона ботинком. Тот увернулся, легко перескочив левее, приоткрыл чёрные крылья и насмешливо каркнул. Ещё удар – птица подпрыгнула, сорвалась и исчезла в ночи. Кей прислушался. За голыми силуэтами розовых кустов и кованой ограды в жёлтом масле фонарей ходили люди. За спиной кто-то умирал.

Пальцы ощупали холодный пластик балконной двери, когда по ушам ударили чёрные перья – вынырнувший из черноты ночи ворон врезался Кею в затылок. Вечность зазвене-ла метелью, и её не стало.

«...Лететсноу, лететсноу, лететсноу», – Синатровский баритон пробивался сквозь шум двигателя, пахло дерматинном, от горячего воздуха казалось, что губы и веки распухли. Автомобиль подпрыгнул на ухабе, по обивке мазнули жёлтые полосы света.

Кей повернул голову – кипящая боль прокатилась висками, отозвалась в макушке – и прищурился. Покачивалась зелёная фигурка оленя на ниточке, над спинкой водительского кресла каштановые кудри подрагивали в такт не то песне, не то ходкому движению колымаги. Кей пошевелился, ключ скользнул по груди капелькой испарины.

Урчание прекратилось, автомобиль фыркнул, дёрнулся и замер. Обладательница каштановых кудрей обернулась и спросила ленивым колким голосом:

– Оклемался?.. Я была уверена, что ты не помрёшь.

– Чего ты хочешь? – голос осип, в горло словно заполз слизняк и подох там.

– Я не для того так долго тебя искала, чтобы ты взял и помер, – продолжала, словно не слыша вопроса, девица.

Дверца распахнулась, впустила из тьмы стайку снежинок.

«Белые пчёлы», – всплыло в памяти почти забытое.

– Выходи, – тонкая сильная рука потянула за рукав, незнакомка толкнула Кея, помогая сесть. Со связанными за спиной руками двигаться оказалось нелегко. Покинуть душный жаркий салон хотелось очень.

Морозный воздух тронул волосы, Кей блаженно подставил лицо холоду. Почти хорошо.

– Отпустила бы ты меня, детка, – голос тоже ожил, налился ледяной гулкостью. – Живой я опасен тебе, мёртвый – всей округе.

Снежные пчёлы кружили, путались в волосах, целовали в губы. Крылья Вечности тихо шелестели, колыхались в морозном воздухе. Жёлтый фонарь над воротами старенького одноэтажного здания освещал вспаханный колёсами «Лады» снег просёлочной дороги.

– Я тебя не боюсь, – блеснула зубками разбойница и продемонстрировала тёмное лезвие длинного ножа. Бледное лицо полыхнуло внутренним светом. – И её тоже, – многозначительно добавила она. Волчьи серые глаза смотрели на Кея, не мигая, как на врага.

Девушка волновалась. Кей видел рыжие нити тревоги над её затылком и плечами, органично сплетающиеся с жёлтым сиянием на каштановых прядях – они должны быть отвратительно горячими. Не такими, как жар бензинового бездушного огня, а истинно горячими. Коснуться их, вырвать, спрятать в ладонях... Как розовый бутон, который рассыплется инеем.

Связанные запястья отозвались режущей болью. Похоже, кожа лопнула, по линиям ладоней стекала влага. Неумело связано.

– Конечно, я никуда не пойду, – с расстановкой произнёс Кей. – Не представляю, зачем это мне. Убивай здесь.

Девушка ткнула острием ножа в пальто, напротив сердца. Щёлкнула отлетевшая пуговица.

– У тебя нет выбора, – быстро проговорила разбойница. – Я тебя искала годы, и теперь сделаю, что должна. Иди в дом!

Кей подался навстречу, острие вспорол кашемир и коснулось кожи. От болезненного давления лезвия и боли в запястьях снова заныли виски. Валяться здесь, орошать кровью снег, а потом медленно восстанавливаться не хотелось, но ситуацию нужно было раскачать. Злодейка напугана.

Девчонка сделала полшага назад, в хищных глазах мелькнула паника – прореха в пальто Кея явила затягивающуюся на глазах рану на груди. Серебряный ключик ожёг кожу.

– Тебе же будет лучше, если пойдёшь сам, – она вскинула подбородок и ткнула ещё раз, сильнее. Ветер от крыльев

приземлившегося на снег ворона взметнул её кудри.

Кей видел, как дрогнули зрачки девчонки, когда она заметила ворона, повернулся и ударил её плечом. Худое тело изломилось и врезалось в ворота ограды, раздался крик. Рывок – рука выскользнула из петли, окровавленная ладонь легла на девичье лицо – и Кей получил удар ногой в живот.

Злобная маленькая тварь.

Она набросилась на Кея и обхватила его руки, прижала к корпусу. Кей выгнулся на снегу, разрывая хватку, когда огромная чёрная птица врубилась клинком клюва в грудину, точно в измазанную бледной кровью затягивающуюся рану.

Время вывернулось с хрустом, пронзая позвонки и изливаясь сквозь коренные зубы, Кей хотел крикнуть, воздуха не было, горькая жидкость плеснула на язык. Страшный скрежет, кровавые нити из развороченных рёбер. В клюве птицы блеснул лёд. Пальцы сжались в агонии, круша жёсткие перья и кости – мятый чёрный комок упал во тьму, и Кей, наконец, закричал. Хриплый вой покотился крышами заснеженных домов, и дворовые псы прижали уши и заскулили, как перед землетрясением.

Горячо. Как горячо. Липкие капли тянутся по вискам. Дышать трудно – горе выплёскивается со влагой, и чья-то прохладная ладонь гладит лоб, вытирает жгучую жидкость из глаз.

– С днём рождения, – шепчет голос, Кей приоткрывает

глаза и видит лицо в ореоле каштановых кудрей.

– Почему? – спрашивает он.

В груди бьётся мощно и ровно. Сердце. Бьётся, словно никогда не замерзало.

– Потому что я обещала найти тебя, – поясняет разбойница из прошлой жизни.

– Кому? – выдыхает Кей.

– Ты совсем ничего не помнишь? – в голосе тоска и боль.

Кей не знает, что отвечать. Словно книга захлопнулась: он был там, внутри вьюги... Крылья Вечности дрогнули, воскрешая память.

– Ты когда-то был человеком, – отвечает на незаданный вопрос разбойница.

Трупик ворона с ледяным осколком в клюве нашёлся быстро. Его присыпало свежим снегом, но прозрачные жгуты вырванных нитей торчали из оплывшего сугроба. Кей заворожённо посмотрел на то, что раньше сидело в его груди.

– Я хотел себе эту штуку, чтобы быть совершенным, – проговорил он. – Всё случилось так давно...

– Сто восемь лет назад, – кивнула разбойница. – Ты перестал быть человеком.

Каркнула в вышине ворона, снежинки запорошили два силуэта, склонившихся над трупиком птицы. Ледяные крошки касались губ и таяли.

Достаточно поверить в честность зла и беспомощность добра, чтобы перестать быть человеком. Становится не жал-

ко. Если цель оправдывает средства, то сам не замечаешь, как становишься инструментом. Кей знал, что у Снежной Госпожи целая армия собирателей Вечности, которые несут отобранные людские дни к её трону.

Люди не ценят чувства, как не ценит солнце свои лучи.

– Сегодня откроется переход, – сердце ударило особенно сильно. – Мне нужно вернуться и всё исправить.

Призрачные крылья Вечности коснулись мёртвого ворона.

– Чтобы всё исправить, не нужно возвращаться на Ту Сторону, важное находится здесь, – прошептала девчонка. – Моя двоюродная прабабушка ждала тебя всю жизнь – когда ты перестал её любить и ушёл в метель – и сейчас она умирает. Моя ма искала тебя, и другие. А я нашла. Пошли?..

Кусты роз, нагие и замёрзшие, тянулись к чугунным прутьям ограды. Он был уже здесь ночью. В комнате безнадежно пахло лекарствами и смертью.

Кей с недоумением взгляделся в сухое неподвижное тело. Кто это? И что он здесь делает?

Отчаянно захотелось уйти... Забыть всё. Вернуться к ледяному спокойствию Госпожи, к теням и ветру, и следующей зимой оказаться в другом городе, подальше от сумасшествия. В груди что-то неудобно сжалось и задрожало.

Кей оглянулся. Чистая комнатка – стол, шкаф, кровать, коврик на дощатом полу. Пожелтевшие занавески и два гор-

шочка роз – красных и белых. Он сам не заметил, как оказался рядом – пальцы тронули упругие губы лепестков.

– Я не хочу здесь быть, – сердце замерло и пошло тише. – И ухожу. Не преследуй меня больше никогда.

– Ты её не узнал? – разбойница стянула куртку, и теперь толстовка мешком висела на худеньких плечах.

– Нет, – покачал головой Кей. – Не знаю, что я здесь делаю.

– Хорошо, – девичьи губы сжались в бледную линию. – Иди. Только попрощайся с нею, ведь она ждала тебя сто восемь лет.

Кей приблизился к иссушённому телу, прикрытому белым одеялом в цветочек. Восковая кожа обтягивала череп старухи, было непонятно, выйдет ли она из забвения, или уже умерла.

– Прощай, Герда, – сказал тихо Кей, и склонился над ней. Серебряный ключ скользнул в прореху от ножа и повис на цепочке, налился биением света над еле вздымающейся грудной клеткой умирающей женщины.

Кей вздрогнул, когда сухие веки моргнули, и из впалых глазниц глянули живые глаза.

– Кай? – пронеслось выдохом, свивающим мир в спираль. Время замерло, сжалось в точку и распахнулось.

Льдом ожгло спину, ключ на цепочке натянулся, и звенья не выдержали. Хлестнуло по шее, кулон засиял звездой, сорвался, упал и впитался в грудную клетку старухи. Удар силы

ошеломил. Крылья Вечности трепало ураганом, нити свивались в кокон, бушевали над изгибающейся фигурой, и Кей упал на колени. Он смотрел широко раскрытыми глазами в истёртые половицы и дрожал, не в силах поднять взгляд. Слеза повисла на ресницах, замерла и сорвалась, поставив тёмную точку.

Густые волосы упали вековым водопадом, молочной белизны гладкие ножки коснулись пола.

– Что это? – открыла глаза светящаяся звездой девушка. – Где я нахожусь?.. Кай?

Зазвенело – ветер распахнул окно и втолкнул порыв ледяной пыли.

Кей... Кай закашлялся, закрыл лицо ладонями – холод хлестнул по плечам, за которыми уже не было крыльев.

– Хватит, – острый голосок разбойницы гвоздём воткнулся в круговерть, стукнула створка окна, и стало тихо. – Или я посажу тебя в печку, старая ведьма.

Нежные и странно родные ладони легли на макушку, с осторожностью, словно боясь что-то разрушить, пальчики зарылись в волосы. Так никто не делал уже вечность. Кай вздохнул глубоко-глубоко, накрыл её руки своими.

– Мне снился такой странный сон, – сказал он.

Цикламеновые мечты

Шаловливый ветер протиснулся меж стволов живой ограды, пробежал по верхушкам трав, пощекотал солнечных зайчиков на листьях, поцеловал не ожидавших такого нахальства венчики стыдливых цветов.

Поскользнулся ветер на рыхлых холмиках земли, отчего комки грунта посыпались в ямки, хулигански взметнул клубнично-розовые волосы феи и унёсся дальше, страшно довольный собой.

Марилея выпрямилась, откинула упавший на лицо локон. Майские сильфиды совсем одурели, их ветерки распоясались. Носятся, шалят... В то время как феям приходится работать, не покладая нежных ручек! Марилея отложила в сторону лопатку и ткнула луковицу в ямку. Ещё дюжину – и хватит, сектор почти готов.

Она выпрямилась, потянулась, оттопырив попку, повела крыльями.

На секунду захотелось плюнуть на всё, взлететь в небо, к шальным ветеркам, радоваться маю, солнцу, жизни...

Завтра зарплата.

Марилея вздохнула, отряхнула фартук и, аккуратно ступая, чтобы не задеть бутоны спараксиса, направилась к валуну возле ограды. Здесь она присела на траву, сняла туфли и пошевелила пальчиками. Нужны новые балетки, скоро бал

Середины Лета, а решительно нечего надеть! Мариляя критически перебрала в уме каждую пару туфельек из своей коллекции и покачала головой. Обязательно нужно с зарплаты присмотреть что-нибудь модное. Меньше шоколада с нектарными палочками в обед – и экономия, и новая талия к балу! Решено.

В офисе строительной компании «Новая Мория» кипела работа.

– Серегончик, – прелестная Кализена захлопала ресницами, – у меня не получается!

Она прикусила губу и вздохнула. Ложбинка алебастровой груди в вырезе блузы обозначилась резче.

– Это же просто! – Серегон наклонился над столом так, что тот жалобно скрипнул, задетый каменным бедром. – Ты каешь сначала в меню, потом выбираешь «Настройки».

– А где это меню? – Кализена поелозила мышкой по готичной столешнице, кликнула, и окно на экране мигнуло, рассеялось секторами, поменяло цвет. – Ой! – вампирша прикрыла когтистыми пальцами рот, рубиновые глаза наполнились слезами. – Я снова всё испортила!

Серегон, молодой тролль, поскрипел широкой жёсткой ладонью. Примерился накрыть ею мышку, чтобы сделать всё самому, но понял, что крохотная пластиковая штучка погибнет под каменными пальцами. Он хрустнул кулаком и пробубнил:

– Кализеночка, нажми самую верхнюю левую кнопку... Левую, Кализена! Другую! Вот умница, видишь, ничего страшного.

Оставалась самая малость. Нужно было каким-то образом получить из офисного компьютера чертежи мелиорационного желоба нового грота. Кализена – прелестный менеджер – слабо разбиралась в слоях машинной схемы, несмотря на то что Серегон старался всё пояснить.

Троль выдохнул. Рабочая смена скоро закончится, а он не успеет спланировать, сколько камня нарастить в виадуке и где.

– Кализеночка, видишь полоску вверху? Она называется «меню». – Троль ткнул пальцем в экран, плёнка вмялась, пошла радужными трещинами, изображение скакнуло и переломилось.

– Мой компью-у-у-утер! – взвыла Кализена, взяв ноту на грани ультразвука.

Высокая статная дриада шествовала по тропе между олеандрами. Мариля вздохнула и надела туфли. Отдохнуть не удалось. Тёплый от солнца валун так славно щекотал спину! Всё-таки шефиня Оисса, откуда-то эту каменюку привёзшая, прекрасно разбиралась в природной роскоши и особенных вещах. Сучка.

Оисса обогнула колоссальные солнечные часы, острие тени которых утыкалось в сектор с анютиными глазками, по-

казывая два часа дня. Окинула прозрачным взором композицию и прошелестела:

– Мариля, у нас проклюнулось срочнейшее дело. Заказчик с «Вересковых Пустошей» привёз пять сотен клиентов на санацию. Бросай всё, займись этим.

«Вересковые Пустоши» – ультрасовременный комплекс башен – был визитной карточкой мегаполиса. Естественно, что казённые помещения были уставлены горшками и кашпо с разнообразнейшей флорой, и момент, когда весь этот дендрарий привозили на оживление и обработку, становился проклятием для компании флористики.

«О нет! – брови Марилии скорбно изломились домиком, – только не сейчас!»

До заката оставалось ещё полновесных шесть часов, но пятьсот цветочных горшков... Это чересчур! Придётся работать, не отрываясь даже на перекус и телефонные звонки.

Зато, скорее всего, удастся получить премию к завтрашней зарплате – и к туфелькам прикупить моднейшую тунику цвета цикламена. Мысль о шоппинге приободрила Марилию, и улыбка вышла почти искренней:

– Уже лечу, мадам Оисса, уже лечу!

Ночь хранила огни города, биение его жизни, ту непередаваемую атмосферу, что охватывала любого, стоило выйти на улицу. Бежали по делам клерки, гуляли под ручку студенты, протирали витрины и скульптуры работники – один лишь

Серегон чувствовал себя камешком в тёмной реке ночи. Он шёл неторопливым шагом существа, привыкшего к тому, что его огибают. Полированный булыжник мостовой похрустывал под каменными ступнями тролля, напоённый ароматами еды, бензина и ночных фиалок воздух кружил голову мечтами. Вырваться бы в отпуск... Уехать к морю, гулять по песку, спать в прибрежных скалах, смотреть на русалок, резвящихся под луной... Луна в городе не такая – словно подёрнутая пеленой, рассеянная, сонная. Призрачный старик на ней живёт мечтами о волнах и серебряных русалочьих телах.

Узкие витрины квартала Огоньков переливались мерцанием. В них обнажённые девушки десятка различных рас извивались под неслышимую музыку, пили кофе из маленьких чашечек, разглядывали прохожих, зазывно улыбаясь и красуясь торчащими сосками полированных грудей. Троль задержался взглядом на серебристой нимфе в витрине-аквариуме, вздохнул и прошёл мимо.

Хозяин кафе – горгуль с позеленевшими от старости суставами – окинул взглядом массивного Серегона и снял с никелированного крючка полувёдерную бронзовую кофейную кружку. В брюшной сумке тролля запиликал телефон.

– Серегон, дружище, мне срочно нужна твоя помощь.

– Извини, брат, я на мели. Умудрился распанахать менеджерский монитор, теперь вычтут из зарплаты. Сам понимаешь.

– Эх, беда... – трубка разочарованно вздохнула. – А у тебя

сегодня хата свободна?

– Базил, а ты не думал поработать? – хмыкнул тролль. – Было бы куда подружек водить, и бабло случалось бы.

– Ну так я подъеду? – беззаботно квакнула трубка.

– Подъезжай, балрог с тобой, – вздохнул Серегон.

Руки щипало мурашками, суставы болели. Марилея чувствовала себя очень, очень несчастной. Крылышки поникли и даже волосы цвета клубники потускнели.

Фея честно выложились, заряжая и оживляя увядших питомцев торгового центра «Вересковых Пустошей». Шесть полновесных часов она кропотливо выхаживала каждый цветок, глянцеваля листья, укрепляла побеги, добавляла удобрения и изгоняла паразитов. И теперь чувствовала себя, как надломленный нарцисс.

Хочется добраться домой поскорее, чтобы не оказаться снаружи, когда померкнет свет. Если поспешить, то не придётся ёжиться в одиночестве на стремительно пустеющих улицах. Все приличные дневные жители ночью спят и не позволяют тьме окутывать и пачкать себя. Ночью на улицах водится всякое – Марилея слышала страшные истории о жителях ночи, но никогда ни одного своими глазами не видала и не жаждала увидеть.

– Ты уже закончила, дорогая? – дриада Оисса в восхищении оглядела ангар. Её тело, словно сплетённое из лозы, органично смотрелось в лаково-зелёных цветущих джунглях. –

Молодец, ты просто замечательно чувствуешь растения! И заслужила похвалу.

– Благодарю вас, мадам Оисса, – выдавила из себя улыбку Мариля, воскрешая в памяти цикламеновую тунику. – Я могу идти домой?

– Можешь, – кивнула шефиня. – Ты же всё закончила? И часы? Их заказчик придёт завтра.

– Часы? – подняла бровки фея. – Конечно, нет, вы же сами сказали...

– Очень жаль, – поджала губы начальница. – Ты знала, что с ними нужно закончить сегодня.

Серегону нравилась подработка. Она не приносила таких денег, как работа на стройке, но, погружаясь в неё, тролль чувствовал успокоение. Работа с камнями приводила мысли в порядок, они становились тёмными и бархатистыми, как базальтовые булыжники.

Серегон устраивался удобнее на мягком грунте, чувствуя, как тот проседает под каменным сидалищем, зарывался ладонями в землю, нащупывал кончиками пальцев жирную тёплую глину, скрипучие кварцевые крупинки, хрусткие кристаллики шпата. Шипучая магия струилась по ихору, и руки Серегона обретали ловкость. Он виртуозно выглаживал глыбы и лепил гранитное кружево, на время забывая, что это – всего лишь кусочек будущей ограды или чаши садового фонтана.

Тролль нашёл эту работу недавно, ощутив, что денег, которых ему платят в «Новой Мории», после перечислений домой не хватает на развлечения и на то, чтобы чувствовать себя уверенно, в особенности – привлекать девушек. Серегон был молчаливым угловатым «живым камнем» – недаром говорят «как тролль в посудной лавке», когда хотят указать на неуклюжесть. Вот и монитор нынче пал жертвой этой самой неуклюжести... Серегон привык. Похожему на неотёсанную скалу здоровяку непросто найти подходящую пару. Девушкам гораздо больше нравятся такие, как красноречивый обходительный Базилеррен – бездельник Базил, тёмный эльф и по совместительству лучший друг.

Вот беда, подработка напрочь убила личную жизнь. Теперь у Серегона практически не оставалось свободных пред-рассветных часов, чтобы погулять и попытаться подцепить кого-нибудь симпатичнее горгульи. Троллицы – в два, а то и в три раза больше его самого – на поверхности не попадались, предпочитая обитать в подземных норах. Серегон не спешил посвящать себя воспитанию потомства, безвылазно обитая вместе с женой вдали от шика и красоты подзвёздного города. Именно ради впечатлений надземного мира тролль и покинул родные тоннели, хотя официальной причиной стала работа в строительной компании «Новая Мория».

Он с удовлетворением оглядел своё творение. Это была невесомая ажурная сетка для беседки, украшенная кварцем

и селенитом. Камни отражали наливающееся зарёй небо, переливались и мерцали серебряными бликами. Нужно только dorастить опору – и дело сделано.

Серегон покосился на беременное рассветом небо. Полчасика ещё есть. Он успеет. А домой всё равно можно не спешить, там же Базил с подружкой. Троллю много не нужно – переднеуует здесь. Ляжет где-нибудь в сторонке на упругую сочную землю и застынет, каменная кожа как панцирь – спасёт его от беспощадного солнца. Когда нежная ночь осыпается песком рассвета, лучше не мучиться под жёсткими лучами, а спать и видеть сны. Благо, Серегону не нужны стены, он сам как стена...

Мариля, растерянная и обессиленная, выпятила губку. Если сильно постараться, то за пятнадцать минут можно успеть подрастить барвинок, он оплетёт прорехи, и солнечные часы будут выглядеть почти хорошо. Феечка вздохнула и развернула плечики. Туника цвета апрельского цикламена маячила в мыслях призывным знаменем.

Ещё несколько дней такой работы – и к праздникам появится не только талия, но и тени под глазами!

Надо поспешить. Домой придётся лететь изо всех сил, чтобы не попасть под тяжёлую ладонь тьмы. Мариля с опаской поглядела на плавающее горизонт солнце и решительным шагом направилась к краю поляны, где стебли барвинка оплетали узорчатый изгиб какой-то садовой конструкции.

По пальцам побежали капли волшебства. Марилея зажмурилась, выжимая остатки сил, и сама не заметила, как опустилась на хранящий тепло солнца камень, что так уютно манил её весь длинный непростой день.

Серегон проснулся и вздрогнул. Что-то было не так. Он открыл глаза и потянулся, вдруг осознав, что к нему прижимается, обнимает, как возлюбленного, создание звёздной красоты – белокожая девушка с волосами цвета розового кварца – нежная, как лунный свет на морской волне.

Создание звёздной красоты распахнуло чудесные глаза, уставилось на Серегона и заорало:

– А-а-а-а-а-а! – продолжая кричать, девушка вскочила и бросилась бежать.

Троль обернулся. Никого поблизости нет, а сам он не настолько страшен, чтобы пугать дев. Скорее обычен, как стена.

Он взволновался, когда увидел, что красотка зацепилась ножкой за стебель и упала в колючие переплетения кустарника. Серегон вскочил и с неожиданной для себя самого прытью кинулся на помощь.

– Уйди! Уйди, тварь! Чудовище! – кричала незнакомка, её прозрачные крылышки дрожали.

Она закрыла личико сгибом локтя и постаралась лягнуть Серегона потерявшей туфельку пяткой. На белой коленке виднелись царапины и грязь. Троль присел перед девушкой,

стараясь понять, что же случилось. Может быть, красавица увидела страшный сон? Она кричала о чудовищах.

Троль знал, что помогает от приснившихся кошмаров! Нужно что-то красивое и завораживающее.

Серегон улыбнулся, зачерпнул глины с песочком, размял их между ладоней. Заструилась, побежала магия. Троль пощёлкал пальцами, расщепляя вещество, и вот в массу оказался примешан цезий.

Сверкнули разряды в сжатых каменных ладонях, налился жаром растущий камень. Готово.

Ещё горячий ярко-розовый кристалл впитал и отразил свет луны.

Любопытная девушка, выглянув из-под локтя, уставилась на Серегоновскую поделку полными изумления глазами. Её ротик округлился, а дорожки слёз на щеках мгновенно высохли.

Марилея видела, что ночное чудовище протягивает ей огромный драгоценный камень роскошного оттенка, того самого, цикламенового...

Девушка не помнила, как уснула в саду – наверное, от усталости.

Коленка засадила, когда фея подтянула ножки.

Ночь, колючие кусты, страшная, вытесанная из камня рожа с горящими глазами... Вокруг насмешливо обступала густая, как черничный сироп, тьма. Ночное чудовище явилось, чтобы ухватить её, искалечить и сожрать. Никто не поможет!

Какой всё-таки красивый камень.

Чудовище неожиданно улыбнулось и положило камень на землю. Мариля смотрела, как оно выпрямилось, сердце застучало от излучаемой этой махиной мощи. Обитатель тьмы был похож на героя легенд – такого, каким его себе представляют студентки-филологини, разве что основательно окаменевшего. Рубленные очертания торса, здоровенные руки и по-драконьи грациозные движения. Широкие плечи – такие захочешь обнять – не дотянешься.

Мариля вдруг поняла, что примеривается, как можно обнимать плечи этого незнакомца и вспыхнула. Злость помогла – остудила мысли, и фея осознала, что никто её калечить и жрать не собирается.

Она шмыгнула носом и пригладила растрепавшиеся волосы. Выглядит как замарашка из дупла.

– А ты, вообще, кто? – спросила она, подпустив прохладцы в тон...

– Растить кристаллы просто, – гудел Серегон. Он сосредоточился на кучке ракушек под ладонями. Тонкие пальчики любопытной феи лежали поверх его рук, ловя магические эманации. – Ты чувствуешь с ними сродство и просишь...

Вещество налилось свечением, запахло горячей скорлупой. Миг – и вот уже вместо кучки ракушек оказалась мраморная статуэтка самой Марили.

– Ой, – фея прижала ладошки ко рту и снова мило покрас-

нела. В темноте свечение горячей крови в щёчках выдавало эмоциональность девушки.

Тьма окутывала мир, таинственно шелестели ночные кусты. Звезда в небесах задорно подмигнула.

Когда Серегон нёс фею домой, та задремала, убаюканная мерными покачиваниями. Троль шёл, и сердце стучало, высекало искры. Он смотрел на усталое личико спящей красотики, и ему хотелось идти так долго-долго, не будить её.

Но... Ночь только началась, и нужно было ещё попасть на работу.

***

– Базил?! – Серегон замер, не веря собственным глазам. – Что ты здесь делаешь?

На месте Кализены довольно ослабился тёмный эльф.

– Работаю, – ответил он. – Ты ж сам говорил, что мне нужно найти работу. Додолбал, считай.

– Но как?! – Серегон открыл было рот, стараясь подобрать слова, когда зазвонил телефон.

Базилеррен сделал знак молчать, отвернулся, прижал трубку к острому уху:

– Компания «Новая Мория» приветствует вас. – Голос стал удивительно серьёзным, в нём послышались обволакивающие бархатные нотки. Уж что-что, а очаровывать Базил умел. – Обычный ящик, ребята, сейчас щебень в такие пакуют. Грузите и увозите! – Тёмный эльф стрельнул лукавым

взглядом на остолбеневшего тролля, прикрыл ладонью трубку. – Иди, иди, не мешай мне. И, кстати, о компенсации за монитор можешь забыть.

Марилея примчалась на работу ни свет ни заря.

Она принялась за дело, уговаривая барвинок тянуться и плестись. Вспомнив объяснения ночного знакомого, попыталась почувствовать сродство с дрожащими под пальцами стебельками. То ли они были напоены её собственной магией, то ли рецепт оказался верен, но на мгновение фее показалось, что она чувствует весь пронизанный рассветом сад. Это было потрясающе!

Не менее потрясающе, чем обнимать каменного Серегона, который нёс её домой на руках. Марилея растопырила крылышки, очарованная воспоминаниями. Крепкие и нежные объятия, словно лежишь летом, прислонившись к прогретому камню... О, как это было волнующе! Он такой... мужественный!

Марилея зажмурилась.

Интересно, а он везде такой... каменный? Фея поняла, что её обуревают такие мысли, что перед собой стыдно. Мысли не отпускали, заставляя сердце биться, а грудь распирало желаниями.

Марилея раздвинула нежные малиновые цветы обриетты и опёрлась попкой о длинный деревянный ящик. Фея не помнила, чтобы этот контейнер здесь был раньше, но стилизо-

ванные буквы «Вересковые пустоши» над изящными золотистыми ручками намекал, что ящик имеет отношение к тому же офисному комплексу, что и пятьсот цветочных горшков. Наверное, удобрения или что-то в этом роде... Не такое интересное, как большой мужественный тролль с мускулистыми руками и грудью.

– Марилея, милочка, вы сегодня плохо выглядите. – Голос Оиссы разрезал сладкие мечтания секатором реальности. Шефиня приблизилась неслышно, сплетённое из лоз сухощавое тело поблёскивало притираниями и каплями росы. Изысканно.

– Я чувствую себя отлично, – Марилея встала с ящика, отряхнула фартук и вздёрнула носик. Эта стерва просто завидует!

– Хорошо, что вы решили загладить вину и пришли пораньше, – царственным тоном продолжила дриада. – Тут кругом беспорядок, на вас нельзя положиться. Я не буду вас штрафовать на полную сумму за то, что вы не сделали часы вовремя – только на двадцать процентов.

– Что?! – таящееся в груди возбуждение выплеснулось наружу. – Штраф? Мне? За что?!

– За то, что выбиваетесь из графика, – поджала губы дриада и повернулась, чтоб уйти.

Марилея глядела вслед сузившимися от бешенства глазами.

Её туфельки! Её туника цвета апрельского цикламена!

Она присела и положила руки на землю. Как учил Серегон. Невидимые токи по влаге и корешкам устремились к удаляющейся надменной фигуре, проникли, опутали ступни.

– А-а-а-а-а! – завизжала Оисса, стараясь оторвать выметнувшиеся из земли корни. – Прочь, прочь! Брысь! – Она хлопала растопыренными ладонями по бёдрам, извивалась и задирала подол. Сзади потрескивало дерево ящика – малиновые цветочки взволновались вместе с остальной офисной флорой.

Марилея расхохоталась. Вероятно, ночь всё-таки оставила тёмный отпечаток в светлой душе феи, но это ощущалось просто потрясающе!

Треск, схожий со звуком рвущейся туники, распорол момент торжества. Марилея обернулась. Сорванная с петель крышка валялась в стороне, из ящика поднималось, сверкая алыми глазами, чудовище.

– С-с-с-солнце! – шипело оно и трясло роскошными ночными локонами. Несмотря на густую тень от воскрешённой флоры, чудовище прикрывало смертельно бледное лицо рукавом чёрного кружевного пеньюара. – Чего разорались днём? И где Базил? Где этот остроухий кобель?

– О, а ты кто такая? – изумилась Марилея. Она была вынуждена признать, что чудовище на самом деле – смазливая брюнетка с вульгарными губами. Но из-за *чудовищного* декольте вполне достойная называться чудовищем и дальше.

– Я Кализена, – брюнетка перестала прикрываться и оценивающе оглядела Марилею. – Ты плохо выглядишь, дорогуша.

Она сунула когтистую ладошку в недра пеньюара, вытащила телефон и нахмурилась.

– Кто бы говорил, – мстительно фыркнула феечка. – Где твой остроухий кобель, потеряшка?

На кончиках её пальцев сплелась искорками магия – Марилея с новыми способностями была готова наказывать всех, кто посмеет её унижать! Однако когда Кализена оторвала алый взгляд от экрана, в нём плескались такие обида и отчаянье, что фея ощутила укол совести.

– Уволили, что ли? – догадалась она и обернулась на всё ещё барахтающуюся в кустах шефиню.

Вампириша проследила за её взглядом и хитро улыбнулась.

– Зато, похоже, тут освободилась вакансия, дорогуша.

И она начала бодро вылезать из развороченного ящика, цепляясь кружевами за торчащие анкера. Вульгарная дрянь.

Марилея потянулась всем уставшим телом и поймала себя на мысли, что уютный ящик для сна – не такая уж плохая замена рабочему дню.

В кармашке блузки светился розовым камень-подарок – а в бутике ждала цикламеновая туника.

– Ты выйдешь за меня замуж? – коробочка была большой, под стать ладони тролля.

– Ой! – крышка откинулась и продемонстрировала две усыпанные розовыми кристаллами туфельки. – Да! Да! Только... – ступевалась фея и захлопала ресничками.

– Только что? – встревожился тролль. Он до последнего не верил, что девушка с волосами цвета розового кварца его любит.

– Только мы будем видеться лишь на рассвете и закате... – пролепетала Марилея.

– А разве не у всех так? – удивился Серегон, стараясь отогнать мысль о том, что скажет оставшаяся в подземельях первая жена... и что скажут дети...

Он поглядел на танцующую, словно лунный луч на волнах, феечку и улыбнулся.

Работа никуда не денется – фея-флористка в паре с троллем способны на многое!

Алексей Ладос

Совладелец литературного сайта. Рассказы опубликованы в сборниках «Синяя книга» (2014, «Дятловы горы»), «О любви» (2016, АСТ), «О бабушках и дедушках», (2018, АСТ). Лауреат поэтического конкурса Интернационального союза писателей (апрель, 2017). Дипломант международного литературного конкурса «Большой финал» (поэзия, 2017-2018). Победитель в номинации «Рассказы для детей» международного литературного конкурса «Мой аленький цветочек». Пишу разножанровую прозу, стихи, статьи. Люблю смешивать времена и поколения.

Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Almond.html>

Наследники

День последний

Очень красивый молодой человек в черном бархатном камзоле и накинутом поверх белом плаще с горностаевой подбивкой стоял на последней площадке Южной башни – той, откуда уходил в небо золотой шпиль.

«Отец думает, что триста замков, заклётых магами, надёжная защита? – молодой человек вздохнул: – Глупо. Нет уж, лучше уйти, видя и чувствуя жизнь вокруг. Только бы не было больно!»

Никто и никогда не спасал наследников от неизбежного, придуманные способы приносили лишь разрушения, когда Дракон проламывал двухметровые стены, неся гибель ни в чем не повинным людям.

Юноша снова вздохнул, вспомнив оставленное для отца письмо – официальную его часть, где слова «король» и «ваше величество» ставили преграду нежным чувствам, и приписку, сделанную поспешно: «Папа, я тебя очень люблю, но иначе не могу». Королева-мать не дождала до этого страшного дня – и слава Дракону. Верея – ей он не написал ни строчки. Знающий все о своей судьбе, молодой человек с детства сторонился дружбы и любви. Прекрасная дочка герцога и не ведала, наверное, как трепетало его сердце, как только она входила в тронный зал.

Заходящее солнце играло с золотом шпилья, с драгоценными камнями в перстнях и медальоне, разливало и переплетало изумрудные, топазовые, рубиновые линии света.

Принц-наследник не замечал ничего. Золотистые локоны разметались в беспорядке. Взгляд сапфировых глаз с иссиня-черными зрачками, в которых металось сейчас отчаяние, был устремлен вниз – туда, где раскинулся город с обвивающей его голубой рекой, где деревни и хуторки плыли кораблями среди роскошных садов, ухоженных полей и пастбищных лугов, где далеко-далеко синел лес, а еще дальше лишь угадывался великий океан. Мир – такой родной, любимый!

Он знал, что будет видеть этот мир и после неизбежного, но больше не будет собой – никогда. Не будет помнить ни отца, ни Верēju, вряд ли вообще мельтешащие внизу люди удостоятся его внимания. Уделом станет одиночество и... небо.

На Северной башне загудел колокол: тяжело, надрывно стал отбивать время. Время рождения принца в день его совершеннолетия. Раз, два, три...

Сапфировые глаза принца наполнились слезами. Восемь... девять... десять...

Нет! Он будет сильным! Только бы не было больно.

Шестнадцать... семнадцать... восемнадцать!

Молодой человек увидел снижающуюся тень, вздрогнул и застыл. Словно теплые ладони закрыли его прекрасные глаза, прижались. Мир исчез.

И было больно! О, как больно! Как будто мозг пронзили

раскаленной иглой золотого шпилья Южной башни. Принц закричал и потерял сознание.

День первый

Тронный зал сегодня не радовал придворных. Радужные стены с выложенной драгоценными камнями мозаикой затаили серой драпировкой, а мраморно-опаловый пол – невзрачным ковровым покрытием. Длинные стрельчатые окна плотно закрыли ставнями, клетки с птицами вынесли в сад, ручной ирбис короля смиренно сидел на цепи, не играясь с разноцветными клубками.

Сам король Решеф XIV застыл на троне, подперев голову левой рукой, и не обращал внимания на разбросанные тут и там фолианты, свитки, перешептывающихся магов и хмурящихся советников. Его длинные седые волосы потускнели и казались непричесанными, лоб прорезали морщины, уголки губ безнадежно упали вниз.

Не замечал он и тщедушного рыжеволосого человека, стоящего на коленях в самом центре тронного зала, словно случайно оказавшегося здесь и не походившего ни одеждой, ни манерами на королевскую свиту.

Человек этот – по имени Мелвин – был обычным торговцем, дрожал от страха и не понимал, почему его позвали в королевский замок.

– Поднимись! – очнулся король, его тяжелый взгляд, обведя всех, остановился на Мелвине. – Ты ведь знаешь нашу

беду, не так ли?

Ну еще бы не знать! Беда ведь не только несчастного отца, а всего королевства.

Много веков подряд, в определенное время, рождается Дракон, несущий славу и благоденствие. Великолепный Дракон с сапфировыми глазами – символ свободы и мира. Тысячи людей из разных стран приезжают, чтобы только взглянуть на его полеты, увидеть золотой свет крыльев, а если повезет – найти упавшую с неба чешуйку. Частички ее дороже любого драгоценного камня – но никто вам не расскажет, что они принесли нашедшему. Говорят, что тогда их свойства пропадут.

Эти люди гостят подолгу, оставляя деньги в казне, откуда те щедро раздаются всем нуждающимся.

Никто не знает, где живет Дракон, куда прячется. Он никогда не снижается, не охотится, не бывает в других странах, он просто пролетает иногда над королевством, оставляя в голубом небе радугу и изредка роняя волшебные чешуйки.

Дракон их мира умирает тогда, когда на смену ему рождается новый – молодой и сильный, с такими же сапфировыми глазами и золотом крыльев.

Вот только рождается он...

– Ваше величество, – прошептал один из советников, нарушив тишину всеобщего воспоминания, – может быть, лучше смириться, как смирились ваши великие предки?

– Нет! – кулак короля так ударил по подлокотнику, что

один из изумрудов, украшавших трон, выпал из оправы и покатился под ноги Мелвину. – Все мои предки искали выход, все они пробовали возможное и невозможное. И я не смирюсь, пока есть хотя бы одна – последняя надежда, – он посмотрел на торговца так, что у того снова подкосились ноги. – Спаси моего сына! Спаси его, и ты получишь не только богатство, но и благодарность всего нашего мира.

– Как?! Почему я?! – вскричал торговец.

Он сочувствовал и понимал короля, острой иглою горя пронзило сердце – ведь если бы его собственный сын превратился в Дракона – пусть и великого, – он, Мелвин, попросту бы умер. Только чем тут можно помочь? Тем более если ни один из магов не нашел выхода. И никогда не находили! Веками!

Рождение Дракона значило смерть принца-наследника. Все первые сыновья в династии были умными, красивыми – с изумительными сапфировыми глазами, все они были любимыми народом. Проходя по замку, Мелвин не увидел ни одного улыбающегося лица, напротив, даже у слуг краснота век выдавала недавние слезы. Но все первые сыновья отдавали свои глаза, сердце, душу – жизнь – новому Дракону. Королевство наследовали вторые или третьи дети, и никому еще не удавалось даже приблизиться к возможности нарушить древнее заклятие.

Король устало взмахнул рукой, приглашая Мелвина ближе. Однако сам пояснять ничего не стал, кивнул одному из

магов.

– Мы искали выход еще тогда, когда король и не помышлял о женитьбе. Мы умножили силы, когда юная королева Белисса забеременела, – сказал придворный маг. – Посвящали поиску каждую секунду, каждую минуту. Мы придумали миллионы способов, но ни один из них после тщательной проверки не оказывался надежным. Сейчас, когда до совершеннолетия принца осталась несколько дней, – глаза мага увлажнились, – мы решили обратиться к Зеркалу Истины.

Торговец вздрогнул. О Зеркале Истины люди знали, как и о судьбе наследника, но легенда гласила, что никто и никогда еще к нему не обращался. Чтобы получить правду, нужна была жертва, и очень большая жертва. Причем добровольная.

– И сколько? – спросил Мелвин, предчувствуя страшный ответ.

– Все, кто в этом зале, – маг обвел теплым взглядом своих соратников – волшебников и советников, – кроме короля. Его величество протестовал, но мы были непреклонны. Да, капля крови каждого добровольно упала на Зеркало, и был получен ответ, однако жертва свершилась – все мы умрем, если принц превратится в Дракона. Правда должна быть подтверждена.

Принц поистине должен быть сокровищем, если ради него столько людей готовы пожертвовать собой!

– И что показало Зеркало? – сглотнул Мелвин и облизал

вдруг ставшие сухими губы.

– Сначала мы спросили, какой из наших способов верный, но зеркальная поверхность осталась гладкой. Потом мы потребовали показать выход, который бы устроил всех – но и тут ничего. Тогда кто-то в сердцах молвил: «Кто же нам поможет?», – и Зеркало...

– ...показало меня, да? – прошептал торговец.

– Да.

– Король, великий король! – вскричал Мелвин. – Это ошибка! Я всего лишь торговец, обычный человек, каких много. Я мало знаю, а еще меньше соображаю. Я бы и хотел помочь, но не понимаю, как это сделать! Надеюсь на меня, вы только теряете время. Ваше величество!

Король протянул беспомощно руку, словно просил подаяния:

– Спаси моего сына, попробуй. Зеркало не лжет.

– Нет. Я не знаю. Я глупец! Я ничего не могу сделать! – мысли торговца перескакивали с одной на другую, пытаюсь найти выход из жуткой ловушки, в которую он непонятно как угодил.

Король встал, тяжело оперся на посох, голос прозвучал твердо и решительно:

– Именем короля и всего королевства в присутствии свидетелей я обещаю торговцу Мелвину и его семье благоденствие и почет на все времена, пока будет длиться наше царствование. В случае отказа или неудачи, – небольшая пауза,

но продолжил Решеф XIV еще более уверенно, – торговец Мелвин будет казнен как предатель на центральной площади в присутствии всех жителей!

Придворные маги и советники, выдохнув, закачали головами в знак согласия с решением. Мол, пусть и печально, но иначе невозможно.

Маленький Мелвин – хрупкий, бессильный – будто подрос. В мгновение перед его мысленным взором промелькнула вся жизнь, порядочность и гордость не позволили соврать. Рыжие волосы взметнулись и сверкнули в мрачном тронном зале, словно зажженный факел.

– Тогда убей меня прямо сейчас, король! – торговец стукнул себя кулаком в грудь. – Видит Дракон, я не знаю способа, как помочь твоему сыну!

Наступила тишина – глухая, черная, как та беда, которая стала всеобщей.

Король думал долго. Наконец он снова поднялся и сказал очень тихо, словно слова, которые он произнес, могли убить. Да так оно и было.

– Я меняю свое решение. Я по-прежнему обещаю тебе благоденствие и почет, но в другом случае будешь казнен не ты. Будет казнен твой сын. Это равноценные смерти. Я ставлю жизнь твоего сына на одни весы с жизнью моего. Сделай так, чтобы мой сын – жил! – король резко повернулся и вышел из тронного зала.

Придворные охнули, но тут же склонили головы.

Мелвин упал и забился на холодном полу в судорожных рыданиях.

Дни последующие

Покои Мелвину отвели роскошные. К чему роскошь, если скоро все закончится так страшно? Первый день торговец пил беспробудно, пока советники, узнав об этом, не запретили поставлять в комнаты вино.

У дверей маячили два стражника, сопровождавшие торговца даже в нужник. Они не ограничивали его ни в чем, относились вежливо, даже с почтением, но следовали за ним везде.

Никто в замке не был на стороне Мелвина. Даже горничная, перестилавшая постель, шепнула украдкой:

– Спасите принца, пожалуйста! – И только.

Легко сказать. Родное курносое лицо пятнадцатилетнего озорника-непоседы стояло перед глазами. Невозможно, чтобы сына убили. Может быть, следует самому свести счеты с жизнью, пока не поздно? Нет. Король ясно дал понять, что приговор будет отменен только в одном случае – если принц останется человеком. А если убить наследника? Ох, это только ускорит казнь сына.

Мелвин пытался читать древние свитки, вытирая слезы, но они снова и снова лились, заливая пожелтевшие страницы.

На второй день к торговцу пришел принц. Познакомить-

ся.

Через полчаса Мелвин понял, почему придворные без раздумий согласились отдать за него жизнь. Пожалуй, сейчас торговец и сам готов был это сделать, если бы не последнее решение короля.

Вместо того чтобы искать вместе с Мелвином выход как избежать собственной смерти, принц принялся строить планы, как отменить королевскую волю. Обещал любой ценой спасти сына торговца, тайно вывезти мальчика из страны, причем в его огромных сапфировых глазах торговец читал искреннее сопереживание и горе. Казалось, принц не думал о себе вовсе, чем вызывал неподдельное уважение.

Проведя с удивительным молодым человеком целый день и влюбившись в него по уши – не как придворные дамы или служанки, а как если бы воин-мужчина любил своего умного и справедливого полководца, – Мелвин лежал на огромной кровати и уже без слез, с рвением просматривал многочисленные свитки – нынешние и древние, куда были внесены все найденные магами способы.

Вскоре он отбросил их, поняв всю бесполезность поисков. Если ответ Зеркала Истины – правда, то выход должен возникнуть в голове.

Что если смерть других наследников спасет жизнь старшего принца? Убить других детей? У короля еще три сына и две дочери. Невозможно. Ну как это – убить?

Цепи? Толстые стены? Надежные магические замки? Во

все века это пробовали – не помогало ничего. Даже в подземных тайниках в итоге обнаруживали Дракона, роющего выход на свободу.

Что если увезти принца в другую страну?! Идея!

Мелвин принялся рыскать по свиткам, но, к огорчению, нашел и этот способ – неудавшийся. Никакие дороги не выпускали принца из королевства.

Может быть, стоит находиться рядом с принцем, увидеть, что происходит, и убить самого Дракона? Но нет – и это пробовали бесчисленное количество раз. Никто не смог остановить превращения.

А если лишить принца сознания? Дать яду, к примеру, который замедляет жизненные процессы?

Или же официально заявить об отречении от престола?

Возможно, свести принца с женщиной и нарушить его девственность?

Нет, нет и нет! Все это уже пробовали. Было!

Что же еще, что?!

Маги могут изменить внешность принца и сделать его сапфировые глаза, скажем, карими? Могут. Ну и что? Дракон видит сквозь магию.

Маги вообще способны превратить принца в какой-нибудь предмет. Да. В одном из свитков рассказывалось, как на месте резной шкатулки обнаружился Дракон, тотчас проломил стены и улетел.

– О! – Мелвин вскрикнул, пораженный собственным от-

крытием. Взглянул на свитки, но ничего подобного там не нашел. Тогда он позвал на помощь мага, торопливо изложил свою идею и чуть не заплакал, когда маг уверил, что и этот способ – полное переливание крови – не помог. А Мелвин был готов отдать ее всю – без остатка.

Голова торговца ныла и ныла, мозг работал как сумасшедший, но все было бесполезно.

День предпоследний

Пришел принц. Сапфировые глаза его сияли нежным теплым светом.

Молодой человек сообщил, что поставил отцу ультиматум: если сын торговца будет убит, он прилетит уже в качестве Дракона и испепелит все королевство. Однако мальчик погибнет, а потому на границе ждут верные люди и лошади.

Мелвин еле удержался, чтобы не погладить принца по золотистым локонам. Жене и сыну не удастся обойти стражей.

Все же принц был обычным человеком, а не богом, спросил робко:

– Ничего, Мелвин?

– Ничего, – вздохнул торговец.

– Ты не переживай, ладно? Все будет хорошо, – принц осторожно прикоснулся к его плечу.

Великий Дракон, ну где справедливость?! Этот юноша еще и утешает его, Мелвина?!

– Если ничего не придумается, ты сможешь открыть зам-

ки комнаты, куда меня собираются упрятать? – спросил принц.

– Думаю, смогу, – кивнул Мелвин, зная, что замки будут не волшебными, а обычными, – но зачем?

– Если уж умирать... а... то есть перерождаться в Дракона, то на свободе. Я бы хотел запомнить мир таким, каким знаю его я.

День последний

Очень красивый молодой человек в черном бархатном камзоле и накинутом поверх белом плаще с горностаевой подбивкой стоял на последней площадке Южной башни – той, откуда уходил в небо золотой шпиль.

«Отец рассердиться, – вздохнул молодой человек. – Он думает, что триста замков, заклятых магами, надежная защита? Глупо. Слава Дракону, Мелвин нашел способ обмануть стражу и открыть засовы. Жалко только, что торговец не нашел выхода, и он – принц – не может спасти его сына. Нет, лучше не думать об этом...»

Только бы не было больно!

Мир – такой родной, любимый! Он знал, что будет видеть этот мир и после неизбежного. Уделом его станет одиночество и... небо.

На Северной башне загудел колокол: тяжело, надрывно стал отбивать время. Время рождения принца в день его совершеннолетия. Раз, два, три... восемнадцать.

Молодой человек увидел тень Дракона, вздрогнул и застыл. Вдруг словно теплые ладони закрыли его прекрасные глаза, прижались. Мир исчез.

И было больно! О, как больно! Как будто мозг пронзили раскаленной иглой золотого шпилья Южной башни. Принц закричал и потерял сознание. В это же мгновение старый Дракон с размаху ударился в башенную стену, ломая крылья.

День первый

Небо было серым, мрачным. Дождь шел уже неделю и не думал прекращаться. Туманные утра сменялись бесцветными днями, а дни переходили в свинцовую тяжесть вечерних сумерек, ночи – черные, беззвездные – опускались пустотой на землю.

Тронный зал тоже был серым, мрачным.

Принц жив! Принц не превратился в Дракона! Известие не принесло радости.

Молчал король, молчали маги и советники, пока тишину не нарушил тихий голос рыжеволосого торговца:

– Ты опустишь меня, король?

Решеф XIV обвел взглядом придворных, словно спрашивал совета.

– Ну, – промямлил один из них, – Мелвин выполнил обещание. Принц жив.

– Какой ценой, – король обхватил голову руками и закачался на троне – безмолвно, страшно.

– Ты не убьешь моего сына? – торговец робко, но настаивал на ответе.

– Убирайся! Видеть тебя не могу! – вскрикнул король и снова уронил голову на руки.

Мелвин брел по замку, сопровождаемый плевками вслед, угрозами и плачем. Душа самого торговца рыдала и корчилась от содеянного, но что он мог? Другого решения не было. Догадка вспыхнула в голове буквально в последние минуты жизни принца. Сапфировые глаза – Дракон!

Мелвин хотел зайти к принцу, но его не пустили.

Торговец брел по городу. Каждый отворачивался от него, никто не захотел подвезти до окраины. Он еще не знал, что родной дом встретит его тишиной и запиской: «Не ищи нас, лучше бы мы умерли».

Мелвин долго бродил по комнатам, осознавая пустоту, тщетно прислушиваясь к дорожным звукам, а потом, ночью уже, перекинул веревку через крепкую потолочную балку.

Король осторожно приоткрыл двери и проскользнул в комнату.

Принц не спал. Горячка уже не мучила его, но лицо все еще было бледным, осунувшимся.

Служка рядом с постелью читал какой-то манускрипт и был прогнан взмахом королевской руки.

– Папа, – сказал принц и застонал, как было все эти дни – наполненные болью и тоской.

Сдерживая бег сердца, король накрыл руку сына ладонью.

– Ничего, сынок, – странно было видеть зашитые веки, под которыми были некогда прекрасные сапфировые глаза, теперь безжалостно выжженные каленым железом. Мелвин нашел способ: не заимствуя удивительные волшебные глаза, Дракон не мог переродиться. Он и не родился – потерял силу, разбился, рассыпался миллионами потускневших безжизненных чешуек. Многовековое заклятие было снято, но какой ценой?! Слепой сын, стонущий от боли, серое небо над королевством. Долгий-долгий дождь...

– Папа, ты не наказывай Мелвина, пожалуйста, – сказал принц, сжимая пальцы короля. – Он же не виноват. У него не было выбора, понимаешь?

Король несколько минут молчал, но все же ответил, не делая паузы в словах:

– Понимаю. И не накажу. Он ушел, сынок.

– Я попробую научиться жить слепым. Наверное... я постараюсь. Кто знает, вдруг однажды наше небо снова прочертят крылья Дракона. Теперь я знаю, папа, Дракон – это все мы: каждый человек, каждый камешек, каждая травинка нашего королевства. Может быть, я найду способ спасти всех нас.

Легенда о живом городе

Сопровождаемый конвоем огромных псов, я преодолел небольшой двор придорожной гостиницы «Чёрный альбатрос» и отворил двери. Тяжёлая сырая портьера, побитая молю, мазнула по лицу, и я чихнул.

«Придорожная» – неверно. Скорее, гостиница «приводная».

Долгие странствия привели в удивительный край, где среди синей глади разбросаны тысячи островов – больших и совсем маленьких. Между ними тянулись причудливые железные мосты и деревянные мостики, но самым верным средством передвижения были всевозможные судёнышки – от торговых красавцев-кораблей до домашних вёсельных плотиков и лодчонок. На одной из таких лодок я и причалил к островку, на котором стояло несколько бревенчатых и каменных жилищ.

Климат прекрасной водной страны не подходил мне. От постоянной духоты, сырости, влажности вперемешку со сквозными ветрами я простыл: в груди саднило, нос распух, глаза резало от яркой синевы пространства, и я постоянно щурился, моргал. Боясь обзавестись назойливыми мелкими жильцами, перестал заплетать косу, – волосы постоянно мокли. Теперь лохмы болтались по спине, выгоревшие до белизны.

– Однако псы у вас, – неопределённо заметил я хозяину – дородному усачу с выдававшей военное прошлое осанкой.

– Послушные, – так же туманно буркнул он. Мол, понимаете, как хотите: то ли на самом деле послушаются – разорвут по приказу, то ли просто ласковые. Судя по хозяину – первое.

– Нет ли у вас пристанища на недельку? – спросил я, выкатив на деревянную стойку пару золотых сэндов. Островок был последний точкой поисков, и я мечтал немного отдохнуть и подлечиться. Слишком уж долго странствовал без длительных остановок, да и поразмыслить – куда идти дальше – тоже не мешало.

Усач ловко подхватил золото, кивнул:

– Ужинать будете, ма'эр? Сегодня был удачный улов, могу разогреть вам поррену под соусом.

– Непременно, а еще горячего вина, если это возможно.

– У нас возможно всё, были бы деньги, – заверил хозяин.

В комнатке я привёл себя в порядок, умылся, стараясь избежать зеркала, но оно блеснуло услужливо и отразило потускневший от болезни взгляд некогда ярких, как жёлто-золотой закат, глаз и новые морщинки времени у губ. Накинув сухую куртку с капюшоном, я вышел в общий зал, плохо освещённый свечами да огнём полыхающего очага. В полумраке качались немногочисленные тени за круглыми столиками со столешницами-спилами огромных, растущих на острове баорандов.

– Уединение, ма'эр? – немногословный бывший вояка подал серебряный сосуд с горячим питьём, пока его служка уставлял поднос тарелками с едой.

О, нет! Только не уединение! Много лет я бегу от одиночества по дорогам судьбы, но каждый раз оно настигает, где бы я ни оказался. Видимо, мысли отразились на лице беспокойной тенью, усач кивнул:

– Слушать желаете или говорить?

– Слушать.

– Тогда вам туда, ма'эр. Правда, у нашего сказочника одна сказка на все времена, но вы останетесь довольны.

Он провёл меня в тёплый угол, к очагу, усадил напротив небрежно развалившегося в полукресле мужчины и, более не говоря ни слова, скрылся.

– Вижу, вы издалека? – приветствовал незнакомец мою скромную персону. Не называя имени, он протянул руку через стол.

Ну что же, своё имя я давно забыл и уж точно не вспомню ради очередного встречного.

Я пожал горячую ладонь, удобно устроился за столиком, предложив будущему рассказчику бокал вина.

Мужчина сидел спиной к очагу, отчего я не мог толком разглядеть лица. Видел лишь, что он в самом расцвете лет, сильные плечи и мозолистые ладони выдавали человека, немало воевавшего или много трудившегося, волосы коротко острижены, но длинная чёлка закрывала лоб и падала на

глаза.

Мало-помалу терпкое и крепкое вино развязало языки, мы разговорились, и очень скоро я смог осведомиться о той сказке, которую посулил хозяин гостиницы.

Собеседник взъерошил волосы, усмехнулся:

– Сказка, говорите? – хмыкнул он. – Нет уж, ма'эр, можете назвать это сказкой или легендой, но то, что я вам поведаю, – истинная правда.

Мне нравился этот человек, нравилась его манера держаться – простая, безыскусная, но свободная, нравился осязаемый внутренний стержень. Я сразу понял, что жизнь нового знакомого не была сладкой и преподносила немало неприятностей, нравился говор, в котором, словно камешки в водопаде, рокотал звук «р», но всё же пожал плечами, сомневаясь.

– Не верите? – мужчина откинулся на спинку кресла. – А если я вам скажу, что сам был очевидцем? И у меня есть доказательства.

Я кивнул, и он начал с вопроса:

– Знаете ли вы о страшной войне, что произошла между Краем Среднелесья и Окоёмом Великой Пустоши пятнадцать лет тому назад?

Я снова кивнул.

– Мне тогда было семнадцать, родителей и всех родственников вырезали в ночь последней битвы. Я чудом спасся. Истекающий кровью, смертельно раненый ядовитой стрелой

отец подсадил меня на коня, шепнул в лошадиное ухо, стегнул по крупу, и конь понёсся прочь из города в сторону пустыни, где только и можно было схорониться от орды тёмных воинов Среднелесья. Простите, что холодно говорю о случившемся, но вспоминать подробности – трудно и больно, да и не об этом история.

Вот так начался рассказ, который изменил мою жизнь... или... закончил её.

***

Обученный конь нёс меня по ночной дороге в сторону Великой Пустоши. Вскоре стихли предсмертные вопли жителей Окоёма и радостные – врага.

Я вытер слёзы и обернулся, чтобы попрощаться, как подобает мужчине – с жадной мести в сердце и достойными словами на языке. Небо над городом пылало заревом пожара, на этом страшном фоне метались огромные чёрные тени, клубы серого дыма с запахом горячей плоти настигали меня.

Вот тут шальная стрела с чужим перьём и попала в левую руку, в плечо. Сила её уже ослабла, но всё же наконечник вошел полностью, и я поспешно схватился за древко и выдернул стрелу, зная, что, как правило, копьёцо смазано ядом. Хлынула кровь, унося отраву, в голове помутилось, и, склонившись к шее коня, вцепившись в гриву, я погрузился в забвение.

Когда очнулся, солнце палило нещадно, конь устало ша-

гал, утопая копытами в песке.

Кажется, мы заблудились. Со всех сторон тянулись цепи дюн, сливающиеся на горизонте с ослепительно-синим, без единого облака, небом. Кое-где в изгибах закрепилась чахлая растительность – там песок спрессовался и потрескался, очевидно, далеко в глубине была вода.

На одной из таких унылых площадок мы и сделали привал.

Вспомнив про седельную сумку, я облизнул пересохшие губы. В ней обнаружилась фляга, до краёв наполненная тёплой водой, чёрствая коврига и кусок твёрдого сыра, огниво, нож, лечебная мазь, кусок белого полотна и свежая рубаха – обычный запас охотников и воинов, который никогда не забывали обновлять, особенно, в последнее время.

Варвар – так звали любимого отцовского коня, отдышавшись, собирал с песка то ли траву, то ли мох. Я влил ему в глотку немного воды и, тоже отпив чуток из фляги, занялся собой: намазал начавшую гноиться рану, кое-как перевязал полотняной полоской. Из остатков ткани соорудил что-то типа тюрбана, натянул отцовскую рубашку, а своей – запачканной кровью – укрыл голову и шею Варвара, чтобы хоть немного защитить от солнца.

Мы двинулись дальше, не выбирая специально направления, но всё же ориентируясь на островки растительности. Я шёл рядом с Варваром, взбираясь на него, когда совсем уж становилось невмоготу, или когда на горизонте возникали,

туманя мозг, миражи роскошных пальм и фонтанов. Великую Пустошь ещё никто не пересекал, никто не знал, что за нею, ходили слухи, что там край земли, конец мира. Я в эти легенды не верил, но от моего неверия ничего не зависело.

Всё чаще мы останавливались в древних руслах давным-давно высохших рек, отдыхали немного и снова шли. Ночью было легче. Вокруг стояла непроглядная тьма, которую не разгоняла повисшая в небе луна, воздух становился прохладнее.

Я уже забыл, когда исчезли хлеб и сыр, а вода... Как я ни экономил её, вскоре она заплескалась на дне фляги.

Этой ночью мы брели без единого глотка живительной влаги. Варвар всхрапывал, еле вытаскивая копыта из песка, я шатался, цепляясь за гриву, рана на плече открылась, пропитав повязку кровью и гноем.

Кажется, мы не прошли и мили, но утро открыло страшную картину: растительность исчезла, дюны сменились барханами, которые становились все выше и выше, слышно было, как с крутых боков осыпается песок, нанесённый ветрами. «Только бы не песчаная буря!» – мысль мелькнула и пропала, сменившись равнодушием и апатией.

Смочив пересохшие рты, мы еще полдня перебирались через барханы там, где это было возможно, как вдруг Варвар подогнул ноги и лёг на горячий песок, вытянул морду.

«Ну что же ты, родной? Вставай...» – шептал я, напрасно трогая поводья, конь не поднялся. Бока его ходили ходуном,

прекрасные глаза заволокла предсмертная дымка. Оставшаяся вода ничем не помогла Варвару, ночь принесла долгожданную прохладу, но поздно. Конь мучился от удушья, судорога морщинила некогда гладкую, а теперь отвисшую кожу, и я решился...

Не помню уже как, я перерезал Варвару горло, и мой спаситель и друг успокоился навеки.

Напившись тёплой крови и тут же исторгнув её из сжавшегося желудка, я побежал прочь, вскоре упал, но пополз, отчаянно цепляясь за жизнь, которая оставляла уже и меня. Прости, отец... твоему сыну не удастся отомстить...

Я лёг на спину, раскинул руки. Неизбежность огромным диском луны глянула в лицо, и я смежил ресницы, погружаясь в последний сон, в котором почему-то вместо родных лиц возникли пышная зелень деревьев, бьющие струи фонтанов и мороженое с матушкиного ледника.

Судьбе было угодно, чтобы я очнулся, когда солнце начало жечь веки.

Я перевернулся, вскрикнув от боли в руке, открыл глаза: всё те же барханы, но впереди, совсем недалеко, переливался очередной мираж – город, который снился. Вид призрака придал силы, сжав зубы, я пополз в его направлении.

Странное дело, мираж не отдалялся, а приближался, различались кроны за невысокой песчаной стеной, ворота. Разве так бывает? Я не знал ничего об этом явлении, полз и полз,

пока не упёрся в песчаную кладку и не понял, что она настоящая. Испытал ли тогда радость? Не помню. Навалившись на ворота всем телом, я распахнул их и свалился на вымощенную камнем мостовую.

Город был пуст, от ворот тянулась единственная, наверное, улица, дома, построенные из камня и песка, зияли тёмными провалами окон. Далеко я не видел: дорогу взору преграждал фонтан, точно такой, какой был во сне – посреди круглой чаши на задних лапах стоял дракон, вот только никаких струй из пасти. С трудом я подполз к фонтану, перегнулся через бортик.

Чудо, на дне была вода! Зеленоватая и затхлая, но вода! Ноги дрожали, когда я плюхнулся в чашу, пил, захлёбываясь, давясь, отдышал и снова пил, не в силах остановиться. Мир поплыл перед глазами, я схватился за бортик, уронил голову и потерял сознание.

Пробуждение на сей раз было приятным. Я лежал в тёмной комнате, на кровати, ощущая всем телом чистоту и свежесть простыни. Кто-то меня раздел и, очевидно, вымыл. Пощупав руку, я обнаружил, что она заново перевязана. Блаженство охватило с ног до головы, и я даже не задумался, чем расплачусь за него.

Кто-то снаружи поднял ставни, осветив комнатку, очень похожую простым убранством на спальню моей матери. Дверь скрипнула, вошла женщина, поставила у кровати под-

нос на низенький столик, и я сразу же захотел есть, уловив вкусные запахи.

Она взглянула, удивив необычным ярко-жёлтым цветом глаз.

– Вы пришли в себя! Это хорошо, а мы уже думали – не выживете.

Губы, покрытые сухой коркой, словно разучились говорить, но все же я вымолвил:

– Где?..

– У друзей, – сказала женщина, – не волнуйтесь ни о чём. Сначала вам нужно набраться сил.

Милая хозяйюшка целый день ухаживала за мной добросовестно, но, как только дело дошло до горшка, я смутился. «Хоть бы мужчина какой зашёл, – подумал, – а ещё лучше парень, ровесник».

Женщина вышла, и, словно услышав мысли, в комнату влетел юноша примерно моих лет – стройный, гибкий, длинные песочные волосы заплетены в косу, переброшенную на грудь, глаза цвета старой сосновой живицы.

– А я тебе мороженого принёс, – просто сказал он, озорная улыбка осветила его лицо.

Через несколько минут мы уже говорили обо всём на свете, как будто знали друг друга с детства. Необъяснимое понимание, что перед ним можно быть самим собой, охватило до такой степени, что я не скрыл слёз, когда рассказывал о нашествии тёмных воинов и гибели родных.

– Что это? – парень наклонился, провёл пальцем по моей щеке. – Вода... Вода сердца. Я не знал о такой. Как твоё имя?

– Денг из рода Вакарине, а твоё?

Он замешкался, нахмурился, словно припоминал что-то, совсем не относящееся к имени, сказал наконец:

– Мэйо. Просто – Мэй.

Я думал, что уже никогда не буду смеяться – спокойно, безмятежно, но это случилось.

Рана на плече поджила, вернулись силы. Опасаясь ещё бродить под палящим солнцем, я сидел на лавочку в тень широкого навеса у дома, смотрел на город.

Дом стоял на той самой площади с фонтаном, который теперь ожил, раскидывал весёлые звенящие струи прохладной воды и окатывал брызгами с головы до ног.

Наверное, раньше больному сознанию показалось, что город пуст, он был полон людьми – светловолосыми, с глазами жёлтого цвета самых разных оттенков – от слабого песочного, как солнце за облаками, до густого янтарного или земляного. Иногда казалось, что жители города прозрачные – такими тонкими, сухопарыми они были. И женщины, и мужчины, и дети одевались одинаково – в белые безрукавные туники, завязанные на плечах и схваченные на поясах верёвками.

Каждый день приходил Мэй, и мы весело болтали, не будоража уже страшные воспоминания.

Я рассказывал о детстве, он – о городе, снабжая истории такими меткими замечаниями, что я смеялся искренне, от души. Удивительно, его город был похож на мой – прежний. И когда я решился на длительные прогулки, они подарили ощущение узнавания, словно вернулось прошлое и где-то здесь живёт моя семья.

Мы облазили все окрестности. Как мальчишки, пробирались в сады за яблоками или на ледники за мороженым; исследовали песчаные гроты в маленьких пальмовых рощах; охотились на съедобных крыс; глазели в лавчонках; на вечерних посиделках обнимали девушек; помогали Матушке по хозяйству; чинили луки и арбалеты в оружейной – всегда вместе, не расставаясь ни на час. Когда я вспомнил о зверинце, Мэй тут же показал городской – не большой, но очень неплохо устроенный, где самым главным был ручной слон. Я рассказывал о мельнице, и мы шли на край города, чтобы посмотреть, как используют здесь для помола пустынный ветер...

Это сейчас я понимаю, почему так было, а тогда даже не задавался вопросом – откуда в Великой Пустоши город? Что это за страна? Что за оазис посреди пустыни? Почему люди похожи друг на друга?

Не знаю, сколько я прожил в городе, может, месяц, а может, и год. Боль потери и мысли о мести притупились, остались лишь ноющей занозой. Я прикипел всей душой к приветливым горожанам, к спокойной размеренной жизни, а бо-

лее всего – к Мэю, который стал не только другом – родным человеком, заменившим погибших братьев. Сжималось сердце, когда я думал о возможной разлуке с ним, хотя был уверен, что Мэй последует за мной, куда бы я ни направился.

Мы и выглядели, как братья. Мои скулы обострились, как у него, некогда тёмно-медные волосы выгорели до желтизны и отросли, и я заплетал их в косу. Ресницы тоже посветлели, лишь цвет глаз – синий – не могло изменить никакое солнце.

Сестра Мэя, близняшка, пришлась мне по сердцу. Не часто она приходила с далёкой окраины города, но всё же мы подружились, и однажды я прикоснулся к её губам своими. С тех пор она иногда оставалась на ночь, и долгожданная прохлада растворялась в жарких объятиях.

Я окончательно решил остаться, понимая, что на месте моей маленькой страны найду лишь выжженную землю. Так оно потом и оказалось.

Но все заканчивается... рано или поздно.

Однажды я проснулся до утра. Присутствие спящей рядом Мэйи, укутавшейся в простыни, – жительница пустыни не переносила холода, – обожгло радостью. Обычно она уходила до моего пробуждения. Глядя её волосы, раскинувшиеся по подушке, и тихонько трогая улыбающиеся во сне, чуть припухшие губы, я вспоминал ночь: тонкие пальцы, касающиеся кожи, то ласкающие, то царапающие, дразнящие; дыхание на двоих в плену глубокого поцелуя, когда в голо-

ве не остается ни одной мысли – лишь дымное марево любви; твёрдые острые соски под моей ладонью и трепет сердец – рядом. Я знал – Мэйя станет моей женой. Мы проживем долгую счастливую жизнь в окружении наших детей. Вспыхнувшее желание заставило припасть к её губам теперь уже не осторожно, а властно, требовательно...

Между ночью и днем в Великой Пустоши нет даже минутного промежутка. Луна исчезает, а на её место, словно стражник при смене караула, стремительно взлетает солнце.

Когда я оторвался от ответивших страстно губ, золотые лучи проникли сквозь щели ставень и залили комнату, отразились искрами в янтарных, уже не сонных глазах.

Это была не Мэйя, это был Мэй.

– Где Мэйя? Что ты здесь делаешь?! – процедил я, не найдя других слов, вскочил с кровати, натянул одежду, скрывающую ещё не прошедшее возбуждение.

Он недоумённо сдвинул брови, будто не понял вопроса, приподнялся на локтях:

– Я всегда тут был.

– Всегда? Что это значит? – я попятился к двери, и Мэй заметил это движение.

– Подожди, Денг! Это же я, Мэй, всё вокруг – Мэйя, Ма-тушка, лавочник и оружейник, даже слон в зоопарке – это я. Какая разница...

Я слушал и не слышал Мэя, слова не укладывались в голове, рассудок отказывался понять происходящее.

– Я думал, ты давно всё понял. Здесь нет никого, кроме тебя и меня.

Этого я уже не мог вынести. В безумстве выбежав из комнаты, бросился в кухню, к Матушке, но её не было, на площади перед домом тоже ни одного человека. Где же все? Где?

– Где? – крикнул уже Мэю, который выскочил следом, не одевшись. – Ты убил их? Всех? – я ударил его в грудь, и он упал, ударился о мостовую, камень под его руками рассыпался, превратившись в обычный песок.

– Денг, – прошептал он, – я же твой друг, Денг, я всё делал только для тебя, всё, что хотел ты. У меня никогда не было друга. Никогда. У городов не бывает друзей, Денг, но ты есть. Я же ничто без тебя, я люблю тебя...

Его шёпот – сухой, прерывистый – был невыносим.

Я ринулся к воротам, распахнул створы. Расплавленные солнцем бока бесконечных барханов на мгновение ослепили, но я сделал шаг вперёд, в пустыню... и ещё один... и ещё...

– Нет! Денг, не уходи. Денг!

Кажется, он плакал. Я обернулся и не узнал города.

Мэй брёл за мной, увязая в песке. За его спиной рушились, оседали все теми же барханами дома, лавочки, деревья, возникли на секунду и тут же растаяли в жёлтом дыме Матушка и Мэйя, оружейник и мельник, лишаясь рук, ног, смешиваясь с песчаной пылью бывшего фонтана, затрубил слон и рассыпался зёрнами блестящего кварца.

Да. Он плакал. Если это можно так назвать. Песок сыпался

из глаз Мэя, будто слёзы, но он не был человеком, а песок – настоящими живыми слезами.

– Вернись, Денг, я же хотел как лучше. Только для тебя! Я всё сделаю, что ты скажешь! Я весь мир подарю тебе, – голос Мэя звенел и таял, догонял меня, как когда-то вражеская стрела.

– Ты обманул меня! Ты лжец! – я побежал по твёрдому песку что есть мочи.

Наверное, можно было вернуться и выяснить всё до конца. Но тогда в моём сердце ожили другие картины: разрушенного родного города, мёртвых и умирающих любимых людей. И на то, как Живой Город теперь убивал снова все, что стало по-настоящему дорогим – на это я смотреть не мог.

Издали уже я обернулся ещё раз – последний.

Ничего не было, только барханы... и Мэй. Занесенный до пояса песком, он кричал, но слов я не слышал, увидел лишь, как поднялась его рука и словно сломалась, осыпалась.

***

Я не знаю, как выжил, ма'эр, наверное, вечерняя звезда моего рода осветила дорогу судьбы. И не помню, как выбрался, как оказался в незнакомых краях за Великой Пустошью. Там не было конца мира – там начинался новый мир.

Позже мне удалось побывать на родине. Обогнув Пустошь с наёмным караваном, я увидел пустую выгоревшую растрес-

кавшуюся землю, поглощаемую песками, на которой не было ни росточка. В Среднелесье тоже. По непонятной причине исчезли и враги.

Я вернулся, но именно здесь был теперь край мира...

Мы надолго замолчали. Уютно потрескивали поленья в очаге, вино по-прежнему оставалось тёплым, но в сердце уже впиалась ледяная игла отчаяния. Наконец я вымолвил:

– Денг, вы сказали, что у вас есть доказательства?

– Я преувеличил немного, но рассказал правду. Вы, ма'эр, тотчас поймёте, что такие вещицы наши мастера не делают, – он протянул маленький гребень, сияющий всеми оттенками спрессованного кварца.

Я не взял, только кивнул согласно.

– Вы любили Мэя?

– Любил, – не задумываясь, ответил Денг. – Но я был молод и не понимал тогда, что его дружба спасла меня. Мы ведь стали родными. Братьями не по крови, а по судьбе.

– Но вы не искали его. Почему?

Вот тут человек по имени Денг замешкался, помолчал немного, упёршись локтем в столешницу, положил ладонь на лоб.

– Зачем, ма'эр? – глухо сказал он. – Я до сих пор не знаю – что он такое. Мужчина или женщина, мираж моего рассудка или слепок моей души, жизнь или небытие, фантазия или реальность. Живой город, созданный для меня и разрушен-

ный моей глупой волей.

– Но...

– Даже если бы я не видел, как Мэй исчез в песке, – перебил он, – всё равно бы не искал его.

– Почему же? – повторил я.

– Потому что однажды я уже возвращался домой и смог лишь поцеловать выгоревшую землю, наполненную пеплом родных людей. Пусть уж второй дом останется хотя бы в воспоминаниях.

Я встал, зашел ему за спину, положил руку на плечо.

Денг обернулся, и при свете очага я увидел синие глаза.

Несколько долгих секунд мы смотрели друг на друга: я – понимающе, он же – приняв это понимание за сочувствие постороннего человека.

Отодвинув тяжелую пыльную портьеру, я вышел на крыльцо, глотнул прохладный воздух ночи. Легкий бриз уносил в сторону воды запахи рыбы и стряпни. Залаяли и смолкли псы, отдохавшие на берегу после жаркого дня, вытянув лапы на мокром песке.

Вернуться или уйти?

Исчезнуть или остаться?

Закончена жизнь или нет?

Единственный человек, которому я когда-то поведал о себе, доверился, Денг не узнал меня сейчас.

Я искал его, с каждым шагом от пустыни гася искры соб-

ственной жизни.

Денг никогда не искал меня. Он возвращался на родину, но не понял, что это я уничтожил его врагов.

Он никогда не поверит, что я – живой.

Денг рассказывает легенду обо мне каждому встречному.

Что-то произошло с глазами. Я провёл пальцами по щеке, ощутив влагу.

Слёзы сердца... так вот что они такое...

Татьяна Виноградова

Биолог по образованию. Закончила Московский Университет, работала в Главном ботаническом саду РАН, защитила диссертацию, позже перешла работать в школу. Писать начала после окончания ВУЗа, но потом надолго отошла от этого увлечения и вернулась к нему лишь сравнительно недавно. Кроме художественных текстов, пишет научно-популярную литературу. Принимала участие в написании книги для детей «Алиса в стране наук» (Д. Баяк, Т. Виноградова, К. Кноп, издательство МИФ, 2017 г.)

Профиль на Сinem сайте: <https://ficwriter.info/moj-profil/userprofile/1356.html>

Форель по-бадвардски

«Ар-р! О, Великий Волк!»

Аррых отвернулся, всем видом показывая, что спорить больше не намерен. Он трусил рядом, брезгливо поджимая лапы и сморщив нос так, что белые клыки длиной никак не меньше пальца влажно поблёскивали в лунном свете.

Аррых не любил город. Слишком много запахов. Слишком много людей. И самое главное: всё время, проведённое в городе, он будет выглядеть как собака. Собака! Бело-чёрная, лохматая! И в ошейнике. Как он ни возмущался, Таррин была непреклонна и скрыла истинный облик своего спутника с помощью простенькой иллюзии.

Эльфийка Таррин коротко вздохнула. Все доводы она уже высказала, к тому же приноравливаться к вроде бы неспешной рысце варга было совсем не так просто, как казалось со стороны.

Да и вообще, спорить о том, заходить ли в город, когда уже идёшь по предместью, как-то глупо.

– Это ненадолго, – всё же сказала она. Аррых промолчал, то есть – не послал в ответ никакой мысли. Варги не могли говорить на языке эльфов или людей, что с лихвой возмещалось их способностью к мысленной речи.

Широкая дорога пологим зигзагом поднималась в гору. По обе её стороны тянулись сады. Ветви яблонь и черешен

перевешивались через шершавые сланцевые стены, и на шелестящих листьях, почти чёрных в полумраке, плясали лунные блики. Кое-где между деревьями проглядывали строения, сложенные из того же грубо обработанного сланца. Впереди, там, где склон огромного холма становился круче, дома сдвигались теснее, а ещё выше холм венчала зубчатая стена внутреннего города.

– Ворота наверняка уже закрыты, – произнесла эльфийка. – Мы заночуем там же, где в прошлый раз, а в город войдём на рассвете.

Варг затормозил так резко, что Таррин сделала не меньше двух шагов, прежде чем остановилась и обернулась.

– Что...

«Слушай!»

Где-то вверху коротко взвыла и зашлась лаем собака. За ней другая, третья... ближе и ближе. Шерсть варга вздыбилась, и одновременно Таррин уловила нечто, от чего по коже пробежал озноб.

Топот ног, тонкий свист крыльев, и крик – такой высокий, что услышать его почти не удавалось, получалось лишь ощутить, как звук ввинчивается в кости.

Таррин завела руку за спину, и пальцы сами нашли стрелу с тремя зарубками.

Вопль, взметнувшийся к тёмному небу и оборвавшийся через два удара сердца, заставил эльфийку сорваться с места. Аррых нёсся рядом.

Захлопали крылья, высокий клич сменился скрипучим, клекочущим хохотом. Жертва неизвестной твари снова закричала, захлебнувшись потоком невнятных, жалобных звуков. Дорога повернула, и Тар наконец увидела.

Над чем-то, казавшимся стонущей кучей тряпья, взлетал и падал сгусток крошечной тьмы, яростно вскрикивая при каждом ударе. Мелькали, высвечиваясь серебром, то острый клюв на звериной морде, то лапы с серповидными когтями. Со стороны городских стен приближался свист ещё одной пары крыльев.

Таррин, не раздумывая, оттянула тетиву и выстрелила. И второй раз – на звук, развернувшись к невидимой цели.

Две яркие вспышки почти слились. От двух хлопков – словно ударились друг о друга огромные ладони – заложило уши. Сверху валились хлопья жирной сажи. Аррых вытянул морду, принюхался и чихнул.

«Чем это ты их?»

– Солнечными стрелами, – Тар наклонилась над трясущимся, словно в припадке, человеком. Где-то хлопнул ставень, раздались голоса. – Пока от этих помощи дождёшься, дюжину раз умрёшь.

«Ничего, сейчас набегут».

– Вот и хорошо. Сдадим с рук на руки. Незачем нам вмешиваться в людские дела.

Человек приподнялся. Таррин видела узкое, белое от страха лицо, не очень чистое, с близко посаженными тёмны-

ми глазами.

– Д-добрая госпожа... Не... Не стоит, – человек прикусил губу, чтобы удержать прыгающий подбородок, и всхлипнул. – Мне н-надо идти.

– Повернись, – мягко попросила девушка, ощупывая повреждения. Раны были не опасны, но их было много, и они обильно кровоточили. – Если я не остановлю кровь, ты обесилеешь. И боль я сейчас сниму.

Незнакомец затих и не противился, когда Таррин начала снимать с его спины окровавленные лохмотья, в которые превратились куртка и рубашка. Только крепче сжал висевший на шее футляр. Таррин он не мешал.

«Это называется “не вмешиваться в людские дела”?»

– Ну не могу же я просто уйти.

– Спасибо... спасибо, добрая госпожа! – должно быть, человек решил, что Таррин разговаривает с ним. – Мне уже лучше. Н-не... не стоит тратить на меня силы и время вы... высокородной.

Кажется, когда-то он получил достойное воспитание, но растерял манеры из-за потрясения, а теперь постепенно успокаивался.

На место происшествия между тем никто не торопился. Вечерний воздух пах свежестью, голоса смолкли, даже собаки затихли. В саду за стеной застрекотали цикады.

– Мне не хватает света, – Таррин нахмурилась. – Послушай, тебе обязательно надо обработать раны как следу-

ет. Здесь неподалёку есть постоянный двор, где мы... где я рассчитывала остановиться. Там найдётся и горячая вода, и ткань для перевязки.

– Я бесконечно благодарен, высокородная госпожа, – на этот раз спасённому незнакомцу даже удалось обозначить поклон, – но уверяю, мне намного лучше. Неподалёку живут мои друзья, они окажут требуемую помощь.

Голос незнакомца сорвался, он нервно облизнул губы. Запах крови от его одежды не мог перешибить запаха страха.

«Он говорит одно, а думает другое, – Аррых подтвердил сомнения Таррин. – Пусть идёт. Что-то тут не то, и это «не то» – не наше дело».

– Хорошо, – Таррин отстранилась и выпрямилась. – Если ты уверен, я не буду настаивать.

Она встала, касаясь неровной стены пальцами, и подобрала заплечный мешок, который сбросила перед тем, как стрелять. Незнакомец тоже поднялся, неуклюже поклонился и заковылял прочь.

– Пойдём, – теперь, когда её не видел посторонний, Таррин позволила себе опереться о холку варга: лечение вытянуло силы.

«Опять переусердствовала? Давай дойдём до того трактира, а потом я кое-куда сбегаяю. Как-то мне беспокойно».

***

Таррин потянулась. Во дворе раздавались голоса, лязгнула сбруя, всхрапнул и переступил ногами конь. Даже в полу-

дрёме эльфийка ощущала, что утро уже не раннее, но тело не желало просыпаться. Вчерашние события вспоминались словно сквозь дымку.

«Ты не спишь».

Тар перекатилась на бок и приоткрыла глаза. Вчера, оставив девушку отдыхать в комнате над знакомым трактиром, варг перемахнул через подоконник и скрылся, а вернулся так тихо, что она не проснулась. Никакой опасности девушка не ощущала. И всё равно – в чужом месте не следовало быть такой беспечной.

Аррых – серебристо-серый, громоздкий – вытянулся во всю длину поперёк комнаты. Лобастая голова покоилась на мощных лапах, заканчивающихся чёрными когтями. Глаза цвета тёмного янтаря были полуприкрыты, но Тар не обманывала кажущаяся расслабленность.

«Уоу! Вставай скорее. Купим то, что тебе хотелось – и прочь отсюда!»

– Ладно-ладно. Ох... И давно ты выглядишь, как варг? Сейчас...

Таррин села и потёрла лицо ладонями. Восстановление иллюзии требовало усилия и внимания. Покончив, девушка потянула к себе колчан и пробежала пальцами по хвостовикам стрел. Конечно, ни одной солнечной там не осталось – две вчерашние были последними.

– Теперь запас пополним только дома, – с досадой признала она. Секрет изготовления солнечных стрел не был ве-

дом людям, да и из эльфийских мастеров не каждый за это брался.

«Если поторопимся – это будет уже сегодня. Ты думаешь, они нам понадобятся до вечера?»

– Надеюсь, что нет, – Тар фыркнула, встала и начала собираться. – Не каждый день на тебя падают сверху непонятные твари.

Чтобы попасть на улицу, следовало сойти в зал и пройти его насквозь. Вытертые ступени отзывались скрипом на каждый шаг. Когда Таррин спустилась до середины, стоявший за конторкой трактирщик поднял голову от толстой тетради. Был он плотный, широколицый, с носом, теряющимся между полных щёк.

– Уже съезжаешь, сударыня эльфийка?

Тар не разобралась, чего было больше в его голосе – облегчения от того, что крупный пёс, сопровождавший девушку, перестанет распугивать посетителей, или сожаления, вызванного тем, что вместе с постоялицей его дом покинет и приятно позвякивающий на её поясе кошель.

Выйдя на улицу, девушка свернула в сторону городских стен и вскоре присоединилась к толпе, медленно вливавшейся во внутренний город через широкие, окованные полосами меди ворота.

«Смотри!»

Варг подёргал эльфийку за рукав. Неподалёку от ворот стояла старуха. Волосы её были такими же серыми, как шаль,

концы которой она перебирала пальцами.

Другой рукой женщина опиралась на высокий дощатый ящик, поставленный на колёса. На его крышке было разложено то самое, ради чего Таррин сделала крюк по дороге домой – серебристые крупные рыбины в сплетённой из соломы обвязке. Знаменитая форель по-бадвардски. Дома такой не делали. Эльфы предпочитали запекать рыбу и сохранять магией, не опускаясь до извергающих дым коптилен в своих лесах. Возможно, это и было правильно, но запах от людской стряпни шёл умопомрачительный.

Видимо, старая женщина не захотела платить за рыночное место, и не прогадала – время от времени то один, то другой путник подходил к торговке, отдавал пару медных монеток и уносил кусок рыбы на круглой лепёшке. Варг склонил голову набок и вывесил язык.

«То самое! Бери сколько надо, и уходим!»

– Нет-нет-нет. Разве ты не знаешь: у людей так не принято. Надо походить по рынку, сравнить, выбрать...

«Таррин – Ревнительница Традиций?» – варг чихнул и потёр нос лапой.

– Не смейся! Первая рыба лучшей не бывает.

За воротами дома стояли ещё теснее. Оголовки печных труб хвалились друг перед другом узорчатой кладкой, водостоки украшали каменные головы с разинутыми ртами, змеи или тритоны. Грубые поделки, – думала эльфийка, – и всё же нарядные.

Наконец стены раздались в стороны, и открылась площадь. Ближняя её часть была занята городским рынком, дальняя же представляла собой пустое пространство перед Ратушей, вымощенное всё той же сланцевой плиткой.

Таррин легко нашла рыбные ряды. Живая, вяленая, солёная, маринованная, копчёная на ольховых, вишнёвых, кленовых, яблоневых углях; рыба всех пород, простецкая рыбёшка к пиву и сочащиеся жиром, молочно-светящиеся ломти, какие не стыдно подать и на королевский стол – глаза разбегались, обоняние ловило то терпкие, то изысканные ароматы, руки сами тянулись взять кусочек, заботливо подносимый торговцем.

Девушка медленно продвигалась от одного прилавка к другому. Она отведала форель уже в трёх местах и как раз направлялась к четвёртому, как вдруг её внимание привлекло слово, не имеющее никакой связи с рыбой.

«...варги. Точно тебе говорю! Кому ещё, кроме этой погани? Раны такие, словно с него мясо ломтями резали».

Таррин резко развернулась, но толпа уже отёрла говорившего.

– Аррых, ты слышал?

Низкое клокотание, вырвавшееся из глотки варга, заставило шарахнуться проходившего рядом разносчика фруктовой воды.

Теперь Таррин ясно ощущала скрытую враждебность то одного, то другого, лёгкое напряжение, страх, ловила взгля-

ды, пробежавшие по ней и её спутнику и тут же гаснущие в напускном безразличии.

«Остроухая!»

Таррин снова повернулась – и тут же рванула с плеча лук. Толпа подалась в стороны, взвизгнула женщина.

Тар отчаянно зашарила пальцами за спиной, похолодела, вспомнив, что ни одной солнечной стрелы не осталось, и с острой тоской понимая, что не успевает.

На башенке, украшавшей ратушу, на фоне сизого неба чётко вырисовывался острый профиль твари из ночного кошмара – с львиными лапами, хищно загнутым клювом и сложенными на спине крыльями.

А через мгновение раздался хохот.

Гулко ухал краснолицый торговец за прилавком. Заходил-ся в смехе разносчик, опустив на землю корзину с глиняными сосудами. Скалили зубы и кривлялись мальчишки. Хихикала, прикрываясь кокетливым платком, служанка.

– Ох, сударыня, – произнёс торговец. – Да ты, никак, наших химер за живых приняла? Хороши, правда?

– У нас рассказывают, – подала голос служанка, – что они когда-то и были живыми. Святой Элмарт – основатель Бадварда зачаровал их и посадил на стены, чтобы стерегли город.

– Ну, это, положим, сказки, – торговец почесал в затылке. – А только прежние мастера – не чета нынешним рукожопам, и работали на совесть. Ну и лицо у тебя было, суда-

рыня эльфийка! О-ох! – и он снова захохотал. Таррин, всё ещё смущённая, едва нашла силы поблагодарить весельчаков, прежде чем двинуться дальше.

– Великий Свет, мне ведь, правда, показалось...

«Но она и в самом деле точно такая, как вчерашние, – рассудительно отозвался варг. – Ты не хочешь рассмотреть поближе?»

Вблизи было видно, что статуя очень стара: камень выветрился, и Таррин с её острым эльфийским зрением различала даже тонкие трещины, разбегавшиеся от короткой уродливой лапы – словно кто-то когда-то метнул туда булыжник.

– И правда, химера. Когда-то они жили в этих краях, но даже мой отец уже их не застал. Они враждовали со всеми – с эльфами, людьми, варгами... Со временем их становилось всё меньше и меньше. Говорят, небольшая стая долго доживала дни в южных горах, но потом и они исчезли. Этим статуям, должно быть, немало лет.

Приятель двинулся в обход ратуши, то и дело поглядывая наверх. Вдоль свинцового жёлоба на приземистых кубических основаниях обнаружили сёстры первой статуи. Каждое изваяние чем-то отличалось от других – хвосты, лапы, морды, клювы словно были надёрганы из разных наборов и слеплены друг с другом наобум.

«А здесь одной не хватает».

– Неудивительно. Удивительно, что они вообще сохранились. Смотри, вон там тоже пустое место.

Они обошли ратушу и обнаружили, что и с задней стороны здания не хватает нескольких фигур.

«И всё же эти две исчезли недавно».

Теперь Таррин тоже видела: края двух кубов светлели свежими сколами, словно изваяния убрали оттуда только вчера.

Она пожала плечами:

– Это совпадение.

«Не думаю».

– В любом случае, мы должны сообщить о том, что видели вчера, кригсхеру Бадварда, – задумчиво признала девушка. – Ты видишь, эти люди чем-то напуганы и готовы свалить вину на...

«На привычного врага, – подсказал варг. – Не вмешиваемся в людские дела?»

***

Стражник, мающийся в полной броне у дверей, сообщил, что его милость изволит отсутствовать, когда будет обратно – неизвестно, где его искать – «а вот это, сударыня эльфийка, не моего ума дело». Звучало это как «и не твоего тоже», но Таррин не успела пустить в ход властность эльфийской Высокородной – воин внезапно подобрался. Девушка проследила за его взглядом.

К ратуше стремительными шагами приближался мужчина, одетый в неброский зелёный камзол. Невысокий, светловолосый и тонкокостный, он ничем не выделялся из толпы. Его движения были лёгкими и экономными, одежда –

не стесняющей движений. Мужчина подошёл ближе и остановился, вскинув голову и глядя на Таррин внимательно, с лёгким прищуром: смотреть ему приходилось против света.

Двое спутников светловолосого – старик в широкой хламиде неопределённого цвета и плотный человек средних лет с лукавыми глазами и круглым добродушным лицом – несколько запыхавшись, подошли следом и тоже остановились. Аррых вытянул морду и приняхался.

– Приветствую тебя, Таррин, дочь Дарондила, – произнёс светловолосый. – Это очень удачно, что ты ищешь меня, потому что я ищу тебя. Я – Филиберт Хорст, кригсхер этого города.

***

Кригсхер, как знала Таррин, назначался королевским указом на срок не более года; на деле же это означало, что в конце каждого года он совершал путешествие в столицу для того, чтобы лично отчитаться перед его величеством и почти наверняка получить назначение на следующий год. Ведал он охраной закона и порядка, а в случае войны – сбором ополчения, прочие же дела оставались в ведении городских старшин.

Помещение, куда Таррин прошла следом за Хорстом, должно быть, служило тому кабинетом. По крайней мере, дальний его угол занимал стол, на просторах которого одиноко поблескивала бронзовая чернильница. Кригсхер предложил Таррин кресло и занял второе, старик в хламиде выдви-

нул для себя табурет. Аррых лёг рядом и немедленно сделал вид, что спит. Толстяка, представленного Таррин как Иоганн Мелсбах, в комнате не было – он испросил дозволения удалиться сразу после того, как был представлен эльфийке, и Хорст отпустил его коротким кивком, показавшим Тар, что тот отправился выполнять полученные ранее распоряжения.

– Итак, – произнёс Хорст, сводя вместе кончики пальцев и откидываясь на спинку кресла, – давайте вместе выстроим последовательность событий. На рассвете в западной части города было обнаружено изувеченное тело. Раны наводят на мысли о зубах и когтях, а не о ножах и кинжалах. Ночью поблизости видели громадного волка. Варга, если быть точным. А накануне вечером в южном предместье остановилась некая известная нам обоим эльфийская дама, которая путешествует в сопровождении гигантского пса.

Он замолчал и перевёл взгляд на Аррыха. Таррин ждала.

– Высокородная Таррин, я ведь не ошибусь, если предположу, что под личиной собаки скрывается варг? – вежливо продолжил Хорст. – И что именно твоего варга видели добрые жители Бадварда?

Аррых приоткрыл жёлтый глаз и воззрился на кригсхера.

– Это не «мой варг», – перевела Таррин. – Это мой друг.

– Да, несомненно, – согласился Хорст. – Тем не менее, это был он?

«Вчера я прошёл по следу того человека, – сообщил Аррых. – Он привёл меня на закатную сторону холма. Там че-

ловек зашёл в дом. Я думаю, дом не жилой. Все запахи совсем холодные. Почти все, – честно добавил он. – Там было... что-то непонятное. После этого я вернулся. Может, меня и видели».

– Мне не нравится вывод, к которому ты меня подводишь, – холодно сказала Таррин, решившая, что рассказ о ночных похождениях варга скорее запутает дело, чем прояснит. – Ни я, ни Аррых никого не убивали прошедшей ночью. Наоборот, вчера мы стали свидетелями странного нападения.

Пока девушка в красках пересказывала подробности, Хорст всё больше и больше мрачнел, а когда она дошла до сравнения неизвестной твари с химерами, нетерпеливо забарабанил пальцами по подлокотнику.

– Ты ставишь меня в трудное положение, высокородная, – скривился он наконец. – При всём уважении, как я могу поверить в явление тварей из древних легенд, когда очевидное объяснение находится прямо передо мной? С другой стороны, если я задержу для допросов дочь короля горных эльфов и её спутника, боюсь, меня ожидают некоторые неприятности, – он позволил себе усмехнуться одними уголками губ. – С третьей... да, третья сторона тоже есть... Как ты знаешь, твой отец заключил некоторые соглашения, и одним из его условий было прекращение охоты на варгов. А настроения добрых горожан так переменчивы. Вчера они рукоплескали посольству твоего отца, сегодня же оказывается, что звери,

которых взяли под защиту эльфы, разгуливают по улицам и режут ни в чём не повинных людей... Понимаешь?

– Не совсем.

– Всё очень просто. Если *ты* убила этого человека, у тебя, вероятно, были на то серьёзные основания. Я не хочу доводить до крайности. Но – одновременно – я хочу понимать больше, чем сейчас. И я должен предоставить убедительное объяснение добрым жителям города. Так что же произошло *на самом деле*?

– Ты хочешь сказать, что я... – ледяным тоном начала Таррин, но тут же оборвала себя. Не это было важно. – Подожди, но ведь вполне может быть, что речь идёт о двух разных людях.

Кригсхер энергично кивнул.

– Это легко проверить.

– И второе: пытаясь узнать, что происходит *на самом деле*, ты отбрасываешь одну из возможностей лишь потому, что она не кажется тебе достаточно правдоподобной.

Старик, о котором двое благополучно забыли, шевельнулся на скрипнувшем табурете.

– Может, старые легенды не врут... – пробормотал он.

– Бертольд, в числе прочего, наш архивариус и знаток преданий, – Хорст изобразил нечто вроде лёгкого поклона.

– Я слышала на рынке о зачарованных химерах, охраняющих город, – сказала Тар. Старик приосанился.

– Согласно легенде, когда стены Бадварда были возведе-

ны, Святой Элмарт отправился в горы и отсутствовал три месяца и три дня. Когда же он вернулся, его сопровождали ужасные создания – химеры. Их уродство превосходило самые страшные ночные кошмары, но твари кротко подлетали по зову святого и брали корм из его рук. Достигнув города, твари расселись по башням и укреплениям и обратились в камень. Позже, когда стены перестраивали, химер перенесли, и теперь они украшают ратушу.

– Ты веришь в это?

– Трудно сказать, госпожа. В старых книгах много расхождений. Кто-то считает, что фигуры изваял ближайший сподвижник Элмарта – Хельмут Шварц, другие же говорят, что они были привезены Элмартом из заморских краёв. Как бы там ни было, статуи химер – наша гордость, и даже на гербе Бадварда изображена химера.

– Вы можете договорить по дороге, – мягко прервал его Хорст и решительно поднялся, меняя тему:

– Ты хотела выяснить, является ли убитый тем же человеком, которого, по твоим словам, тебе удалось спасти вчера вечером? Думаю, нам пора уже на него посмотреть.

Выйдя из кабинета вслед за Хорстом, они оказались на узкой галерее, окружавшей Зал собраний. Стены были обшиты панелями из тёмного дерева – двое юнцов в одинаковых синих куртках как раз натирали их воском. Человек постарше, в такой же одежде, делал заметки на восковой табличке, время от времени отвлекаясь, чтобы сделать мальчишкам

замечание. При появлении кригсхера все трое поклонились.

– Кстати! – оживился Бертольд, указывая на массивную плиту, вделанную в стену. – Вот ещё один дивный образец старой работы. Этот барельеф изображает тот самый герб, о котором я говорил, высокородная госпожа. Мрамор был привезён самим Элмартом из-за моря, из города Милье, но резчики работали бадвардские. Глаз химеры выполнен из цельного топаза.

Голубой камень тускло поблескивал в глазнице крылатой твари. Изображение вышло очень живым. На морде застыло выражение яростного торжества. С клюва свисал клочок паутины.

– Вряд ли высокородная госпожа сможет оценить по достоинству оттенок мрамора, пока он скрыт пылью веков, – меланхолично заметил Хорст. – Это, случайно, не твой недогляд, милейший? Или эта пыль такая древняя, что убирать её – кощунство?

***

Мертвецкая находилась совсем неподалёку, в здании городского суда. Здесь же, в подвале, размещалась и лаборатория судебного мага. К удивлению Таррин, им оказался круглолицый Иоганн. Он уже был здесь: отмерял и взвешивал щепотки растёртых в порошок трав и время от времени помещивал тёмно-болотную жижу в медном котелке, водружённом на треногу. При появлении процессии он отодвинул весы и ловко снял посудину с огня.

Заключение Сохранения – простенькое, но действенное – до некоторой степени замедляло разложение. Этому же способствовал и холод, пробиравший до костей. И всё же сквозь густой аромат трав пробивался едва уловимый запах тлена и как будто ещё один – сладковатый, с примесью горечи и пыли. Аррых напрягся, хвост его вытянулся поленом. Он потянул воздух носом и фыркнул.

«Вот этот запах», – передал он.

– Который? Здесь их много, – едва слышно пробормотала Таррин. Кригсхер покосился на неё, но смолчал.

«Не понимаю».

Аррых пришёл в возбуждение. Он челноком пробежал по помещению, обнюхал мертвеца, затем сунулся к Иоганну – тот опасливо отдернул руку – к Бертольду и даже к Хорсту.

«Не понимаю. От мёртвого тоже так пахнет. И от толстяка».

Таррин подошла к массивному каменному столу, и Мелсбах сдернул грязноватую простыню.

Тело лежало ничком. Спина представляла собой бурое месиво, голова держалась на лоскуте кожи. Девушка не считала себя чрезмерно чувствительной, однако с трудом удержала вскрик.

– Переверните его, – сдавленно попросила она.

Иоганн, придерживая голову мертвеца, приподнял его, словно огромную нелепую куклу. Левая часть черепа была сплющена, лицо – искажено гримасой ужаса, и всё же сомне-

ний не было.

– Это тот самый человек, – сказала Тар и отвернулась.

В наступившей тишине раздавалось сиплое дыхание Иоганна, где-то капала вода.

«Соберись! Посмотри. Он упал с высоты».

Таррин глубоко вдохнула и выпрямилась. Как-то вдруг оказалось, что чувства остались извне, а она – Таррин, дочь Дарондила – была внутри хрустальной сферы, пропускавшей звуки и образы, но отсекавшей всё, мешающее думать.

– Посмотрите на него, – твёрдо сказала она. – Его откуда-то сбросили. Вот эти ушибы и переломы – видите? Это не от зубов и когтей. Вы говорили о трупе в западной части города, а там нет ни старых каменоломен, ни обрывов. Откуда же он упал? И ещё. Вчера при нём был футляр. Зачем он варгу?

Хорст повернул голову к Иоганну, молча приглашая того высказаться в свою очередь.

– Всё готово, господин кригсхер, – тихо сказал тот.

«Готово к чему?»

Внезапно Тар поняла:

– Они собираются допросить мертвеца, – едва слышно пробормотала она.

– Именно, милостивая госпожа, – по-прежнему тихо отзывался Иоганн.

Он проверил ладонью, насколько горяч котёл, и бросил туда отмеренную заранее порцию трав. Над котлом взвился

фиолетовый пар. Пар становился гуще, его клубы окутали тело. В лиловой мгле мерцали серебристо-голубые разряды, воздух в помещении посвежел.

– Великий Свет!

Таррин впервые присутствовала при таком действе. Некромантия не входила в число наук, практикуемых её народом. Да и у людей... Попробовал бы проделать такое обычный добрый горожанин – живо отправился бы в каменоломни, добывать сланец во славу города Бадварда. Страх колкими искрами пробежал по коже, ладони девушки вспотели.

Мертвец шевельнулся.

Изломанное тело собиралось, двигалось. С сухим щелчком встала на место плечевая кость. Глаза, лишённые мысли, открылись.

– Спрашивай же, – севшим голосом поторопил Хорст.

– Твоё имя?

Голос Иоганна, неожиданно звучный, заполнил зал.

– Фабиан. Меня зовут Фабиан.

Голос покойного оказался сиплым – совсем не таким, как запомнился Таррин. Девушка стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони.

– Фабиан, а дальше?

– Фабиан... Фабиан...

Мертвец замолчал, словно у него кончились силы. Веки опустились.

– Спроси же, кто его убил!

Толстяк даже не повернул голову. Казалось, он удерживает умершего взглядом, не давая ему упасть. Левой рукой он безошибочно выхватил новую порцию растёртых трав и бросил в котёл. Дым усилился, затем начал медленно рассеиваться.

– Кто тебя убил?

Мертвец покачивался, его глаза так и не открылись вновь.

– Кто тебя убил?

– Варги! Это были варги!

Тело с глухим стуком упало на стол. Потрясённая Таррин молчала.

– Всё, – Иоганн вытер лоб рукавом. – Больше ничего нельзя сделать.

«Нет!»

Рык Аррыха заполнил голову девушки. И, безотчётно, она тоже крикнула:

– Нет!

– Слова мертвеца имеют больший вес перед законом, господа, – буднично сказал Хорст.

Он направился к двери, распахнул её и остановился, показывая, что ожидает Таррин. Ошеломлённая эльфийка последовала за ним.

– Даже если это сделали варги, господин, – внезапно сказал Бертольд, – ничто не указывает на то, что именно наши гости виновны в этом злодеянии. Мертвец не указал конкретного виновника своей смерти.

– Это необычно, – задумчиво проговорил кригсхер. – А ты не поддаёшься впечатлению? Но формально ты прав. Госпожа, я настоятельно прошу тебя не покидать город. Разумеется, я проверю твои слова. Если твои солнечные стрелы работают так, как ты описываешь, заметить вспышки могли многие.

Он пропустил Таррин и Аррыха вперёд и направился к лестнице. Бертольд следовал за ним.

***

Круглые часы на ратуше пробили четыре. Солнце стояло ещё высоко, но уже не было таким злым. Таррин поняла, что она устала и проголодалась. Бертольд направился к ратуше, Хорст раскланялся с эльфийкой и ушёл, прихватив с собой десяток стражников.

«Что теперь?»

– Мы что-то упускаем, но я не понимаю, что, – призналась Таррин, провожая взглядом спину кригсхера. – Мне хочется посмотреть на тот дом, о котором ты говорил. И на место, где нашли труп. Может, это наведёт на какие-то мысли. И на химер – правда, для этого надо забраться на крышу ратуши, – девушка фыркнула.

«Тогда начнём с последнего пункта, – заметил варг. – Это ближе. Давай догоним Бертольда, он-то как раз способен понять интерес к древностям».

Они подошли к дверям ратуши, и Таррин потянула за медную ручку, изображавшую – ну конечно! – очередную химе-

ру.

– Олухи! Бездельники, недотёпы культяпы! Как, ну как это могло случиться! Что, здесь нет ни одного, кто мог бы просто – просто! – смахнуть пыль? Да вам за всю жизнь не рассчитаться за этот урон! Какое горе, какая невозполнимая утрата!

Бертольд, всклокоченный, словно только что пытался выдернуть последние волосы, наскაკивал на переминающегося парня в синей куртке. Второй тщетно пытался укрыться за массивной деревянной лестницей на колёсах. Пол был усыпан сверкающей голубой крошкой.

Таррин посмотрела вверх. Химера на гербе тарацилась пустой глазницей. Теперь, когда в ней не было камня, стали видны серебряные крепления, удерживавшие его ранее.

– Разве этим недоумкам понять, что они натворили? – продолжил Бертольд, обращаясь к эльфийке. Та наклонилась и подняла один из осколков.

– Не стоит ругать этих несчастных, – произнесла она. – Ведь это всего лишь витрум. Окрашенное стекло, – пояснила она, видя, как ошарашен собеседник. – Очень хорошей выделки, так что, вероятно, когда-то оно стоило дорого. Сейчас такое изготавливают везде.

– Так вот почему... – потрясённо начал Бертольд и тут же оборвал себя. – Ты уверена?

– Посмотри на форму осколков, почтенный. Можно проверить и другим способом, – Таррин вынула из уха серёжку с

зелёным камнем. – Изволь убедиться: топазы намного твёрже берилла, и, если бы это был настоящий камень, он оставил бы царапину.

Бертольд посмотрел, как девушка проводит осколком по украшению, затем попытался поцарапать оконный витраж – и со вздохом бросил осколок на пол.

– Как неприятно разочаровываться в том, что считал истиной, высокородная госпожа. Но ты ведь пришла не за этим. Могу ли я чем-то помочь?..

***

Попасть на карниз оказалось несложно. Узкие окна башенок возвышались над крышей средней части здания. Таррин пересекла чердак, пустой и пыльный, и распахнула окно. Аррых следовал за ней.

Вблизи статуи оказались гораздо массивнее, чем думала эльфийка. И очень, очень тщательно проработаны. Там, где поверхность не была повреждена временем, можно было рассмотреть самые мелкие детали. Каждое перо на крыльях. Шерстинки на морде. Складки век.

– Удивительно, – Таррин подошла поближе и положила руку на голову статуи. – Можно подумать, что... Аррых!

Клюв твари, морду, когти покрывали бурые пятна.
«Кровь. И пахнет кровью».

Таррин почувствовала, что дрожит. Нет, дрожь рождалась в глубине статуи. Тварь напрягалась, силилась преодолеть каменную неподвижность.

– Аррых, ты тоже чувствуешь?

«Да».

Таррин опустилась рядом со статуей.

Рядом с живой, яростной, скованной заклятием химерой.

– Столько веков, – изумлённо выдохнула она. – Сидеть

здесь и...

«И мечтать вырваться?»

– Да.

«И, возможно, отомстить?»

Действительно. Ненависть сочилась из камней, наполняла воздух. Таррин чувствовала, что задыхается.

– Тот, кто позволит летать им хотя бы изредка, станет... желанным избавителем?

Варг лёг, вытянув морду.

«Ненадолго, – философски заметил он. – Снова летать... и каждый раз вновь обращаться в камень? Очень скоро они начали бы ненавидеть его ещё сильнее, чем ненавидят сейчас... тех, кого ненавидят».

Таррин провела пальцами по длинному когтю.

– Ты прав. И что же делать?

«Выпусти! Выпусти!»

Это не была мысль варга. Этот голос раздавался не как камнепад. Скорее, как тихий гул далёкой лавины, как едва слышный шёпот бури, бушующей далеко.

– Ты слышал? Слышал?

«Да».

Таррин покачала головой.

– Если вас выпустить, вы уничтожите город, – сдавленно сказала она.

Удар ярости был так силён, что свинцовый жёлоб, опоясывающий карниз, задребезжал.

– Как? Как можно вас выпустить?

Ярость утихла.

«Амулет, – простонало то, что сидело внутри неподвижного изваяния, – уничтожь амулет! Мы сделаем что угодно. Мы сделаем тебя богатой. Мы выполним всё, о чём попросишь. Только выпусти. Освободи».

– Какой амулет?

Ответом был то ли стон, то ли вой, и, сколько Таррин ни спрашивала, ничего не добилась. То ли химера не знала ответа, то ли не могла его дать.

Таррин встала. Солнце зашло, поднимался ветер. Становилось холодно.

– Пойдём, Аррых, – сказала она. – Кажется, здесь мы узнали всё, что могли.

***

В кабинете кригсхера горели свечи. Сквозняк шевелил тёмную портьеру, словно за ней прятался невидимый зверь.

– Я должен извиниться перед высокородной, – сокрушённо произнёс Бертольд. – Я умолчал об одном поверье, которое показалось мне важным в свете происходящего, ибо таков был приказ кригсхера...

– Дело в том, – прибавил последний, – что мне хотелось сперва проверить твой рассказ. Вой собак, крики, вспышки света – всё это подтвердилось. Жители рассказывают и о свисте крыльев, и о странном клёкоте. Права ты и в том, что беднягу Фабиана совершенно неоткуда было сбросить там, где было найдено тело.

Бертольд энергично кивнул и продолжил, словно его не прерывали:

– Поверье же, о котором я умолчал, гласит, что топаз, сидящий в глазнице изображения, даёт власть над химерами. Несколько лет назад мы с почтенным Иоганном даже пытались проверить, так ли это. Мы вынули камень и отнесли на крышу. Но, сколько мы ни подносили кристалл к изваяниям, ни он сам, ни химеры не проявили себя, и я решил, что это всё-таки миф. Когда же оказалось, что разбившийся камень – подделка, я вновь вспомнил о легенде. Тот, который мы испытывали, не был подделкой! Он был гораздо тяжелее стекла. Вероятно, мы просто не открыли способ его пробудить. А следы крови на статуях добавили уверенности, – Бертольд пожал плечами.

Мелсбах в задумчивости прошёл по кабинету и отодвинул портьеру, словно проверял, не подслушивает ли кто-то. Небо за окном слабо светилось – луна вот-вот должна была взойти.

– Остался сущий пустяк, – с досадой произнёс кригсхер. – Найти похитителя и вернуть кристалл.

– Думаю, мы с Аррыхом начнём с того места, до кото-

рого ему удалось проследить Фабиана, – предложила Таррин. – Есть ряд способов, с помощью которых мы, эльфы, можем пройти по следу творившего магию. Каждое магическое воздействие имеет свой цвет, запах и вкус. Мне понадобятся некоторые ингредиенты... Они помогут обнаружить след, даже если он очень стар.

– Есть и другое направление поисков, – сказал Хорст, – но им удобнее заниматься мне. Покойный Фабиан был членом воровской гильдии. Возможно, кто-то из его круга может что-то знать. Но всё это тоже завтра. Почтенный Мелсбах, а что скажешь ты?

Иоганн повернулся от окна. Даже в свете взошедшей наконеч луны видно было, насколько он бледен.

– Мне есть что сказать, – произнёс он и провёл языком по губам. – Я знаю, где камень. Я не хотел спешить, но вы подошли слишком близко.

Аррых вскочил, из его горла вырвалось низкое рычание. Мелсбах ударил по створке окна, и оно распахнулось. В лунном свете блеснуло голубое.

– Забери своего пса, – взвизгнул колдун. – Иначе...

Воздух наполнился хлопаньем крыльев. Клекочущие химеры снижались, зависали над подоконником, врывались в открытое окно. Свечи погасли.

Аррых прыгнул.

Мелсбах взмахнул руками, отброшенный мощным толчком. Камень, выпавший из его ладони, с сухим стуком пока-

тился по полу.

Мелькнули ноги толстяка в щегольских башмаках. С криком, от которого у Таррин заложило уши, он перевалился через подоконник. Клёкот перешёл в яростный клич, крылья забили громче – тело, подхваченное химерами, поднималось всё выше. И в тот миг, когда Таррин, оправившись от потрясения, подхватила с пола голубой кристалл, хищные твари выпустили свою жертву.

Таррин протянула руку к окну, заставив лунный свет играть на сверкающих гранях.

– Вернитесь, – приказала она. – Вернитесь и послушайте мою волю.

И, когда химеры, толкаясь и клекоча, опустились рядом – на пол, на стол, на подоконник – закончила:

– Летите домой, в свои горы. И будьте свободны.

– Постой, – не успела Таррин опомниться, Хорст выхватил камень и поднял его высоко над головой. Девушка замерла.

– Зачем, кригсхер? Их нельзя оставлять здесь, – она старалась говорить как можно убедительнее. Как объяснить Хорсту, что он совершает ошибку? – Разве ты не понял? Аррых! А ты?

К её изумлению, варг нагнул голову и вывалил язык в волчьей улыбке.

– Маленькое дополнение, высокородная, – произнёс Хорст. – Летите, но помните: камень остался у нас. Любая, кто захочет вернуться, займёт своё место там.

И жестом указал – где именно.

***

Свечи оплыли. Наступал рассвет.

– Ты перепугал меня, – призналась Таррин, отпив из бокала глоток вина. – На один страшный миг я решила, что ты собираешься оставить химер в городе.

– Это было бы слишком опасно, – ответил Хорст. – Если бы кто-то в будущем завладел камнем, он мог бы сотворить много бед. Но и уничтожать амулет нельзя: боюсь представить, что сделали бы твари с городом, который так долго держал их в плену. Возможно, мы всё же уничтожим кристалл, но сделаем это в глубокой тайне. Оставлять потомкам такое наследство?

– Значит, ты понял!

– Да. Святой Элмарт связал химер закланием и подчинил кристаллу. Они, покорные его воле, брали еду из рук господина, а люди принимали это за преданность и кротость.

– Какая мерзость, – сказал архивариус и, помолчав, добавил: – Я не знал только того, что магия кристалла просыпается лишь в лунном свете. Когда мы с Мелсбахом испытывали камень, стоял день.

– Мелсбах по роду службы имел дело с разными людьми, – кригсхер пожал плечами. – И с мертвецами, если уж на то пошло. Ему стал известен секрет амулета. Дальше просто. Мелсбах подрядил Фабиана выкрасть для него кристалл. Не знаю, почему он не рискнул взять камень сам. Фабиан дол-

жен был спрятать добычу в футляр и ни в коем случае не доставать, пока не передаст Мелсбаху, но вор, должно быть, не утерпел, заглянул внутрь и показал камень луне. Футляр мои люди нашли в доме Мелсбаха.

Он достал футляр из кармана, переброшил Таррин и продолжил:

– Получив топаз, Мелсбах призвал химер и приказал убить вора. Испытал амулет и заодно избавился от опасного человека.

– Одного я не понимаю, – Бертольд поднял брови. – Почему химеры напали на Фабиана в первый раз? Ведь кристалл был у него.

– А я не могла понять, почему не почувствовала, что у Фабиана находится предмет такой магической силы, – отозвалась Таррин. Она сосредоточенно ощупывала футляр и даже заглянула внутрь. – Но этот футляр запирает магию. Делает помещённые внутрь магические предметы неощутимыми. Это ответ на оба вопроса.

Хорст рассмеялся.

– Наш друг Иоганн знался и с контрабандистами! Я рад, что доверился тебе. Если бы даже Мелсбах не запаниковал, наутро ты нашла бы его по магическому следу.

Таррин покачала головой.

– Не нашла бы, если бы Мелсбах не сделал какой-нибудь глупости. У людей это называется «блеф». Магический след остывает быстро, и ходить по старым следам не умеет никто.

– Ты почувствовала, что кристалл у Иоганна? – с любопытством спросил кригсхер. – И поэтому догадалась, да?

– Нет, – Тар рассмеялась. – Этот амулет никак не проявляет себя уже сейчас, спустя три часа после использования. А Мелсбах воспользовался им почти сутки назад. Так что дело в другом.

Фабиан обвинил в своей смерти варгов. Но ведь колдовал над ним Иоганн! Вот почему я его заподозрила.

«И запах», – напомнил Аррых.

– И запах, – сказала Таррин и, видя недоумение собеседников, пояснила:

– Возле дома, до которого Аррых проследил Фабиана, пахло теми же травами, которые Иоганн использовал для поднятия мертвеца. Запаха самого Иоганна возле дома не было. Должно быть, он приходил туда каким-то другим путём. Это не был дом самого Иоганна – тот был очень осторожен. Однако признайся честно, если бы я высказала тебе наши с Аррыхом подозрения – кому бы ты поверил: эльфийке с варгом или тому, кто находился рядом с тобой многие годы?

***

Улицы уже начали заполняться людьми, когда Таррин и Аррых наконец прошли через ворота внутреннего города.

За воротами варг остановился.

«Мы забыли про рыбу».

– Не беда, – Таррин кивнула. Старуха в серой шали стояла на прежнем месте.

«Надо было сразу покупать у неё», – укорил варг.

– Ну что ты! Когда отказываешься от выбора – жизнь становится куда менее красочной, – и Таррин направилась к старухе, на ходу развязывая кошель.

Алёна Коновалова

Технаръ по складу ума с высшим техническим образованием; работаю проектировщиком. Любительница лис и лошадей, манги и аниме, ценитель культуры Японии и Китая. Почитатель творчества Стивена Кинга и Мьевиля Чайны.

Пишу мрачное фэнтези и фантастику. Нежно люблю стимпанк и киберпанк. Создаю всевозможные миры, которым в рассказах тесно. Своих героев до безумия люблю, оттого они постоянно страдают.

Писать начала совсем недавно; говорят, что выходит неплохо. Известна в сети под ником Alizeskis.

Профиль на Сinem сайте <https://ficwriter.info/component/comprofiler/userprofile/Alizeskis.html>

Запах трав

Скакать во весь опор – лететь подобно птице. Раскинуть руки, словно крылья, и, кажется, можно взмыть высоко-высоко. Туда, где парит орёл, где облака прогуливаются по голубому небосводу. Ах, почему я всего лишь кентавр, а не птица?

***

Ноги мерили дорогу, будто ленту сматывали. Я скакал, рассекая грудью кустарники, перепрыгивая овраги и поваленные деревья. Земля влажная и мягкая после осенних дождей. Брызги с травы остужали тело, разгорячённое от бега. Солнце играло зайчиками на шкуре. Путался ветер в волосах, дёргал тяжёлый хвост. Белые пясти потемнели от влаги и грязи.

Светлые копыта отбивали оземь ритм сердца. Я играл в догонялки с тенью. Глаза щипало от встречного ветра. Четырнадцать лет от роду – я полон сил и уверенности в удаче. Ещё овраг. Прыжок! Взметнувшийся фонтан из холодных капель и грязи обжёт горячие ноги. Мышцы гудели от напряжения.

Ещё один овраг, большой и глубокий, но и его преодолею. Ускорился. В два вдоха покрыл расстояние до крутого обрыва.

Раз. Два. Три!

Оттолкнувшись, взлетел, раскинув руки, как крылья! Счастье. Бешеный восторг! Время растянулось, медленно-медленно ползло, словно по сосновому стволу капля смолы. Приземлился, задние ноги всё-таки сорвались с края. Страх кольнул сердце. На мгновение, не более. Я отказался признаться в этом.

Копыта взрывали мягкую землю. Лес становился гуще, пришлось сбавить темп, но всё равно я скакал быстро. Мелькали деревья, сливаясь размытым коричнево-зелёным месивом. Спутанная длинная трава обвивала ноги, кривые корни норовили поставить подножку.

Короткий металлический лязг я едва расслышал. Боль вспышкой пронеслась по телу. Дыхание перехватило, в глазах потемнело. Рухнув на всем скаку, встать уже не смог. Нога не слушалась: правую переднюю словно разом отняли, всю целиком, от плеча.

Я приподнялся и... страх ледяным клинком вонзился в сердце. Капкан? Так глубоко в лесу? Там, где металлические зубья врезались в пясть, кровь сочилась, капала наземь. Между пластин торчали сломанные кости. Попытка освободиться закончилась провалом. Я едва не потерял сознание, совсем чуть-чуть сдвинув обод.

Паника расползлась по телу, словно мороз суровой зимней ночью, рыдания тугим комом распирала горло. Осознание пришло не сразу. Шок. Невозможно! Только не со мной! Я лежал, плакал от бессилия, от невыносимой пытки. Бес-

конечно долго. Пробовал позвать родной табун, но напрасно: они слишком далеко. Крик запутался в кронах деревьев. Незнакомые звуки и запахи подступили со всех сторон. Страшно и одиноко. И больно. Дико больно!

О чем я мечтал, лёжа на стылой земле, когда тело сводило судорогой, а слёзы ещё не выплаканы? О смерти или спасении? Если придут люди, думал я, убьют, не задумываясь. Суеверные. Они издревле считали кентавров порождением тёмных сил, демонами, что приносят беды. Убивали – и убивают – едва представляется возможность. Может и этот капкан поставили, чтобы поймать кентавра?

Я верил и не верил в свою смерть. Четырнадцать лет – совсем юность для кентавра. Отцу почти два века исполнилось, и это далеко не старость. Он – вожак табуна. И я им должен был стать...

С сумерками, что медленно окрасили небо в алые тона, пришла промозглая сырость. В лесу разом потемнело и похолодало. Я никак не мог унять дрожь. Обнимал себя за плечи, подбирал задние ноги – пытался хоть как-то согреться. Дыхание паром вырывалось из сухих губ. Казалось, что мир вокруг то замирал, то резко приходил в движение, чудились шаги и разговоры. Людские ли или это духи на своих языках переговаривались – непонятно. Сознание плыло. Я то проваливался в дремоту, то выныривал в стылую багровую темноту, ослеплённый вспышкой боли.

Жар, бред, лихорадка – в таком плачевном состоянии он

и нашёл меня.

– Эй, – голос раздался рядом, но при этом показался ужасно далёким, – ты жив?

Я разомкнул слипшиеся от слёз ресницы. Он стоял близко, загораживая малиновое вечернее небо. Силуэт, не более.

– Пить, – я прошептал, давясь сухой горечью.

– Вот, держи.

Зубы выбили дробь о горлышко фляги, а челюсть свело судорогой. Я слишком ослаб, чтобы поднять голову. Он помог – и живительная влага тонкой струйкой потекла по губам. Я старался не упустить ни капли, жадно глотая, словно последнюю надежду. И в результате подавился.

– Не торопись. Не всё сразу, будет только хуже, – обеспокоенный голос совсем рядом. – Больно?

Боль... Я давно уже ничего не чувствовал. Всё тело – сплошная боль. Попытка сказать «да» закончилась провалом, голос не слушался – пришлось кивнуть, едва заметно, но этого оказалось достаточно. Спаситель опустил на короточки у капкана, нахмурился. Зрение немного прояснилось, и я смог его разглядеть. Он не старый, но и не ребёнок. Рыжие волосы торчат во все стороны. Лицо... Я неосторожно приподнялся, чтобы лучше его рассмотреть, и в глазах потемнело.

– Не двигайся, – он говорил тихо, спокойно. – Я попробую снять капкан. Будет очень больно, но ты не двигайся. И так слишком сильно ногу повредил.

Парень просунул пальцы между ободами капкана и, натужно пыхтя, немного разжал их. Кровь хлынула из того места, в которое превратилось пясть. Слезы брызнули из глаз. Я закричал и невольно дёрнулся от ошеломляющей боли.

– Терпи! – последовал жёсткий окрик.

Ещё попытка. С громким лязгом капкан раскрыл пасть.

Отбросив железяку, парень осмотрел изувеченную ногу.

– Нехорошо... Кость сломана, – он осторожно коснулся страшной раны. – Так что бегать, друг, скорее всего, больше не сможешь.

Что? Я отказывался верить. Думал: может быть, я ослышался? В голове шумело, так что вполне вероятно...

– Думаю, что смогу тебя вылечить, если доверишься мне.

Человек предлагает помощь? Мне. Кентавру!

– Согласен?

«Соглашаться?» – я медлил. Жить без радости бега. Стать изгоем... но жить. Смерть страшила больше. Выбора не осталось. В противном случае я не выкарабкался бы, умер, словно бестолковый крольчонок. Страшно. Люди – враги кентавров! Мысли вихрем скакали в голове. Тяжело.

Человек между тем промыл рану водой из фляги, вправил кость (я едва не оглох от собственного крика) и нанёс мазь. Она принесла облегчение, окутала прохладой горящую ногу, к которой рыжий примотал бинтами длинную ветку.

– Можешь думать, – сказал он и со стоном выпрямился. – Сегодня мы всё равно никуда не уйдём. Тебе нужно отдох-

нуть и выспаться. Боль вскоре должна утихнуть. Не против, если я разведу огонь? Уже стало зябко.

«Что он задумал? – думал я и не мог довериться человеку. – Не может быть, чтобы он просто так помог».

– Ты замёрз, – не вопрос, утверждение. Он отошёл к ближайшему дереву, где, судя по всему, оставил вещи. Немного повозившись, вытащил объёмный свёрток. – Я как знал, что пригодится, – расслышал смешок.

Он накрыл меня тёплым одеялом. Сразу стало легче. Тепло. Сонливость навалилась подобно волне, я удерживал глаза открытыми. Боль, потеря крови, тяжёлые мысли истрепали разум. Рана горела, хотя боль утихла, растеклась жаром, но окончательно уходить не собиралась.

– Больно, – простонал я в полудрёме.

Лежать на боку было тяжело, мышцы одеревенели от сырого холода, но едва пошевелившись, вновь всхлипывал:

– Больно...

– Не волнуйся, пройдёт, – ободряюще говорил парень.

Он развёл костерок. Свет резал глаза, от этого выступили слезы. Живое тепло приятно согрело продрогшее тело. Я задремал, а он невольно потревожил лёгкий сон:

– Прости, – произнёс он тихо, – можно я сяду рядом? Одеяло у меня одно, а в лесу по ночам дико холодно, – покраснел. Я это видел, несмотря на неровный свет костра.

Страшно? Нет, я слишком устал, чтобы бояться. Кивнул и приподнялся. Он замялся, сел, подобрал ноги. Накрыл свои

и мои плечи.

– Прости, – прошептал рыжий, – но это пока всё, что я могу сделать. Тебе нужно поспать. Завтра предстоит долго идти, дома я смогу лучше позаботиться о твоей ране. Если ты, конечно, согласен.

Он сидел совсем близко, и от него тянуло теплом. А ещё острым и пряным запахом, словно от букета целебных трав. Почему-то рядом с ним я почувствовал спокойствие. На его лице не было злобы, только сочувствие и сонность. Он потёр глаза, размазывал по скуле грязь, а возможно и кровь – я не различил. У него грубое лицо, добрая улыбка и карие глаза, в которых плескалась надежда на сон.

– Зачем? – Мне было важно знать.

– А как же иначе? Ты же мог умереть! – он искренне удивился.

– Но... люди ненавидят нас.

– И что? Меня односельчане тоже терпеть не могут, потому что боятся, считают колдуном. А я всего лишь знаю больше, чем эти слепцы и остолопы.

Он рассказал о себе. Изгой, что живёт в одиночестве далеко от деревни. Хоть селяне и питают неприязнь к колдуну, приходят за помощью, когда прижмёт беда.

– А я умею готовить лекарства, знаю о травах почти всё, – он тоскливо улыбнулся. – Так что не мне тебя ненавидеть.

– Прости.

Он вёл себя иначе, чем другие люди, которых я мог вспом-

нить. Он оказался добрым, открытым, он заботился и беспокоился обо мне. Тяжело признавать, но я был благодарен ему. Буду благодарен до конца жизни.

Он едва не клевал носом. Не понимая, что делаю, я устроился головой на его коленях. Сон пришёл через тепло и запах трав... целый букет.

***

Повреждённую правую ногу Дольф – так его звали – утром согнул и перевязал, закрепив половиной толстой ветки. Он знал своё дело, уверенно наносил лечебную мазь и бинтовал ногу. Действовал умело и уверенно.

Весь день мы шли. Дольф помогал мне и поддерживал, когда я терял равновесие. Медленно ковыляя на трёх ногах, я опирался на его плечо, невольно перенося весь вес.

– До ночи мы не успеем добраться, – сказал он под вечер. – Заночуем в поле.

Мы снова спали рядом, под одним одеялом у небольшого костерка. Запах трав дарил чувство умиротворения и защищённости.

– Скажи, – спросил он следующим днём, – а как тебя зовут? Твоё имя, я до сих пор не знаю его.

– Элиас, – прошептал я.

– Красиво, – улыбнулся Дольф.

Он рассказывал в дороге забавные истории, пытаюсь отвлечь и повеселить. А обо мне не спрашивал. Только имя.

– Элиас, ты... боишься? – спросил он. Идти оставалось

недолго, деревня показалась на горизонте.

– Да, – чуть помолчав, произнёс я.

Прошло больше двух дней, я не мог с уверенностью сказать, что перестал бояться. «Он человек!» – и для меня этим всё было сказано. Недоверие к людям навсегда останется у кентавров в крови.

– Прости. – Я отвернулся, пряча глаза и покрасневшее от стыда лицо.

– Ясно. Я не могу требовать от тебя доверия.

Тогда я почувствовал укол вины. Столько всего произошло в эти дни: едва не умерев, я получил шанс на спасение.

– Да не переживай, я прекрасно понимаю, что тебя гложет. Будь настороже, тогда проживёшь дольше, – он засмеялся. Так легко и непринуждённо, что и я невольно тоже улыбнулся.

Далеко за полдень, когда солнце склонилось к закату, небо потемнело, и прохлада вместе с невесомым туманом потянулась из ближайших лесов, он указал на темнеющий впереди ряд домиков.

– Мы почти пришли. Но нам не туда, – повёл пальцем вдоль горизонта вправо. – Вон там, за лесом.

– Ты живёшь далеко от сородичей? – удивился я.

– Меня считают колдуном.

Он говорил, говорил, говорил... Как ни странно, это успокаивало. Дольф одинокий, но общительный, открытый и добрый, словно жеребёнок.

Ещё до заката мы шли до жилища Дольфа, что на опушке ютилось под раскидистой сосной. Его дом показался мне крошечным: одна комната с земляным полом, провисшей крышей, маленьким оконцем и покосившейся хлипкой дверью. Из мебели только кровать и стол с единственной табуреткой. Небольшая печь в углу, почти чёрная из-за сажи.

– Если ты не против, я постелю тебе соломы. Кровать не выдержит кентавра.

Он улыбнулся. Дольф постоянно улыбался. Озорная, смущённая или грустная – улыбка украшала его лицо. А ещё рябые крапинки на носу и щеках – Дольф словно рождён солнцем. И лугами: от него веет теплом и травами.

Он помог мне устроиться на соломе, мягкой и ароматной. Усталость от длительного перехода дала знать: глаза слипались. Прислонившись спиной к нагретой от печи стене, я наблюдал, как Дольф готовил очередную порцию лекарств. Его длинные пальцы порхали над мешочками, коробочками, склянками, таскали щепотки, смешивали, растирали... Даже завораживающе.

– Так! – он резко развернулся, я вздрогнул. – Всё готово!

Дольф поставил на пол у моей подстилки миску с зеленовато-серой кашей. Диковинный аромат, ярчайший коктейль запахов ударил в нос, голова немного закружилась.

– Это, – продолжил тем временем Дольф, – сильное средство. Будет жечь, но лечение пойдёт быстрее.

Я кивнул.

Разрезая бинты и обрабатывая припухшую ногу, он не разговаривал. Точнее, не разговаривал со мной: бубнил под нос, то довольно ухмыляясь, то, наоборот, хмурясь.

– Гниение не пошло, кости встала на место, кровь не идёт... Ну, могу сказать, что всё просто великолепно, – и он опять улыбнулся.

– Спасибо, – пробормотал я, опустив взгляд, – за всё.

– Рано благодаришь. Хоть перелом и не сложный, но ноги лошади отличаются от людских. В деревне коня, получившего такую травму, убивают. Из милосердия, чтобы животное не мучилось? Нет. Просто никто не желает возиться.

Мурашки табуном пробежали по коже от его слов.

– Люди жестоки, – тихо продолжил Дольф, – и в этом я согласен с кентаврами. Я ненавижу, когда, не сделав и попытки помочь, эти... звери умерщвляют живых существ.

Я видел, как исказилось его лицо – ярость, брезгливость и отвращение смешались в гримасе.

– Прости, что я говорю такое. Теперь ты, наверняка, будешь сильнее ненавидеть людей. Возможно, это и правильно. Но ты устал. Отдыхай.

Ставив с кровати одеяло, он набросил его на мои плечи и корпус.

– Сон – лучшее лекарство, Элиас.

Я поблагодарил его, как сумел, искренне. Дольф был не таким, как другие люди. Я старался отделить его от остального племени жестоких двуногих. Но боялся, что не смогу

поверить до конца. Однако попытаться стоило. Только ради него.

Той ночью беспокойный сон терзал меня.

Лёгкий ветер в волосах, тёплый, ласкал шерсть, трепал хвост. Я не скакал – летел, раскинув руки в стороны, как крылья. Так мог почувствовать себя птицей, воспарить к орлам, к облакам, устремиться в неизведанную небесную синь.

Ветер щипал глаза, выдавливая слезы. Четыре белых копыта выбивали ритм сердца, взрывая землю. Скачу. Куда? Только вперёд! Там свобода.

Овраг. Узкой линией обрыв перечеркнул гладь простора. Раз. Два. Три. Отталкиваюсь, лечу. И казалась недалёкой та сторона, но приблизиться к ней я был не в силах. Даже руки-крылья не помогли. Я понял – не долететь. Осознание острым куском льда вонзилось под сердце. Я падал в пропасть, а края её сомкнулись надо мной.

Проснувшись в темноте, я долго не понимал, где нахожусь. Всё незнакомо: звук, запах, темнота и тени. А я явно ощущал чужое присутствие, но, странное дело, страха практически не испытывал. После сна сердце билось птицей в груди, дыханье сбилось, как от долгого бега, однако тревога исчезала, словно песок, просачивающийся между пальцев.

С первыми лучами солнца проснулся Дольф. Потягиваясь, он улыбнулся, а я увидел на его обнажённом теле грубые

рубцы. Проследив за взглядом, он нахмурился и произнёс:

– Люди жестоки, они боятся того, чего не в силах понять.

Оттого и дурят.

– Тебе больно?

– Уже нет, – отмахнулся он, – забудь об этом. Не обращай внимания.

Дольф первым делом осмотрел мою ногу.

– Болит? А здесь? – он слегка надавливал на распухшую пясть.

Я не успевал кивать – морщился, и это был лучший ответ на его вопрос.

Дольф, собирая сумку, бросил «по делам» – и ушёл, оставив меня в одиночестве. Сидя всё на том же ворохе соломы, я скучал, вспоминал, тосковал. Под вечер забылся в полудрёме, но сон сгинул, когда вернулся Дольф. Мрачный он вытряхивал из сумы пучки трав и недовольно бурчал под нос.

– Мальчишки, – ответил он на немой вопрос. – Постоянно достают. Задирают, камнями кидают. Не переживай, – тут же спохватился. – Скажи, как нога?

– Легче, – добродушно улыбнулся я.

– Так-так-так, – он в мгновение ока оказался рядом. – Ещё раз, верни на лицо это выражение.

– Что? – я растерялся. Он сидел слишком близко. Сердце забилось в разы быстрее. Я хотел отодвинуться, но за спиной стенка – непреодолимая преграда.

– Улыбнись, – попросил он мягко, обхватывая ладонями

моё лицо, – тебе идет улыбка.

Но... отвёл взгляд и попытался отвернуться, чтобы спрятать смущение. Страх медленно вернулся.

– Пусти, – я не прошептал, а выдохнул, – пожалуйста...

– Что? – удивлённо. Но тут же, осознав, убрал руки. – Прости, я не хотел тебя пугать.

Он расстроился. Поднялся и отошёл. Вечер заканчивался в тишине. Дольф ходил растерянным и, словно в трансе, готовил мазь и перевязывал рану. А я? Что я чувствовал, глядя в опечаленное лицо Дольфа? Даже тени улыбки, что раньше украшала его веснушчатое лицо, до темноты не проскользнуло.

– Дольф, – едва слышно окликнул его ночью, когда погас свет и воцарилась тишина: – Ты не спишь?

– Нет.

Он, повернувшись, посмотрел на меня.

– Ты... – я с трудом подбирал слова. – Ты злишься?

– Нет. Я сам виноват, прости. Этого не повторится. Я ведь вижу, что ты до сих пор боишься. Когда я наношу мазь, тебя всегда передёргивает.

– Прости.

– Не извиняйся. От природы не уйдёшь. Кентавры испокон веков считали людей врагами. Это у тебя в крови, – Дольф вздохнул – горестно. – Но все же ты милее, когда улыбаешься.

– С-спасибо, – промямлил я.

Эту ночь я провёл спокойнее, чем прошлую. Сны пришли на этот раз яркие и грустные: о братьях, отце и матери, о детстве в табунах. А потом возник Дольф. Счастливый, улыбающийся, он звал. Держал за руку, водил по полю трав. И, казалось, что пряный аромат заполнил всё кругом. Я смеялся, скакал вокруг него, радость переполняла сердце. Так хорошо и тепло.

Проснулся я далеко за полдень. Дольф уже ушёл. Солнце, пробиваясь сквозь мутное окошечко, приятно согрело бок. Я нежился в лучах, медленно скользящих по телу, расслабился и вздрогнул, когда распахнулась дверь, и Дольф буквально влетел в дом.

– Ну, ты и соня, – усмехнулся он. – Но это очень хорошо: значит, выздоравливаешь.

Он был счастлив: подпрыгивал от возбуждения, напевал и насвистывал незнакомые мотивы. От одного только взгляда на сияющего от удовольствия и радости Дольфа на сердце у меня становилось тепло.

– Болит? – спросил он вечером, когда менял повязки и наносил мазь.

– Нет. – Отсутствие боли меня удивило.

Нога действительно долго не беспокоила. Почти неделю. Но потом случилась буря. Полдня бушевала гроза. Я выл от сильной тянущей боли. Вернулась лихорадка. Как ни старался, Дольф не мог облегчить мои мучения. Мази, питье, компрессы – ничего не помогало. Под вечер, вымотавшись окон-

чательно, я забылся в тревожной дрёме, лёжа головой на коленях Дольфа. Сквозь сон чувствовал, как он прикладывал прохладный компресс ко лбу, гладил по волосам. Совсем как мать в детстве. Уютно? Наверно. Страх ушёл, затаился где-то глубоко... А здесь и сейчас... Я погрузился в сон, словно в парное молоко. Согретый теплом печи, толстым одеялом и... им. Его запах – аромат трав и солнца – окутал и успокоил.

Крепко проспал до утра, и Дольф не отходил от меня. Чувствовал сквозь сон – он рядом, оберегает покой. Покуда утреннее солнце, слепя шальным лучиком, не прогнало остатки сна.

– С добрым утром, – произнёс над ухом Дольф.

Не открывая глаз, улыбнулся в ответ – знал, ему это нравилось.

– Как нога? – так же тихо спросил он.

Сон лениво отступал, отпуская из вязких, тёплых и ласковых объятий. Дольф потянулся, неловко разминая затёкшие мускулы.

– Прости, – произнёс я рассеяно. Пора подниматься. Ему неудобно было спать. Если он вообще спал.

– Ничего. Тебе же хорошо спалось? Значит, всё нормально.

Он, как всегда, приготовил мазь, потом – завтрак. И говорил, что никуда не пойдёт.

– Почему?

– Не хочу.

Тот день мы провели вдвоём. Дольф занимался домашними делами, а я отдыхал, наблюдая за ним. К обеду он уделит время и мне.

– Знаешь, а ты улыбался во сне. Думаю, тебе снилось что-то приятное.

– Наверное. Не помню, – пожал я плечами.

Вдвоём мы наслаждались теплом солнца и свежестью воздуха после грозы. Дождевые капли блестели на траве и листьях. На кристально-чистом небе не гуляли облака. Дольф редким гребнем расчёсывал мои волосы.

– Как грива у лошадей, густые, жёсткие... – произнёс он, пропуская сквозь пальцы смоляные пряди. – Ой, прости. Наверно, не стоило сравнивать тебя с животными. Просто как-то... вырвалось.

– Прощу. Но в последний раз, – стоило обиженно фыркнуть. – Я не бестолковое животное, запомни.

Жёсткой соломой, скрученной в тугий жгут, Дольф чистил шерсть. Он интуитивно чувствовал, где сильнее почесать шкуру или нежно погладить.

– Ты как кошка, – рассмеялся Дольф. Он хохотал, глядя на то, как я подставлялся ласкам.

– Но это же очень приятно! – пробовал я возразить, но он зашёлся смехом, согнувшись пополам. Соломенный жгут выпал из его рук. Он смеялся так заразительно, что я поддался веселью. Расслабился и завалился на бок, блаженно вытянув ноги.

– С тобою так легко, – смущаясь, сказал Дольф. – Намного лучше, чем с людьми.

Жмурясь от ослепительного солнца, я нежился, вдыхал аромат свежести. Тепло... и пахнет травами.

Лишь на мгновение я прикрыл глаза...

– Колдун! Колдун! Колдун! – убегая, кричали дети.

– Чёрт! – прорычал Дольф вскакивая на ноги. – Они тебя видели!

– И что будет? Это всего лишь дети, – удивился я. Сломая голову мальчишки и девчонки неслись, надо полагать, в деревню.

– Да. Ещё я колдун, а ты кентавр, – Дольф помрачнел. – Прости, я не знаю, что будет. Может, им поверят, но люди предпочитают меня не трогать. В любом случае, я постараюсь тебя защитить, как сумею.

Нужно было уходить. Ночевать в лесу? Зима стояла на пороге: суровая и холодная. По утрам выпадал колкий иней.

Дольф раздумывал, рассеянно теребя соломенный жгут.

– Нужно уходить, – тихо произнёс он, встал, торопливо исчез за дверью и вернулся с набитой сумой.

Вновь я ковылял рядом с ним по жёлтой пыльной дороге, опираясь на его плечо и поджимая зажившую ногу. Дольф попросил не наступать на неё – перелом едва зажил, хоть нога и не болела. Он молча поторапливал, но боялся, что одно неверное движение задержит наше передвижение.

В сумерках мы свернули с дороги в сторону леса. Дольф

беспокойно оглядывался, и уверял, что нас не преследуют. Он уверял, что защитит меня любой ценой. Я слышал крики, что неумолимо становились громче, а с наступлением темноты совсем близко вспыхнули факела.

Мы бежали. Но не успели...

Сельчане набросились на Дольфа. Он утонул в море озлобленных людей.

Меня окружили.

– Демоново отродье! – кричали здоровые мужики, угрожая вилами и тыкая факелами.

Я вертелся и отбивался, отступал и, надрываясь, звал Дольфа. В панике не понимал, что делаю. Встал на дыбы, надеясь его увидеть. Кто-то ловко накинул на правую переднюю верёвку с петлёй, которая затянулась на едва зажившем переломе. Резкий рывок – и я, потеряв равновесие, упал, больно ударившись плечом. Мужичье тут же набросилось с верёвками, связали, лишая возможности пошевелиться. Мои крики и слёзы никого не трогали. Я плакал, кричал и отчаянно звал Дольфа. Мне было страшно. Страшно и очень, очень больно: казалось, что ногу вновь сломали.

– Не трогайте его! – донёсся отчаянный вопль Дольфа. – Он всего лишь ребёнок!

– Убить!!! – орали мужики, не слушали его слова. – Уничтожить тварь!!!

Что чувствовал тогда? Захлёбывался слезами, дрожал от ужаса, от боли... от того, что нас ждёт.

– Убить демона! – ревела толпа.

– Нельзя, – взвыл голос. – Это накликает беду на деревню.

Вперёд вышел старик. Опираясь о сухую палку скрюченными и иссушенными временем руками, он медленно подошёл вплотную ко мне. Снизу вверх я смотрел в костлявое, жёлтое в факельном свете лицо незнакомца. Он наклонился, чтобы коснуться моего лица. Я забился в путах, пытаюсь отодвинуться от страшных скрюченных пальцев. Когда он дотронулся до моей щеки, меня едва не вывернуло наизнанку от отвращения.

– Смерть юной твари только разгневает демонов. Мне надо посоветоваться со священником. Тварь в деревню. И запереть.

Мне набросили на голову мешок и удавку на шею. Чуть дёрнувшись, я душил себя. Шагал я медленно, шатаюсь, словно от дурмана. Несколько раз падал. Нога болела всё сильнее. Под конец стало невыносимо на неё опираться. Ткань на глазах насквозь промокла от слез. Я слышал, как мужики переругивались между собой, проклинали меня и «того колдуна». Дольфа. Его самого я не слышал. «Где он? Что нас ждёт?» – бились в голове мысли, пугающие до отчаянья.

Мешок с головы сорвали в деревне. Застегнули ошейник с цепью и заперли в клетке на краю площади. Толпа подступила вплотную. Люди тыкали пальцами, брезгливо и зло кричали. Клетка была совсем маленькой: я едва мог развернуть-

ся, а стоя задевал макушкой толстые прутья потолка. Я вертелся, вжимаясь боком в прутья. Вокруг скалились злостью и ненавистью лица.

– Демон! Сжечь его! Убить нечисть! – ревела безостановочно толпа, но близко не приближались.

В один момент я неосторожно наступил на воспалённую ногу. Громко взыв, сполз по прутьям. Я попытался сжаться в комок, зажмурился и закрыл уши, стараясь сбежать от гнева толпы.

– Пожалуйста, – я плакал.

На рассвете я ещё ревел от страха и боли. Сейчас было намного страшнее, чем, когда я угодил в капкан. Людская ненависть наполнила крохотную клетушку, сочилась ядом с прутьев. Селяне быстро осмелели: кто-то кинул камень, угодив в плечо, мальчишка ударил палкой по рёбрам.

– Пожалуйста, – всхлипывал я, – прекратите! Дольф, Дольф... Где же ты? – звал шёпотом.

Вскоре я узнал. Увидел своими глазами. В полдень, здесь же на площади. Его вели с противоположного края к середине, где вокруг столба разложили хворост. Дольф ковылял, сильно припадая на левую ногу. Лицо в крови, руки стянуты за спиной, одежда грязна и порвана. Он отыскал меня взглядом. Улыбнулся, растягивая кровоточащие губы, – вышло горько.

– Дольф!!!

Я знал, что произойдёт. Выл, кричал, звал его, молил тол-

пу. На мою истерику никто не обратил внимания. Люди повернулись спинами к клетке, взирали на костёр, что нехотя разгорался в прохладном воздухе. Дольф, привязанный к столбу, продолжал смотреть на меня. Вскоре я не мог разглядеть его. Огонь, дым... и пелена слёз. Звал до хрипоты.

Толпа азартно улюлюкала. «Колдун! Сдохни!» – кричали мужики, бабы и даже дети. А я бессильно сполз по решётке: не вынеся пытки, потерял сознание. И уже не видел, как, рухнул прогоревший до основания столб и погрёб под собой останки Дольфа.

***

Первые несколько дней я подолгу рыдал от ярости, от тоски, от бессилия. Готов был грызть цепь. Однако через неделю успокоился, растратил силы и выплакал слёзы. Стоя или лёжа в клетке жарким днём и холодной ночью, под проливными дождями, существовал. Не звал смерти. Люди, проходя мимо, бросали злые и брезгливые взгляды, выкрикивали проклятия. Дети, бывало, кидались камнями, но это им быстро надоело – я не реагировал. Ссадины, синяки покрылись слоем грязи. Волосы и шерсть сваялись и потускнели. Нога болела, не переставая, по ночам усиливалась лихорадка. Боль вымотала меня.

Прошло много дней – сколько именно, не помню, сбился со счёта – меня решили отпустить.

Толстобочий монах, отплев песнопения, застегнул на моей шее ошейник с нацарапанными кабалами. «Чтобы держать

нечистую силу», – нараспев проговорил старик. Мне было всё равно. Солдаты на лошадях, вооружённые пиками и алебардами повели меня прочь от деревни. Я плёлся следом со связанными руками и удавками на шее. Хромал, но старался не отставать.

Два дня мы шли без отдыха и сна. Остановились на опушке леса. Солдаты, побросав верёвки, пришпорили коней.

Когда смолк топот копыт, я позволил себе лечь. Я устал... Свобода? Жизнь? Больше месяца прошло с того дня, как я попал в злополучный капкан. Моя шерсть загрязнилась так, что солнцу опротивело её касаться. Волосы наполовину выбелила седина.

Жить?

Где родной табун, отец, братья – я не знал. Да и не приняли бы они меня, калеку: бегать не мог, да и ходил-то с трудом. Четырнадцать лет... детство для кентавра. А для меня? Детство закончилось в том капкане. Иные взрослые за века жизни не испытали столько страха и отчаяния, что испытал я за один месяц.

– Дольф, – шептал я, чувствуя горечь и боль, заполняющие пустоту в душе. Слез не осталось – давно выплакал.

Через лесной говор пробился далёкий рокот водопада. Почти день я шёл к нему.

С крутых серых скал срывались в бездну воды широкой реки. Брызги росой оседали на коже. Ветер трепал свалявшиеся тусклые чёрно-седые волосы. Холодный ветер, злой,

зимний. Глаза жгло от невозможности пролить последнюю слезу.

Я долго пролежал на ледяных скалах, пока не перестал чувствовать окоченевшее тело. Одинокий, покинутый, с дырой в душе. Кентавры живут долго, моему отцу два века. Но мне... вожаком, как отец, мне не стать.

В тревожных мгновеньях, забываясь сном, я видел, как лечу камнем вниз. Лечу, подобно птице. Раскинув руки, словно крылья, но не могу взмыть высоко-высоко. Туда, где парил орёл, и облака неспешно прогуливались по голубому небосводу. Ах, почему же я всего лишь кентавр, а не птица?

По щекам текла роса – не слёзы. Всего четырнадцать лет, я был полон сил и уверенности в своей непоколебимой удаче.

Ещё один прыжок... последний. Во сне. Я не перестал бояться смерти. Я боялся предать Дольфа: он отдал свою жизнь за моё спасенье. Как мог я перечеркнуть светлую память о недолгой дружбе?

Не смог...

***

И вот я стою, тяжело опираясь на костыль, а он лежит у ног моих – изломанный мальчишка-охотник. Рядом смятый камнепадом капкан. У мальчишки круглые глаза, в которых океан боли смешался с морем страха. Он бледен, как скалы за его спиной. Красным уродливым цветком на его голени цветёт перелом. Сколько он провалялся здесь, я не знаю, но крови натекло море.

– Если доверишься, то сможешь выжить. – Кажется, именно так говорил Дольф.

За много лет старый перелом заостенел, нога болтается бесполезным, чахлым придатком. Моя боль осталась в прошлом. Дождавшись судорожного кивка, я тяжело опускаюсь рядом. Лежать на острых камнях неудобно и больно, но по-другому вправить кость и помочь человеку я не могу.

– Наверное, – тихо произношу я, покончив с перевязкой, – тебе следовало почтить память колдуна Дольфа.

Мальчишке только и остаётся, что хвататься за мою руку и подстраиваться под неровный ход. Мы ковыляем вдоль скал к моему жилищу в пещере позади водопада. Там сухо, тепло, горит костёр. Под сводом развешаны букеты лесных и луговых цветов. Тот запах. Запах Дольфа. Запах солнца. Запах трав.

Ирина Ваганова

Весёлый романтик, неутомимый сочинитель. Пишу стихи, рассказы, книги для детей, юношества и для взрослых. Пробую разные жанры: фантастика, фэнтези, мистика, современная проза.

Окончила литературные курсы «Мастер текста», сценарную мастерскую и мастерскую короткого рассказа школы сws.

С 2013 года участвую в сетевых литературных конкурсах, в копилке есть победы.

Стихи и рассказы печатали в сборниках в рамках различных проектов.

Творческая страничка ВКонтакте "Воображение / разбор полётов" <https://vk.com/public119422950>

Авторский проект "Вошебные верфи" – уникальная книга для конкретного ребёнка <https://vk.com/publicverfy>

Познакомиться с книгами можно на ЛитРес: <https://www.litres.ru/irina-vaganova-13025309>

Укушенная

Подъём оказался не так уж и сложен, хотя Гуриан утверждал, что тащить тяжёлый короб мне не под силу. Впервые он отправился с бабушкой в долину пять лет назад, а ведь ему тогда было всего десять. Брат – мы двойняшки – умел раздражить каждый раз, когда, возвращаясь в деревню, хватал перед друзьями купленными книгами. Все ребята нашей деревни – в том числе и мы с младшей сестрёнкой – завидовали ему. Конечно, бабушка приносила и нам что-нибудь утешительное, но короб с овечьей шерстью и так тяжёл, а книжки добавляли лишнего веса.

Поправляя на плече ремень, глубоко врезавшийся в кожу, я взглянула на спутницу: не заметила ли она, как меня беспокоит натёртая до крови ссадина? Бабушкино лицо покраснелось, лоб блестел от пота, тонкие седые на висках волосы слиплись и выглядели глянцевой коркой, точно глазурь на праздничных пряниках. Поймав мой взгляд, она улыбнулась:

– Уже скоро, Лэйла. Минуем лес, выберемся на плато, тропа станет пологой.

Я кивнула и прибавила шаг. Идти по лесу было приятно: слезавшиеся перегнившие листья делали дорогу мягкой, податливой, и всё же меня тянуло на плато, туда, где близко небо и облака, где отрывается простор... Удивительно, что

Гуриан любил долину. Она показалась мне тесной, я скучала по горным тропам, по захватывающей дух высоте, по прозрачности бегущих с заледенелых вершин ручьёв. Однако теперь придётся мне, а не брату, каждой весной спускаться вниз. Ему исполнилось пятнадцать лет, и пришла пора трудиться в замке горного лорда – все мужчины нашей деревни работали там. Женщин брали только самых сильных, и моя мать была среди них, поэтому видели мы родителей редко. Теперь и брата я смогу навещать лишь по праздникам, а домой он будет попадать по высочайшему разрешению в награду за безропотный труд.

– Бежим! – бабушка схватила меня за руку и потянула вперёд. – Скорее!

Что случилось? Я, припустив за ней, огляделась. По стволам окружающих дорогу деревьев скользили щупальца тумана. Полосы цвета свежей сыворотки выползали из леса, пересекая дорогу, колыхались, сливались в одну полупрозрачную пелену.

– Шевелись, дурёха! – бабушка стала стаскивать ремень с моего плеча. – Бросай его! Бросай!

Она освободилась от своего короба – он с глухим стуком упал на дорогу, следом зашелестел и мой.

– Почему? – только и смогла я выдавить, озираясь на бегу.

– Их не было двадцать лет! – прерывисто говорила бабушка. – Думала, всех истребили. Беги!

«Горные тени, – мелькнула догадка, – сказочные страши-

лица». Туман – их спутник. Это известно. Но я видела тысячу туманов, и ни один не принёс беды. Я снова оглянулась. Преследующая нас пелена не походила на бледные, как пар в морозном воздухе, природные туманы. Этот был опасным и... разумным. Бабушка с силой тянула меня вперёд, я бежала что есть мочи, но не могла не смотреть на сгущающиеся за спиной клубы. В них появился сизый силуэт, напоминавший волка, только крупнее раза в два: огромная голова с чёрными провалами глаз, шесть лап... Шесть! Зачем? Тень двигалась скачками – четыре лапы касались земли одновременно, потом пара задних толкала тушу вперёд. Я видела это, хотя всё остальное – деревья, дорогу, даже бабушку – трудно было разглядеть из-за сгустившегося вокруг марева. Страшилище настигало. Два шага отделяло его разинутую пасть от моей спины. Моих два шага, а его – один-единственный прыжок. Это казалось невозможным, но я ускорила. Глянула вперёд – в отгородившей нас от остального мира завесе жёлтел расплывчатый кружок. Всю предыдущую дорогу солнце слепило, мешая смотреть, теперь же оно стало единственным ориентиром в белёсой тьме.

– А-а! Бабушка!

Рывок за юбку остановил мой бег. Оборачиваясь, я рефлекторно потянула её. Передние лапы чудища оканчивались человеческими кистями с выпирающими на суставах шишками. Ткань схватили не пастью! Клыки в ней были огромные, острые, совершенно звериные – я успела заметить

их прежде, чем челюсти сомкнулись на моём запястье. Бабушка выхватила из притороченных к поясу ножен острый кинжал и всадила лезвие между зияющих чёрной пустотой глаз. Хватка чудища ослабла, я выдернула руку, клыки, разжимаясь, оставили на коже две глубоких обжигающих полосы. Пятясь, я заметила ещё один взмах кинжала: бабушка отсекла кусок ткани от моей юбки.

– Беги!

Уже через десять шагов мы оказались на свободной от тумана дороге и, отбежав немного дальше, повалились на землю. Я почувствовала пряный запах мокрой почвы, ощутила песок во рту – он скрипел на зубах и облепил язык. Отплёвываясь, я приподнялась на локтях и оглянулась: туман отползал, истончаясь, таял – он не пересёк границу леса.

Бабушка сидела на земле, опершись на руки, и, широко раскрыв глаза, всматривалась в отступающего врага. Я с благодарностью оглядела покрытые пуговками мха камни, ровную, серую поверхность и виднеющиеся в отдалении скалы – мы сумели выскочить на плато. Здесь мы в безопасности.

Рану жгло. Я села, поднесла руку к глазам: кровь сочилась, собиралась в струйку и капала на землю.

– Сиди тут. Я вернусь за коробами, – велела бабушка, поднимаясь.

Я протянула к ней укушенную руку:

– Надо кровь остановить. Есть чем перевязать?

– Тебя укусили? – Она резко обернулась, испугав меня. –

Молчи об этом! – бабушка закатала мой рукав и с нажимом водила ладонью по коже, ускоряя бег крови. – Пусть вытечет как можно больше, – ответила на мой непонимающий взгляд.

Вскоре началось головокружение, потемнело в глазах, бабушка замотала рану шейным платком и старательно натянула поверх него рукав кофты. Оставив меня одну среди камней, вернулась в лес. Полусонными улитками ползли бесконечные минуты ожидания. Страшно не было – мной завладело тупое безразличие, хотелось лечь и уснуть. Я не торопила бабушку, не могла даже представить, что потащу тяжёлый короб дальше. Но ведь и бросать его нельзя. Нам предстоит напрясть ниток и связать тёплые вещи на продажу. Не будет башлыков, рукавиц и носков – не сможем покупать обувь, посуду, инструменты, книги, наконец. Горный лорд обеспечивал семьи работников основными продуктами, зерном для домашней живности, торфом и дровами, но особой щедростью не отличался, приходилось и самим крутиться.

Сначала я услышала хруст камней, потом сквозь чуть разомкнутые веки увидела бабушку. Она согнулась под тяжестью двух коробов: большой нацепила себе за спину, а второй поставила сверху.

– Поднимайся! – крикнула она, не дойдя до меня полсотни шагов. – Поднимайся. К вечеру надо быть дома.

Я, пошатываясь, встала и протянула руки, идя ей навстречу.

– Разворачивайся, глупая! – сбивая дыхание, кричала бабушка. – Домой топай. В деревню, не ко мне.

– Как же? – еле шевеля губами, спросила я. – Как же ты?

Она не ответила. Правой рукой придерживала короб, давящий ей на затылок, левой вытирала заливающий глаза пот. Не чувствуя в себе сил помочь, я послушалась – пошла вперёд. Бабушка вскоре догнала меня, пришлось торопиться, чтобы не отстать. С трудом я подавляла желание схватиться за болтающийся ремень короба. Скалы, камни, облака затеяли танец, сливаясь в пёструю вереницу. Я, словно младенец, случайно оказавшийся в центре праздника, где подвыпившие мужчины и женщины мчатся в бесконечном хороводе, уставилась на собственные ноги, потому что только они двигались неторопливо. Так мы добрались до Высоких врат – пещеры, соединяющей малое и большое плато. Сразу за пещерой стояли первые дома деревни, через неё дорога вела к замку.

Бабушка молча похлопала меня по плечу и указала на мой короб. Общими усилиями мы стянули его с большого и водрузили мне за спину. Я пошатнулась, но удержалась на ногах и шагнула в темноту. Идти осталось совсем немного, а появиться в деревне без ноши, когда бабушка тащит оба короба, я не могла себе позволить, поэтому стиснула зубы и ползла.

– Никому ни слова о том, что мы видели, – шипела мне в ухо бабушка, – поняла, Лэйла? Ни одному человеку: ни

подругам, ни сестре! Иначе тебе не выжить. Да и мне.

– Это заразно? – я не понимала, чего опасается бабушка – яд, даже если он и попал в кровь, наверняка вытек наружу. Не зря же она выцедила из меня столько!

– Лорд казнит всех укушенных, – ещё тише ответила бабушка – мне приходилось напрягаться, чтобы разобрать её слова. – О причинах мне не известно.

Больше нам не удалось поговорить. У выхода из пещеры нас поджидала Котя – моя сестра. Она вспорхнула с валуна, на котором сидела, кинулась ко мне и принялась стаскивать ремень с плеча.

– Дай мне! Донесу!

Я не стала сопротивляться. Котя на четыре года младше. Она обижалась, что бабушка не позволила идти с нами, и хотела доказать, что ей под силу тащить тяжёлый короб. Глупышка Котя! Как же хорошо, что ты не была в том лесу и не видела шестилапого зверя! Дрожь прошла волной по телу от этого воспоминания. Как же я была благодарна сестрёнке за помощь!

***

Наутро проснулась свежей и абсолютно здоровой. Сил было едва ли не больше, чем до похода в долину. Напрасно бабушка переживала – чудовище не навредило мне. Поднявшись с постели, я закружилась по светёлке. Напевая, подскакивала, перебегала, разводила и сводила руки, наклонялась то в одну, то в другую сторону, на ходу придумывая новые

движения. Как же здорово, что всё обошлось! Сестрёнка, заразительно хохоча, присоединилась к моему танцу.

Веселье прервала бабушка. Появившись в дверях, она громко кашлянула, привлекая внимание, и велела одеться, быстро позавтракать и приниматься за дела. Угрюмый взгляд, которым она одарила меня, выходя, заставил поёжиться. Мне было поручено заняться шерстью, а Котя помогала по хозяйству.

Трепать шерсть – занятие не из приятных, но без него не обойтись. Подойдя к большому коробу, я пробормотала:

– Только бы она была чистой! – откинула крышку и не смогла сдержать вздох восхищения: – Красота! Воздушная, как облачко!

Большой короб был доверху заполнен белой, словно промытой в горном ручье шелковистой шерстью: ни комков, ни сора – шерстинка к шерстинке! Заглянув в маленький короб, я увидела коричневую шерсть, тоже чистую и пушистую. Задание было выполнено уже до обеда, чему бабушка очень удивилась. Покачивая головой, она выслушивала мои объяснения. При покупке шерсть не была такой, в ней попадались колючки, травинки, семена... Бабушка не понимала, как получилось так быстро всё вычистить, аккуратно растянуть комья на волокна, и зачем я морочу ей голову. Вот так – ожидаешь похвалы, а получаешь нотацию. Но всё-таки бабушка осталась довольна. Иначе бы не отпустила погулять. Вечером за мной зашла подруга Уилья и упросила поводить её

к замку.

– Ты что, сама дороги не знаешь? – указала я на видневшуюся вдали надвратную башню.

Ответила Уилья уже после того, как за нами закрылась калитка:

– Мне нужно к Западной.

– Это ещё зачем?

Понятно, почему подруга обратилась ко мне – кто бы ещё сумел провести её по опасной тропе к западной стене замка?

– Мы с Тарием договорились встретиться там за час до заката.

Это было полнейшей глупостью. Сама я смогу пройти над обрывом и с закрытыми глазами, но полноватая неуклюжая Уилья умудрялась падать даже на ровной дороге. И вдруг такие подвиги! И зачем? Тарий – друг моего брата – всего две недели в замке, уж можно было дожждаться, когда он придёт навестить родных.

– Да, – всхлипывала подруга, – у тебя нет жениха, поэтому и не понимаешь, как мы тоскуем! Нам хочется видеться каждый день! А его ещё целый год могут не отпустить!

Я больше не спорила. Взяла с неё обещание ступать за мной след в след, не суетиться и слушаться. Уилья с готовностью затрясла головой. Пока мы пробирались к замку вдоль скалы, я размышляла над словами подруги: Гуриан может застрять в замке на год, а я уже сейчас по нему скучаю – новым работникам не дают ни дня отдыха, пока те не переймут

все навыки предшественника. Но ведь это не про моего брата? Он ловкий, сообразительный – наверняка быстро освоится и через месяц появится дома. А может быть и раньше. Как бы мне этого хотелось!

До башни мы добрались чуть раньше назначенного срока, но Тарий уже мялся у дверей. Сердобольный ратник выпустил парня, строго запретив отходить дальше, чем на десять шагов. Надо было видеть, как летела толстушка Уилья в распахнутые объятия жениха! Чтобы не мешать влюблённым миловаться, я пошла вдоль стены. Позади меня раздавались вздохи, смешки и шепоток. Стало неловко слушать, и я прибавила шаг. Не заметила, как достигла северной части стены. Угол замка расположился на нависшем над морским побережьем утёсе. Говорили, что отсюда открывается потрясающий вид, хотя редко кому удавалось им полюбоваться. К западной-то башне не разрешалось лишний раз приходить, северную же охраняли с тройным усердием. Вот бы увидеть море!

«Выгляну на одно мгновение из-за угла, – уговаривала я себя, – если не будет поблизости охраны, пройду чуть дальше. Посмотрю одним глазком, и обратно!»

Однако, обойдя северную башню, я забыла и про море, и про охранников. Как зачарованная двигалась по дорожке, упиравшейся в необыкновенное сооружение – огромная прозрачная, будто сделанная из чистейшего хрусталя труба соединяла небо и землю.

Что это может быть? Никаких предположений в моей голове не возникало. Труба располагалась напротив широких ворот. Как только я преодолела половину пути до неё, створки распахнулись, из замка выехала запряжённая четвёркой лошадей карета и сразу попала в трубу. Внутри оказалась просторная и тоже прозрачная платформа. Лошади, как ни удивительно, не боялись высоты, стояли, чуть переступая на месте, будто под их копытами была не двухкилометровая высота, а прочный лёд зимнего озера. «Ух! Ничего себе!» – только и успела воскликнуть я, как площадка с каретой и лошадьми поползла вниз. Сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее.

Так это спуск! Вот почему горный лорд никогда не проезжал через нашу деревню! Мы полагали, что господин безвылазно сидит в замке, но, оказывается, есть другой путь. Цепляясь за валун, служивший ограждением, я перевесилась и заглянула в обрыв. Хрустальная труба упиралась в землю. Ждать, когда карета выедет на побережье, я не стала. Посмотрела вверх...

Лучше б я этого не делала! Уходящую выше арки трубу заполнял знакомый мне зеленоватый туман, а в нём мелькали сизые тени. Пятясь и хватаясь за холодные камни стены, я не могла отвести взгляд от страшилищ. Они двигались внутри трубы по кругу, упираясь четырьмя лапами в невидимый пол, и передними, похожими на руки, толкали невидимый вал. Вот что двигало площадку с каретой! Я читала о лифтах

в богатых домах, но там кабиной управляли механизмы.

Размышления прервали возгласы и звон металла. Начиается обход! Я припустила к башне. Лишь бы меня не заметили! Никому не расскажу о хрустальном пути, только бы убежать! На повороте оглянулась. Ратники покинули замок и шагали в мою сторону. Им всего-то ничего надо пройти, а мне до западной башни во-о-н сколько. Не успею! Рассуждать было некогда, и я бросилась прочь. Но уже через несколько шагов с ужасом заметила, что навстречу мне торопится Уилья. Жестами я убеждала её повернуть обратно, кричать опасалась – охрана могла услышать, но бестолковая подруга лишь ускорила шаг.

– Назад! Назад, скорее, – шипела я, надеясь, что Уилья поймёт мои знаки.

Она остановилась в пяти шагах и замерла с вытаращенными глазами: уставилась на вынырнувших из-за башни стражников. Тут я краем глаза увидела углубление в стене – как раз для двоих. Схватила подругу и увлекла её в нишу. Я-то спряталась полностью, толстухе же не хватало пространства: как бы Уилья не прижимала спину к шершавой кладке, живот и пышную грудь убрать в темноту не получалось.

– Хоть бы не заметили! – бормотала я. – Пусть идут мимо и не смотрят сюда!

Надежды было мало, я попутно соображала, как бы оправдаться. Лорд уехал, быть может, охрана не станет усердствовать? Твердя мольбу о том, чтобы нас не увидели стражники,

и отмечая одно за другим приходящие на ум жалкие оправдания, не слышала, как тяжёлые шаги приблизились и... стали удаляться. Очнулась от горячего шёпота подруги:

– Лэйла! Ты где? Я тебя не вижу. Лэйла!

– Сама-то где? – спросила я, обернувшись. В приглушённом свете заходящего солнца мне удалось рассмотреть лишь тёмные квадратные камни. – И я тебя не вижу.

Мы нашли руки друг друга. Я почувствовала, что ладони Уильи вспотели, а пальцы дрожат:

– Это колдовство?

Не успела я что-то ответить, испуганное лицо подруги появилось прямо передо мной. В волнении мы вышли из ниши и стояли на дорожке, вцепившись друг в друга. Хорошо, что стражники успели отойти довольно далеко.

– Если и колдовство, то оно пришлось кстати, – я старалась говорить ободряюще. – И пусть это останется между нами.

– Да! Никому! Ни слова! – усердно кивала Уилья.

Мы пробрались к заветной тропе. Пока преодолевали скалистый участок, подруга помалкивала, едва спустились на плато – принялась болтать. Я не вникала, размышляла о нашем чудесном исчезновении, о хрустальном лифте и шестилапых чудищах, о брате и родителях, угодивших в замок, который оказался весьма подозрительным местом. Уилья несла несуразную чушь, что было простительно влюблённой девушке. Конечно, она скучала по Тарию, понятно, что мечта-

ла попасть на работу в замок, чтобы встречаться с женихом не урывками, а каждый день. Я же после увиденного к горному лорду в услужение не собиралась, напротив, очень хотела, чтобы мама, папа и брат вернулись в деревню. Но едва ли лорд отпустит их. Интересно, а можно сбежать оттуда?

– Как думаешь, – перебила я подругу, – почему никто не уходит из деревни?

– Хочешь уйти?

Я отрицательно покачала головой. Мне нравились горы, скалы, безлюдные тропы, заснеженный перевал, откуда открывался вид на морскую даль. Круто менять жизнь было страшновато. Гуриан мечтал о долине, хотел бы учиться в настоящей школе, а не по книгам и рассказам бабушки, однако подобно всем остальным вынужден трудиться в замке.

– Мы собирались убежать, – заговорщицки зашептала Уилья, – Тарий всех возниц обошёл, когда осенний продуктовый обоз был здесь. Ни один не согласился взять нас. Говорят, лорд, заключая договор на поставки, строго предупреждает купцов, что отзовёт разрешение, если они станут помогать деревенским.

– Но ведь можно пешком, – возразила я.

– А горные тени! – воскликнула подруга. – Они чувствуют, когда человек уходит насовсем. Тогда держись! Точно сожрут.

Моё удивлённое лицо остановило Уилью. Она зажала рот ладонью и часто моргала, поглядывая на меня искоса. Я встала рядом и, сжав губы, рассматривала толстуху. Та поняла,

что придётся договаривать.

– Дедушка велел молчать, – жалобно заныла она. – Не выдай меня...

Кивнув, я потянула Уилью за рукав.

– Идём. Темнеет уже. Так что же твой дедушка рассказал о горных тенях?

– Слышала? Они опять появились в лесу, – перевела разговор хитрая девчонка. Меня передёрнуло: кто мог узнать, что тени начали охоту? Уилья продолжила: – Вчера по домам ходили двое дознавателей, искали укушенных...

Продолжать расспросы я не смогла, так меня поразила эта новость, и подруга благополучно перескочила на излюбленные темы: Тарий, их скорая свадьба, устройство на работу в замке...

***

Наутро меня разбудили голоса. Грубый мужской требовал пропустить, бабушкин звонкий возражал. Сразу стало ясно, что непрошеному гостю была нужна я, но бабушка не соглашалась меня будить. Мужчина приступил к угрозам и, чтобы он не начал распускать руки, я накинула шаль прямо поверх рубашки и выбежала за дверь. Незнакомец стоял около лестницы на второй этаж, бабушка загораживала собой вход в нашу светёлку и, услышав скрип двери, обернулась:

– Босиком! Обуйся сейчас же, простынешь.

Выполнить её просьбу я не смогла. Лордовский приспешник схватил меня за локоть и, кивнув на хозяйку, приказал

незаметно притулившись в уголке товарищу:

– Уведи её. Я с девахой потолкую.

Мы остались в коридоре одни. Стараясь сохранять хотя бы видимость спокойствия, я прошла к лестнице и уселась на ступеньку, кутаясь в шаль. Мужчина привалился плечом к косяку двери в сени, пристально смотрел на меня.

– Была в лесу позавчера? – спросил он прямо. Я кивнула. В горле пересохло, и голос мог выдать волнение. – Туман видела?

Прокашлявшись, я подтянула ноги ближе и укутала их шалью, показывая, что озябла. Быть может, дрожащий голос сойдёт за простуженный?

– Я много раз видела туманы, господин.

– Значит, видела?

Я замотала головой.

– О позавчерашнем дне спрашиваю, – сердился дознаватель.

– Не было в лесу тумана, господин. Солнце слепило, какая стояла ясная погода.

Шагнув ближе, он присел на корточки и уставился мне в лицо:

– Люди видели, как вы со старухой в туман ушли.

– Она не старуха! – получилось визгливо. Я опять прокашлялась, подоткнула концы шали под стопы и посмотрела в глаза сердитого человека. Они были до прозрачности светлые, как будто не растаявшие льдинки, а белки пересекали

тонкие красные нити.

– Ну, так что? Скажешь правду? – в голосе дознавателя kloкотал сдерживаемый гнев.

Я лихорадочно соображала, кто мог видеть нас? Никто не мог. В долину ходят из деревни пять-шесть человек. Стараются по возможности собираться вместе. Бабушка всех опросила, компанию нам не составили. А уж за просто так в лес никого не заманишь. Собравшись с духом, я выдала тираду:

– Не знаю, кто вас обманул, господин, да только не было тумана. Разве что позади. Так я не оглядывалась. Устала очень. Короб тяжёлый. Жуть! Мы за шерстью ходили в долину. Чудо как хороша. Связать вам рукавицы, господин? Я денег не возьму. В подарок.

Что меня дёрнуло сморозить о рукавицах? Да только сработало. Дознаватель распрямылся и хмыкнул, пряча улыбку.

– А удивительного с тобой ничего не случилось? – Я взглянула на него, задрав подбородок. – Например, захотелось чего-нибудь, а оно вот. Как по мановению волшебной палочки. Было? – пояснил он, пристально меня изучая.

Вчера и было. Но я не могла признаться. Что скажу? Мол, ходила с подругой к западной башне, забрела за северную, видела хрустальный лифт с чудищами на лебёдке. Как это прозвучит? Я громко икнула и замерла с задраннным подбородком и приоткрытым ртом. Вид мой развеселил дознавателя. Он заколыхался от смеха, сильно выдувая носом воз-

дух и, чуть успокоившись, сказал:

– Ладно, деваха, иди к себе. А то и впрямь простынешь.

Я подскочила, в два шага оказалась в светёлке, высунула в щель голову и спросила:

– А может, перчатки связать? Если надо, меня бабушка научит.

Дознаватель только рукой махнул на меня. Закрыв плотнее дверь, я кинулась мимо напуганной сестрёнки на кровать и закуталась с головой в одеяло. Котя, крадучись подошла, села на краешек:

– Чего им надо?

– Ничего, – голос, приглушённый одеялом, звучал спокойно, – ко всем ходят. Не бойся.

Как же хорошо, что Уилья предупредила меня! Если бы не вчерашний разговор, вряд ли удалось бы провести дознавателя. Можно было торжествовать, но я беспокоилась за бабушку. За дверью снова слышались голоса, на этот раз тихие. Говорили неразборчиво. Потом хлопнула дверь в сени. Котя выглянула в окно и сообщила:

– Уходят!

В светёлку зашла бабушка:

– Ну что, сони? Пора за дела приниматься!

Было приятно слышать её бодрый голос. Я откинула одеяло, подскочила с кровати и бросилась обниматься. Она прижала меня к себе и шепнула на ухо:

– Умница!

Весь день с небольшими перерывами я чесала шерсть. И думала, думала, думала. Кто же такой наш лорд? Человек ли он, вообще? Почему горные тени служат ему? Почему именно сейчас шестилапые чудища объявились в лесу? Зачем лорд ищет укушенных? Горькие неповоротливые думы замедляли работу. Критически осмотрев то, что я успела сделать за семь часов и то, что ещё предстояло, я вздохнула:

– Вот бы вся шерсть была расчёсана, а ещё лучше, уже в нитках!

Вязать мне нравилось куда больше, чем прядь.

Вошла бабушка. Я повернулась к ней, ожидая упрёков, однако она замерла, вскинув брови, отчего лоб собрался в добрую гармошку:

– Лэйла! Как ты умудрилась?

Было чему удивиться. Вместо пышных облаков непряденой шерсти на столе лежали клубки молочно-белых и коричневых ниток. Сердце моё колотилось не только в груди, но и в горле, в ушах и даже в кончиках пальцев. Стоит мне пожелать чего-то, пусть даже шутя, оно мигом исполняется. И это началось после того, как в лесу меня цапнуло чудище. Вот о чём спрашивал дознаватель! Вот чего опасается лорд! Вот почему ищут укушенных.

Бабушка долго теребила меня, спрашивала, говорила, но смысл фраз терялся, не достигая цели. Услышала я только последнее:

– Надо бежать. Как можно быстрее. Завтра, – она взяла

меня за плечи, тряхнула как следует: – Собирай вещи. Свои и Котины. Всё самое необходимое. Ей ни слова. Я пойду, нитки продам.

Она схватила корзинку, смела туда со стола все чудесным образом напряденные клубки, строго взглянула на меня и вышла. Вместо того чтобы броситься выполнять поручение, я уселась на лавку, уронив руки на колени. Бабушка права. Такое не скроешь, дознаватели рано или поздно сообразят, что их провели. Но как уйти? Как же мама, папа, брат? Я больше никогда их не увижу? Гуриан мечтал жить в низине, а останется в горах. Родители счастливы, получая день отдыха и возможность повидать дочерей, а теперь лишатся этой радости. Не вздумает лорд мстить нашим родным? Сумеет ли мы пройти через лес? Вдруг чудовища поджидают беглецов?

Меня окликнула сестра, звала ужинать. Котя сварила че-чевицы, нарубила в неё крутые яйца и добавила черемшу. Несмотря на переживания, ела я с аппетитом. Не хотелось думать о плохом, но как не думать, когда бросаешь дом, где родился? Будет ли у нас с бабушкой и сестрой возможность вот так посидеть за столом? Где придётся спать следующей ночью? Сумеет ли найти работу? Ведь поддержки от лорда мы больше не получим! Котя нахваливала блюдо собственного приготовления, щебетала о том, как скучает по брату, спрашивала, куда подевалась бабушка, а я помалкивала – не представляла, что отвечать. За приготовления к побегу так и не взялась – решила уговорить бабушку остаться. Быть мо-

жет, я сумею отделаться от свалившегося на мою голову дара? Что, если переговорить с дедушкой Уильи? Вдруг он сумеет помочь?

***

Следующим утром случилось то, что придало мне решимости. Я занималась Котиными вещами. Она восприняла новость о путешествии с воодушевлением. Немного печалилась, что нельзя попрощаться – считай, похвастать – с подругами. Мой короб ожидал у дверей светёлки, Котин тоже был почти доверху заполнен, я размышляла, взять ли книги. Они прочитаны, а в долине можно купить новые. Однако расставаться с верными друзьями было больно.

– Эдели! Доченька! – послышалось бабушкино восклицание. – Вейс! Гури! Внучек! Как же все разом вырвались-то? – Мама! Папа! – вспорхнула с места Котя.

Я побежала за ней. В сенях стояли улыбающиеся родители и брат. Мы бросились обниматься.

– Не знаю, что случилось с распорядителем, – басил отец, – на два дня отпустил всей семьёй. Невиданное дело!

Перехватив бабушкин строгий взгляд, я кивнула и спрятала лицо у папы на груди. Да, я очень хотела, чтобы родители и брат пришли. Разве это странно? Теперь, когда дома был зять, бабушка отстранилась от руководства нами. Треволнения последних дней совершенно её вымотали, требовалась передышка.

Вскоре семья собралась вокруг стола на втором этаже.

Отец настойчиво расспрашивал, что произошло и почему идут сборы. К моему изумлению, бабушка рассказала всё без утайки. Наверное, ей не терпелось освободиться от чрезмерного груза.

– Ну, вот что, – заговорил отец в наступившей тишине, – сегодня мы никуда не побежим, надо подготовиться. Я часа на три по делам отлучусь, остальным из дома носу не показывать! Уйдём завтра на рассвете.

Он строго посмотрел на Котю. Щёки её вспыхнули – отец угадал мысли, копошившиеся в светлой головке, но уже через секунду сестрёнка прижалась к плечу брата и улыбнулась:

– Хорошо, папочка.

Все принялись за еду, посматривая друг на друга и хитро подмигивая, каждый старался приободрить остальных. Тайна сплотила нас, и то, что мы оказались все вместе, придавало мужества. Я залюбовалась папой. Он уже десять лет работал главным кузнецом в кузнице замка и словно впитал в себя жар раскалённого металла. Кожа его отливала бронзой, мышцы перекачивались под льняной тканью праздничной рубахи. От отца веяло силой, огнём, надеждой. Светловолосая мама с нежным спокойным лицом излучала любовь. Ни тени сомнений в правоте мужа не мелькнуло в её тёплом взгляде. И всё же, сколько я не утешала себя тем, что жить в долине всей семьёй лучше, чем здесь, мне было жаль расставаться с домом. Кроме того, идти через лес, охраняемый

горными тенями, было страшно до жути.

После трапезы мы приступили к сборам. Мама перетряхнула наши с Котей короба, и в них освободилось немного места. Погода стояла тёплая, а в долине, по словам бабушки, ещё теплее, но мама поверх наших вещей уложила шерстяные пледы. Несмотря на это, хватило пространства для безделушек и нескольких самых любимых книг.

В суете время летело незаметно, однако меня посещали мысли об Уилье: жаль, что не получится попрощаться с подругой. Она будто почувствовала, пришла под вечер к нашим воротам и вызвала меня на улицу. Незадолго до этого отец привёл ослика, запряжённого в тележку – купил его в соседней деревне, сказав, что будет перевозить камни для строительства. Уилья, заметив папино приобретение, удивлённо вскинула брови, я соврала что-то насчёт кузни, которую намеревается построить отец. Подруга тут же забыла об этом и начала канючить:

– Лэйла, дорогая, проводи меня к западной башне, пожалуйста.

– Сама дойдёшь, – холодно отрезала я. Переживала за неуклюжую толстуху, но послушаться отца и улизнуть с ней не решалась.

Мои оправдания не вызвали сомнений: куда предпочтительней провести вечер с братом и родителями, чем лазать по скалам. Уилья ещё немного поныла, но, видно, страх оказался меньше, чем желание повидаться с женихом. Я вос-

пользовалась моментом и спросила, не говорила ли она с дедом о горных тенях. Подруга предложила сесть на скамью, с гордостью взглянула на меня, взяла слово, что я никому-никому не проболтаюсь, и поведала такую историю:

Прапрадед нашего лорда растратил почти всё состояние. Ему едва не пришлось продать замок, чтобы расплатиться с долгами. Тогда-то он и заключил сделку с тёмными силами. Неизвестно, что лорд предложил в обмен на процветание, да только с тех пор все его желания исполнялись. Одно из этих желаний было таким: горные тени на службе у него и всех его потомков. Лорд приказал страшилицам не пропускать жителей деревни через лес. Все, кто хотел спуститься в долину, погибали от клыков, а тех, кому удавалось спастись, убивал сам лорд.

Значит, я правильно догадалась. Чудовища служат лорду, однако...

– Почему же горные тени пропадали целых двадцать лет, а теперь снова объявились?

Уилья пожала плечами:

– Наверное, потому, что кто-то хотел сбежать, а лорду донесли.

– Кто? – воскликнула я. Лорд никак не мог пронюхать, что мы соберёмся в долину. Мы и сами-то не знали.

– Я и Тарий. Наверное, возницы, к которым он обращался, сказали купцам, а те лорду, – Уилья поднялась. – Ладно, жаль, что придётся карабкаться одной, но родители – это

святое.

Я тоже встала и порывисто обняла подругу. Она не догадывалась, что мы видимся в последний раз, и легонько оттолкнула меня, смеясь.

– Не подлизывайся! В следующий раз не приму никаких отговорок!

Едва рассвет выхватил из объятий ночи снежные колпаки горных вершин, наше семейство отправилось в путь. До этого нам с Котей пришлось побегать – бабушка поручила посадить кур в корзину, под которой обычно прятали цыплят, выпуская на травку. Крышки у корзины не было, поэтому перепуганные несучки выскакивали на волю, пока мы догадались накрыть корзину куском брезента. Я держала концы, а сестра запихивала под него пойманную птицу. Долго гонялась за петухом, тот не давался в руки, даже клюнул несчастную охотницу в ладонь и в коленку. Я крикнула, чтобы Котя оставила рыжего сорванца, но тот, увидев, как уплывает корзина с его подружками, сам догнал нас и безропотно дал посадить себя в тесное временное жилище. Корзину водрузили на тележку поверх мешков с зерном, чечевицей, мукой и прочими припасами.

Шли мы парами. Впереди мама и бабушка вели под уздцы ослика, за телегой топали Гуриан и Котя со своими коробами. Они хихикали и подначивали друг друга, чем страшно меня раздражали. Неужели брата и сестрёнку не пугает дорога через лес? Замыкали шествие мы с отцом. Я то и дело

оглядывалась и спотыкалась из-за высокого темпа.

– Что там? – спросил отец, поймав меня за локоть, когда я запнулась и чуть не села на каменистую дорогу.

– Наш дом, – я, не собираясь скрывать, что мне жалко бросать его.

– Уже не наш, – сообщил папа. – Я вчера продал его калеке Пириуту, – поймав мой ошарашенный взгляд, объяснил: – Нам понадобятся деньги, чтобы купить или хотя бы нанять жильё, а Пириут давно мечтал о расширении – ему тесно с пятью детьми в маленькой избе.

Пириут был папиным другом, работал на мельнице в замке. Там случился пожар, на Пириута обрушилась крыша, и он остался одноногим. Лорд освободил ещё молодого работника, и тот, несмотря на увечье, умудрился построить собственную мельницу и стать вполне состоятельным человеком. Новость меня порадовала. Я представила, как в светёлке поселятся рыжие двойняшки Арта и Орла, как будут съезжать по перилам лестницы их младшие братишки, и успокоилась. Дом не осиротел. Теперь мыслями завладела дорога через лес. Что, если по моей вине погибнет вся семья? Не лучше ли было сдаться дознавателям? Я с трудом уняла дрожь, представив палача и сверкающий на солнце топор.

– О чём задумалась? – наклонился ко мне отец.

Я затрясла головой, не решаясь сознаться в своих страхах. Отцовская ладонь легла на моё плечо. Сразу стало спокойнее, сердце, до этого скакавшее в груди подобно ошалевше-

му от весны воробью, вернуло привычный ритм.

– Не волнуйся, Лэйла. Всё будет хорошо. Меня приглашал на работу один барон, ему очень понравилась скамья, которую я выковал. Они даже поссорились с лордом, когда тот не согласился отпустить меня. Теперь я сам себе хозяин и... знаю, где искать барона.

Вот, оказывается, как! Папа всё продумал, он не просто ринулся спасать дочь, а составил план и действует по нему. Мама обернулась, я поймала её ласковый взгляд. Он будто бы сказал: «С отцом не пропадём!» «Не пропадём, – согласилась я, – только бы миновать лес!»

Осталась позади пещера. Мы шустро пересекли малое плато. Я всматривалась вперёд, пытаюсь угадать, нет ли тумана между деревьями? В неярком свете начинающегося дня всё казалось размытым. Или это слёзы застилают глаза? Пытаясь проморгаться, я ударилась лбом о короб Гуриана. Брат резко остановился, подчиняясь знаку бабушки. Мама, папа, Котя, Гуриан и даже ослик смотрели на зеленоватые колышающиеся, словно от переменчивого ветра, клубы – туман ждал нас. Там, за корявыми стволами – я знала это – притаились шестилапые чудища, готовые растерзать нас в угоду жестокому лорду. Стиснув влажной ладонью рукоять кинжала, подаренного папой сегодня утром, я обошла всех, встала впереди и громко произнесла:

– Желаю, чтобы вы освободили путь! Уходите!

Все надежды наши зиждились на том, что мои желания

исполняются. Так было все дни после того, как клыки горной тени впились в моё запястье. Неужели дар иссяк? Не сейчас! Одно желание, пожалуйста! Туман замер, будто ожидал чего-то. Вглядевшись, я различила сизые силуэты с чёрными провалами глаз. Я сделала ещё несколько шагов. Позади меня слышалось шуршание мелких камушков под подошвами и скрип колёс телеги. Щёки мои пылали, губы высохли и потрескались, в груди пекло. Я сделала ещё шаг, вытянула вперёд руки, выронив нож и едва не касаясь матовой дымки:

– Пусть это будет последнее желание, исчезните! Молю!

Закрыв глаза и покачиваясь от изнеможения, я стояла и готова была стоять, пока просьбу не выполнят. Меня обдало теплом – это отец подошёл и обнял за плечи:

– У тебя получилось, дочка! Путь свободен.

***

Дорогу через лес не помню. Очнулась только в полдень, когда мы спустились в долину. До селения оставался час пути, отец, чтобы дать нам отдохнуть, развёл костёр.

– Ну? Укушенная, – обратился он ко мне весело, – а пожелай-ка всем нам по изрядному куску жареной баранины!

Потирая руки, я зажмурилась и представила расстеленную на молодой траве скатерть, а на ней овечий сыр во влажной тряпице, румяные лепёшки, ароматную колбасу... К огромному разочарованию, открыв глаза, ничего не увидела.

– Не переживай, Лэйла, – присела рядом мама. Она про-

тянула мне толстый ломоть хлеба, посыпанный солью, и облупленное крутое яичко, – мы и без волшебства сдюжим. Главное – все вместе.

Я с удовольствием жевала хлеб, прихлёбывая ледяную воду из кружки, которую принесла мне Котя, шурилась на атласное синее небо, пронизанное жарким светом, и чувствовала, как меня обнимают нежные крылья счастья.

Наталия Смолина

Оптимист и непоседа. Существо творческое, особо люблю вышивать, собирать мозаики.

<https://vk.com/id41007399>

<https://ficwriter.info/component/comprofiler/userprofile/Astalavista.html>

Победитель

Тысячи свечей заливали мир светом. Жар краснил щёки, приятно бежал каплями пота по спине, но главное, сэр Николас не сдерживал счастливой улыбки, огонь пылал в душе. Просторный светлый зал, украшенный живыми цветами и фигурками амуров, заполнили люди. Они собирались в группы у окон, занимали диваны – их смех звенел в воздухе колокольным звоном базарного Петрушки. Они ждали. Главное блюдо ждало. И он, никому доселе неизвестный, сэр Николас, стоял рядом, в самом центре, и ловил жадные взгляды.

Вот мадам Жюстина, хозяйка дома, хищно взмахнула веером, словно пыталась прихлопнуть назойливое насекомое, и отпила из бокала. Тяжёлые серьги блеснули в огне свечей. Сэр Николас отвёл взгляд и быстро облизнул губы, опёрся о стол, на котором, на позолоченном блюде, возлежала драконья голова. Магия защищала её от разложения и несколько приукрашивала. Малахитовая чешуя мрачно переливалась, маленькие янтарные глазки злобно сверкали в пустоту, из распахнутой пасти тянуло жаром.

– Расскажите, как вы его победили, – прикрыв глаза, словно агнец, выдохнула мадам Жюстина. Пиршество началось. – Достопочтимый сэр... рыцарь.

– Николас, – тихо вздохнул тот, но фраза потонула в го-моне.

– Да, да, расскажите, – зашелестело со всех сторон. Толпа придвинулась.

Замелькали разноцветные веера, дамы хищно вытянулись и впились в сэра Николаса взглядами, словно пытались растерзать. Их кавалеры ревниво сопели за спинами, гоняли безответных слуг. «Подумаешь, дракон! – то и дело доносилось с разных концов. – Я бы справился быстрее!» Дамы зло смеялись и старались придвинуться к голове поближе, прикоснуться. Преграда в виде сэра Николаса их не останавливала.

– Только посмотрите на рога! Сэр рыцарь, он что, бодался, как козёл?

– Какие зубы! Уверена, из них получится отличное ожерелье.

– Можно я возьму чешуйку на память? Она отлично сочетается по цвету с моим платьем!

– Как же вы его победили?!

Сэр Николас посмотрел на мадам Жюстину. Та ободряюще улыбнулась и будто случайно капнула вином на грудь. Капля побежала вниз, скрылась под лифом, стены вздрогнули от мужского стога. Самый расторопный кавалер протянул платок. Мадам Жюстина медленно провела по дорожке, не отрывая взгляда от сэра Николаса, облизнулась.

– Кто бы мог подумать, что у такого заурядного человека храброе сердце и острый ум. Рассказывайте, не разочаруйте меня!

Сэр Николас набрал в грудь побольше воздуха, унял дрожь. Он репетировал речь сутки, унимал глас совести – остановиться на полпути уже не мог.

– Чешуя драконов крайне прочна, у меня был только один шанс. Зубами он разгрызал скалы, а пламенем мог испепелить отряд таких, как я, на месте!

Сэр Николас взмахнул руками, тень от них скользнула по стене, превратилась в огромную пасть с сотнями острых зубов. Одна из свечей затрещала – и вот зал накрыли крылья, длинные, мощные. Зазмеился хвост, ударил рядом с мадам Жюстиной.

– Клубничное парфе готово. – В комнату, равнодушно наступив на лапу-тень, вплыл толстенький дворецкий. – Столики накрыты в саду, чтобы уважаемые господамы смогли насладиться видом на Императорский дворец.

Тени распались, изогнулись в бесов.

– Ах, парфе! Оно идеально сочетается цветом с моей сумочкой.

– Надеюсь, оно украшено цветами? Из них получается такое прекрасное ожерелье!

– Но как же... – попытался влезть сэр Николас.

Ответом послужил смех в саду.

Сэр Николас подул на ладони и потёр их друг о друга. Ночи становились холоднее, камзол просвечивал и уже не спасал от ветра. Дамы кутались в шали и согревались разгово-

рами: теперь, вместо звона ложек, сад перед домом заполнило их щебетание. Мадам Жюстина тушила свечи, тьма опускалась на мир, и гас огонь в душе.

– Эй, лакей! – Кто-то толкнул сэра Николаса в спину. – Скажи спасибо, что не вижу твоего лица – получил бы утром за нерасторопность! Убирайся с дороги!

– Ах, этот сэр, как же его, в общем, сэр такой забавный! – засмеялись справа. – Хочу увидеть его на следующей встрече. Мадам Жюстина обещает устроить маскарад! Надеюсь, сэр подберёт другой костюм: два раза одеваться бедняком так скучно!

– Хотела бы я увидеть его в шутовском наряде, – поддержали слева.

– Если бы ради меня убили дракона! – вздохнули впереди.

– Если бы ты хоть раз вовремя прикусила язык! – рявкнуло над головой.

Сэр Николас еле успел отскочить в сторону. Толпа затопала, зашелестела вперёд под крики и смех.

– Рыцарь, – тихо скользнуло в уши сэра Николаса. Он обернулся. Мадам Жюстина стояла на крыльце с горящей свечой. – Рыцарь, возвращайтесь ко мне. Возвращайтесь к своей спасённой Королеве.

Сэр Николас неуверенно шагнул вперёд. Ещё и ещё. Мадам Жюстина смотрела прямо на него, не отрываясь. Свеча чуть потрескивала, манила теплом, и сэр Николас отбросил сомнения, кинулся к ней со всех ног. Дом принял в объятия

как старого знакомого, слуги лишь скользнули равнодушными взглядами, блеснула – резанув душу – чешуя на голове. Мадам Жюстина опустилась на диван, поставила рядом на пол свечку и медленно, тяжело принялась взмахивать веером. Тени расползлись по стенам, поглотили окружающий мир. Сэр Николас придвинулся поближе к пламени.

– Рассказывайте, мой безымянный рыцарь, – властно велела мадам Жюстина. – Но прошу, не лгите. Ради красивых женщин льётся столько лжи! Покажите свою настоящую душу. Я пойму. Красивые женщины любят правду.

Сэр Николас вздохнул, сердце бешено забилося. Его не поняли другие – но много ли с них спросу? Он знал, на самом деле знал, что никогда не сможет стать рядом, что всегда будет отгорожен невидимой, но прочной стеной. Как тосклива жизнь за ней, как одинока! Но мадам, о, мадам Жюстина, – другое дело. Она поймёт – сэр Николас верил – обязательно поймёт и успокоит ворочающуюся совесть. Она же позвала его, она смотрит так ласково! В глазах сэра Николаса защипало.

– Я убил беззащитное существо. – Он опустил голову. – Он был слишком стар, чтобы сражаться. Всего раза в два больше меня, полуслепой. Да он даже едва двигался! Я просто подошёл и отрубил ему голову.

– И? – Мадам Жюстина изящно приподняла бровь. – Мне всё равно, как вы его победили, какой он был – что за сокровища вам достались? Где они? Я хочу их видеть. Неужели

вы считаете, что я их недостойна?! Рассказывайте, демон вас сожри!

– Мадам, – сэр Николас неуверенно посмотрел на неё, – но у него не было никакого золота. Ни камней, ни предметов – гол, как спичка, если можно так сказать о драконе.

– Тогда что он охранял в той башне?! – Мадам Жюстина хищно нависла над ним. – Что, жалкий червь, я тебя спрашиваю!

– Девушку, – медленно ответил сэр Николас. – Даже не принцессу – обыкновенную, какая попалась. Я узнал о ней после того, как убил дракона. Она выбежала из башни, упала на землю и заплакала. – Сэр Николас сжал кулаки. – Простая такая, нелепая. Тёплая...

– Девушку? Обыкновенную? – хрипло прошептала мадам Жюстина и истерично рассмеялась. И вдруг встала. Лицо перекосилось, ноздри раздувались, и она завизжала, словно гарпия:

– Жалкое ничтожество! Убирайся! Церковная мышь! Таракан! Чтобы духу твоего здесь не было!

Сэр Николас вылетел на улицу и замер на мгновение, выдохнул облачко пара. И пошевелил пальцами на ногах, чтобы хоть чуть-чуть почувствовать тепло.

Проклятия всё били и били по спине.

Луна серебрила дорожку через лес. Деревья защищали от ветра, чуть перешёптывались между собой – обсуждали

странного человека, что второй раз шёл запретной дорогой. Сэр Николас чуть покачивался, периодически останавливался и дышал, опирался на лопату. Сердце шалило, и он не знал, чем его успокоить – и надо ли. Сам ошибся, погнался за миражом – и столько дел ради этого миража натворил. Мадам Жюстина, эх, мадам Жюстина. Успеть бы теперь извиниться, залатать тонкой и короткой нитью гигантскую прореху.

За лесом ждала башня. Не выше деревьев, светлая, и, наверное, уютная внутри. Рядом с ней – туша убитого дракона. Ссохшиеся крылья, потускневшая чешуя и сточенные когти. Старый, даже слишком. А всё равно охранял ту, которой дорожил больше жизни. Сэр Николас вздохнул, обошёл кругом, выбирая место, поплевал на руки и принялся копать.

Ночь быстро подошла к концу, выглянуло солнце, и его лучи радостными детьми пробежали по миру. Дверь в башню распахнулась, и из неё вышла хмурая девушка. На мадам Жюстину она походила так же, как мышь походит на кошку. Её не приняли бы даже в служанки, настолько она казалась обыкновенной. Тонкие светлые волосы, веснушки, простенькое платье. Ещё и опухшие глаза – ну кто в здравом уме заплачет по дракону?

Тёплая.

Сэр Николас остановился, повернулся к девушке и опустил голову. Он не мог, просто не мог даже мельком глянуть на неё. Она не кричала, не плакала – даже не схватила ма-

ло-мальски толстую палку и не попыталась ударить! Сэр Николас чувствовал себя провинившимся ребёнком, которого распекают не за шалость, а за то, что он едва не навредил себе. Спина болела, горели окровавленные ладони, в камзоле на боку образовалась прореха.

– Вы – герой, – тихо сказала девушка. – Почему вы не празднуете?

– Я – шут. Глупец. И убийца. Такое не празднуют.

– Как вы собираетесь его похоронить? Он слишком тяжёл.

– У меня осталось немного монет. На заклинание левитации должно хватить.

Сэр Николас медленно поднял голову, заглянул в глаза девушки, и его обожгло. Ни капли ненависти, лишь боль, моря и океаны боли, растерянности – и всепрощающей доброты. Сэр Николас прищурился: ему показалось, или она правда светилась изнутри?

– Я кричала и кидалась на стены, рвала волосы и проклинала весь белый свет. Лежала и смотрела в пустоту. И вспомнила вас. Ваш взгляд запутавшегося ребёнка. Я хотела вас ненавидеть, хотела найти и ударить так сильно, как только смогу. Но стоило это представить, как руки сами опускались. Боль приносит только боль. Моим слезам ещё течь и течь, но... – Девушка дёрнула уголками губ и поспешно провела ладонями по глазам. Выдохнула и решительно произнесла: – Я прощаю вас, сэр Николас.

Девушка вынесла ему воды, чуть солёной от – её и его –

слёз. Она оказалась вкуснее вина, вкуснее переслащённого клубничного парфе, вернула силы, и даже раны прекратили болеть. Робко всколыхнулось обещанием зелёных ростков пепелище в груди. Лопата запела: день, ещё одна ночь – и могила готова. Они украсили её цветами и долго стояли рядом, смотрели вдаль и молчали.

– Как вас зовут? – решился сэр Николас. Он не надеялся на ответ даже сейчас, и всё же...

– Кэти.

– Прекрасное имя для прекрасной девушки.

Что он мог ей дать? Неубедительное обещание о том, что всё будет хорошо. Просьбу стать верным другом и светить для него – и всего мира. Желание разделять с ней все горестные моменты. Стать лучше, чтобы она больше не плакала из-за него. Достаточно ли?

Сэр Николас робко дотронулся до её руки, и она сжала его пальцы в ответ.

Елена Румянцева

Об авторе: Румянцева Елена, родилась и живу в Петербурге.

Окончила литературные курсы «Мастер Текста», ученик Литературной Студии при издательстве Астрель СПб – АСТ.

Неоднократно принимала участие в различных конкурсах и проектах. Рассказ «Гости» занял третье место в конкурсе «Дальний космос» в 2017 г. В том же году рассказ «Пусенька» вошёл в шорт-лист конкурса «Домового», проводимого издательством Астрель СПб. Рассказ «Розы для кикиморы» попал в шорт-лист Международного литературного конкурса «Большой Финал 2017-2018» в номинации «Рояль в кустах». Результатом одного из проектов, стало издание книги «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона в России», в которую включена моя новелла «Скифское золото» и литературным редактором которой я являлась.

Пишу разножанровую прозу. Стараюсь, чтобы в моих рассказах были юмор, приключения, тайны и интересные живые герои. Почитать некоторые тексты можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Аллен.html>

Неожиданный гость

Кухонная раковина взбулькнула, из последних сил втянув в себя остатки грязной воды и мыльной пены. Труба заби-лась. Услужливое воображение нарисовало предстоящее об-щение с сантехником во всей красе. Говорить с жэковским работником на одном языке у Егора не получалось. Высшее филологическое образование скорее мешало, чем помогало процессу. Оставался последний шанс справиться с пробле-мой самостоятельно. Достав бутылку со средством от засоров, он вылил в сток раковины добрую половину содержимого. Тягучая жидкость даже на вид была ядовитой до омерзения. Оставил засор «отмокать» и взялся за чайник. В его блестя-щем боку мелькнула вытянутая физиономия с длинным носом и взлохмаченной темной шевелюрой. Глаза отражения источали уныние – затеянная в отсутствие жены уборка гро-зила затянуться.

За спиной засопело, захрипело и зашкворчало. Егор жи-во обернулся. Из отверстия в раковину медленно выполза-ла, как будто выдавливалась, вязкая масса того неопределён-ного оттенка, который в народе называют «цветом детской неожиданности». Воняла она так, что перехватывало дыха-ние и вышибало слезу. Жижка всё прибывала. Парень попя-тился. Мысли невольно заметались. В голову лезли дикие сцены из просмотренных и прочитанных ужастика, в кото-

рых Крысы-людоеды соседствовали с Чужими. Что делать с Чужими в домашних условиях, он не представлял.

Масса заполнила собою полраковины и начала уплотняться, подтягиваться по краям, округляться и теперь напоминала неопрятный бурый мешок. Поверхность передёргивалась, бугры и волны перекатывались в глубине, и колбасило его так, что тяжёлые брызги вещества разлетались по всей кухне. Егор замер, весь заляпанный неприятными вонючими кляксами. Процесс начал затихать, поверхность разглаживалась и светлела. Коричневая масса отслоилась и осела на дно раковины, и у мешка оказалась почти прозрачная «кожа». Внутри полыхали зарницы, уходя в фиолетовый и синий цвета. Егор задохнулся – на боку «явления» вспучился и отчётливо проступил рот, а потом – медленно, словно продираясь сквозь преграду, – два глаза. Они смотрели в противоположные стороны. Парень сглотнул и переступил одеревеневшими ногами. Глаза мешка съехались и сконцентрировались на нём.

– Ты чего плеснул, паразит?! – хриплым басом, сорвавшимся в фальцет, спросил «мешок». Из рта веером брызнули вонючие капли. Егор даже утираться не стал. Существо посмотрело с жалостливым отвращением и пожелало с чувством:

– Чтоб на тебя такое же плеснули, идиот безрукий.

«Безрукий идиот», ощущая нарастающее головокружение и сомнение в реальности происходящего, не глядя, пошарил

на столе в поисках ножа.

– Нет, ты не свихнулся, – тоном безмерной усталости сообщил мешок из раковины. – Нет, я не галлюцинация. И нет – я не читаю мысли. На твоей физиономии и так всё написано. На всякий случай – не хватайся за железку, проку от неё не будет. Ну как, легче стало?

– Не особенно, – честно признался Егор. – А вы... кто?

По коже существа прошло волнообразное движение, которое можно было расценить как улыбку.

– Люблю интеллигентное обращение, – в баре неожиданного гостя звучало одобрение. – Редко встречается. Все норовят на «ты» да стукнуть посильнее. А я, собственно, – Водяной.

– В каком смысле? – опешил парень.

– В том самом, – подтвердил «мешок» и передёрнулся – как почесался. – Слушай, у тебя вода чистая есть? Горю весь, мочи нет. Едрёную гадость ты на меня вылил...

– Да, конечно! – Егор суетливо поволок с полки пятилитровую кастрюлю. – Из фильтра вода подойдет?

– Мне теперь всё подойдет, – грустно поведал Водяной, наблюдая, как наполняется кастрюля. – Понаставили, понимаешь, коллекторов, труб понатыкали, чуть зазеваешься – затынет тут же. Да так тянет-то, что не вывернешься! И ещё подводка пластиковая – такая дрянь!

Егор поставил кастрюлю рядом с раковиной и неловко затоптался. Братся за пришельца руками было страшно. Мо-

жет, попробовать половником?

– Сам справлюсь. Ёмкость придержи, – ворчливо велел Водяной и зашевелился. Пророс ложноножками, которые наперегонки потянулись к краю раковины. Ложноножки утолщились и цепко ухватились за кастрюлю. Мешок перетёк, подтянулся, сместился на край раковины и выпустил ложноножки снова. В несколько приёмов существо почти добралось до цели и закачалось на краю кастрюли, не в силах преодолеть последний рубеж. Егор деликатно подпихнул ладонью нижний край мешка. Гость звучно хлопнулся в кастрюлю. Обильно плеснуло за борт.

Егор осторожно заглянул внутрь. Водяному в кастрюле определенно нравилось. Даже если отфильтрованная вода и не была такой замечательной, как утверждалось в рекламе фильтра, она была лучше ржавой жидкости из водопроводной трубы. Поверхность существа стала прозрачной, исчезли бурые пятна, поутихли фиолетовые тени. Сейчас «мешок» напоминал тонкий лёд в проточной воде – очертания Водяного угадывались по отблеску света и чуть заметному голубоватому оттенку поверхности его тела. Он плескался в кастрюле, шевелился, барахтался и выглядел довольным.

Изумление отпустило, сознание совершило невероятный кульбит, и Егора уже не беспокоило существование водяного как такового. Теперь он на полном серьёзе пытался спланировать своё дальнейшее сосуществование с неожиданным гостем в одной квартире. Живо представилось, как Лидочка

на сон грядущий идёт принять ванну. «Дорогая, познакомься...».

***

В прихожей щёлкнул замок, зазвенели ключи, и тонко затявкало.

– Егорка, мы вернулись! – жена быстро вошла в кухню, прижалась, обняла обеими руками. Рядом с маленькой и подвижной, как воробышек, Лидой, даже subtilный Егор ощущал себя богатырём, надёжой и опорой. Забранные в высокий хвостик русые волосы жены напоминали пальмочку и щекотали подбородок. Они пахли солнцем и скошенной травой.

Цокая когтями и оскальзываясь на плитке, под ногами заметалась Масыня. Только близким позволялась такая фамильярность.

Родословная чихуахуа едва умещалась на двух листах плотной бумаги с гербовой печатью. Мерзкий характер был под стать голубой крови. По мнению Егора, нормальная собака – это большая, лохматая, с лобастой башкой, мягкими ушами и умным взглядом. Тявкающее существо ростом с кота, на дрожащих тонких лапках и с выпученными глазами вызывало у него опасливое удивление. Но жене оно почему-то нравилось! Егор всё время боялся Масыню случайно раздавить. Стоимость зверька впечатляла.

Егор загородил спиной кастрюлю на столе, осторожно отодвинул Масыню ногой подальше от себя, откашлялся и начал

классически:

– Лид, ты только не волнуйся...

– Что случилось? – грубовым голосом тут же спросила Лидочка. – Ты что-то разбил?

– Нет, это вообще не то, что ты...

Яростная возня за спиной и утробное рычание прервали его на полуслове. Егор стремительно обернулся. Масяня, упираясь всеми лапами, тянула из кастрюли Водяного. Тот расплзлся у неё на зубах как студень, лопался на куски и стрелял фиолетовыми брызгами. Вода плескала во все стороны, заливала стол и стекала на пол. Собачонка, дрожа от охотничьего азарта, судорожно давилась и глотала так, будто её не кормили неделю.

– Это что за дрянь?! – Лида схватила Масяню поперек живота и потащила со стола.

Собачка отбрыкивалась задними лапами и, выпучив глаза, тянулась к последнему куску водяного. Кусок, лихорадочно отращивая ложноножки во все стороны, попытался юркнуть на пол. Мощно рванувшись, Масяня настигла его и сожрала одним глотком.

– Масечка... – в ужасе прошептала Лида, обреченно выпуская псину.

Некоторое время чихуахуа неподвижно стояла на широко расставленных лапах и тупо смотрела перед собой. Лидочка осторожно протянула к ней руку. Масяня оглушительно рыгнула и содрогнулась всем телом.

– Что она съела, Егор?! Скорее к ветеринару! – Лида была настроена решительно. Всё-таки она очень любила Масыню, даже без привязки к её родословной и цене.

– Я как раз собирался сказать, – Егор поморщился, предвкусывая последствия, но продолжить не успел.

По округлившемуся животу собачки волной прошла судорога. Масыня широко открыла пасть, словно в глубоком изумлении, и глаза её сошлись к носу. Большие уши мелко дрожали. Она снова рыгнула громко и мучительно, и тут её стошнило. На многострадальный стол хлынули неаппетитные куски чего-то неопознанного, полупереваренная трава, спрессованный комок мокрой вонючей шерсти и почему-то – розовая резинка для волос. Исторгнув всё это из себя, Масыня облегченно чихнула, встряхнулась и осмотрелась вокруг с задором, как заново родившись.

– Смотри! – прошептала Лидочка, бледнея.

Егор смотрел. На столе происходило странное. Озерца, лужи и лужицы подтягивались друг к другу, скапливались и объединялись. Капельки и брызги формировались в шарики и бодро катились в их сторону, вливаясь в общую массу. Прозрачными водяными гусеницами, переливаясь волной по вытянутому телу, взбиралось по ножкам стола то, что пролилось на пол. Всё это стремилось в одну точку – в центр стола, как раз перед изумлённой Масыней. Собака замерла и даже не моргала. Атаковать снова непонятную сущность она не решалась. Совсем уж душой Масыня не была, родословная

всё-таки обязывала.

Между тем, скопившаяся на столе огромная лужа уже подтягивала края, уплотнялась и формировалась в знакомые очертания. Егор поспешно налил фильтрованной воды в кастрюлю, дождался готовности мешка и, подхватив ладонями, ловко переселил Водяного в кастрюлю. Он чувствовал себя уже опытным специалистом по водяной нечисти.

Лидочка и Масыня сглотнули синхронно и вытянули шеи. В кастрюле возилось, фыркало и кряхтело. Фонтанчики воды вскипали и опадали. Наконец, над краем кастрюли медленно возникла «голова» водяного. Глаза уже смотрели в упор на собачку, но рот с появлением ещё запаздывал. Мрачное раздражение во взгляде накапливалось молча.

– Брысь! – гулко рявкнул Водяной, едва у него появилась такая возможность. Масыню как ветром со стола сдуло. Егор с Лидой тоже дернулись было, но опомнились.

– Чем она вообще питается? Смените ей корм, я там такого посмотрелся... – брюзгливо начал Водяной, но вспомнил про Лидочку. Он выполз на край кастрюли и сделал странный нырок в сторону девушки – поклонился. – Добрый день.

Лидочка взвизгнула:

– Что?! Егор, откуда ты *это* притащил? То подбитого воробья, то лабораторную крысу...

– Я бы попросил... – гость гордо выпрямился столбиком.

– Это Водяной, – быстро вмешался Егор. – Его затянуло в трубы, он выполз из раковины...

– Издеваешься?! Это фокус какой-то? Не понимаю, как ты это делаешь, и почему оно разговаривает, но тут ему не место! У собаки стресс, она чудом жива...

– Лида! – Егор повысил голос.

– Как выполз, так пусть и вползет обратно! – отчеканила Лидочка. От пережитого испуга её трясло. На щеках расплывались алые пятна, глаза возмущённо сверкали. Слушать она решительно не желала. – Либо *это*, либо мы с Масяней. Вот как хочешь!

Жена развернулась на каблучках и подхватила с пола прятывшуюся в углу собачку. Протопали шаги, грохнула дверь. Оставшиеся ошеломленно посмотрели друг на друга.

– Да-а-а, – глубокомысленно протянул Водяной, пожалуй, даже с сочувствием. – С бабами всегда что-нибудь эдакое. У тебя-то она одна, а у меня девок – полное болото. Живу как в осаде, каждый день оборону держу.

Помолчали. Вариантов особенно не было. Егор решился.

– Э-э-э-э... – медленно подбирая слова, начал он. – Думаю, у нас действительно не слишком удобно. Может быть, попробуем отправить вас домой? Вас там, наверное, ждут... – Егор осекся. Жена? Дети? Русалки? Пиявки да лягушки... Ничего подходящего к данному случаю на ум не приходило. – Кухонные трубы узкие, но может быть... в унитаз... – ещё не договорив, по выразительному взгляду гостя Егор понял, что сморозил глупость. Вскинул ладони в извиняющемся жесте и зачастил: – Нет, я не имел в виду...

– Да понял я уже, – Водяной подтянулся на край кастрюли и словно облокотился. Помолчал, подумал:

– Что, речка рядом есть? Болото какое-нибудь? Озеро или может быть – море?

– Моря рядом нет, – признался Егор. – А река – да, и большая. Река вас устроит?

– Вполне, – благодушно согласилось существо. – Тащи!

***

Закрывать кастрюлю крышкой Егор почему-то постеснялся. Пока нёс её к машине и пристраивал на пассажирское сидение, весь вспотел. Страшно было подумать, как объяснять соседям, что это такое смотрит из кастрюли. Но всё обошлось – никто им не встретился.

Водяной наполовину торчал из кастрюли и с любопытством озирался по сторонам. Глаза у него смещались по поверхности тела самым невероятным образом. Егор старался вести машину осторожно, но вода всё равно плескала и заливала сиденье. От толчков пришелец окунался и выныривал обратно, как поплавок.

На светофоре встали, ожидая зелёного. Егор почувствовал напряжение быстрее, чем понял, в чём дело – у окна машины с пассажирской стороны торчал пацан лет двенадцати. Он в немом ступоре глядел на водяного, ныряющего в кастрюле. Выражение «упала челюсть» было как раз про мальчишку. Его глаза медленно увеличивались, расширялись, и брови уже скрылись под чёлкой. Если бы не сменился сигнал

светофора, они перекочевали бы на затылок. Егор поспешно тронул машину с места.

Проехав перекресток, он переключил скорость, разгоняясь. В следующее мгновение что-то мелькнуло по краю поля зрения, и двигавшаяся впереди цистерна словно прыгнула на бампер его машины. Грохот и темнота упали одновременно.

– Живой? Скорую кто-нибудь...

– Погоди, вроде дышит. Эй, парень, ты как?

«Жёлтый мячик, вот что было на дороге, – мысль всплыла, как кит из зыбких глубин. – Водяной!»

Егор распахнул глаза. По лобовому стеклу змеилась трещина. Ныла грудь, жестко перетянутая ремнем безопасности. Кружилась голова. Непослушной рукой парень отстегнул свистнувший около уха ремень. Всем телом он развернулся к пассажирскому сидению. Кастрюля стояла на боку, вода капала на пол. Водяного нигде не было.

– Браток, глянь-ка на меня. Что-то взгляд у тебя больно ошалелый. Ты уж прости. Испугался, что девчонка за мячом рванет. Дал по тормозам, и тут ты в меня, эх... – мужик в клетчатой рубашке распахнул дверцу и хлопотливо помог выбраться из машины. – Как сам-то?

Егор невнятно повел рукой, успокаивая мужика, прихрамывая обогнул машину и открыл пассажирскую дверь. В пластиковом коврике на полу стояло небольшое озерцо. С сиденья в него стекали извилистые ручейки.

Парень вытащил кастрюлю с остатками воды на дне, по-

ставил её на асфальт и с трудом опустился на колени перед распахнутой дверцей. Собравшаяся вокруг толпа удивленно стихла, и только самые дальние любопытствующие ещё волновались и обменивались впечатлениями:

– Обкуренный в хлам, ехал на красный...

– И кровища кругом...

Постепенно наступило изумлённое молчание. Сопя и вытягивая шею, все наблюдали за Егором. Тот осторожно, за края, вынул коврик из машины и, стараясь не пролить ни одной капли, слил грязное озерцо в кастрюлю. Затем ладонями, почти нежно, стряхнул туда же последние капли с сидения. Кастрюля не была полна и до половины. Водяной исчез.

У Егора защипало в глазах. Он машинально отёр их мокрой ладонью и вдруг замер. Ему показалось, что во взвеси грязи в воде что-то шевельнулось. Ещё раз. И снова. Парень вгляделся. Определенно, на дне угадывались знакомые очертания, но теперь «мешок» был рыхлый, неровный и словно наполненный серой мутью. Проскользнула голубоватая искра, слабая и едва заметная.

– Мне нужна вода, – голос сел. Егор откашлялся и повторил громче: – Вода у кого-нибудь есть? Надо много воды!

– Возьмите, дяденька, – девочка в сарафанчике в горошек, прижимая к боку желтый мячик, робко протянула Егору начатую упаковку яблочного сока с трубочкой. – А хотите мороженого? Я даже куснуть не успела.

– Зачем ему мороженое? – раздраженно вмешался давеш-

ний пацан с перекрёстка, неожиданно оказавшийся рядом. – Сказано же – вода! Вот.

Мальчишка поставил рядом с кастрюлей маленькую бутылку с водой. Толпа шевельнулась, взбурлила, и со всех сторон, передаваемые из рук в руки, поплыли бутылки, жестянки и пакеты. Егор отбраковывал ненужное, мальчишка открывал ёмкости и осторожно сливал воду в кастрюлю. Кастрюля была уже полная, а помощь всё пребывала.

– Граждане! Спасибо! – Егор отставил подальше пакеты с соком, жестянки с пивом и бутылку водки «Путинка». – Хватит.

– Ой, глазки... – зачарованно прошептала девочка, сидя на корточках над кастрюлей, голова к голове с мальчишкой. Тот посмотрел на нее снисходительно:

– Конечно! У него и рот есть.

– Твою ж мать! – мужик в клетчатой рубашке кратко и энергично выразил общую мысль собравшихся. – Это что ж такое у тебя в кастрюле сидело, парень?

– Водяной, – честно признался Егор. – Ехал в Неву выпустить. Не доехал.

Теперь водяного видели все. Он подрос, его тело уплотнилось и обрело более выраженную форму. Егор запустил руки в кастрюлю и вздрогнул, ощутив под пальцами мягкую и неровную поверхность. Оболочка тела проминалась от прикосновений, как медуза. Водяному было очень плохо. Держа его в ладонях, Егор немного приподнял «голову» над водой.

– Душно, – тоненько и чуть слышно пожаловался Водяной. – Стар я уже стал. Себя по капле собирать... больно. Видать, вернуться не судьба. Жаль...

– Господи... – жалостливо прошептал кто-то. Руки Егора дрогнули.

– Погоди-ка, браток, – мужик решительно подвернул клетчатые рукава. – Чего ж так-то... Твоя тачка не на ходу, а моей-то дуре что сделается? У меня ж там полная цистерна воды. Я на смену еду, улицы поливать. Давай твоего глазастого в цистерну запустим, может ему и полегчает. Тут до набережной близко. Головастик, потерпишь немного?

– Я... потерплю, – слабо заверил Водяной, и по мутной поверхности «мешка» пробежала рябь. Все охнули – с трудом, но существо улыбалось. – Сам... головастик.

– Чего тогда сидим, нюнимся? – клетчатый взялся за ручку кастрюли. – Помоги мне, браток.

Вдвоём они аккуратно перелили содержимое кастрюли в цистерну. Водяной сразу слился с тёмной массой воды, и только неясные синие искры смутно проскальзывали в её глубине. Егор взгромоздился на высокое пассажирское сидение с пустой кастрюлей на коленях, и мужик тронул машину. Девочка помахала ладошкой, а пацан придержал её мячик, который опять попытался укатиться. Граждане смотрели вслед цистерне и негромко переговаривались.

***

Они вырулили на набережную и припарковались. Егор су-

нулся в горловину цистерны почти по пояс и окунул кастрюлю. Внутри пахло ржавчиной и тиной. После солнечной улицы темнота казалась кромешной. Вода гулко шлёпала в нагретые железные стенки.

– Эй? – эхо метнулось по цистерне. От неожиданности Егор дернулся.

– Тихо ты, парень! – мужик прихватил его сзади за ремень джинсов и слегка придержал, сопя за плечом. – Нырнешь ещё, вылавливай потом обоих. Ну, чего там?

Егор не увидел, а скорее почувствовал, что кастрюля потяжелела. И точно – несколько синих искорок проскочило в ней. Пятясь, он выволок кастрюлю наружу. Клетчатый бережно принял её снизу и присвистнул водяному одобрительно:

– Жив, курилка!

В ответ взбурлил невысокий фонтанчик.

Держа кастрюлю за ручки, они осторожно спустились по лестнице и поставили её на последнюю ступеньку. Мужик деликатно отошёл и закурил в сторонке.

– Ну, как река, устроит? – Егор присел рядом на корточках. Волна лениво лизнула носки его кед. Водяной озирался вокруг.

– Река знатная! Это тебе не болото, – искренне восхитился он. От близости большой воды он оживал прямо на глазах.

Помолчали.

– Странные вы, люди, – сказал медленно водяной и по-

смотрел на сверкающий золотом шпиль с корабликом. – После дамбы, отравленных сбросов и разливов нефти многие наши отчаялись. Киты ещё пытались как-то достучаться, дельфины тоже... Большинство больше не верит людям, боится. Рядом с вами невозможно жить. Рыба уходит косяками. Да что рыба, сейчас и русалку-то встретить большая редкость.

Егор молчал, сказать ему было нечего.

– Оказывается, люди не забыли, что такое доброта. Расскажу своим – ведь это значит, что у нас всех ещё есть шанс, – водяной серьёзно покивал Егору. – Ну что, давай прощаться, что ли. Ты, интеллигент, в другой раз химию не лей – и трубы убьёшь, и всех, кто близко окажется – тоже. Вы же, люди, не одни на Земле живёте, а так живёте, будто – одни. Ну-ка, подсоби.

Он подтянулся к краю кастрюли, навалился и потёк через него. Егор слегка подпихнул пухлый валик. Водяной громко плюхнулся в речную воду и сразу растворился в ней. Вероятно, он не был сторонником долгих прощаний. Некоторое время Егору казалось, что он видит смутные очертания своего неожиданного утреннего гостя и его глаза, смотрящие сквозь толщу воды. Сморгнул – это солнце рябило на волне, которую гнал на гранит ступеней летний питерский ветер.

Егор подобрал кастрюлю и поднялся на тротуар.

У парапета застыл лохматый парень в тренировочных штанах с лампасами, разбитых шлёпанцах на босу ногу и си-

ним шарфом «Зенита» на могучей шее.

– Веришь, ничего крепче кефира... – парень медленно шагнул к Егору. – Ты что такое в реку вылил, а? Показалось мне – вроде оно с глазами...

– Не показалось, – Егор потёр ладонями лицо и посмотрел вдаль на мосты в жарком мареве. – Но ты всё равно не поверишь.

Грянул телефон. Парень вздрогнул. Егор выхватил горячий мобильник из заднего кармана джинсов.

– ...не берешь трубку?! Егор! Ты где? – кричала Лидочка так, что парень только глянул ошеломлённым взором и пошёл скорее прочь, подбирая ступнями падающие шлёпанцы.

– Всё нормально, – заверил Егор как мог убедительно. – Машину стукнул, но...

– Ты живой?! – минуя логику, замирающим голосом прошептала Лидочка. – Стой, где стоишь. Я сейчас приеду, и мы...

– Лида, – твердо притормозил жену Егор. – Никуда ехать не надо. Я разберусь.

– Я как почувствовала что-то, – после паузы тихо и серьёзно сказала она. – Сердце подпрыгнуло, я звоню, а ты не отвечаешь... Я очень испугалась за тебя, понимаешь?

Он молчал и улыбался.

– Мы с Масыней купили аквариум. Для нашего гостя. Не в кастрюле же ему жить, в конце концов, – голос Лиды обретал прежнюю уверенность. – Я подумала, почему нет? Пусть у

нас будет водяной. Шерсть с него не сыплется, никаких хлопот, только воду менять. Что он ест, ты в курсе?

– Я выпустил его в Неву, – с удовольствием ответил Егор. – Он поплыл к своим. А в аквариуме мы заведем цветных рыбок. Ты не против?

– Пусть будут рыбки, – легко согласилась Лидочка. – Я люблю тебя, Егорка. Мы ждём тебя дома.

***

– Ну чего? – свесился из окна машины мужик в клетчатой рубашке, едва Егор подошёл ближе. – Поехали, что ли? Там уже, наверное, гайцы подрулили, протокол, страховая, все дела.

– Ты езжай, – согласился парень и вдохнул полную грудь воздуха, пахнувшего арбузом и корюшкой. – Я пройдусь немного. К жизни, в которой существуют водяные, ещё надо привыкнуть.

Егор махнул рукой, сбежал на набережную и пошёл вдоль воды быстрыми широкими шагами.

Мужик неспешно тронул машину с места и включил полив. Сбоку от кабины повис плотный водяной веер, и отдельные струйки блестели на солнце, как нанизанный на нитку бисер. Над исходящим жаром асфальтом задрожала разноцветная радуга.

Геннадий Добрушин

Живу в Израиле, работаю инженером.

Пишу для себя и друзей, в соцсетях и на Сinem сайте.

Везде под одним именем – GennadyDobr.

Почитать мои рассказы можно здесь: [https://](https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/GennadyDobr.html)

ficwriter.info/polzovateli/userprofile/GennadyDobr.html

Милосердие

Я жил тогда в большом городе и снимал жильё рядом с работой. Комната моя располагалась на первом этаже частного дома. И сам дом, и всё в нем было старым, но аккуратным.

Дверь открывалась прямо в маленький дворик, заставленный вазочками, скульптурками и горшками с цветами. Главным украшением двора служила скульптура красотки в высоких сапогах, мини-юбке и кофточке с откровенным декольте. В его вырез был воткнут скомканный чёрный пластиковый пакет, снижающий впечатление от полуобнажённой груди.

Изваяна девушка была в полный рост из папье-маше и раскрашена в традициях плакатного соцреализма. Квартирная хозяйка рассказала, что создала сей шедевр её невестка родом из Индии. Ваяла долго, несколько лет, изводя на скульптуру во множестве газеты и книги. Девушка утверждала, что создала хранительницу и защитницу дома.

После таких объяснений мне стала понятней странная, на грани китча, прелесть скульптуры – богини или проститутки. Почитав в сети о супруге Шивы Парвати и её боевой ипостаси Дурге, я расчистил от листьев и мусора пространство перед скульптурой, выбросил из декольте дурацкий чёрный пакет и зажёг у подножия статуи ароматную палочку в плошке с нефритовым Буддой. Мне мелочь, а богине, может, при-

ятно.

Возвращаясь вечерами, я невольно косился в её сторону. Даже здоровался мысленно, впрочем, скульптура не отвечала. Ужинал я курицей гриль из супермаркета, а остатки выносил на улицу собакам, к мусорным бакам. И каждый раз замечал неодобрительный взгляд плоского, неумело накрашенного лица. Девушке явно не нравились мои вечерние выходы за калитку. Но из-за недовольства бумажной красотки я не собирался отказываться от мелкой благотворительности. Поэтому отворачивался и делал вид, что не замечаю её взгляда.

Однажды я вынес, как обычно, кости и задумался: я ведь ни разу не видел во дворе собак, только кошек. А кости, тем не менее, к утру исчезали. Кто же их съедал?

Как бы в ответ на мысли из темноты послышалось тяжёлое звериное дыхание. Если предположить, что это собака, то ростом она должна быть с медведя. Я оглянулся. Никого не увидел, но холодок страха прошёлся по спине между лопаток, как след тяжёлого взгляда. Я вздрогнул.

Общий двор был тёмн и тих. В раскрытой калитке светилося окно моей комнаты и белело лицо стоящей у забора скульптуры. В руках красотки что-то блеснуло. От взгляда на неё мне стало легче. Именно тогда я назвал её мысленно – Хранительница.

Нарочито неторопливо я вернулся в маленький дворик, задвинул засов на калитке и поспешил укрыться в квартире.

Сел в кресло и, крутя в руках пульт от аудиосистемы, попытался понять, что меня напугало.

Странность заключалась в том, что, как правило, я не пуглив. Мне приходилось бывать в сложных ситуациях. Есть люди, цепенеющие от страха, а я становлюсь только быстрее и умнее. Оттого, наверное, в молодости мне нравилось рисковать. Адреналиновый наркоман. Но тут я испытал тихий ужас. Он обволакивал как туман и делал мысли тяжёлыми, а руки и ноги – ватными. Не в силах понять его причины, я решил об этом переживании забыть. Включил любимый диск симфоний Бетховена, и чувства и мысли композитора успешно вытеснили мои страхи.

Следующим вечером я совершил ошибку. Оставляя кости, позвал мысленно: «Ну, покажись же, животное!» – и сразу получил отклик.

В нём не было слов, но была благодарность. И вновь слышалось тяжёлое дыхание. На этот раз я не испугался. А следовало бы.

Оглядываясь по сторонам, я старался определить направление, откуда слышались звуки. По всему выходило, что с соседского участка. Там вместо забора стояла живая изгородь. Значит, животное пряталось в этих кустах, но не показывалось из страха или осторожности.

Утром, перед работой, я осмотрел изгородь. На влажном пятне капельной поливки под кустом отпечаталась звериная лапа, большая, похожая на собачью. Успокоенный, я ушел на

работу. Значит, ничего мне не померещилось. Просто большая собака разнюхала место со вкусными косточками и возвращалась к нему регулярно. «И на здоровье, – подумал я. – Вечером надо ей вынести мяса побольше, а то что же это – одни кости!» В тот момент мысль эта показалась мне собственной и вполне здоровой.

Выйдя вечером покормить собаку, я прихватил вдобавок к костям телячьих сосисок и приготовился принимать благодарности. Позвал мысленно и услышал согласие. Кладя подношения на землю, увидел подвижку в кустах. Да, это было оно. Не волк и не собака, а чёрт знает на что похожее нечто. Клякса черноты с размытыми краями выдвинулась из кустов и оказалась рядом со мной.

Оно дышало сильно и часто. Я почувствовал запах из пасти, не горячий, а затхлый, как из пустого погреба. Оно на меня посмотрело. Глаза были чернее шерсти. Взгляд обжигал таким голодом и тоской, что меня затопила жалость. Я подобрал картонку с едой:

«На, ешь!»

Еда исчезла вместе с картонкой, мгновенно, бесшумно. Её будто всосало в огромную пасть чудовища. Через мгновение оно подняло морду и посмотрело на меня. Я уловил его мысль:

«Я голоден, очень голоден».

Оно кинулось на меня. Не ожидая нападения, я отпрянул, но пасть чудовища с белоснежными зубами неимоверно рас-

крылась и охватила меня всего. Я увидел на миг жёлтое небо с быстро несущимися чёрными облаками, голые камни с рассыпанными на них сухими костями, услышал лязг челюстей, смыкающихся вокруг, и потерял сознание.

Я лежал у мусорных баков и не мог шевельнуться. Ни один мускул не слушался, только голова мыслила ясно. Вспомнив картину холодной пустыни, наверное, родного мира чудовища, я содрогнулся. И тут услышал голос внутри себя. Голос сказал:

– Я был голоден и съел тебя. Сейчас я в тебе, в твоём мире, а ты во мне. Ты мне ещё нужен, и потому ты живой. Встань и пройди мимо Стража порога к себе в квартиру. Мне туда самому не пролезть, а вместе она нас пропустит. У меня с этой дрянью старые счёты. Пока что я слишком слаб, чтобы с ней разобраться. Потом, может быть, когда окрепну. С твоей помощью, человек. Сейчас я возвращу тебе контроль над телом. Но не вздумай своевольничать. Я раскушу тебя, как конфету, высосу энергию. Да, мне придется искать новое тело, но ты умрёшь. Слушай меня, и поживешь ещё. Ты меня понял?

– Да, я понял тебя. Но кто ты и что собой представляешь?..

– Не твоё дело. В моём мире я – бог, но там не осталось жизни. Мне там нечем питаться. Подчиняйся и не задавай лишних вопросов, если хочешь продлить своё существование. И помни – меня невозможно обмануть. Я слышу все

твои мысли. Ну же, иди! И держись от богини подальше.

Я с трудом встал. Болело всё тело, будто меня долго били, но мышцы кое-как слушались. Когда я открывал калитку, то увидел, что у девушки из папье-маше несколько лишних рук, и в каждой сверкает оружие. Она повернула ко мне голову и, казалось, ждала только сигнала к действию – слова или мысли, возгласа, крика, просьбы о помощи. Но я малодушно опустил глаза и прошмыгнул в комнату. Мне элементарно хотелось жить и не хотелось умирать.

В квартире паразит повел себя, как настоящий оккупант. Отобрав у меня управление телом, он стал обжираться. Через короткое время холодильник опустел. Меня удивляла прожорливость паразита. Наверное, в своём мире он сейчас раздулся, как шар. Еда исчезала, едва мои руки подносили её ко рту, и мне ничего не доставалось. Вот уж, действительно, по усам текло, а в рот не попало!

Чудовище, не оценив юмор, пообещало оставлять и мне немного еды, чтобы я мог продолжать существовать и кормить его. Я задумался.

Умственные способности моего нахлебника не показались мне большими. Это каким же нужно быть тупым и жадным, чтобы уничтожить собственную кормовую базу, население целой планеты? Получалось, что мне придётся теперь на постоянной основе кормить этого паразита. Даже не важно, кто он – астральная пиявка, ментальный крокодил или

иная тварь, но терпеть его всю оставшуюся жизнь не входило в мои планы. Я подумал, что при должной настойчивости и изобретательности смогу совершить самоубийство...

«Но-но, не балуй!» – услышал я мысленный окрик. Меня скрутило судорогой. Все мышцы завязались в сумасшедший клубок, и я, наверное, заорал бы от чудовищной боли, но гортань и язык тоже не слушались.

«Отпусти, идиот, ты же меня убьёшь!»

«Да, убью в любой момент! Но не по твоей, а по моей воле. Ну что, не будешь думать о самоубийстве?»

«Не буду. Отпусти же!..»

Он ослабил удавью хватку. Я осел в кресле, как проколотый шарик. Следовало придумать что-то совсем другое. Но что?

Обратиться к богине я точно не успею. Тварь убьёт меня раньше, на полуслове. Потом, наверное, непобедимая Дурга его зарубит, но мне от того будет не легче.

И ведь я сам, дурачина, трижды призвал демона, называющего себя богом! Не иначе, он подкинул мне это желание. В другой раз следует быть осторожней с желаниями. Только будет ли у меня теперь другой раз?

Что же может повредить разумному неуязвимому паразиту, находящемуся внутри жертвы? Слышащему её мысли? Разве что более высокие вибрации, энергии, чем те, что он способен переварить...

На подлокотнике кресла я привычно нащупал пульт от

стереоустановки и нажал кнопку «Вкл». Комната наполнилась неясными шумами, потом наступила тишина. Прямая трансляция, подумал я. Господи, сделай так, чтобы оно не выносило музыки!

– Что ты задумал?.. – начало чудовище, но тут вступили струнные.

***

Много раз до того я слушал Девятую симфонию Бетховена, но никогда – с такой страстной радостью. Я упивался знакомыми звуками, и гармонии промывали меня, как благодатный поток. Квартирант мой несколько раз вякнул что-то типа «прекрати», но потом замолк. Я чувствовал, как музыка проходит через меня и через него, необратимо нас изменяя. Да, это было именно то, что надо.

Бетховен расправлял мне плечи, заставляя забыть о моём положении, добавлял роста и сил. А паразит становился все мельче и тише. Он уже не угрожал, а только кивал, соглашаясь со всем и повторяя «ещё, ещё!»

В перерывах между частями симфонии я читал ему наизусть стихи, по большей части Пушкина. Пушкин его размазывал по канатам. А финальная часть Девятой, «Ода к радости», просто уничтожила.

Я сам не понимал уже, где нахожусь. Музыка поднимала и уносила в небесные чертоги Элизиума, о которых грезил Бетховен. Ликование и радость волнами укачивали меня.

Пришел в себя я от тишины. Компакт-диск закончился.

Не в силах слушать сейчас что-то другое, я выключил радио.

***

– Хозяин, а хозяин?

Робкий голос в голове так не походил на грубый рык, что я не сразу обратил на него внимание. Кажется, мы поменялись ролями. Что ж, попробую говорить с ним тоном главного.

– Ну, чего тебе?

– Что это было, хозяин? Я никогда за всю жизнь не пробовал такого прекрасного блюда!

– Это музыка. У нас, на Земле, её много.

– А ты накормишь меня ещё прекрасным? И тем, другим, где «я помню чудное мгновенье» и «я вас любил любовь ещё быть может»?

– Накормлю, – пообещал я, – если будешь хорошо себя вести.

– О, я прекрасно буду себя вести! Я тебя больше не беспокою, только корми меня своей чудесной едой!

Хорошо, что я помню много стихов.

После Пушкина нас ждут еще Лермонтов, Блок, Пастернак...

Да, и обязательно заказать абонемент в филармонию!

Нужно заботиться о правильном и полноценном питании домашних питомцев. Тем более – демонов. Особенно – внутренних демонов.

Я вышел на двор. Многорукая красотка взглянула на ме-

ня презрительно, через плечо. Внезапно заинтересовавшись, она повернулась ко мне полностью, опустила блестящие орудия убийства и даже улыбнулась. Видимо, божественным глазам была зрима моя победа. Я кивнул и улыбнулся ей в ответ. С богинями лучше жить в дружбе.

Очередь

С утра мы не продвинулись ни на шаг. Я ещё держался, а Маша уже хлопала носом. Да, не такого приёма мы ожидали, стоя на Земле над нашими трупами в жарко полыхающем автомобиле.

Хвост очереди с каждым часом отдалялся, и мы уже ничего не видели, кроме прихотливо изгибающейся цепочки неподвижно стоящих людей. В основном тут были японцы. Большинство – в современной одежде. Безликие деловые костюмы, у женщин – строгие закрытые платья. Но попадались и кимоно, и хакама, и гэта, и таби вместо туфель.

Все молчали, и мы тоже. Мне казалось, что звуки нашей речи мешают окружающим, и они только из деликатности не показывают нам своего раздражения.

Обняв Машу, я взмолился в голос:

– Господи, да забери же ты нас отсюда!

Стоявший впереди нас пожилой японец в простонародной одежде, но с самурайским мечом, обернулся и спросил, неожиданно широко улыбнувшись:

– Мы здесь, чтобы пересмотреть свою жизнь перед судом. Вам разве не хочется попасть туда?

Он показал на одинокое здание впереди. Маша перебила его:

– Очень хочется! Но так тяжело ждать, не продвигаясь

вперед!

Японец покачал головой сочувственно.

– Вы не поняли, что делаете здесь. Очередь – только символ. Место, где можно спокойно подумать и привести мысли в порядок. Когда вы будете готовы, то окажетесь внутри.

– Как, значит, нам можно обойти эту очередь? – изумилась Маша.

– Только если хотите поскорее попасть внутрь. Пожалуйста, заходите!

Он взмахнул рукой приглашающим жестом. Мы переглянулись и послушно шагнули вперед. Большая двустворчатая дверь прыгнула нам навстречу и распахнулась. Мы вошли.

Внутри было очень светло, настолько, что стены терялись в сиянии. Виден был ясно только стол с большими книгами. Высокая фигура, вся в белом, на фоне большого окна. Лицо воина или художника – резкое, будто вырубленное из камня. Взгляд, проникающий до самых глубин, зоркий, как у сокола.

– Приветствую вас, друзья! Расскажите, что привело вас сюда?

– Здравствуйте, уважаемый! Нам нужна ваша помощь, срочно!

Маша, как всегда, успела первой и захватила инициативу в разговоре. Она и при жизни была такой.

И в университет поступила в шестнадцать, после девятого. Отца-профессора заставила до министра дойти за разре-

шением. И замуж выскочила на первом курсе, пока мы только начинали грызть гранит науки. И диссертацию написала после первой же практики в больнице, когда мы о дипломе еще не задумывались.

Сейчас она была уже бабушка, доктор наук, светило науки и талантливый администратор, несмотря на внешность супермодели. Приглашала меня работать в свой исследовательский центр, но я отказался. Кому-то же надо лечить людей и в обычной больнице.

Пока я вспоминал блистательное Машино прошлое, она рассказала обстоятельства нашего появления здесь. Собеседник внимательно выслушал ее, подумал и спросил:

– Чего же вы хотите сейчас от меня, какой помощи?

– Вернуться! Нам нужно срочно вернуться на Землю. У нас там осталось незаконченное дело.

– Вы говорите за вас обоих?

– Да, уважаемый – не знаю, как к вам обращаться. Мы просим помочь нам, если это только возможно.

Я вступил в разговор, помогая Маше. При жизни я поддерживал её во всех начинаниях, и даже после смерти не собирался отказываться от этой привычки.

Мужчина смотрел на меня серьезно, но мне казалось, что в его глазах блеснула искра юмора.

– Что ж, в принципе это возможно. Вопрос только в цене. Она может оказаться непомерно велика для вас.

Собеседник наш скользнул взглядом по открытой книге,

прочитал там что-то, посмотрел мне в глаза.

– Приходя на Землю, одеваясь в плотное тело, дух принимает на себя некоторые обязательства и ограничения. Вы называете их предназначением и судьбой. Не прожив полностью назначенный срок земной жизни, вы можете провести оставшееся время, как захотите. Но учтите, быть призраком – не великая радость. Зачем вам излишние страдания? Не проще ли забыть прошлое, простить ваших обидчиков, пойти вперед – вместо оглядок назад?

Мне очень хотелось с ним согласиться. Наше намерение показалось мне ребячеством, авантюрой. Но отказаться помочь любимой? Нет, ни за что. Куда угодно, но вместе.

– Вы нас не так поняли, – возразила Маша. – Мы не хотим быть привидениями. У нас есть план действий, и, поверьте, мы не задержимся долго там, внизу. Но для этого нам нужна ваша помощь.

– Хорошо, расскажите, что вы собираетесь делать.

И Маша рассказала.

Мы составили план, пока стояли с ангелами возле горящего автомобиля. Перед этим мы ехали в Машинной машине. Я, как опытный водитель, вызвался отвезти Машу посидеть с внучкой, пока дочка с мужем съезжают отдохнуть.

Накануне вечером Машин муж долго возился в гараже, готовя машину в дорогу: доливал масло, подкачивал колеса, регулировал обороты холостого хода...

Ангелы не оставили нам сомнений. Они показали нам и подпиленный тросик педали тормоза, и проколотый шланг бензонасоса. У нас не было шансов спастись, и мы точно знали, кто устроил нам нашу погибель.

Маша долго глядела на веселый огонь, а потом сказала:

– Я его ненавижу. Нужно устроить ему такую же смерть.

Как раз утром, в дороге мы слушали по радио передачу о машинах и водителях. Ведущий рассказывал, как японцы проводят церемонию вселения духов предков в свои новые автомобили, и потом машины у них ходят вечно и не ломаются. И у Маши возникла сумасшедшая идея.

– Давай вселимся в его машину, а потом свернем с обрыва или под фуру подведем! Этому подлецу любая смерть к лицу.

Возражений у меня не нашлось. Машиного супруга у нас в компании не любили, уж больно скользкий он был тип. Хотя никто не мог и предположить, какая он в самом деле гадина. Мне не жаль было расстаться с моей жизнью – какие там привязанности у старого холостяка, – но отомстить негодяю хотелось. Наверняка он еще и наживется на нашей гибели. Не зря же много лет прикармливал страхового агента, привечал, приглашал на все семейные празднества. Вызнал все тонкости страховок и выбрал полис, максимально полный.

Фу, гадость какая! Променять Машину жизнь на мешок с деньгами. Но почему вместе со мной? Пожалуй, единственная причина – ревность. Ничего у нас с Машей не было, хо-

тя, конечно, могло быть.

Еще с поступления, с первой нашей встречи в коридоре у деканата, у доски со списками абитуриентов – тревожное чувство набухало в груди всякий раз, когда я встречал ее прямой честный взгляд. Да? – Да!

И не нужны были слова, чтобы подтвердить то, что ясно без слов – близость родной души, родственность большая, чем у любовников или супругов. Наверное, к старости мы бы сошлись, устав сражаться с собой и с условностями дурацкого этикета. Не успели.

Муж уложил нас душетом, как из двустволки, на взлете – уточку с селезнем. Моей мелкой мстью останется его анонимность. Пусть останется просто «он». Не открою имя современного Герострата.

Высокий мужчина, подумав, сказал.

– У русских идея мести – в крови. Еще Пушкин назвал мщение христианской добродетелью. Странное мнение о христианстве, но вам виднее. Да, я могу помочь осуществить ваше желание. Прошу только взвесить еще раз последствия.

– Что, потом – в ад, за этот грех?

– Не так однозначно, но закон кармы не отменяем. Вы вольны выбирать свой путь, но свобода подразумевает и ответственность за последствия.

– Я согласна ответить. Ты со мной?

– Да. С тобой – даже в ад. Ты же знаешь.

Я улыбнулся любимой и посмотрел на собеседника:

– Так что ж, уважаемый, куда нам идти теперь?

– Никуда не нужно идти. Вы очнетесь внутри машины.

Наш собеседник не обманул нас. Мгновенный обморок, и вот я уже осматриваюсь, обживаюсь в автомобиле, как в новом теле. Мотор – сердце, колеса – ноги, бензобак – желудок. Салон ощущался, как рюкзак за спиной. На водительском сиденье – он, как ожог, как черный факел. А где-то рядом с сердцем, внутри, теплым огоньком – она, Маша. Я обращаюсь к ней:

– Что с тобой, как ты?

– Сама не пойму. Вокруг сплошная темнота, и только твой голос слышен.

– Попробуй тогда идти на мой голос.

Я постарался открыть ей сердце, и она вошла в него – легко и уверенно, как будто в открытую дверь.

– Ой, я вижу! Как интересно, я будто внутри тебя!

– Так и есть. Но мне это не мешает, наоборот.

– Мне тоже... Вот оно как, быть в чем-то сердце!

– Ты всегда там была. Веришь?

– Верю. Вижу. Теперь уже знаю.

Мы помолчали, привыкая к новым ощущениям. Потом Маша вскинулась, вспомнив:

– погоди, а что же теперь с нами будет? Я заперта внутри тебя, а ты – внутри машины...

– Ничего страшного. Думаю, как только машина сломается, мы сможем покинуть ее.

– Сломается – сама по себе, или...

– Или. Надо выполнить наше решение.

– Знаешь, а мне почему-то уже не хочется мстить. Мне сейчас вообще не хочется причинять кому-нибудь вред, даже самому нехорошему...

– Что, и мужу?

– Да, и ему не хочется. Пусть живет, как может. За все зло, сотворенное им, он сам даст ответ. Без нас. К чему мне быть его фурией, брать грех на душу? Нет разницы, придет он на суд сегодня или через тридцать лет. Ты понимаешь меня?

– Конечно же, понимаю. Я ведь только ради тебя здесь. Я рад, что ты так повзрослела.

– Мне кажется, это из-за тебя, из-за твоего сердца. Я будто искупалась в твоей любви. Оказывается, так много мыслей, сомнений, страхов было во мне от неуверенности, что меня кто-то любит.

– Но ведь всех нас любят, – возразил неуверенно я, вспоминая высокую фигуру у стола, внимательный взгляд, просветивший меня, как рентген.

– Ах, это не то! – Маша капризно махнула рукой. – Это не такая любовь. Она слишком ... ровная, мягкая, как пуховое одеяло.

– А моя, значит, как джутовый мешок, – попытался отшутиться я.

– Не ерничай, не получится. Я теперь знаю тебя изнутри, как ты и сам, может, себя не знаешь.

Маша продолжила, все больше распаляясь.

– Мы будем ему, подлецу, верно служить! Мы его перевоспитаем своей верностью, и он неизбежно станет лучше, чище, светлее...

– Ну да, конечно, а попав на небо, будет просто раздавлен нашим благородством и самопожертвованием. И попросится обратно на Землю, обязательно – вместе с нами. И чтобы мы опять ему верно служили, а он нашим служением наслаждался и перевоспитывался...

– Фу, каким пошлым ты иногда бываешь!

– Какой есть. И это не пошлость, а простой здравый смысл, коммон сенс. Не зря же говорят «горбатого могила исправит». Могила, а не Тойота.

– Так что же ты предлагаешь нам делать?

– Да ничего особенного. От нас ведь мало что зависит. Побудем тут, пока машина не пойдет под пресс, каких-нибудь десять-пятнадцать лет. А ты сможешь заниматься своим положительным реморализаторством. Сон ему красивый навеять или станцию классической музыки подсунуть в приемнике.

– Думаешь, подействует? – в голосе Маши прозвучало сомнение.

– Так ведь попытка – не пытка. И все равно надо же чем-нибудь заниматься?

– Да, но десять лет – это же так много...

– Может быть, и все двадцать, – усугубляю я.

– Вот продаст он через год машину какому-нибудь пенсионеру, а тот станет ездить из гаража раз в месяц до ближайшего супермаркета. И сэкономит машину на века...

– Ой, а о таком я и не подумала!

– И я не подумал, – великодушно принимаю я на себя часть вины. Не напоминая бестактно, что первоначальный план состоял совсем в другом.

– Хорошо, миленький, любименький, придумай что-нибудь, чтобы и волки были сыты, и овечка не слишком засиделась в этой железяке!

Маша устраивается удобнее и говорит сонным голосом:

– Что-то я подустала, наверное, мне нужно немного поспать, отдохнуть...

Ее голос затихает. Она действительно спит. Я мысленно ставлю пятерку своим способностям – желание поспать я сам Маше внушил.

Оказывается, для этого не нужно ничего, кроме напряжения воли. Что ж, неплохо. Теперь у меня развязаны руки, хоть и ненадолго.

В плотном мире возможности мои очень малы, но реальные. Опытным путем я установил, что мой предел – камушек весом меньше грамма. Карат, усмехнулся я. Мал золотник, да дорог. Ничего, и этого может оказаться достаточно.

Следующей стадией стало внушение «ему». После перво-

го раза дело у меня пошло веселее. Вскоре «он» захотел подняться на своей новой машине на вершину утеса, царящего над заливом. И двигатель испытать, и закатом полюбоваться. Вечерний город очень красив отсюда.

Камешек испытанный я предусмотрительно устроил на крышке картера, чтобы не искать потом новый такой же. Мы взлетели по крутому серпантину на самый верх. Машина была на высоте. Даже стало жаль ее немного. Она-то ни в чем не была виновата.

– Ничего! – подумалось с внезапной злостью. – Попадет в машинный рай как невинно убиенная, вернется на Землю уже Кадиллаком.

Мы остановились на самой вершине, на парковке рядом с обзорной площадкой. Я почувствовал уклон асфальта. Мне это было на руку. Когда «он» припарковался и поднял до отказа рычаг ручного тормоза, я был уже наготове и подложил камешек в нужное место.

Шестерня хрюкнула, проворачиваясь, и не затянула тормозные колодки. Хозяин хлопнул дверцей, направляясь к балюстраде. А мы с машиной тихонько поехали в другую сторону, с удовольствием подчиняясь закону всемирного тяготения.

Маша проснулась, когда мы проломили заборчик и неслись вниз, набирая скорость. С грустью я понял, что падать мы будем не в море. Внизу, под нами, извивалась нитка серпантина, по счастью, пустая.

– Извини, мы снова уходим в огне пожара!

Я обернулся к Маше. Она стояла рядом, щурясь на веселый огонь, радостно жрущий движимое имущество.

Сверху донесся отчаянный крик, даже вопль. Это орал *он*. Вспомнил, жлоб, что пожадничал, не оформил полную страховку в магазине. Решил сэкономить, застраховаться у своего агента. Но не успел.

Ничего, ему полезно. Страдания, говорят, возвышают, а ведь *он*, наверное, любит деньги больше всего на свете. Вон как убивается! На нашей с Машей смерти нажился, так пусть ощутит теперь, гад, настоящую боль. Маша засмеялась и протянула руку, показывая мне, на что обратить внимание.

Через мгновение мы стояли на обзорной площадке. Муж её уже не кричал. Он лежал на спине и хрипел от удушья. Лицо потемнело от приливающей крови. Наверное, ему можно было помочь, но, как назло, на площадке никого не было. Кроме нас, а что мы можем?

– Удар. То, что теперь называют инсультом. Подождите немного, сейчас мы уйдем вместе.

Наш недавний собеседник из белой комнаты стоял, внимательно разглядывая умирающего. Тот уже поднимался на ноги, растерянно рассматривая свое неподвижное тело. Потом он увидел нас и закричал. Явно от страха.

Не знаю, что он там себе навоображал. Наверное, мы представились ему не такими, какими видели друг друга. Он упал на колени и закрыл лицо и голову руками, точно ожи-

дая ударов.

– Совесть – страшная штука, особенно – нечистая совесть. Она способна разукрасить встреченные жертвы такими клыками и шипами...

Высокий человек (или все-таки не человек?) поднял мужа с колен, обнял и повел, на ходу что-то рассказывая. Мы нерешительно потянулись следом. Пейзаж незаметно изменился.

Мы стояли на перекрестье дорог, и пресловутый камень посверкивал гранитным полированным боком. Высокий остановился и оглянулся. Спутник его уже не кричал, глядя на нас, но продолжал дрожать. Интересно, какими он нас все-таки видит?

– Лучше вам это не знать, – улыбнулся высокий.

– Ваши образы долго еще будут являться ему в кошмарах. Он будет представлять, что вы приходите его мучить.

– Подбрасывать дрова под котёл – кивнул я.

– Да, и это тоже. Но не о нем речь сейчас. Он своими поступками определил свою судьбу на много веков вперед. А вот что мне с вами делать – ума не приложу!

Мне опять почудились веселые смешинки в его глазах.

– Отпустите нас, господин хороший! Мы, честное слово, больше не будем!

Маша, как всегда, успела высказать вслух то, о чем я даже не мечтал.

– А вас никто не держит! – высокий пожал плечами.

– Кармический долг вы закрыли, отказавшись от мести. Теперь все пути перед вами открыты, – он показал нам на камень.

Надписи на нем были кратки и однозначны. Три стрелки – влево, прямо и направо. Дэвачан, Абсолют и Библиотека. Мы переглянулись и рассмеялись. Как хорошо, когда не надо ни о чем спорить!

На прощанье Маша подошла к бывшему мужу и погладила его по голове. Тот присел от ужаса.

– Если это зависит от меня, то я тебя прощаю. Но только за себя, не за всех остальных. Надеюсь, когда-нибудь мы встретимся. Прощай, муженек!

Тот вновь упал на колени и попытался поцеловать ей руку.

Маша отдернула ее брезгливо, и мы пошли по правильной дороге. Следовало поторопиться – вдруг впереди нас снова ждет очередь?

Вероника Князева

Сетевой ник – Неря, писатель и критик Синего сайта. Участник и призёр сетевых конкурсов. Рассказы опубликованы в сборнике «Синяя Книга» (2014, издательство «Дятловы горы»).

Пишу прозу, в основном повседневность, иногда с нотами мистики, горячо люблю фантастику и фэнтези.

Профиль на Синем сайте <https://ficwriter.info/component/comprofiler/userprofile/Неря.html>

Из маленького мира

Вокруг красной лодки плавали золотые рыбёшки – мелкие и неуловимые, как блики солнца. Временами Энди пытался до них дотронуться, однако ему едва удавалось задеть хотя бы хвост. Он знал, что никогда не поймает ни одной – это ведь просто игра.

Едва внутри его бутылки становилось светло, он подскакивал на месте, будто не засыпал. Первым делом следовало умыться и сделать зарядку: в покачивающейся на волнах лодке он научился идеально держать равновесие. Затем Энди спрыгивал в воду и плавал с рыбёшками, уворачиваясь и поджимая ноги, если они задевали стопы, потому что было щекотно. Дальше наступало время завтрака: с глубокого тёмного дна всплывали пузырьки, они лопались над поверхностью, и Энди ловил еду и разные вещи. Иногда из них раздавался голос мамы-русалки – она рассказывала о себе, о мире, заваливала его десятками вопросов, а временами просто пела. Мальчик знал: когда он говорит вслух, мама слышит его, где бы ни была, поэтому старался разговаривать с ней каждый день. Или хотя бы через день.

В ограниченном стеклянными стенками мире развлечения можно пересчитать по пальцам: плавание, игра с рыбками, подводные исследования, уборка, а самое главное – разработка планов. Энди любил придумывать, как достать

клад! Прямо под лодкой, на дне, усеянном цветными стёклышками, стоял сундук с массивными железными кольцами и огромным замком – наверное, тяжёлый – обросший водорослями и диковинными кораллами. Донырнуть до него мальчик не мог, хоть и не оставлял попыток, а со временем соорудил из мачты подъёмный механизм, однако никак не получалось крепко зацепиться крюками – они раз за разом срывались. Не хватало совсем чуть-чуть удачи! Из-за чистоты и прозрачности воды загадка всё время маячила перед носом, насмешливо сверкала, но в руки не давалась.

Время от времени Энди подплывал к стенкам бутылки и пытался очистить их от водорослей – в самом деле, эти тонкие прозрачно-зелёные скользкие растения так быстро оплетали всё вокруг, что могли в итоге замуровать его, словно в кокон. Большую часть наростов он мог убрать, а вот затянутые мутной плёнкой стенки отчистить не удавалось. Что находится снаружи? Как-то раз он процарапал маленькую дырочку и увидел траву, а ещё мелькающие чёрные точки – брр. Рассмотреть лучше длинный острый хоботок и блестящие серые глаза Энди отказался – они потом снились в кошмарах. Нет, ему нисколько не хотелось снова приглядываться к тому миру – в своём лучше.

На ночь мама-русалка рассказывала сказки о подводных дворцах и кладах, об огромных песчаных пляжах с раскидистыми пальмами, о высоких башнях под облаками и о странных существах – людях, которые никогда не знали, что дела-

ют. Энди засыпал и всё это видел, гладил пальцами диковинных рыбок со шлейфами разноцветных, точно радуга, хвостов, чувствовал запах горячего солёного ветра и...

Мальчик внезапно проснулся. Лодку швырнуло вбок, она ударилась о стенку и перевернулась. Он оказался под водой, в холодном и тёмном пространстве. Наверху бушевал шторм, но откуда ему здесь взяться? Энди почувствовал, что его тянет вниз, и попытался ухватиться за мачту. Раздался противный скрежет – его перевернули вверх тормашками, а потом он куда-то упал...

***

Энди лежал на чём-то мягком и пружинистом, обхватив себя руками и прижав голову к коленям. Мир вокруг слегка покачивался в такт волнам... Впервые в жизни его тошнило от этого движения, оно казалось неестественным и грубым. Мальчик приоткрыл глаза, тут же заслезившиеся от непривычно яркого света, приподнялся и огляделся по сторонам: высокий забор из грубых деревянных досок, бледный песок с клочками упругой травы, на которой он и лежал, жёсткие кусты тут и там, серое нечто над головой и бесконечный невнятный шум.

Блики солнца рассыпались по осколкам разбитой бутылки – у мальчика перехватило дыхание, когда он узнал свой бывший дом. Нет-нет, как же так! Горький ком застрял в горле, из глаз горячими ручейками полились слёзы: где теперь он услышит маму, где теперь он будет жить? А рыбки?! Они же

все погибли без воды! Энди склонился над осколками, но так и не смог никого разглядеть – перед глазами стояла мутная пелена.

Кусты сбоку затрещали, и рядом с ним на землю упала... девочка? Она ошеломлённо глянула на него и выкрикнула:

– Зачем ты разбил мои бутылки?! Знаешь, сколько я их собирала? Хватило бы на хлеб и воду, а в таком виде кому они нафиг нужны? Я смогла украсть всего-то пару кошельков, а в них чёртовы пластиковые карты...

Она ходила по кругу, взмахивала руками, сердито топала и пинала песок. Шум вокруг усилился: гул, шелест и десятки других незнакомых звуков ввинтились в голову. Они сливались и перебивали друг друга, звучали сплошным потоком. Какой ужас!

– Э-э, стой! Не реви! Тш-ш, я ничего тебе не сделаю, – она схватила его в охапку и принялась укачивать. – Давай поиграем, ладно?

Игра? Это интересно – это он понимал.

– Как тебя зовут? Ты – девочка? Что ты здесь делаешь? Какие правила? – Энди вцепился в её руку, поёрзал, устраиваясь удобнее: грубые тряпки на ней царапали кожу.

Она оказалась необычной. Не такой, как он. Высокая, с большими глазами цвета тёмных жемчужин, разноцветными волосами и каким-то колечком в губе. Её одежда ужасно грубая – невозможно терпеть. А ещё на чумазой шее болтались какие-то значки и прохладные кругляши, почти как бусы у

мамы.

– М-м. Пока мы играем в тишину, ладно? Мне интересно, как долго ты можешь не разговаривать, – она рассеянно прислушивалась к звукам, поглаживая его по светлым кудряшкам, – а потом я расскажу тебе историю...

Ну-у, уж это он умел. Иногда, когда ему становилось очень грустно, что мама-русалка не приходит или что он не может сходить в гости к другим мальчикам и девочкам в бутылках – должны же быть и другие, верно? – Энди долго молчал и ничего не рассказывал вслух. Это неправильно – поступать так, но мальчик пожалел об этом лишь сейчас: если бы он только знал, что больше никогда не услышит маму!

Он шмыгнул носом и тоже стал слушать шум: он звучал то громче, то тише, был ещё такой противный свист, но постепенно он исчез.

– Отлично! Долго мне тут оставаться нельзя, рано или поздно нас здесь найдут и выгонят... Хм, – она оглядела совершенного голого мальчика – как он оказался под мостом? Один? – Итак... как тебя зовут и чей ты?

– Я – Энди, – он просиял белозубой улыбкой, радуясь непонятно чему. – Мамин.

– Прелесть... А меня зовут Клэр, – девушка нерешительно поглядывала по сторонам, раздумывая, что делать. – Вот засада.

Самое разумное в этой ситуации – оставить мальчишку. С ребёнком хлопот не оберёшься, даже если он смышлёный.

Но что, если его бросили? Не в приюте и не в больнице, чтобы не смогли вычислить, а просто так – под мостом. Не мог же он убежать или потеряться сам, абсолютно голый! Или мог? Можно узнать о недавних потеряшках и подбросить обратно. Это тоже задачка не из простых, только... Нет, не могла она его здесь оставить! Пьяницы, наркоманы, дикие собаки... а ночью без одежды на улице он просто замёрзнет, и это будет самым милосердным. Будь она в ладах со стражами порядка, сдала бы его на ближайшем посту. Однако – увы – возвращаться в приют не хотелось до судорог.

– Как думаешь, мама заберёт тебя отсюда? – она стянула с себя рубашку, оставаясь в топики и шортах.

– Нет, она не может, – Энди пожал плечами и принялся крутить пуговицу на пёстрой сумке. – Я давно её не видел.

– Так. Тогда... ты не против, если мы поможем друг другу? – она заставила его надеть рубашку, подвернула рукава, укоротив их раза в два, застегнула все пуговицы... – Где-то у меня был кожаный шнурок, сойдёшь за ребёнка хиппи – будь уверен, – ей в голову пришла гениальная мысль, что на улицах ищут девушку-воровку, а вовсе не маму с ребёнком – ещё один плюс в пользу того, чтобы забрать Энди с собой.

– Как поможем? Кто такие хиппи? Мы куда-то идём? А ты меня покормишь? – как только Энди успокаивался и отвлекался от собственных мыслей, начинал сыпать вопросами.

– Доберёмся до безопасного места, и покормлю, – Клэр поднялась, перекинула сумку через голову и подхватила его

на руки. – О, смотри, это твой сундучок в траве?

– В траве? – Энди посмотрел вниз. – Мой-мой! И лодочка тоже...

Девушка пожала плечами, подхватила игрушки и небрежно сунула их в сумку:

– Скажешь понарошку, что я – твоя мама? Скажем, попросить у меня мороженое?

– Что такое мороженое? Когда сказать? – он с интересом потянулся и стал выпутывать из хвоста разноцветные пряди волос своей первой знакомой.

– Я подскажу. Вперёд!

Они выбрались на оживлённые улицы через щель в заборе. Погоня утихла, плотные потоки людей продолжали течь спокойной рекой, только где-то впереди громко лаяли собаки и слышался треск раций. Клэр прогулочным шагом направилась к остановке, чувствуя, как Энди затих и сжался в комочек. Так странно, словно никогда прежде не видел столько людей разом. Ей на мгновение стало его жаль: вообще-то в этом мире никто никому не нужен, но одно дело уже это знать, а другое – быть ещё не знакомым с равнодушием окружающих.

Краем глаза она заметила, что пара мужчин в форме подозрительно косятся на неё, однако пока не предпринимают никаких действий – не уверены. Да, видимо, мамочка из неё получилась неубедительная:

– Давай. Помнишь, что нужно сказать, ну?

– Мама! – с первого раза голос Энди прозвучал неуверенно и тихо, видно, мальчик переволновался, однако почти сразу взял себя в руки и: – Мама-мама! Смотри, там мороженое! Давай возьмём? Ну, пожалуйста!

– Ох, милый, у нас же дома есть. Давай так: ты хорошо поужинаешь сначала, а потом будет десерт?

Почти сразу мужчины потеряли к ней всякий интерес, продолжили оглядывать окрестности. Вот один из них нашёл щель в заборе и позвал другого. Слава богу, что они с мальчишкой уже убралась оттуда!

– Отлично! Пойдём искать, где и чем тебя покормить...

***

– Марта, мне, правда, неловко вас просить, но я знаю не так уж много мест, куда можно податься с ребёнком.

– Ох, милая, пустое. Проходи скорее.

Напротив центральной больницы в неприметном трёхэтажном доме жила сестра-сиделка Марта Бишоп. Всё в этой женщине было идеально – уж Клэр в этом разбиралась: в ее жизни были ужасные отношения с матерью и удивительно тёплые – с бабушкой.

Дома Энди первым делом избавили от рубашки, и мальчик свернулся калачиком на мягком покрывале и задремал. Его кожа слегка покраснела и явно чесалась, потому что он ворочался и тёр её.

– Ничего страшного, не аллергия. Нужно принять холодный душ и смазать кожу детским кремом.

– Хорошо, это неплохая новость.

– В холодильнике найдется молоко с хлебом... А потом, дорогая, займись приготовлением чего-то более существенного – мальчишки в этом возрасте всегда голодные, да и тебе не помешает поднабрать вес.

– Да, мэ, – Клэр улыбнулась и впервые за день поняла, что расслабилась.

Она не доверяла взрослым – в этом нет никакого смысла. Однако в каждом правиле есть исключения, и ради них можно стремиться к лучшему: например, стать хорошим взрослым для Энди.

– Держи, малыш. Это вкусно, меня бабушка так научила...

Энди быстро распробовал молоко и начал уплетать размякший в нём хлеб за обе щеки. Она достала хлопковое полотенце, накинула на ноги, чтобы он не крошил вокруг.

– Слушай, давай ещё раз, только подробнее... Расскажи о себе.

Мальчик пожал плечами и начал, как в привычных разговорах с мамой, рассказывать, где он жил, чем занимался, как плавал с рыбками. Клэр задумчиво расхаживала по комнате из угла в угол: похоже, она нажила себе крупные неприятности. Либо мальчика держали в каком-то изолированном помещении, либо у него проблемы с психикой. Ни то, ни другое не могло быть хорошо по определению. И как ей теперь быть?

Старушка, казалось, слушала вполуха, но взгляд её был цепким, когда она оборачивалась и уточняла какие-то несущественные для Клэр детали.

Насыщенный день и еда сделали своё дело – она не успела оглянуться, как мальчишка уже дрых без задних ног. Впрочем, оно и к лучшему: ей нужно переварить этот рассказ и обсудить его с Мартой.

До того, как Энди проснулся, они в молчании успели приготовить ужин – пюре, сосиски и свежий салат из овощей – и выпить не одну чашку ароматного чая с мятой – уже за разговором.

Выспавшийся и набравший сил Энди, стал просто неугодным! Он носился по квартире, как смерч, совал нос во все шкафы и углы, поминутно спрашивал о каждой мелочи. Мальчишке явно было интересно всё и сразу. Он отказался от сосисок, зато салатными листьями хрустел только так, да и пюре не вызвало у него опасений.

– Знаешь, дорогая, с ним всё в порядке, – миссис Бишоп угостила Энди конфетой и с интересом поглядывала, как он исследует лакомство со всем возможным тщанием. – Я бы сказала, что у него чересчур развитое воображение... И, конечно, явно были нестандартные условия жизни, но... Ничего такого, что могло бы нанести вред его здоровью или психике. Вполне любознательный мальчишка пяти, может, шести лет от роду.

– Это радует, – во всяком случае, он не псих, ведь тогда

бы точно пришлось придумывать, как незаметно подкинуть его в больницу. – Мама-русалка... надо же.

– Думаю, это всего лишь ассоциация.

– Да. Спасибо, миссис Бишоп, вы просто чудо.

– Ну что ты, детка, обращайся, – старушка погладила Энди по голове – чудные кудряшки – и направилась к выходу. – Если тебе нужно отлучиться по делам, можешь оставить его со мной...

Вернувшись в комнату, Клэр подивилась тишине. Может, опять уснул? Нет, мальчик сидел на облюбованном им покрывале и сосредоточенно пытался открыть сундучок. Вообще, игрушка странная: не простая пластмасса, а действительно дерево, тяжёлое такое, с железной окантовкой.

– погоди, шпилькой попробуем... Как думаешь, что внутри?

Она медленно вращала шпильку в замке, пытаясь подцепить штифты, и не прошло и двух минут, как замок приятно щёлкнул, и они смогли заглянуть под массивную крышку.

– Хм. Ракушки, бусинки, записочки... Мило.

– Это жемчуг, а не бусинки! – фыркнул мальчишка, перебирая свои сокровища.

– Да-да, развлекайся.

Слишком насыщенный день. Она устало вытянулась на диване, заложив руки за голову. Вопрос «что делать?» оставался открытым. Конечно, нужно собрать газеты и поискать Энди среди потеряшек за последнюю неделю. И, может, вы-

ждать ещё неделю. Объявления, опять же. Но что-то ей подсказывало, что это пустая трата времени. Сегодня было интересное приключение, да и вообще, мальчик сильно отличался от детей в её представлении. Жаль, что у неё нет своего дома... Может, тогда получилось бы оставить его у себя?

Рассматривать варианты полиции и детского дома не хотелось в принципе – она сама через это прошла – хуже не придумаешь, даже специально.

Но что, если бы они... уехали? Почему он не переживает о родителях? Никого не ищет? Может, уже некого?

***

Утром Клэр проснулась от плеска в ванной комнате: судя по звукам, соседей ожидал потоп. Она, всё ещё в полусне, соскочила с дивана и понеслась убирать последствия разрушений, какими бы они ни были.

Ну и дела... Приплыли.

Она тяжело привалилась бедром к стиральной машинке, глядя на приобретённое вчера чудо: Энди плавал в ванне, как рыбка, впрочем, она бы сейчас не поставила даже свои скромные пожитки на то, что он сам не был рыбкой. Ну, или кем-то вроде того. Бледная кожа, прозрачные перепонки между пальцами, сияющие глаза...

– А под водой дышать можешь?

Он удивлённо на неё посмотрел, наклонив голову:

– Ну, нет, я же маленький ещё...

Похоже, резко отметались все варианты, кроме последне-

го – нужно собираться и сваливать из города, да поскорее. Если кто-нибудь ещё увидит этого ребёнка таким... нет, она ошиблась, детский дом – не худшее, а вот какие-нибудь лаборатории... Перед мысленным взором тотчас пронеслись жуткие картины из фильмов Спилберга. Брр.

– Энди, послушай, – она присела возле ванны, – ты в таком виде не должен никому показываться, понимаешь?

Он подумал и кивнул. Сейчас его явно больше заботила красная лодочка, чем какие-то правила.

– Энди, это важно, – что могло бы заставить его быть внимательным? – Вот... м-м, давай это будет наш секрет, ладно?

Наличие общего секрета было воспринято положительно, и Клэр с облегчением выдохнула. Итак, одна проблема решена, план действий нарисовался, осталось его осуществить. У неё были кое-какие сбережения, ну и она смутно помнила, что бабушка жила где-то у моря. Старушка не могла позаботиться о ней маленькой, но ведь сейчас всё иначе? Может, они не будут ей в тягость? Да и потом, Клэр на улице не пропадёт, а вот чем дальше Энди будет отсюда, тем лучше – откуда бы он ни взялся, рано или поздно прошлое даст о себе знать, и слава богу, если оно будет безобидным.

Пока мальчишка плескался в ванне, Клэр рассматривала ракушки – таких она никогда раньше не видела: ровные, с перламутровым отливом. Сейчас она уже была готова поверить, что и бусинки в сундуке – это жемчуг. Почему нет? Удивляться было уже нечему.

– Мама живёт в доме под названием Океан. Ты знаешь, что такое этот Океан? Мы можем туда попасть? – Энди, завёрнутый в полотенце по самую макушку, прошлёпал босыми ногами по полу.

– Я хотела тебе предложить уехать из города... Если я правильно помню, моя бабушка как раз живёт на побережье. Посмотришь на океан.

– Хорошо, – он подвинул ракушки и опять свернулся калачиком на покрывале: где бы он раньше ни спал, нормальной постели у него явно не было.

– Не против, если с тобой посидит миссис Бишоп, а я отлучусь на некоторое время?

Энди только кивнул в ответ.

Он старался не показывать, но на самом деле впервые с тех пор, как очутился вне пределов своего маленького мирка, ему стало не по себе. Не от страха или скопления людей вокруг, а из-за чёткого понимания: как раньше уже не будет. Он мог остаться в городе или уехать с Клэр, он мог попытаться найти маму-русалку или что-то ещё, но единственное, чего он не мог – это вернуться в свою бутылку.

Миссис Бишоп, словно угадывая его меланхоличное настроение, не стала ни о чём расспрашивать, а просто села читать сказку. История была о золотой рыбке, и Энди немного взбодрился, подумав о том, что зря так и не поймал одну из них...

Он не понимал движения загадочных стрелочек, которые

монотонно отсчитывали – по словам миссис Бишоп – время. Но вообще-то они ему не нравились. С каждым щелчком обстановка становилась всё более гнетущей, он не находил себе места, бросался то к ракушкам, то в ванну, то поесть... Зудящее чувство тревоги не утихало. Энди не понимал, он совсем не понимал, почему ему так беспокойно.

Миссис Бишоп ласково улыбалась и как-то очень понимающе следила за его суетливыми движениями.

Когда на пороге появилась Клэр, ему показалось, что с души упал огромный камень, и стало легко дышать. Он со всех ног помчался к ней и с силой обнял коленки, не желая отпускать.

– Ого, вот это приём, мелкий... Ты чего? – она взъерошила ему волосы и улыбнулась.

– Мы в ответе за тех, кого приручили.

Миссис Бишоп тихо вышла из комнаты: разве можно мешать людям, которые нашли покой в обществе друг друга? Старушка видела много беспризорников, да и просто деток-бунтарей, которые убегали из приютов – все они были надломлены... и Клэр такая же. Яркая, шумная, улыбчивая. Только за ворохом этих бесконечных плясок её было совсем не найти. Без друзей в этом мире невозможно, а как найти их, если всё время закрыт в своём мирке?

– Ну, ты чего, ещё не собрал свои вещи? – Клэр подхватила мальчишку на руки, раздумывая, каким путём будет проще выбраться из города, минуя, так сказать, официальные

пропускные пункты вроде вокзала и аэропорта – без документов им обоим вход туда был заказан.

– Не знаю... Думал, ты не придёшь. Где ты была? А куда мы поедем? У тебя новая одежда? А что...

Энди тараторил и не мог остановиться: когда напряжение, наконец, отпустило, он понял, что боялся остаться без Клэр. Она была первым человеком, кроме мамы, кто заботился о нём, гладил, кормил и играл. Наверное, это глупо. Он ведь столько времени жил один, и было неплохо. Но теперь, когда он знал, что можно ещё лучше... пожалуй, он не хотел бы возвращаться обратно в свой мирок. Это было бы слишком тяжело.

Если теперь его жизнь будет похожа на тех самых золотых рыбок в воде – быстрых, неуловимых, непредсказуемых – пусть, он больше не боится, и, к тому же, где-то там, в огромном доме Океане, его ждёт мама. Может, она на это и надеялась? Что он выберется из своей бутылки и придёт к ней сам? Энди собрал в рюкзак, который ему дала Клэр, одежду, сундук и лодочку, туда же сложил часть еды – на всякий случай – а затем встал в пороге:

– Я готов!

Назойливые отражения

Альберт во сне дёрнулся и проснулся.

На улице завывал ветер, балконная дверь, приоткрытая с вечера из-за духоты, противно поскрипывала, по железным перилам барабанили капли дождя, а за стеклом нет-нет да мелькали молнии. Метеорологи обещали ночью грозу и, кажется, не обманули.

Стоило пошевелиться и высунуть ноги в поисках тапочек, как холод моментально заполз под одеяло. Альберт поёжился, решительно встал и закрыл дверь. Не хватало только подцепить простуду или застудить уши. Один раз познакомишься с этой болью, и больше не хочешь повторять – тонкая, мерзкая, пульсирующая внутри головы.

Дверь отсекала не только холод, но и шум. В комнате образовалась мягкая тишина.

Он прошлёпал обратно, невольно глянул в зеркальные дверцы шкафа: в темноте комната выглядела иначе, а уж её отражение и подавно. Альберт показал язык, так и не решившись ткнуть в себя пальцем. В детстве его пугали сказками о другом, оборотном мире, всяческими приметами и, конечно, запретом смотреть в зеркала по ночам, иначе то ли дух, то ли призрак, то ли ещё какая пакость сможет сделать, что ей вздумается. Или вовсе поменяется с ним местами. Глупости, конечно! Сейчас так не кажется, но нужно думать трез-

во и доказать это.

За дверью не стоит Фредди Крюгер – там пылесос. По коридору не крадётс дявольская собака – это пакет с вещами. В туалете не хрипит зомби – всего лишь шумит вода в трубах.

Собственное отражение отталкивает тёмными провалами глаз, губы вот-вот изогнутся в насмешливой улыбке. Брр.

Альберт быстро залез под одеяло, укутываясь со всех сторон для надёжности и успокаивая бурное воображение. Больше никаких фильмов ужасов на ночь, нужно подумать о чём-то хорошем: лес, речка, шашлыки с друзьями... Сон подкрался незаметно, аккуратно проглатывая сознание.

***

– Нет-нет-нет, ну что ты творишь! – Альберт толкнул ногой системный блок, который начал тормозить и зависать в самый ответственный момент игры – и это не считая того, что он не успел сохранить целую главу доклада. – Дурацкий день.

Выходной не радовал. И дело не в игре, просто общая слабость сказалась на всём: не хотелось начинать эксперимент сначала, а придется, если препод решит, что ошибки фатально исказили данные.

Похоже, ночной сквозняк всё же сделал своё чёрное дело, или он что-то напутал. Иногда поражает, сколько энергии может сожрать собственное сознание, если его не подпитывать. Альберт откинулся на спинку вращающегося стула,

крутанулся пару раз и замер. Не так. Какая-то деталь выбивалась из привычной картины мира. Мысль петляла и ускользала, зудела, мельтешила и не давала сосредоточиться. Он щурился, пытаясь сопоставить факты с воспоминаниями – что не так? Стакан охлаждал ладонь, вода нежным потоком скользнула по пищеводу и...

Моментально вспотели ладони, а по позвоночнику прокатилась ледяная волна. На секунду сковало оцепенение. Альберт резко втянул носом воздух, закашлялся, смаргивая слёзы, и развернулся к зеркалу – его отражение всё так же сидело за столом и даже не думало повторять его действия. Что за чёрт?

Он пригляделся и признал, что и сама комната выглядела иначе, неуловимо, но она изменилась – не сразу и заметишь. Появились механические приспособления, на столе ржавые колёсики от часов, цепи и куски железа, а вместо компьютера высилась огромная машина с сотней кнопок и рычажков. Все они повторяли расположение его вещей, но были иными. Он подкрался ближе, рассматривая свою – или уже не свою? – комнату.

– Эй! – Альберт постучал по металлическому поручню, не решаясь касаться зеркала, чувствуя себя не в своей тарелке. – Ты кто?

Его двойник замер и обернулся, слегка наклонив голову. Слова застряли в горле, когда он увидел, что часть лица у отражения испещрена тонкими железными пластинами,

медными колёсиками и проволоками. В остальном отличий он не видел: грязно-зелёного оттенка глаза, пшеничные пряди, собранные в короткий хвост, в вырезе футболки торчат ключицы, а руки в мелких царапинах, даже шрам на мочке уха такой же.

– Чего тебе? – недовольно спросил двойник, которому надоело затянувшееся молчание.

– Э-э... Ничего. Прости, если отвлекаю, – Альберт поднял вверх обе руки: то, что отражение решило поговорить, сделало его менее пугающим. – И всё же, как я могу к тебе обращаться?

Он понял, что ухмылка в его исполнении смотрится ужасно, особенно когда предназначена не постороннему человеку:

– Меня зовут Финч, если тебе так уж важно с чего-то начать.

– А меня – Альберт...

Почему Финч? Так звали его медведя давным-давно – он всему отряду плюшевых зверей дал имена, да и мало ли, вообще, что бывает в детстве, всего не упомнишь. Что-что, а сменить имя он никогда не хотел.

– А почему Альберт? – насмешливо спросил двойник в тон ему. – У меня так собаку звали.

– Ты – моё отражение, и должен быть как я. Разве нет? – он сел по-турецки на ковёр перед зеркалом, посмотрев на Финча снизу вверх.

– Какое самомнение, – тот поднялся со стула и устроился напротив, в руках сверкнули начищенными боками разобранные часы. – Многие на твоём месте разбивали зеркало, полагая, что им всё мерещится, а ты пытаешься понять. Интересно.

– На моём месте? – Альберт и правда не переживал, учитывая нереальность происходящего, поэтому старался разложить по полочкам новую информацию. – Но я больше не помню таких снов, значит, этот тоже забуду.

– А. Думаешь, ты во сне? Ну-ну, – Финч фыркнул, ковыряясь каким-то тоненьким инструментом в часах.

– Не отвлекайся. Так что там о других? – зеркальная поверхность не пропускала внутрь: он прижимался к ней рукой, ногой, щекой и носом, но ничего не менялось. Хорошая попытка, но, наверное, глупая.

– Не я твоё отражение, – на него посмотрели, как на неразумного ребёнка. – А ты – моё.

– Чем докажешь? – на место лёгкому раздражению пришли новые вопросы, которые настроили на деловой лад. – Либо есть факты, либо этого не может быть.

– Да ну? У тебя всё же большое самомнение, – двойник обернулся, оглядывая массивную машину с сотней кнопок и рычажков. – Видишь САРУ? Это она вас ловит, точнее, позволяет вам задержаться на какое-то время, чтобы увидеть реальность.

Три года назад Финч создал машину, которая могла оста-

новить его отражение. Сложная система кнопок и рычажков контролировала время и пространство. Для замеров нужен был эксперимент на себе, однако череда опытов выявила один интересный факт: отражения считали себя оригиналом. Один за другим. Никто не сомневался в том, что он является единственным подлинником, а сам Финч – плод фантазии, сна, какого-то мистического явления. И он кинулся изучать эти сущности как побочную ветвь исследования. Отражения обладали памятью и самосознанием, с ними оказалось на удивление интересно разговаривать – конечно, с теми, кто мог достаточно хорошо держать себя в руках. Но, по большому счёту, они были лишь инструментом, необходимым подспорьем для будущих великих открытий.

Начиналось это иначе. С первыми сущностями Финч хотел подружиться. Отсутствие чёткой классификации не позволяло отнести двойников в разряд пустоголовых болванок, в них чувствовалось живое начало. Однако один за другим неприятные инциденты подорвали его желание считать их чем-то иным, кроме инструментов: объекты для чётких замеров – и ничего больше.

– Я – не отражение! – Альберт возмущённо вскочил на ноги. – Но могу доказать, что ты – это оно... Ну ты понял.

– А я могу доказать обратное. И всё же ты наглый, – Финч спокойно ответил на пылкую тираду. – Хорошо. Пойдём с другой стороны. Со временем я стал замечать, что отражения не помнят действительно важных событий... То есть они

имеют общее представление о моей жизни, разбираются в ней и – частично – в мире, но личные данные – это как тайна за семью печатями, она принадлежит лишь человеку. Но не его отражению.

– Это разумно. Я бы не хотел, чтобы кто-то знал о моей жизни такое... личное, – Альберт прокрутил суть разговора в голове ещё раз: зачем они что-то доказывают друг другу?

– Вот и чудно. Учти – я узнаю, если ты решишь врать и не краснеть. Итак, во сколько ты родился?

Альберт уже собирался выпалить всё, что знает, но после прозвучавшего вопроса замер с приоткрытым ртом. Финч оглядел получившуюся статую и насмешливо фыркнул – он понимал, что ответить невозможно! Разве это честно?

– Что это за вопрос! – Альберт всё же отмер и сердито пнул деревянную перекладину шкафа. – Откуда я время-то должен был запомнить?

– Это же твоё рождение! В твоей жизни – самое первое и важное событие! И ты не знаешь? А спорим, я знаю?

– Не спорим, – потихоньку он начал сомневаться в себе – доводы Финча были немного странными, но... – Давай другой вопрос.

– Хорошо. Назови день, когда ты впервые влюбился.

– Чёрт возьми! Да что у тебя за вопросы? Я влюбился в школе, в первом потоке, она сидела передо мной, кажется, её звали Мария, и...

– Не-не, оставь это при себе, мне не интересно, – двойник

пожал плечами, перебирая разные цепочки на стенде – видимо, подбирая под часы. – Человек знает, когда он влюбляется. А ты не знаешь – вывод?

Финч обернулся и оглядел его с сочувствием. Это отражение снова задевало что-то внутри, вызывало интерес и сочувствие одновременно. Показалось, что он по-настоящему испытывает эмоции: чуть-чуть страх, настороженность, любопытство, возмущение, гнев... Как занимательно. Могла ли машина эволюционировать и сама выбирать наиболее яркие отражения из тех, что ей доступны?

– Я могу задавать эти вопросы десятками... Первая мечта? А тринадцатая? Сотый осознанный сон? Номер дня, который изменил жизнь? Цвет неба в день того пожара, где мы – где я – получил шрам? Человек запоминает детали. Ты же, уверяю, не вспомнишь и не ответишь. Потому что ты – не человек, – двойник вернулся к зеркалу, встал напротив и попытался заглянуть в глаза Альберту. – Никто не может так небрежно относиться к себе и не помнить важного.

Вопросы перемешались в голове, сталкивались друг с другом, рассыпались осколками. Альберт понимал, о чём его спрашивают, и мог в общих чертах ответить, но... Прямо и чётко выдать требуемые факты оказался не в состоянии. Так странно. До этого самого момента он считал, что умеет жить и радоваться жизни, что понимает, где важное, а где нет, что хорошо знает себя. А оказалось?

– Кроме того, ты хотя бы попробуй для начала контроли-

ровать окружение, – Финч потёр нос, возвращаясь к работе. – Я могу менять детали в отражении на раз-два... Проверим?

Потух свет, и Альберт замер. Дверь в комнату медленно отворилась, по полу потянулся сквозняк, а в коридоре раздались шаркающие шаги.

– Хочешь встретиться с Фредди? – вкрадчивый голос Финча звучал еле слышно.

Мерзкий скрип когтей о стекло ввинтился в уши. Альберт отмер, подскочил к двери и захлопнул её. Сердце колотилось о рёбра. На улице слышались раскаты грома, а дверь с той стороны настойчиво толкали. Он упирался ногами в пол, который стал мягким и упругим, как желе. Альберт запутался, где пол, а где потолок, в воздухе вокруг образовались капельки воды, и в них отражались... отражались...

Финч завёл готовые часы на восемь утра и отложил их в сторону. Подошёл к своей машине, которая мигала разноцветными огоньками, и сдвинул пару рычажков, задумчиво глянув на показания:

– Слишком назойливые отражения. Давай вызывать их пореже...

***

Альберт во сне дёрнулся и проснулся.

За окном занимался рассвет, с крыши срывались прозрачно-золотистые капли, а с балкона открывался прекрасный вид на город: в небе уже завивались облака над главной баш-

ней воздушников, а ветер всюду трепал драконов, врезаясь в их мощные крылья и всадников на учениях.

Он с опаской приоткрыл дверь – в коридоре всё также, как и вчера, как неделю назад... да как всегда!

Что за дурость? Ну, кто помнит, во сколько он родился... Почему во сне это казалось таким важным? Как этот Финч... смог его в этом убедить?

Альберт успокоился, выдохнул и начал набрасывать начало практической части второй главы доклада «Расширенный функционал суеверий в современной жизни: теория, гипотеза, доказательство».

Проведённый эксперимент доказал основной закон архимага Пруффа: вне зависимости от исходных данных во сне замена (подмена) сознаний оригинала и отражения произойти не может.

Использован один обязательный предмет (зеркало) и два из тринадцативозможных условий: ночь, гроза. Вследствие чего отражение получило 0,4% самостоятельности (не использовать свечи, чтобы не увеличить процент вдвое!) и могло влиять на антураж сновидения (предпочтительно перед экспериментом находиться в умиротворённом состоянии!).

Подробный план эксперимента см. в Приложении №3

Мария Дышкант

Автор и критик на Синем сайте, курсант «Мастер текста». Пишу фантастику и фэнтези, иногда реализм, публикации, в основном, сетевые. Стараюсь создавать что-то необычное, удивлять читателя.

По профессии – филолог английского языка, также знаю немецкий, преподаю и занимаюсь переводами. Обожаю путешествовать. И, конечно, книги – куда без них.

Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Amaretto.html/>

Джинн и человек

Аллах предназначал в этот день великую неожиданность. Я так долго спал в нетронутой лампе, что уже не надеялся созерцать мир вновь. Хотя и был заточён, я знал, сколько дней, часов и даже минут в пределах земных прошло с тех пор, как я выходил наружу. Мой последний хозяин, нечестивый и неразумный гордец, загадал желание оплошно, и по воле Аллаха мы с ним вместе провалились под храм. В лампе никто не мешал беззвучно слиться с потоком жизни, плыть в фане¹, внимать, не касаясь мира кончиками пальцев.

Не нуждаясь в комнате, я создал призрак-отражение с золотыми расписными орнаментами на стенах, яркими, как заря, коврами искусного плетения, прекрасными вазами и дивными мозаиками. Такое убранство дарило больше услады, чем грозный нрав тёмной пустоты, раздающейся эхом внутри металла. Передать сиятельный вид комнаты во всей красе не удавалось. Лишенный чувства обоняния, как и вкуса, я убеждал себя, что в ней царили медовая душистость, шафран, благовония и различные сушеные травы, но всё, что мог о них вспомнить, – это названия.

Аллаху было угодно, чтобы после трёхсот лет тишины в один судьбоносный день моё безвластное жилище вдруг начало трясти. Я ощутил, как лампу поднимают, и был рад на-

---

¹ *Фана* (араб.) – небытие.

конец выбраться, хотя это означало служение прихотям очередного господина. В любом случае, интересней, чем безмерная тоска. За это время в мире, должно быть, много чего изменилось, и я необычайно желал его увидеть.

Раздался ожидаемый призыв – везунчик потёр моё обиталище. Явившись наружу, я хотел зажмуриться от яркого солнечного света, на минуту представить себя человеком... но не помнил, каково это. Всё стёрлось из памяти песком длительного заточения. По обыкновению, я сложил руки ладонь к ладони и поклонился новому хозяину.

– Слушаю и повинуюсь славному властителю. – Меня не призывали три столетия, а эти слова всё равно казались тошнотворно надоевшими, словно годы в пустыне. Моя речь прозвучала непривычно, медвяно – язык господина был мне незнаком, поэтому волшебные силы шлифовали непонимание, как янтарь.

Передо мной сидел на земле причудливый юноша. Возможно, он таким казался из-за того, что я пропустил не одну эпоху смертных, или потому, что не встречал никого – столь странного – раньше.

Это был молодой мужчина со лбом высоким и блестящим, с щеками, покрытыми пылью. Он то снимал дивную вещицу с двумя круглыми кусочками стекла с переносицы и отводил от лица, то надевал обратно, прищуриваясь и приглядываясь. Волосы его были светлы и торчали в разные стороны, подобно оперенью пеликана. Белое одеяние, похожее на

рубаху, с закатанными до локтей рукавами и расстёгнутыми двумя верхними пуговицами, прилипло к телу. В его взгляде было нечто безумное, как у алхимиков, которых мне приходилось встречать, – жажда знаний и страстное желание совершать великие дела. Однако узрел я и благородство. Именно такие учёные стремятся выйти за пределы возможного и даже бросить вызов самой природе, не боясь оказаться в трясине бедствий. Это было одновременно очень знакомо мне, но также и чуждо.

– Поразительно, – воодушевлённо произнёс он, отряхнув от песка и пыли упавший нелепый головной убор кафира, и поднялся на ноги.

Мужчина медленно обошёл вокруг меня, внимательно разглядывая.

– Либо у меня мираж из-за долгого пребывания на солнце, либо предо мной настоящий джинн, – он обращался скорее сам к себе, нежели ко мне.

– Да, о, повелитель, я джинн и исполню три твоих желания, – промолвил я и закатил глаза. Молодой человек увлёкся рассматриванием лампы.

– Удивительно, – прошептал новый хозяин, проводя пальцами по золотистой, как лик ока небосвода, поверхности и драгоценным камням моего крошечного дома. «Лампа стала новой и прекрасной, что не менее удивительно, чем когда обретаешь столь могущественного слугу», – подумал я.

Господин не спешил беседовать со мной, поэтому я раз-

глядел место. Мы находились среди развалин, которые были уже изрядно разобраны. В руинах прежнее величие стен не угадывалось, но я уверился, что это тот самый храм, под который Аллаху было угодно низвергнуть нас с прежним господином. Колонны длиною в сто локтей каждая разбились на части, время стёрло последние краски с роскошных стен, песок испортил изысканную резьбу. Ни один древний символ уже не разобрать. Вдалеке я увидел около дюжины людей, которые волшебства не заметили, будучи погруженными в работу. У всех были такие же одеяния, как у человека, который нашёл мою лампу.

– Чего изволите, о, хозяин? – после длительного перерыва снова прислуживать оказалось трудно. Я и так слишком долго просидел в лампе, теперь ещё и приходилось ждать, пока случайный счастливец определится с намерениями. Да простит мне Аллах это нетерпение!

– Я не должен спешить, – бормотал незнакомец, шагая туда-сюда и почёсывая острый подбородок. – Нет-нет, это слишком важный вопрос, который требует тщательных и долгих размышлений. Желания нужно формулировать предельно осторожно. Допустить ошибку легко. Так что оставлю их на потом, – он остановился и вопросительно взглянул на меня. Затем неуверенным голосом проговорил: – П-приказываю тебе в-вернуться в лампу.

Я совершил, как велено, понимая, что этот странный юноша стал моим повелителем на много дней и ночей. И пони-

мал, что речистый умелец проявил мудрость, приняв решение не поступать опрометчиво. Поспешность – от сатаны, и она порождает раскаяние и разочарование.

***

Первые несколько дней повиновения Льюису, как назвался повелитель, проходили без трудов – безмятежно и беззаботно. Время от времени он меня вызывал из лампы, дабы расспросить о джиннах. Господин имел право расспрашивать о дарах лампы столько, сколько пожелает, однако лишь немногие до сего времени изъявляли интерес познать творение волшебства.

На третий день я узнал, что господин мой – историк-археолог, так величали людей, которые познавали премудрости стародавних дней. Хозяин перечитывал множество писаний, сверяясь с моими ответами. Едва закончив изучать лампы и джиннов, господин мой решил, что ему встретился «нетипичный представитель этого вида духов».

Кое в чём Льюис оказался прав, ведь волею Аллаха я действительно отличен от мне подобных. Джинны – духи, сотворённые Создателем, они вольны и могущественны. Рабами ламп становились люди, либо совершившие ошибки, как я, либо же наказанные за злодеяния. Мы получали огромную силу, но не были вольны распоряжаться ею и могли обращать её в дело лишь по желанию наших повелителей.

От превращённых в джиннов смертных я тоже отличался. В джиннов обращали людей тщеславных и ненасытных,

заслуживших стать пленниками горестей и невзгод, я же согрешил только тем, что молвил глупость. Как говорит мой народ: язык твой – конь твой, не удержишь его, он тебя сбросит.

Я был не настолько озлоблен из-за рабства, чтобы помышлять о хитрых кознях для господ моих, что свойственно многим джиннам.

Мне не хотелось губить души, делать людей несчастными из-за их глупости. Я смирился с волей Аллаха и исполнял свой долг безо всякого интереса. Ведь недаром говорят: разве змея порождает кого-нибудь, кроме змеи?

Узнав, что полный достоинства молодой господин проявил великодушие и попросил не величать его хозяином, я несказанно удивился. Также он пожелал узнать моё имя.

– Заир – так меня звали при жизни, – отвечал я.

Льюис не торопился с первым желанием. Услыхав, как я дивлюсь, что господину совсем ничего не нужно, когда бы он мог пожелать многого и ещё больше, повелитель деловито ответил:

– Ещё не решил.

Каждый из моих хозяев за неделю преуспевал придумать хотя бы одну щедроту Аллаха. Господин Льюис лишь записал обо мне и о нашей встрече и сделал несколько искусных рисунков меня и лампы.

– Разве учёный муж не желает признания? Разве не хочет

обрести славу, чтобы во всех странах его уважали и ценили? – как-то воскликнул я.

Господин устало оторвался от письменного стола, поправив соскользнувшие очки (теперь я уже знал, как называется сей предмет) указательным пальцем и хихикнул. Слабый огонь свечи на миг отразился в стёклах.

– Этого я и сам добьюсь. Говорил же, что не планирую расходовать такую ценную возможность на мелочные прихоти, – сами слова были крайне надменными, но тон вовсе так не звучал. Хозяин искренне верил в будущий успех. Да укажет ему Аллах правильный путь!

Тут же он вернулся к работе, а мне осталось лишь наблюдать за исследованиями и записями в этом крошечном месте, где за монеты дарят покров для ночлега – номере гостиницы, где даже духу, привычному жить в лампе, было тесно.

Я чувствовал, что всё больше меняюсь сообразно этому времени, куда волею Аллаха мне было суждено попасть, и даже мысли мои стали меняться. Во мне пробудился интерес.

Спустя несколько дней Льюис поведал, как собирался воспользоваться первым желанием. Меня поразила его изобретательность. Итак, согласно первому желанию, я должен был делиться с ним всеми познаниями, собранными за долгую жизнь, рассказывать о тех событиях, свидетелем которых стал. То, о чём не знали историки, всяческие тайны и

позабытые самим временем чудеса былого – теперь я не мог ничего скрыть от хозяина.

Я привык, что первое желание обычно касается золота. Что говорить, *моим* первым желанием было избавить родню от бедности. Каждый выбирал самое ценное, этот человек не только предпочёл знания, но и поставил их на первое место.

Господин старательно записывал мои разъяснения. Нередко мы обсуждали ту или иную вещь. Очередная крупица опустилась за хрупкостью стекла песочных часов с особым сиянием, когда я осознал, что мне невероятно интересно беседовать с Льюисом. Начал замечать, что рассказывал о чём-либо не по приказу, а потому что нуждался в беседе. Ни один из прежних хозяев не разговаривал со мной как со смертным.

Историк похаживал, размышляя, хмурил брови, перелистывал книги, чесал затылок, громко возмущался, иногда хохотал, откидывая голову назад, и твердил: «Поразительно», «просто восхитительно». Он не уставал восторгаться и изумляться, словно дитя. Любознательности археолога не было предела. Ни один сосуд не вмещает в себя больше своего объема, кроме сосуда знаний – он постоянно расширяется. Так гласит мудрость, и этот человек был тому подтверждением.

Постепенно, как катящийся нитяной клубок, наши разговоры стали превращаться в его расхваливание своего века и гордость тем, что мир развивался стремительным ходом.

Отчего-то Льюис считал важным поведать мне об открытиях, обычаях и особенностях современности.

Как-то раз господин попросил меня встать напротив прямоугольной коробки на подставке. Сам же, запрятав голову под тёмную ткань, немного повозился и тут же оказался рядом со мной, осведомив:

– Улыбнись, сейчас вылетит птичка. И не двигайся.

Я не шевелился, но пташки так и не узрел. Вместо этого мелькнул яркий свет, будто белое пламя вспыхнуло. Позже Льюис объяснил, для чего устройство, и показал, что получилось.

– Погляди-ка, Заир, – он восторженно преподнёс мне идеально ровный клочок папируса-бумаги.

Листок оказался с рисунком, на котором я увидел себя рядом с улыбающимся Льюисом. Правда, яркие цвета моих одеяний совершенно утерялись: зелёная жилетка, синие шальвары, оранжево-желтые моджари² и золотые браслеты были серыми. Зато татуировка на моей голове виднелась хорошо и очень чётко. Таких точных портретов я никогда не видал прежде, потому согласился, поклявшись небом, что дивная коробка – истинно чудо из чудес.

Джиннам известны основы всего и древние тайны, но не новшества, ибо прячет Аллах будущее за семью покрывала-

---

² *Моджари* – кожаная обувь восточных народов ручной работы с загнутым вверх носком, часто богато украшена.

ми парчи.

– Нет-нет-нет, – качал головой господин, смеясь. – Это не магия, это наука, – сделал акцент на последнем слове, подняв вверх указательный палец.

Также он познакомил меня с ещё одним открытием того времени – телефоном. Археолог, предупредив заранее, говорил со мной издали с помощью этого необычного предмета. Поскольку мой облик не был столь материален, пришлось поднять выгнутую как лук трубку, применив волшебство. Бодрый голос, прозвучавший оттуда, заставил улыбнуться:

– Ну, что я тебе говорил!

Такие вещи полностью переворачивали мой иман³, и постепенно вера в безысходность, сколь бы странным это не казалось, потухала от безысходности. Я снова мог испытывать надежду...

Кроме древних событий, хозяин расспрашивал о моей жизни с не меньшим интересом, чем о деятельности Октавиана Августа. Что я мог ему поведать? Сколько песчаных бурь прошло с тех времён... Мне не хотелось вспоминать.

Однажды Льюис переводил надпись на найденном при раскопках древнем артефакте, и мне бросился в глаза знакомый язык. Но не один из тех, знание которых я получил благодаря магической силе, а родной. Вот уж диво: я помнил свой язык, но не помнил родины. Все познания о моём чело-

---

³ *Иман* (араб.) – вера.

веческом существовании, которые остались в памяти, – это ислам⁴, что мало чем отличалось от жизни в лампе.

Археолог спросил, в чём причина замешательства.

– Знаешь, я ведь не всегда был джинном. Когда-то, при жизни, я служил у одного улема⁵. Он был стар и одинок, поэтому разрешал помогать ему в учёных делах и посадил в сердце интерес к знаниям. А потом мне в руки попала лампа. Не помню, то ли выиграл её, то ли просто нашёл... – я вздохнул, обратив взор на внимательного слушателя. – И в первую очередь пожелал гору динаров для своей бедной семьи. А на второй раз я потребовал очутиться в самой большой на то время библиотеке в Александрии.

Господин внезапно рассмеялся. Да, тогда я был очень похож на него. Но всё же именно случайно сказанная глупость породила мои бедствия, а вот археолог следил за каждым словом, дабы не загадать очередное желание.

– Увидев все эти свертки, папирусы, таблички и прочие древние письма, я пожелал лишь одно и, увы, сделал это вслух. Я сказал, что хотел бы жить вечно, чтобы прочитать всё это. Глупо, правда? Горе мне, несчастному... Да, я истинно стал подобен бессмертному. И мне даже не нужно было перечитывать Александрийскую библиотеку, потому что духам ведомо всё. Я узнал о сотворении мира и всех событиях до моего превращения, о загробной жизни, о тайнах,

---

⁴ *Ислам* – в переводе с арабского «покорность», а не только название религии.

⁵ *Улем* (араб.) – ученый, знающий.

людям запретных. Но я потерял кое-что весьма ценное, что есть лишь у человека, – свободу.

Мне сразу вспомнились правдивые слова мудреца: тюрьма остается тюрьмой, даже если это сад блаженства. Неважно, насколько магически могущественна лампа, это всё равно темница.

Льюис погрузился.

– Ты скучаешь по прошлой жизни?

Уныние разлилось в небольшой комнатке, где повсюду были разбросаны бумаги, книги, документы, жёлтые в тусклом свете. Беспорядок делал гостиничный номер ещё крохотней и менее похожим на жилище.

– Не ведаю, – как можно было скорбеть о том, чего уже почти не помнишь? Я и рассказывал, будто о чужой жизни, будто об очередном владельце лампы, – но жалею о том, что совершил.

– Послушай, – как будто к нему пришло озарение, хозяин вскочил со стула, чуть не опрокинув его. – Давай я пожелаю, чтобы ты снова стал человеком.

Я лишь покачал головой. Раньше мне уже встречались добросердечные люди. Навсегда запомнил несчастную женщину, что, вылечив с моей помощью больного ребёнка, посочувствовала мне и решила освободить. Горькие беды обрушил разгневанный Создатель, ведь только он обладал властью над душами! В наказание за дерзкую попытку изменить чужую судьбу женщина лишилась своих желаний: как испол-

ненного, так и того, которое ещё не загадала.

– Уже пытались. Ничего не помогло. Это под силу только тому, кто обратил меня в джинна. Иначе можно вызвать недовольство Аллаха.

– То есть тебе самому! – воскликнул он. – Тогда давай я отдам лампу тебе, ты загадаешь желание и...

Удивительно, как его волновала моя судьба.

– Только людям дозволено быть властителями ламп, – пояснил я. – Благодарю, господин, за твои милостивые попытки.

Такова воля Аллаха – что натворил, с тем и живи. Замкнутый круг, где шаг назад не предусмотрено.

– Ты просто обязан увидеть паровоз, – однажды заявил Льюис, вызвав меня из лампы. – Мне любопытно, как его воспримет такое древнее существо, как ты.

Почему его так волновало моё мнение? Похоже, он стал забывать, что джинн – дух-слуга всего на три желания, а не спутник, а не... друг. Я погрузился в полные негомого моления думы. Считал ли Льюис меня другом? Может ли джинн быть приятелем кому-либо?

Хозяин озадаченно хмыкнул, тем самым отвлек меня от размышлений:

– Ты не можешь отправиться на железнодорожную станцию в таком виде. Это вызовет вопросы и подозрения. Даже представители твоего народа, точнее, твоей культуры, уже

давно так не одеваются, – господин по привычке мерил комнату шагами, заложив руки за спину и опустив голову. – Согласно легендам, ты способен принять любую форму! – археолог хлопнул себя по лбу.

– Верно, – я поклонился и сменил облик, оставив черты лица прежними, а в остальном – одежде и даже причёске – стал похож на человека того времени.

И мы отправились на станцию, охваченную для меня лозами тайн. Паровоз превзошёл все ожидания: это изобретение было выше всяких похвал. Я с восхищением разглядывал каждый вагон, хотя они походили друг на друга, как близнецы. Огромная машина, что пыхтела как зверь и выпускала пар, выглядела величественно на чёрных соединённых между собой колёсах.

– Ну как, мне удалось удивить джинна? – развеселился Льюис и собрался хлопнуть меня по плечу, да только рука рассекла воздух и прошла сквозь бестелесную оболочку.

Спустя время раскопки закончились. Настала пора археологам вернуться в свои жилища и к семьям. Путь их пролегал через море, на очередном чудесном открытии, ставшем прекрасным примером могущества человеческого ума – пароходе.

О, нет, это был далеко не такой корабль, какой я привык видеть. Передо мной предстала огромная машина, сделанная из металла – наверное, локтей пятьдесят от носа до кормы.

Или метров, как говорят в этом времени. Я и предположить не мог, какое диво держит её на воде. Крайняя радость охватила меня: двигался пароход без помощи сотен измученных рабов, принуждённых грести вёслами до потери сил.

Тут я осознал, почему улем показал мне все эти открытия и поведал о великих умах его времени. Упала завеса с глаз моих! Раньше я считал, что человек – лишь ничтожная пылинка в огромном мире. Став джинном, вдоволь в этом убедился. Насколько люди мелки по сравнению с великой Вселенной! Они столь крохотны и слабы перед грозной силой Аллаха и его творений! Что уж говорить, даже мелкие, незаметные хвори способны уничтожить людей.

Деньги, жажда славы или власти также превращают людей в рабов. Это я созерцал не раз – в каждом ненасытном хозяине, который желал всё большего, пока едкий дым жадности не выжигал рассудок духовной слепотой. Кто откусывает слишком большой ломоть, может подавиться. Не было им хуже наказания, чем потерять человеческую сущность.

Но Льюис показал мне нечто иное – что люди, будучи по природе своей ничтожными, – великие. То, что казалось невысказанным и доступным лишь магии, теперь стало мелочью для достижений науки. Чудеса творились не из прихоти владык и правителей, не из желания прославиться, а из нужды человеческой, для помощи и облегчения жизни.

За это на людях нет греха, хотя раньше страх был и дозволить себе подобные помыслы.

***

Время пересыпалось песчинками за стеклом и поторапливало. Вселенная подсказывала мне, что грядут изменения. Чуялось рычание разъяренного тигра судьбы. Теперь я вовсе не хотел быстро расстаться с господином, как было в начале нашего знакомства. Увы, один из нас являлся смертным, и владение лампой не могло продолжаться вечно.

С другой стороны, я помышлял отговорить его от загадывания чего-либо, ведь, получив желаемое, нам приходится платить, и часто судьба отнимает что-либо другое взамен. Весы, так или иначе, выравниваются.

Желания исполнялись – но всегда ли приводили к счастью? Беда в том, что люди сами не понимали, что такое блаженство. Они просили ненужные вещи, отчего расстраивались, когда не получали ожидаемой благодати. Те, кого мне доводилось встречать, кому доводилось служить, лишь после неудач понимали, насколько желания хрупки. Глупые, наивные помыслы, неосознанность, неверное слово – и ты обездолен.

Я замыслил оградить Льюиса от такой участи. К сожалению, слишком поздно.

Утро в небольшом доме, который из-за гор книг и документов, раскиданных во всех комнатах, мало чем отличался от гостиничного номера в Египте (разве что был чуть просторнее), застигло новой вестью. Археолог решил озвучить второе желание.

– Я хочу, чтобы все эти записи сохранились именно в таком виде, как сейчас, и остались целыми, что бы ни случилось, – он похлопал ладонью по стопке наработанного материала.

Мне стало смешно и скверно одновременно, но приказ следовало выполнить. Истратить столь ценную возможность на такую простоту, кто бы подумал! Неужели записи бы не сохранились сами по себе? Стало быть, я переоценил Льюиса, полагая, что тот распорядится лампой мудро.

– Сделано, – речь сопровождалась традиционными поклонами.

– У меня есть и третье желание, – сообщил историк, пакуя свои труды в современное подобие мешка и забрасывая его за спину, – только не волнуйся, я всё продумал.

Куда он собрался? Мы только два дня назад прибыли домой. Подозрения зашипели змеиными языками внутри меня. Нужно было не временить, а следовать мудрости: надежда без действия – что дерево без плодов.

Неужели я надеялся, что хозяин никогда не воспользуется третьим желанием, чтобы мы остались друзьями до его смерти? Льюис готов был променять меня на мелочную прихоть. И почему это волнует меня, духа? Человеку с джинном всё равно не понять друг друга.

Но в чём-то я оставался человеком...

– Всё, что пожелаете, господин.

– Хочу на один день отправиться в прошлое. В то время

и то место, когда и где ты стал джинном, – скомандовал владелец лампы.

Я не мог ни возразить, ни препятствовать тому, что произошло дальше. Только успел пожалеть, что усомнился в дружбе, и подумать, что ему не обязательно было так поступать. Слово «нет» не удалось произнести, вместо этого привычное:

– Слушаю и повинуюсь, – моя последняя услуга как джинна. Осталось проследить, как она исполнится, – и конец.

Сначала стало темно и тихо, полная пустота. Никого и ничего. Парящие незаконченные мысли, что становились бесформенными и беззвучными словами, въедались в разум – единственное существующее. Всё, что было, и всё, чего не было, переплелось и перемешалось. Исчезло время, закончилось пространство, царило ничто, которое всегда ловко пряталось за иллюзией мира: его ощущений, запахов, цветов, вкусов, звуков... И только потоки воздуха, не тёплые и не холодные, создавали хоть какое-то движение.

Я почувствовал, что не обладаю даже старой бестелесной оболочкой. Теперь я словно находился повсюду, будто рассыпался на миллионы маленьких осколков, которые задымились, испарились и превратили сущность в невидимый туман, что плавно расплзлся.

Вскоре предо мной проявилась картина: Люис, размахивающий руками и что-то доказывающий на ломаном языке

мне-человеку, а также джинну с хитрыми узкими глазами и закрученной козлиной бородкой.

Я знал, что, вернувшись на закате домой, господин не вспомнит ничего, связанного со мной. В новом будущем мы не встретимся. Я растворюсь и исчезну, и будет пустота из ничего, в которой не останется джинна Заира, а только никто из пустоты. Но будет другой Заир – человек, проживший полноценную жизнь. Может, недолгую, может, несчастливую. Даже могущественный дух этого не предскажет.

И всё же мне удалось собрать последние магические силы, чтобы направить их на себя-прошлого. Нельзя воссоздать воспоминания, которые скоро станут ненастоящими, но чувства вроде любви и дружбы сохранить возможно, а ещё – понимание. Теперь ясно, почему Льюис попросил о сбережении записей: он хотел спасти не свои труды, не свидетельства событий и не исторические факты, а меня.

Я же хотел сберечь ту мудрость, которой меня научил улем. Всю свою человеческую жизнь, равно как и жизнь джинна, я провёл как слуга, как раб, неспособный ничего изменить. Я считал себя ничтожным по сравнению с миром. Льюис открыл мне другую сторону людей – великих созданий.

Я больше не буду слушаться и повиноваться – эта мысль солнечным зайчиком осколка моей души соединилась с телом Заира из прошлого. И среди зол есть выбор. Зачем магия, если не можешь распоряжаться собственной жизнью?

С пришельцем из будущего Заиру тяжело довелось – но Льюис немного умел говорить на языке прошлого, а присутствие остатков моего духа помогало взаимопониманию, поэтому вскоре я-человек всё понял, хотя и глядел с недоверием. Археолог показал фотографию, которую припрятал среди записей, что взял с собой. Я-человек окончательно поверил. Джинна с бородкой отправили в лампу, а сами покинули Александрийскую библиотеку. Дальше последовал долгий сложный разговор – Льюис поведал нашу с ним историю. Я слушал внимательно и вникал. Мы даже рисовали что-то друг другу на песке. Затем, на прощание, гость оставил все бумаги в прошлом, загадочно молвив:

– Еть двойо жъиссне, – он забыл, что записи на его языке, и мне-человеку их не прочесть. Или в этом заключался ещё один хитрый план?

Историк на закате отправился назад, в своё время. А я-человек получил в подарок множество впечатлений, как из нынешней жизни, так и принадлежавших прошлому-будущему джинну. Часть меня, лишенная воспоминаний, вселилась в тело, а другая, бессмертная, окончательно отошла в мир иной.

Древняя лампа с лукавым прищуренным духом внутри всё ещё принадлежала мне-человеку, и третье желание до сих пор не было загадано. Я собирался использовать его мудро. Льюис заслужил сколько благодарностей, сколько есть песчинок в пустыне. Пусть он ничего не вспомнит, даже дня,

проведенного в прошлом, но зачем тогда я, как не для того, чтобы поведать всё? Премудрый улем учил меня: если ты сделал добро – скрой; если тебе сделали добро – расскажи. Судьба исправляла погрешности легко и ловко.

Жизнь всех моих хозяев сложилась так же, но только уже с другими лампами и джиннами. Кроме одного господина...

***

Молодой человек снял шляпу, чтобы вытереть пот со лба. Две недели раскопок – и вот он, долгожданный артефакт! Перед ним лежал старинный запыленный, подпорченный песком и временем сундук. Даже не понадобилось много усилий, чтобы открыть. Историк заглянул внутрь и с трепетом достал самый верхний свиток. Дрожащими руками он аккуратно развернул папирусную бумагу.

Текст почти весь был на известном ему языке, за исключением одного слова на латинице: «Льюис». Написано это было с завитушками, как он сам обычно выводил, будто кто-то пытался скопировать его почерк. Сердце отстукивало бешеный ритм, археолог принялся рассматривать другие бумаги, что лежали в сундуке – до странного отлично сохранившиеся. И там нашлась... фотография. Причём словно новенькая. Сколько веков назад это всё попало под землю? Разве такое возможно?

На изображении он разглядел себя самого рядом с лысым мужчиной восточной наружности, облачённым в подобие арабского костюма, словно явившимся из сказок о джин-

нах. Льюис чихнул – много пыли. Он, не веря своим глазам, вынул из сундука стопку бумаг, совершенно не тронутых временем. Исписанных почерком, буква в букву на-поминавшем его собственный.

Папирус с именем Льюиса, единственный по-настоящему древний предмет, оказался письмом. Позже археолог перевёл послание:

«Знай, о, мой дорогой друг, что когда ты найдёшь эти бумаги, ты не будешь ничего помнить о случившемся. Меня зовут Заир ибн Райяр, и я знал тебя всего один день, хотя мы провели в совместных беседах и размышлениях несколько лун. В этом письме ты прочтёшь как обо мне, так и о себе самом. Здесь записана история, о которой ты не ведаешь, но которую пережил. Слава Аллаху, господу миров и благословение владыке нашему Мухаммеду за второй шанс, что ты мне дал. Благослови тебя Аллах, друг мой. Единственное, чем могу отплатить – это вернуть твои труды.

Итак, я поведаю тебе всё, друг мой Льюис, с самого начала:

Аллах предначертал в этот день великую неожиданность. Я так долго спал в нетронутой лампе...»

Дмитрий Ахметшин

Писатель, финалист премии «Дебют». Свои произведения адресую детям и взрослым, которые не до конца расстались со своим внутренним ребёнком. Предпочитаю работать в жанрах фантастики и магического реализма.

<https://www.litres.ru/dmitriy-ahmetshin-11122416/>

Поруганная истина, потерянная вера

Подземный мир открылся перед Рахимом Аль-Тадушем вдруг и сразу, будто слепец распахнул пустые глаза.

– Удивительно, – выдохнул он, потирая ладони. – Что за чудо заставило землю перевернуться? Веритус, давай-ка подлетим поближе.

Накидка-тагельмуст⁶ из ткани цвета индиго всколыхнулась и понесла своего владельца вперёд. Рахим копался в сумке, перебирая многочисленные очки; те, что для тесных пространств, с изящными линзами в золочёной оправе, он убрал в матерчатый чехол, достал другие, выпуклые, как глаза жабы. Водрузил их на нос и воскликнул:

– Что за удивительная страна! Все здесь, всё, что я потерял там, наверху! И башни-кинжалы, и масличные деревья.

Прямо под его ногами хищно скалилась пропасть. Рахим сплюнул, заставив комок слюны светиться, но так и не увидел дна. Наверху, над головой, раскинулись руины старинных крепостей, некоторые башни-кинжалы, изогнутые, как джамбии⁷, сохранились целиком. Вековечные масличные деревья торчали ветвями вниз, листочки на них превратились в туго сжатые коричневые кулаки. Атмосфера упадка и пыли

---

⁶ *Тагельмуст* – головной убор из хлопка, который сочетает качества вуали и тюрбана.

⁷ *Джамбия* – кинжал с широким загнутым клинком без гарды

царила здесь, ощутимая порами кожи.

Тем не менее, это место было не пустое.

Рахим сощурился и в волнении подёргал себя за бородку.

– Вери, ты тоже видишь эти светящиеся семена? Магия запретивших ночь всё ещё действует! И... это что там? Люди?

Кто-то бродил среди чёрных, как обломки зубов, зданий. Человеческие фигурки передвигались странной, скачущей походкой. Как и всё, их окружающее, они висели вниз головой, и Рахим не мог понять, что держит их за ноги.

– Эй!

Кто-то звал его! Эхо разнеслось далеко окрест.

Рахим Аль-Тадуш увидел прямо над собой человека. Света одного из семян хватало, чтобы разглядеть молодого парня, почти мальчишку, который размахивал вздытыми над головой (или опущенными вниз) руками.

– Откуда вы прилетели? – крикнул отрок. Голос у него оказался неожиданно мощным.

Опознав в речи мальчишки один из диалектов собирателей лозы, хотя и не самый распространённый, Рахим ответил на том же языке:

– Рад приветствовать тебя, юноша. Я пришёл искать пропавший город запретивших ночь, но и подумать не мог, что найду здесь кого-то, кроме змей и пауков.

Отрок засмеялся. Чтобы разглядеть его, Рахим поменял очки: мальчик был тощим, костлявым, с вытянутыми конеч-

ностями и белой, как приокеанские пески, кожей. Шея его тоже была длинна, а на конце её, словно на толстой верёвке, сидела огромная голова. Глаза напоминали блюдца, а белки, казалось, светились изнутри. Длинные волосы свисали вниз, завязанные в два следующих друг за другом узла.

Рот тонкий и большой, почти лягушачий.

– Нет, здесь есть ещё мы, и зовёмся мы шагающими за гигантами. Так, значит, вы путешественник?

– Именно, – Рахим потёр большим пальцем о безымянный, жестом, что у многих народов обозначал превратности судьбы, и улыбнулся. – Меня зовут Рахим аль-Тадуш и я истовый искатель правды. Я не терплю на своём пути ни единой лжи и ревностно её изобличаю. Мой саиф⁸, то есть мой меч – сама истина. Я был избран ею, и теперь...

– Любите поговорить, а? – лукаво сощурился подросток.

– Прости меня, отрок, – смутился Рахим. – В силу возраста я хуже соображаю, а значит, стал чрезмерно многословным. Как жаль, что рядом редко оказывается кто-то, кто может поставить плотину на пути словесной реки.

Рахим подкрутил кончик бороды.

– Поэтому, давай-ка сразу утолим моё любопытство, которое, и в этом я совершенно уверен, ни в чём не уступает твоему. Я не мог не заметить ваш весьма необычный способ передвижения. В чём его секрет?

– Я думал, это я буду задавать вопросы, – мальчишка оби-

---

⁸ Саиф – меч в арабской группе языков

женно вытянул губы. – Меня, кстати, Орланом зовут. Нет никакого секрета. Это всё гиганты, которые смеялись над великой пропастью, а затем просто исчезли. Нам остаётся лишь ходить по их следам. Прикасаясь к ним, мы обретаем частичку их мощи и можем стоять вниз головой.

Теперь, присмотревшись, Рахим увидел, что мальчишка стоит на большом отпечатке голой человеческой ступни, стоит сразу двумя ногами, потому что отпечаток этот в четыре раза больше обычного. Рядом ещё один, такой же, и ещё – цепочка тянулась в обе стороны. Рахим понял природу прыжков, которыми передвигались местные жители. Они прыгали с одного следа на другой, словно по камешкам в ручье.

– А что будет, если ты встанешь вон там, рядом?

– Упаду, – не задумываясь, сказал парень. – Моя очередь. Как вы летаете? Это всё ваш плащ?

– Мой тагельмуст, – сказал Рахим. – Мои доспехи и оружие. Его зовут Веритус и он выбрал меня, чтобы помогать в исследованиях, потому что я исследую самую благородную вещь на земле – правду.

– Хорошо, хорошо, я понял, – засмеялся парень. В руке у него был пучок каких-то корнеплодов и он взмахнул ими, словно жезлом. – Не знаю, что такое «плотина», но так уж и быть, я ею побуду, раз она вам нужна.

Он бросил быстрый взгляд через плечо, и путешественник увидел людей, что выглядывали из-за руин. Глаза Рахима не позволяли увидеть наверняка, но он был уверен, что

они тоже стоят на следах.

– Другие тоже хотят с вами поболтать, но боятся, – Орлан хихикнул.

– У вас редко бывают гости, – утвердительно сказал Рахим.

– Изредка приходят мертвецы-паломники, – мальчик показал. – Оттуда, из пещер. Для нас пещеры не достижимы, потому как следы туда не ведут. И паломники тоже не могут приблизиться. Они падают в великую тьму, грохоча пожитками, но не издают ни звука. На то они и мертвецы.

На его лице читалось сожаление. «Ему тесно в этом беззвёздном мире, – подумал Рахим. – О незрелый ум! Он жаждет знаний, и руины наверняка таят их великое множество. Но без ума направляющего эти тайны станут сытью Позабывшего Время».

– Почему вы не покинете это мрачное место? – спросил он. – Оно пригодно для безглазых червей, но не для человеческого племени.

– Мы бы с радостью, – паренёк вздохнул. – Но пещеры так далеко! Я не раз спрашивал у стариков, как мы оказались здесь, перед лицом бездны, но получал только затрещины. Старики говорят, мы всегда жили так.

– Слушай, Орлан, – Рахим Аль-Тадуш поднялся чуть повыше, чтобы глаза мальчика оказались напротив его глаз. – Я намерен взять тебя своим проводником по подземному миру. Как мой сопровождающий и официальный представи-

тель, ты должен так же рьяно преследовать истину. Ты готов?

– Конечно! – воскликнул Орлан. – Я... всю жизнь ждал, что кто-нибудь придёт сюда и расскажет, что происходит наверху! Правда, что люди там не верят в гигантов? Правда, что они ходят головой в другую сторону и спят, принимая горизонтальное положение?

– Не отвлекайся, отрок, – строго сказал Рахим. – Я намерен открыть тебе первую тайну прямо сейчас. Гигантов не существует. Это следы запретивших ночь и появились они, когда эта раса ещё жила на земле и ходила под солнцем. Это по-своему грустная и поучительная история.

Рахим Аль-Тадуш подлетел к одному из следов, достал из рукава лупу и принялся рассматривать его, уделяя особое внимание пальцам, коих насчитывалось целых шесть штук. Наконец он продолжил:

– Запретившие ночь переусердствовали со своей небесной алхимией. Им хотелось больше и больше света, и они, соединяя элементы и строя системы зеркал, добились того, что его жар стал настолько силён, что прожигал плоть насквозь. Посмотри на листья масличных деревьев. Их могло так скрутить только от жара. Следы, которые ты видишь, образовались за один световой день, последний день для племени запретивших ночь, которые сгорели дотла прежде, чем дрозды собрались на вечерний моцион.

Улыбка Орлана стала шире.

– Ты говоришь сущую ерунду. Конечно, это были боги.

Божественные гиганты. Они ходили кверху ногами, и потом – какое солнце здесь, в подземном мире? Я слышал лишь сказки о нём.

– Это загадка, но я намерен её разгадать, – Рахим спрятал лупу и самодовольно намотал край накидки, украшенный бахромой, на палец. – Масличные деревья, мой юный друг, не растут в подземелье, и никто не возводит над пропастью строений. Всё, что ты видишь, когда-то было под надзором луны, а травку щипали лоси и косули. Но потом земля по какой-то причине перевернулась. Ставлю четыре своих последних зуба, что это было после гибели запретивших ночь. Быть может, через сотни и сотни лет. Какое-то возмущение первостихий... эй, что с тобой, мальчик?

Рахим увидел, что обе ноги Орлана оторвались от каменной поверхности, будто он подпрыгнул над ней и завис. Расстояние это составляло несколько сантиметров, но быстро увеличивалось. Лицо мальчика становилось всё более растерянным:

– Старший отец ни за что в такое не поверит. Он и мать возносят хвалу смеющимся над пропастью каждый день. А я... вы же *выдающийся* учёный, правда?

Он вытянул губы трубочкой, как будто хотел присвистнуть, нелепо взмахнул руками и рухнул вниз. Рахим поймал лишь несколько корнеплодов. Вращающееся тело ударилось о скалистый выступ далеко внизу, испуганный, недоумённый крик оборвался. Мальчишку проглотила тьма.

– Как это получилось, Веритус? – потрясённый, прошептал Рахим. Он поискал глазами следы, ожидая, что их больше нет, и в то же время зная, что в них не заключено никакой силы. Так же, как, например, в следах на песке.

Следы были на месте. По громадной пещере пронёсся ветер.

– Орлан!

Рахим моргнул, возвращая себя к реальности, и судорожно подхватил сползающие с носа очки. К нему спешило несколько людей, прыгая с одного следа на другой. Женщина, что бежала впереди, несколько раз едва не оступилась.

– Орлан! Что ты сделал с Орланом? – кричала она. – Верни его!

Какой-то мужчина догнал её и обхватил за талию.

– Он утратил веру, Акима. Его уже не вернёшь.

Женщина уткнулась ему в ключицу, а он хмуро, неприветливо посмотрел на Рахима.

– Кто ты, гость недоброго часа? Из-за тебя сын этой женщины потерял веру в гигантов.

Мужчина был почти того же возраста, что и Рахим. Белые волосы завязаны в бессчётное количество идущих один за другим узелков, так, что напоминали косу или верёвку. Острый подбородок гладко выбрит, иначе борода спадала бы ему на глаза, тонкие волевые губы то и дело сжимались в нить, и тогда от уголков рта разбегались морщины.

– Кара страшна и не заставляет себя долго ждать. Ты сам

видел. Кому-то придётся за это ответить. Кто ты?

– Я Рахим Аль-Тадуш, учёный и исследователь из надземного мира, – сказал Рахим, подозревая, что голос будет звучать, как овечьё блеяние. – Ваши гиганты...

Путешественник едва успел зажать рот ладонью. Если бы он дал себе волю, то немедленно сказал бы этим людям *всё*.

– Наши гиганты, – с достоинством ответил мужчина, поглаживая по спине женщину. Её голова была гладкой, как камень. По-видимому, носить длинные волосы здесь разрешалось только мужчинам. – Наша единственная отрада. Всё, что мы можем – это смиренно вспоминать их в молитвах. Но за молодым поколением нужен глаз да глаз. Они подвергают сомнению величие Эразма Четырёхпалого, и Первого Безымянного, и всех остальных. Вот чем это кончается. Авторитет гигантов непререкаем. Моё имя – Смирн Каменный Подбородок, но тебе придётся держать ответ не только передо мной. Перед всем народом. Зачем ты зажимаешь себе рот, чужеземец?

Рахим молча оглядел собравшихся людей. На лицах были написаны страх и неприязнь. Молодые, старые, в одеждах из чешуи пресмыкающихся. В руках луки с наложенными на тетивы стрелами, пращи с вложенными в них камнями, которые свисали вниз, едва не задевая бледные носы. Мать Орлана плакала навзрыд. Всех их объединяла ненависть, скорбь заряжала воздух подобием электричества... но Рахим знал, что многие поверят тому, что он скажет. Особенно отроки,

коих было здесь немало, юные умы, способные впитать влагу знания, как земля впитывает дождь. В сердце Рахима шла война, равной которой оно ещё не знало. Речь, призванная открыть бедным людям все их заблуждения, готова была сорваться с языка, все возможные аргументы были найдены. Но – мог ли подумать Рахим Аль-Тадуш, что настанет день, когда он не сможет позволить истине, которой служил столько лет, победить?

– Я начинаю терять терпение, – сказал Смирн Каменный Подбородок, а потом женщина, мать Орлана, перебила его:

– Ты сыть для червей, пришелец. Ты извратил ум моего сына.

– Я всего лишь рассказал ему правду, – вырвалось у Рахима.

Тысячи рук опустились, нацелив на него наконечники стрел из полированного камня.

– Объяснись, – холодно потребовал Смирн.

«Несколько десятков слов, – подумал Рахим, – И здесь никого не будет. Останутся только самые непробиваемые, зачерствевшие умы. Уж с ними я как-нибудь совладаю. Веритус, я знаю, у тебя и той силы, что ты представляешь, не найдётся ко мне претензий, ведь холодная и острая, как кромка ятагана, истина всё равно остаётся истиной. Но...»

Молча Рахим скинул туфли из тончайшей выделки оленьей кожи и заставил своё тело перевернуться. Почувствовал стопами холодный камень и увидел, наконец, лица всех этих

людей, как должно. На несколько мгновений они показались ему красивыми, расцвеченные брызгами скудного подземного света, покрытые россыпью морщин, добытых вместе с пропитанием тяжёлой работой. Боясь задеть товарищей, они больше не целились в него из луков, зато во многих руках Рахим видел ножи. Никто не смог бы его ударить, потому что ноги Рахима не касались ни одного из следов победивших ночь.

Тагельмуст колыхался вокруг невесомым облаком; учёный чувствовал его нетерпение.

– Веритус, ты совершенно прав, – пробормотал он. – Но я просто не могу так поступить.

Он повернулся и пошёл, оставляя в пыли, что пристала к потолку пещеры, хорошо заметные следы. Сила тяжести опустошила его сумку, выбросив оттуда книги, перевернула многочисленные кожаные мешочки на ремне, а подол свободного одеяния пришлось подобрать и заткнуть за пояс. И всё же каждый шаг был ощутим и заметен, как будто он совершал прогулку по скалистой гряде там, в подлунном мире.

Рахим шёл к пещерам. Он шёл, не оборачиваясь, но вздрогнул и до боли вонзил ногти в ладони, когда позади раздался крик:

– Это же смеющийся над великой тьмой! Это потомок гигантов!

– Не заставляй меня отсылать тебя из моего дома, – ворчливо ответил Смирн.

– Но ты посмотри, старший отец! Он оставляет новые следы, он ведёт нас наружу. Наконец-то мы сможем глотнуть свежего воздуха, ходить, где вздумается и не чувствовать притяжения бездны!

Раздался звучный шлепок, как будто кому-то дали хорошего подзатыльника. Очки Рахима запотели, и он снял их. Нетерпение Веритуса превратилось в изумление, а потом в ярость. Рахим почти слышал его голос, кричащий: *как ты смеешь их обманывать?*

Веритус не знал или не хотел знать, что Рахим Аль-Тадуш, гулявший по тропкам давно забытых королевств, испытывал сейчас.

Звук удара потонул в какофонии голосов, по большей части молодых.

– Верно говорит.

– Гиганты послали его нам в награду за наше терпение!

– Идёмте, идёмте скорее!

– Не отрывайте ног и воздастся вам! Разве не помните?

– Нам воздаётся прямо сейчас, старик! Твои глаза заросли мхом...

Смирн Каменный Подбородок пытался их остановить, но не смог. Кто-то самый смелый перешагнул на след, оставленный Рахимом, и завопил от восторга.

– Я стою! – кричал он. – Славьтесь, гиганты! Славься, посланник глядящих во тьму!

Один за другим, люди наступали на его следы и, не колеб-

лясь ни секунды, бросались его догонять.

– Если ты действительно всесильный посланник гигантов, почему позволил Орлану упасть? – крикнула женщина.

Рахим не ответил, но позволил себе взгляд назад. Она спешила по его следам, расталкивая прочих. Какой-то юноша чуть младше Орлана едва не упал, секунду или две он балансировал на одной ноге. Женщину остановили, она забилась в хватке одного из мужчин, собирателя грибов, обвешанного мясистыми шляпками, потом, оттолкнув его, вырвалась.

– Я не верю в тебя, слышишь? – крикнула она, и тут же, взмахнув руками, упала. Будто паутинка порвалась, не выдержав веса наевшегося мухами хозяина.

Её падение не стало ни для кого уроком. Многие и вовсе его не заметили. Звучали песни на одном из древних языков, кажется, совершенно неподходящем для пения, поднимались и опускались, без малейшего колебания, ноги, и ступни точно совмещались с отпечатками, которые оставил Рахим. Буйная радость толкала его в спину. Постепенно темнота сомкнулась над цепочкой идущих, и чтобы не сбиться с пути, они поджигали и передавали друг другу маленькие лучины.

Никто не подумал вернуться.

Пещеры представляли собой спираль, напоминающую ракушку. Из щелей в стенах сочились вода. Она собиралась в ручейки и сверкающими столбиками, волшебными стрелами падали вниз, в пропасть.

Следы Рахима были почти незаметны, но чутьё подземных людей оказалось поистине невероятным. Они ставили ноги ровно туда, где уже побывала его нога.

Зажатый со всех сторон изгибающимися стенами, сразу теряешь направление. Рахим шёл за отметинами на стенах, которые оставил куском мела. Спускаясь вниз, он думал, что рано или поздно тоннель начнёт ветвиться, но этого не произошло.

Верх и низ вернулись на свои места. Рахим понял это, увидев, как на лица притихших людей наплзает дурнота, смешанная с детским изумлением. Они привыкли разговаривать с земным притяжением на другом языке. Ноги их дрожали, приняв, наконец, вес тела, головы то и дело падали на грудь, как у младенцев, или заваливались назад.

– Давай отдохнём, посланник гигантов, – взмолился кто-то, но Рахим только ускорил шаг. Он чувствовал дуновение ветра, а потом увидел впереди проблеск хмурого вечера. Земля, заросшая пучками травы, мягко, приятно пружинила под ногами.

Большой мир был именно таким, каким, наверное, снился Орлану. Бескрайний простор и бегущие по небу стада облаков, изредка сыплющих дождём пополам со снежной крошкой. Горы вдалеке, коронованные снегом, а здесь, перед ними, странная земля с торчащими вверх корнями, с фундаментом башен и крепостей, не разрушенных, но глядящих сонмом пустых окон в чёрную бездну. Некоторые тай-

ны должны оставаться тайнами. Почему город победивших ночь оказался под землёй? Может, они так разозлили Солнце, которое славили, что оно, стерев с лица земли сначала их самих, не захотело этим ограничиваться?..

– Сойдите с моих следов, – приказал Рахим Аль-Тадуш.

Непонимание на лицах почти заместило боль.

– Следы вам больше ни к чему, – сказал учёный. Взяв за руку ближайшего человека, жалкого, скрючившегося под плетью ветра мужчину, он потянул его в сторону и тонкие, как свечи, ноги, подогнулись. – Вы можете стоять или сидеть в любом месте. Идти в любую сторону. Преклонить голову на мягкой постели или влажной от росы траве.

Они всё не решались. И только когда Рахим в гнев взмахнул руками, сбились в толпу.

– Зачем ты привёл нас сюда, великий? – со страхом спросила какая-то женщина.

– Чтобы рассказать правду, – ответил Рахим. – Ведь она мне дороже любых сокровищ.

Он поёжился, услышав, как жалко звучат эти слова. Плотнее закутался в тагельмуст. Гнев Веритуса, что грохотал в ушах недавно, сменился гробовой тишиной.

– Я не ваш бог. Ваши боги – такой же миф, как пожиратель дождя, что, якобы, сидит на скале на западном краю мира. Я был там, я знаю. И также знаю, что ваши смотрящие в бездну гиганты не существуют. Древнее племя, что обитало в руинах, ходило под звёздами так же, как предстоит теперь

ходить вам. Вы не сможете вернуться.

Оглядев белые лица, Рахим увидел Смирна Каменного Подбородка. Даже он поверил. Иначе не смог бы пройти по следам. Старейшина, как и остальные, тёр слезящиеся глаза, непривычные даже к тусклому свету.

– Веди своих людей на юг, за самыми яркими звёздами.

Никто не сказал ни слова. Немногим более тридцати человек, они были похожи на камыш, предчувствующий непогоду. Рахим Аль-Тадущ, знакомый с двумя десятками королей, в том числе с четырьмя мёртвыми, ведающий тайны и говорящий о тайнах, повернулся и пошёл прочь. Острые камни и колючая трава мгновенно располосовали стопы. Накидка перестала защищать от холода и ветра, и Рахим почувствовал то, чего не ощущал уже давно.

– Старик, – сказал он себе. – Я просто старик.

Конечно, они не выживут. Не протянут и дня, их ослепит солнце, убьёт непогода и земное притяжение, которое с первого крика и до последнего вздоха было и врагом каждому из них, и другом, грозя вечным падением и даря невероятную лёгкость существования. Разорвут на клочки дикие звери, крупные, мохнатые твари с десятисантиметровыми зубами, против которых бессильны хлипкие луки и каменные кривые ножи.

Но что он, Рахим, мог поделать? Его священный долг нести просвещение всем, кто бы ни встретится на пути. Он...

Нет, он не мог оставить их в одиночестве и просто исчез-

нуть. Он уже обманул единожды, но этого хватило, чтобы Веритус, Вселенская Истина, что однажды почувяла чистоту его души и поселилась там, покинул его, забрав с собой всю, без остатка, силу.

– Теперь я просто старик, – сказал, улыбнувшись, Рахим. – А странные земли не место для стариков с хрупкими костями и больным сердцем.

И всё же он не мог оставить тех людей в неведении.

Не мог и всё.

– И за это я тоже должен страдать. Не меньше, чем за поруганную истину. А может, куда больше.

Мария Дёмина

Автор – Мария Демина, она же SerpensSubtruncius (Змей Подколотный по-латыни), по профессии филолог, переводчик с древних языков, занимаюсь писательством и литературной критикой на СинеМ Сайте (ficwriter.info) как хобби в веселой многодетной жизни. Проживаю в г. Санкт-Петербурге.

Вечная весна

Хирон не мог спать. То есть он мог бодрствовать добровольно, его бессмертная половина не нуждалась в черно-белом расписании жизненного цикла. Была иная причина – и Хирон не спал, хоть и умолял богов послать ему в спутники Гипна и Нюкту. Боль в левой голени не отпускала ни на миг. «Отчего сегодня так сильно не любит меня Аполлон-губитель? Ждет, что призову его исцелить? Так не придёт...»

Длинная, покрытая жесткими рыжими волосками конская нога неестественно вытянулась вдоль тела. Сустав так опух, что рана почти не видна, но старый кентавр знал – она всегда там, скрывается в шерсти, всего-то небольшая, в полмизинца длиной, язва от укула стрелой. Но от этой незначительной ранки нога охвачена многодневным, многомесячным, годами не прерывающимся ни на миг жаром. С утра и до утра по всему лошадиному телу блуждала боль, принимая форму то бурного спазма, то дёргающей судороги, то пульсирующей струи, выгонявшей на поверхность порченую кровь.

Поначалу Хирон пытался применить все накопленные знания и опыт – неслучайно Аполлон прислал ему в ученики отпрыска своего Асклепия. Мальчик был смышлён, с наивной готовностью предлагал прикладывать компрессы из листьев латука, капусты и тёплую кашу из репы. Забавный малыш! Теперь далеко, на острове Кос, лелеет мечту вос-

крешать мёртвых. Кому нужны мёртвые, испившие воды реки Леты? Куда им идти? Мальчик слишком мечтателен при всём великом таланте.

Зеленоватая пена, пузырящаяся у входа в рану, отметала все надежды на скорое избавление от недуга – то закипал яд Лернейской Гидры, многоглавого и многоязыкого чудовища. Гидра убивала каждой из девяти зубастых пастей с неотвратимостью молнии Кронида, её болотная кровь хранила в себе всевозможные способы отнятия и коверкания жизни. Гидра была безмозгла, но живуча, механически воспроизводя всё новые головы, несущие смерть, недаром вскормила её Гера, мать богов и хитрая женщина. Гераклоненавистница хлопала в ладоши от радости, когда смертный байстрюк её мужа отчаялся и почти отступил. Почти – ключевое слово почти! Геракл никогда не отчаивался до конца, то ли от простоты своей души и невеликого разума, то ли от широты геройского сердца. А победить ему помог – косвенно, конечно косвенно – давний недруг гордой царицы Олимпа, тот самый, который придумал, как добывать огонь... «Но тс-с-с. Не будем думать о нём. Рано, ещё рано...».

Поседевший от болезни кентавр повторял про себя истории подвигов своего юного друга, бормотал имена, перечислял места сражений, описывал деревни и городишки, у которых останавливался великий Геракл. Хоть бы ненадолго забыться! Но в этом и суть пытки бессмертием – ты умираешь от боли бесконечно долго. И под утро, когда роса окрасила

серебром жёсткие травы Пелиона и Гелиос тяжело оторвал свою колесницу от восточного края небесной дороги, Хирон, наконец, смежил усталые веки.

***

Геракл был сегодня особенно энергичен и в отличном настроении. Ещё поутру туман клубился в долинах, обещая солнечный день. Среди выгоревшей прошлогодней травы пробилась нежно-зелёная поросль. Совсем немного – и просторы Эллады окрасят капельками жертвенной крови анемоны и маки. Близилась пора цветения, которую жизнелюбивый герой предпочитал даже времени осенних праздников плодородия. Пусть Дионис мог выставить ему лучшее вино и заставить биться в экстазе прекраснейших плясуний, но невинность весны была милее Алкиду-Гераклу. Среди людей и так довольно пресыщенности и похоти (и Геракл никогда себе ни в чём не отказывал), но, оказавшись вдали от городов и жилищ, застывал при виде бесконечной череды склонов, разрываемых оврагами и синей линией горизонта – там, где Уран-небо беседует с Океаном. Геракл любил Пелион, где провёл немало времени, горюя о несчастной любви. Здесь он полюбил встречать рассветы и провожать закаты, чаще всего на пару со своим другом Хироном.

Полуденный Гелиос застал его одного. Кентавр не мог выйти навстречу, и Геракл отлично знал, почему. Он не боялся, что стряслась беда: хуже, чем есть, быть не могло. Геракл шел размеренной походкой человека, привычного к

большим расстояниям. Чем ближе чернел зияющий вход в пещеру Хирона, тем крепче герой стискивал зубы и тем увереннее ставил ступни. «Это случайность!» – твердил Хирон. «Это судьба! – бормотала Пифия, прикусив терпкий лист лавра. – Не позволит в себе усомниться Ананке». «Этой мой гнев и моё безумие», – стонал Геракл, обхватив кудлатую голову. Он знал, что ему нельзя впасть в буйство – открывалась лазейка, созданная Герой на потеху себе и родне. Гнев незамедлительно заставлял кровь буквально гореть, так что по коже ходили мурашки, а в голове било набатом: «Отомсти! Уничтожь! Убей!». Геракл боялся себя иногда, если даже Цербер при виде него поджимал хвост, а Танатос-Смерть отворачивал бледный лик и спешил найти новую жертву, хотя Геракл отлично знал, что встречи им не избежать...

Несмотря на небесного отца, рожденный на Земле Геракл чувствовал себя спокойно рядом с Хироном, чье тело пребывало в движении из-за наличия шести конечностей: копыта постукивали и нервно переступали с места на место, руки помогали жестикуляцией объяснять и показывать удивительные тайны бытия, до которых простодушному герою не было никакого дела, пока их не коснулся мыслью этот бессмертный получеловек. Геракл приходил слушать его и делиться рассказами о странствиях. Точнее, сперва рассказывать, а потом слушать, ибо любознательный кентавр принимался пересказывать все нехитрые байки героя, прида-

вая пустячным событиям неожиданный смысл и прогнозируя новые – в чем тот убеждался всякий раз, спустившись с Пелиона.

Раньше, когда Алкид был безусым эфебом, а рыжие кудри Хирона не тронула седина, полуконь всегда встречал своего гостя внизу, сбегал навстречу тяжёлым галопом, и комья земли с редкими щетинками трав разлетались позади. В последние годы Геракл приходил один и всегда к одному: друзья покинули раненого кентавра. И не оттого, что тот стал раздражителен и брюзглив, и не от собственной неблагодарности и беспамятливости (это не неологизм, а архаизм, так что не режет; к тому же забывчивость – это слово нейтральное, означает физическую неспособность держать что-то в памяти, а беспамятливость – с отрицательной коннотацией, когда намеренно забыли и не вспоминают). Все эти герои, боги и титаны избегали смотреть на бесконечную муку их гостеприимца. Мудрость хозяина не умаляла его страданий – она подчёркивала их своей бесполезностью. Хирон старался молчать, но периодически морщился от боли и терял нить разговора. Вонь от гниющей конской плоти смешивалась с острыми ароматами ненужных примочек – пещеру заполнял запах безнадёжности. Никто сюда больше не заходил, предпочитали краткие приветствия и обмен новостями на воздухе. Лучшие же друзья не могли находиться рядом: один томился в сердце мрака – в Тартаре, другой прятал глаза и ви́нил во всех бедах Хирона только себя. Но всё же иногда вто-

рой приходил, потому что был в силах прийти и не в силах отказать.

Сегодня Геракл начал подъём по еле видной козьей тропке, свернул пару раз, подтянулся на руках, сокращая расстояние до нависшего уступа, продвинулся – и вот уже он на лужайке у жилища кентавра. Тот сидит перед входом в пещеру, загораживая чернеющий вход широкой спиной, длинные волосы, усы и борода, ещё недавно густые и отсвечивающие на солнце благородной бронзой, словно подёрнуты пеплом. Всё конское тело осыпано мелкими гнойниками, шерсть лезет клочками, кожей обтянуты ребра, под ней виднеются истончившиеся ветки сухожилий и вен. И всё же яркие голубые глаза смотрят с извечной хитрецей. «Кентаврам не верь!» – справедливо говорят в Элладе: полуконьям, кроме грубой силы, буйства и кровавых драк в брачный период, свойственна особая лихая хитрость, не подвластная человеческой логике, иная по сути.

В юности Геракл любил наблюдать – вмешиваться он робел – за спорами Хирона и Прометея. Великий человеколюбец и провидец был чуть горделив: он знал себе цену, говорил немного, но кратко и весомо. Горизонты его познаний и планов на будущее были настолько обширны, что Геракл терялся в многозначности помыслов, однако Хирон всякий раз находил контраргументы. Он говорил довольно быстро, с ровной интонацией, стараясь не повышать голоса, и в глазах его светился тёмно-синий блеск, а с губ не сходила та

самая кентавря усмешка. Прометей провидел порядок вещей – Хирон придавал им смысл. Где же ты теперь, Прометей-Огненосец?..

***

Вот идёт герой героев, чернокудрый, кареглазый, могучий, человек-гора по монументальности торса – и все же совсем невысокий ростом Алкид-Геракл. Не поднимает головы до тех пор, пока не осознаёт, что на него смотрят – и тогда в притворном веселье разгибает спину, расправляет плечи, подбрасывает палицу левой рукой, в то время как правая тербит львиную лапу на плече. Поиграем в героев!

И Хирон тоже прямит стан и ударяет ладонью о ладонь, словно желая пуститься в пляс.

– Привет тебе, Зевесов сын. Прекрасный день возвестила Эос. Мы запомним это сегодня, обещаю.

И Геракл радостно откликается, кланяется до земли, снимает оружие, относит подальше от входа в пещеру колчан со стрелами. Хирон смеётся над его предосторожностями, предлагает трапезу – лепешки, орехи, вяленую козлятину – настоящий пир для странника. И вот оба уже смеются, рассказывают последние новости, собранные Гераклом у людей и принесённые Хирону весёлыми наядами, гордыми ореадами и капризными дриадами.

Кентавр вполголоса рассказывает какую-то шуточку про шашни власть имущих – и Геракл хохочет басом, шлепая его по конскому крупу. Тот дергает хвостом, но не перестаёт

смеяться, хотя в уголках глаз выступают слезы.

– У обманутой Геры оказалась тяжёлая рука, – смеётся Хирон, – почти как у тебя.

(оправдано ли различающееся оформление прямой речи в разных эпизодах?) Цитирование отдельных фраз, сказанных в разное время отдельными персонажами или «народом» и диалоги в настоящем времени оформлены по-разному в зависимости от уместности употребления в тексте.

***

Наутро они собираются расстаться, когда Геракл замечает, что друг готов его провожать.

– Не стоит, Хирон! Я легко спущусь, как поднялся. Пелион мне как дом родной – каждый камень тут знаю.

– И всё же я хочу вместе с тобой дойти до леса.

Алкид в недоумении: его друг с трудом переставляет узловатые конские ноги, так куда его несёт, в какой ещё лес? Но тот не замечает вопросительных взглядов и неуверенных возражений. Они двигаются в рассветных сумраках – вершина залита солнцем, а ниже по склону ещё не наведалась заря. Ступают неловко, копыта скользят по каменистым россыпям, волосы застревают в густых ветках пиний, оливы хлещут по лицам узкими листьями. Геракл помогает высокому, словно всадник, кентавру, припадающему на заднюю правую ногу, тот наваливается всей массивной тушей – что Гераклу, он небо за Атланта держал! Но герой не может понять, зачем. Зачем тащиться куда-то с утра пораньше? Или Хирон спе-

циально подждал кого-то из гостей, чтобы тот помог спуститься? Что он забыл внизу? Его легко покалечат местные крестьяне, приняв за одного из гнусных нравом собратьев. И так на ногах едва держится, что за Лисса его укусила?

– Я сохранию вчерашний день в памяти, друг мой, – говорит внезапно спутник Геракла, и тот вздрагивает от неожиданности. – Правда, сверху не всё было видно, так что мне придется запомнить и этот наш спуск, и дальнейшее...

– Ты оправляешься в путь? – недоуменно спрашивает Геракл, подставляя плечо, когда в очередной раз лошадиная нога ударяется об острый камень и кентавр почти заваливается набок.

– В дальний.

– Один?

Рыжие усы прячут усмешку.

– Туда поодиночке обычно ходят. Чтобы с товарищами, это надо тебя пригласить. Или Ахилла, к примеру. А уж чтоб целым городом – Одиссея.

Геракл морщит лоб, утирая с него конский пот. Уж полгода как после авгиевых конюшен зарёкся прислоняться к лошадям, а вот поди ж ты. Сколько он имел дел с лошадьми – и все какие-то неправильные. Что этот рыжий демон бормочет про города? Кто такой Одиссей?

***

Последнее путешествие. Хирон щурится на восходящее солнце – и Гелиос, смилостивившись, объезжает кучевое об-

лако. Скоро, вот-вот... Он смотрит вниз по склону родного Пелиона и видит эти мельчайшие красные точки. «Это будет сегодня», – Хирон улыбается в усы и начинает спуск. Геракл, похоже, его не понял, но готов помогать, и это даёт надежду, что всё получится.

Поначалу, планируя свой путь к Аиду, он пожалел, что уйдёт весной. В конце концов, Хирон мог выбрать и осень, тогда умирание природы было бы созвучно его чувствам и примирило бы со смертью. Но нет! Нет, это стало бы потаканием своей глупости и признанием поражения. Его ждала вечная весна там, где весны не может быть никогда.

Он учил всю свою полуконскую жизнь – детей, юношей, взрослых, заставляя раскрываться запертые до поры до времени таланты. Когда-то его друг Прометей дал людям огонь, а затем – ремесла, письменность, науки, культуру... Но ещё задолго до того они много ночей подряд спорили, глядя на похищенное с Олимпа пламя костра, нужны ли человечеству эти божественные высоты. Не достаточно ли просто накормить несчастных, погреть им пищу на костре? Нужно ли им дальнейшее развитие, вдруг они окажутся недостойными такого дара?

– Ты не можешь бросить дитя без присмотра, – вполголоса журчала речь кентавра. – Ты уже зажёл в них огонь любопытства, но тягу к знанию надо подпитывать. Огня мало. Нужно не только пробудить душу, её придется учить знаниям и любви.

И Прометей дал людям письмо и литературу – и ему это припомнили, низринув в Тартар. Но даже летя в бесконечный мрак и ужас, он не выдал имени своего идейного сообщника и вдохновителя.

Теперь же старого кентавра ждут чёрные провалы Аида и толпы не просто отчаявшихся или неразвитых – забывших себя душ. Он не станет пить воды из реки забвения, ему как бессмертному полагается хоть маломальский выбор.

На этой мысли кентавр гордо поднял подбородок и получил по лицу колючей веткой. О, Афина, твой символ мира колется!

Да, смерть разума страшнее ежедневного умирания тела, так что он сохранит в памяти каждую каплю пульсирующего в венах яда, но взамен найдёт применение своей памяти. Он найдёт в Аиде что-нибудь, похожее на свет. Недаром его друг – Проме...

***

Неожиданно они поскользнулись на размокшем от недавних дождей склоне и полетели вниз оба, копытами вперёд один, вытянув палицу – другой.

– Эх, как же меня угораздило вчера так быстро взобраться? Сегодня ведь вдвоём спуститься не можем! – воскликнул герой из-под навалившегося на него конского крупа.

– У нас слишком много ног! – посетовал его коллега, пытаясь перевернуться со спины на живот. – Вставай, время дорого.

– И куда ты так торопишься, кентаврище? – буркнул Геракл, приводя в порядок свою экипировку.

– Надоело принимать гостей – спешу к самому гостеприимному хозяину Ойкумены. Он – самый щедрый и самый радушный домовладелец, сокровища его несметны... Да ты его знаешь, бывал в его доме. – Кентавр помог себе подняться, тяжело опираясь на палицу Геракла, они отряхнули друг с друга прилипшие комья глины и щепки.

– И где живет этот твой «наищедрейший»?

– Можно направиться к нему в Элевсин... или в Элиду... но это ведь далекоовато будет?

– Ты не знаешь, где он живёт? – выпучил глаза Геракл, отнял палицу и двинулся вниз по наметившейся тропе.

– Я не бывал у него, в отличие от тебя, – вкрадчивым говорком начал Хирон. – Он принимает всех, но много врат ведут в его дворцы. Дай подумать... Ну конечно! Нам нужно выйти на тракт попросторней и добраться до перекрёстка, а там рукой подать...

– Мне стыдно говорить об этом, но не довёл ли яд тебя до сумасшествия? – Геракл продолжал идти, практически не убавляя шага, и конские ноги, отвыкшие от резвой рыси, похрустывали суставами и едва поспевали за ним.

– Яд легко сотворит из героя безумца, тут ты прав. – Хирон странно посмотрел на могучую спину героя. – Но я мыслю ясно, хотя до середины дня ещё далеко...

– Загадками ты всегда мастак говорить. Вот! Дорога в

Иолк! Теперь куда?

– Мы на месте. Ты можешь идти, дорогой Геракл, доброго пути, а мне придётся подождать.

Геракл, сдвинув кустистые брови, наблюдал, как кентавр, на мгновение вернув ногам былую легкость, подскочил к стоящему на перекрестке столбу. Мраморная голова с короткой бородкой смотрела к югу – там разрастался маленький, но бойкий городок Иолк. Туда же, разумеется, указывал и прицепленный к столбу мраморный фалл. Хирон мгновение как будто прикидывал, что выбрать для удара – голову или детородный орган, и Гераклу стало не по себе. Меж тем полуконь сорвал с ближайшего платана листок пошире и, перегнувшись через спину, подставил к ране на задней левой. Пришлось согнуть ногу, напрягая голень, – и запузырилась зеленоватая, словно желчь, отравленная кровь, но полилась охотно. Набрав немного жидкости, Хирон покропил голову Гермеса, отошёл в сторонку и смиренно присел на холмик. Геракл не пытался помешать святотатству (а как это ещё назвать?) и уселся по другую сторону дороги. Кентавр подозвал друга:

– Погляди, я думал, это случится вчера, но нет – сегодня.

Они смотрели на открывшийся с холмика вид – склоны Пелиона всё ещё не закончились и полого уходили вниз, смыкаясь в овраге и переходя в новые холмы и пригорки. Поверхность земли, насколько её видел глаз, выглядела ярко-алой, словно по ней пролили свежую кровь. Это расцве-

ли мириады маков, небольших, на коротких пушистых ножках; все они повернули головки под ладонь Гелиоса и ластились к лучам, расправляя лепестки. По бескрайним лугам пронеслись волны ветра – и маки заколыхались, зазвенели на солнце меж ними маленькие рыжие пчелы, и высоко в небе засвистели крыльями, рассекая воздух, ласточки и стрижи. Весна всегда нова – и чувство новизны прорастает в самом забывчивом сердце. «А ты, дурень, хотел уйти осенью!»

Свист крыльев почти не нарушился, но стал интенсивней – к птичкам присоединился ещё кто-то.

– Что за неотёсанные деревенщины! Идиоты! Кто посмел? – звонкий голос принадлежал весьма молодому человеку.

– А вот и тот, кого Правдолюб зовет Блюдолизом, – шепнул Гераклу кентавр, и они повернулись к новоприбывшему. – Привет тебе, Вестник богов, Гермес – Помощник путешественников, торгующих и ворующих, – торжественно начал Хирон.

– Здравствуй, э-э... брат? – вопросительная интонация Геракла придала Гермесу ещё больше уверенности в себе.

– Не помню, чтобы отец признал тебя, – заносчиво отозвался «помощник» и сразу переключился на Хирона: – Чего тебе нужно, мудрейший из тупых коненогих?

– Помощь с передвижением по дорогам – ты же покровитель их, – широко улыбнулся кентавр.

Гермес снял крылатый шлем – крылышки были не так уж

велики, но позволяли перемещаться по воздуху, вероятно отнимая у Геи силу держать летуна при себе.

– Я похож на погонщика мулов? Или, может, на раба при носилках?

– Есть один путь, точнее, место назначения, куда ты просто обязан доставить меня в целости и сохранности. Я говорю о царстве мёртвых, о быстром уом повелитель.

Геракл уставился, расширив глаза. Бледный блондин серо-стальными глазами посмотрел с брезгливым недоумением.

– Зачем бессмертному в Аид? Или вы с Гераклом щенков Цербера решили разводиться? – Весь Олимп помнил явление чумазого и оттого ещё более чуждого этому месту Геракла с черной трехглавой псиной на цепи.

– Нет, я просто хотел бы поговорить с Танатосом, с самим Аидом и распорядиться своей жизнью.

– Ты хочешь сказать, смертью? – вкрадчиво уточнил Гермес. – Распорядиться жизнью ты как бессмертный не вправе – она для тебя просто есть.

– Так вот, я хочу её завершить, – твёрдо сказал кентавр, распрямляя передние ноги.

– Хирон, одумайся! – воскликнул шёпотом его друг. – Ты мог бы жить вечно, а там – сплошной мрак и беспомысленность.

– Нет, я как раз хочу обменять бессмертие на память и право передачи его другому.

– Не слишком ли многого ты просишь, недочеловек?

Теперь на него наседали двое: один, в белом коротком плаще и алой тунике, благоухая амброзией, капризно топал крылатой сандалией, второй – ерошил невымытые чёрные патлы и, кажется, готов был зарыдать от несправедливости ситуации и чувства вины.

– Я ничего не теряю, друг, – Хирон придержал Алкида за плечо. – Не хочу обезуметь и гнить заживо! И я унесу мою весну с собой. Ноги болеть не будут, я стану таким же путешественником, как и ты, только земли в подземном царстве не изведаны никем. Я дойду до вод подземного Океана и построю лодку. Я отыщу острова, назову их Элизием и поселю там мою весну, точнее, нашу – какой мы запомнили её сегодня. – Хирон сделал величавый жест рукой, и оба, Геракл и Гермес, невольно взглянули вниз, в маковые долины. – Лучше помнить весну мертвецом в Аиде, чем не помнить её мертвецом на Земле. Так что я готов.

Ласточка пролетела над его головой, радостно крича на своем птичьем языке.

Гермес сделал нетерпеливый жест рукой и пробормотал:
– Я должен посоветоваться с отцом.

***

– Кстати о Цербере – этот пёс всех пугает, но сам страшный трус. Ты на него топни копытами посильней да погромче, – попытался шутить Геракл. – Тебе ведь уже не будет больно.

Они сидели на том же месте, но Гелиос уже сместился да-

леко вправо. Вдали стали видны низенькие крыши Иолка. Они беседовали на насущно важную тему – кому передать бессмертие.

– Прометей, он же такой... – Гераклу было неловко наводить хоть малую тень на блестящий образ великого филантропа, – такой неосторожный и неудержимый. Вроде старше нас всех намного, а порой ведёт себя как твои собратья весной. – Он тут же прижал ладонь ко рту, желая задержать неосторожное слово, но собеседник его не обиделся.

Собратья, бушующие в гневе, до крови дерущиеся за подруг, порой пускали в ход не только копыта и кулаки, но и зубы. В конце осени любили отнять у крестьян молодое вино, безобразно напиться и устроить кровавое побоище по ничтожному поводу. Кентавры были ошибкой природы, непутёвыми детьми Геи, случайным совпадением человеческого и звериного, вобравшим отнюдь не лучшие черты того и другого. Хирон вздохнул и отвёл руку героя от его лица.

– Ты знаешь, каким меня недокентавром считают родственники, смущаться нечего. А наш друг ничего не делает просто так, вспомни его имя. Мне кажется, он предвидит последствия своих поступков и просто подстраивает события так, как ему нужно. Он способен призвать на свою голову гнев твоего родителя только ради того, чтобы тот впоследствии извинился. Тс-с... – тут настала очередь Хирона прижать к губам ладонь.

– Он что-то знает о Зевсе?

Хирон подмигнул и молча указал на каменную герму позади Геракла. Рядом с ней только что никого не было, и вдруг прямо из-за столба шагнул на дорогу знакомый молодой человек.

– Зевс полагает, что знает, кому ты подаришь бессмертие, и передаёт, что данное лицо будет возвращено на поверхность земли и приковано к скале, где будет испытывать страшные муки, какие ты испытываешь сейчас. Изю дня в день его будет навещать орёл, терзая печень, а за ночь она будет отрастать снова и снова. И так – бесконечно долго. Вечная весна, Хирон, – Гермес улыбнулся так ядовито, что кровь Лернейской Гидры закипела в жилах кентавра, вероятно, чуя родство, – вечное обновление, вечные муки...

– И все же нет, – шепнул Хирон, – яд не птица. Но птицу можно убить ядом.

– Где, говоришь, прикуют этого Хиронова наследника? – громким голосом спросил Геракл.

– Кавказ. Это далеко.

Гермес глянул на солнце – его, как всегда, поджимало время.

– Говори вслух, что отдаешь жизнь свою Гермесу-Психопомпу, проводнику душ, а бессмертие – тому, кого избрал.

– Я, Хирон, кентавр, сын Кроноса и Филиры, отдаю жизнь Гермесу и Аиду и Мойрам, а бессмертие передаю наследнику, коим объявляю Прометея-провидца, и беру в свидетели Гею-мать, и Урана-небо, Эола, что веет, и моего друга Ге-

ракла.

Что-то дрогнуло в воздухе, туча ласточек взвилась над ближней долиной и, словно по мановению гигантской руки, все маки повернули головки на северо-восток, где стоял сейчас Хирон, и поклонились. Как будто бессчётные стаи бабочек разом сомкнули крылья. Над позеленевшими лугами пробежала тёмная тень – птицы замолчали, как будто мир оглох, огненный убор Гелиоса померк: титан снял свой венец перед Кронидом Хироном. Гермес пригрозил солнцу кулачком – и оно засияло вновь. Припавшие к земле медведи, вытянувшие шеи лани, умолкшие птицы, соседки-нимфы – все оказались поблизости. На полузабытого кентавра смотрели сотни глаз.

– О, Зевс, это никогда не кончится! Прощайся с Гераклом, и пойдём уже, – пронзительный голос вестника богов заставил Хирона вздрогнуть. Наверное, таким тоном тот привык сообщать новости олимпийцам. Гермес взмахнул коротким жезлом, и справа от дорожного столба открылся чёрный проход в небытие: вокруг лесок, дорога, горы, небо голубое, а посреди всего этого богатства – воронка в темноту.

– Прощай, друг! – Хирон не мог оторвать глаз от чёрной дыры. Он обнял Геракла, тот сжал в ответ плечи, и если бы кентавр не был устремлён в эту поглощающую тьму, то взвыл бы от боли.

– Мы встретимся, я же не бессмертен, – горько усмехнулся Геракл. – Покажешь свои острова. И спасибо, что научил

меня ориентироваться по звёздам. Да и тебе спасибо, брат, – он повергнулся к Гермесу. – Я на Кавказе-то бывал, девушки красивые, вино вкусное, правда, бычки драчливые, а так ничего...

– Ты не посмеешь, – фыркнул Психопомп и Вестник.

– Я должен посоветоваться с отцом, – почти ласково ответил простак Геракл и закинул дубину на плечо.

Хирон встал и тяжело двинулся в сторону притягивающей взгляд воронки. Шаг, другой. Больно, но ведь терпимо, да? Практически можно терпеть, можно жить? Ещё немного! Сегодня ведь значительно...

...лучше.

Он упал, не дойдя двух шагов. Геракла рядом не оказалось – тот отвернулся на пути к Кавказу, а на самом деле размазывал по круглым щекам слезы, и расцветшее маковое поле растекалось перед глазами в одно огромное кровавое пятно без краёв и горизонтов. Гермес не подал руки, и кентавр полз навстречу смерти, пока Психопомп в раздражении не придвинул тьму к самому лицу. Синие глаза глянули туда – и увидели что-то за краем мира. Не зубастого Цербера, не толпы ожидающих переправы душ и даже не застывшую сломанным цветком Персефону, растревоженную внезапным порывом душистого земного ветра.

Вдали... У тьмы может быть горизонт?

Хирон приподнялся над краем бездны, и тьма проглотила его.

***

Когда великий герой Эллады и беспомощный плакса обернулся, позади никого уже не было, кроме медленно исчезающего в воздухе чёрного коридора в царство мертвых, в котором Геракл успел побывать трижды. Это не избавило его от страха смерти, но перестало пугать неизвестностью. Сейчас в непроглядном мраке Аида он заметил что-то новое. В глубине жерла воронки сияли звёзды. Яркие.

«Это не может быть небо, – подумал Геракл, возвращая на плечо палицу и незаметно вытирая нос уголком выношенной львиной шкуры. – Откуда там звёзды?»

Чёрное облако растаяло, на дороге остался каменный болванчик с бородкой и прилепленным членом. Геракл двинулся в Иолк. Там порт, корабли, которые поплывут на восток. Весна же – бури утихают. Его ждет Кавказ – и Прометей, который знает про звёзды всё.

Примечания

Хирон – мудрый и добросердечный кентавр, учитель многих героев и богов, в том числе Ясона, бога врачевания Асклепия, Диоскуров, Ахилла. Друг Геракла и Прометея. Жил на горе Пелион в Фессалии. Раненный стрелой Геракла, страдал и добровольно спустился в Аид, передав свое бессмертие Прометею. Посмертно был превращён в созвездие, содержащее в своем составе самую близкую к нам звезду – Проксиму Центавра. Созвездие лучше всего видно в марте и апреле.

Геракл, он же Алкид – всем известный герой, незаконный сын Зевса (преследуемый мачехой Герой), вершитель двенадцати подвигов, участник похода аргонавтов. Случайно ранил Хирона отравленной стрелой. Трижды спускался в Аид, в т. ч. сражался с Танатосом – смертью. Умер от того же яда Гидры, которым жена Деянира пропитала одежду. Несколько раз в жизни впадал в безумие и убивал близких. Считал свою смертность ошибкой и несправедливостью.

Гермес – сын Зевса, признанный бог, вестник, проводник души (Психопомп) и т.д. Носитель крылатого шлема и сандалий, а также жезла кадуцея.

Прометей – титан, к которому впервые в трагедии Эсхила применен термин «филантроп» – человеколюбец и провидец будущего. Знал тайну, согласно которой возможное дитя от союза Зевса и Фетиды свергнет своего отца. Этот «козырь в рукаве» держал до последнего, терпя муки за выкраденный с Олимпа огонь.

Элизий, «Елисейские поля» – обитель душ блаженных в подземном мире. Слово переводится как «вечная весна».

Гелиос – Солнце, титан, совершает ежедневный путь по небу в колеснице. Эос – утренняя заря.

Аид – властитель подземного царства, чьим именем мир мёртвых и называют. Ещё его называют «наирадушинейшим хозяином» – ведь все там будем. Поскольку он слился с богом богатства Плутосом, то тем более стал ассоциироваться с материальным благополучием. Жена его – Персефона, бо-

гиня весны, проводила с ним позднюю осень и зиму, а весной и летом гостила у матери Деметры на земле.

Пифия – жрица Аполлона (из святилища в Дельфах), предрекающая будущее, жевала листья лавра, вдыхала сернистые испарения из расщелины и бормотала некие предсказания, которые записывались жрецами гекзаметром и выдавались просителям (тут тоже гекзаметр).

Наталья Ильина

Ильина Наталья Николаевна. Живу в Санкт-Петербурге. Окончила литературные курсы «Мастер Текста», участник Литературной Студии при издательстве Астрель СПб – АСТ. Хозяйка и руководитель конного клуба. Немного пишу. Представленный ниже рассказ стал основой для романа «Стражи Миров», номинанта конкурсов «Рукопись года» – 2018 и «Новая детская книга» – 2018. Больше обо мне и моём творчестве: писательская страничка <https://vk.com/public168868119>, страница автора <https://litnet.com/fillinka-и519834>

Крылатые кони

– «Чара?» – послышался тихий оклик и она, вздрогнув, открыла глаза. В доме было очень тихо. – «Сегодня! Они прилетят сегодня!» – радостная мысль встряхнула девочку, прогоняя остатки сна. Ветхая серенькая занавеска, отделяющая её топчан от остального жилища, таяла во мраке. Легко ступая босыми ногами по скрипучим половицам, Чара пересекла тёмную комнату и бесшумно выскользнула на широкое, скособоченное крыльцо. Утро только занималось, первой огненной полосой высветив далёкий горизонт.

Разрезая крыльями предрассветную тьму, запоздалая ночная птица торопилась к далёкому лесу на краю долины. Она бесшумно скользнула над огромным, спящим в тумане лугом, над старым бревенчатым домом, стоящим на самой макушке пологого холма, над девочкой в полотняной рубашке, застывшей на крыльце. Ей исполнилось пятнадцать прошлой зимой, но глядя на худенькую, угловатую фигурку, с едва наметившимися холмиками грудей, на бледное, заострённое личико – угадать возраст было сложно. И только глаза, сияющие изумрудным блеском, чудесным образом оживляли невыразительный облик, делая её почти хорошенькой. Налетающий ветерок теребил длинную прядь волос, выбившуюся из неплотной, совсем светлой, косы. Она не отрываясь смотрела вниз, сжимая у груди – словно в немой молит-

ве – сухие, в цыпках, руки. Её сердце билось все быстрее, подгоняя время. – «Сегодня!» Какие-то часы отделяли шесть лет ожидания от того, что должно было – не могло не случиться – будущей ночью!

Чара поёжилась. Босые ноги застыли на отсыревших за ночь ступенях. В доме звякнула посуда – значит, уже проснулась мать. Девочка вздохнула и вернулась к бесконечной рутине своей пресной, словно сухая лепёшка, жизни.

Тинка, деревенский пастушок, и её единственный приятель, как всегда, ждал у колодца.

– На Лугу палаток понаставили, тьма! – радостно сообщил он, подхватив пустые ведра, – и музыканты будут! Ты как, решилась?

Он был крупным, нескладным и здорово шепелявил, из-за отсутствия трёх передних зубов, выбитых пьянчугой-папашей, но оставаться добрым и весёлым это ему не мешало. О том, что она задумала, Чара рассказала ему одному.

– В темноте затеряться среди кандидатов? Не думаю, что это будет так уж сложно. Труднее к ним подобраться, но если ты подстрахуешь, не струсíš, то все получится, – уверенно отозвалась Чара, налегая вместе с ним на колодезный ворот.

Тяжёлое ведро, под скрип ворота, поднималось вверх, а Чара засмотрелась вдаль, поверх теснящихся крыш деревни, туда, где вставал другой холм, куда более высокий. Его опоясывали крепкие городские стены. Уже неделю, по боль-

шой дороге, огибая деревню и Луг, стекались к городу люди. Пешком и верхом, в повозках и затейливых экипажах, прибывали торговцы, менялы, зеваки, высокие гости Лугового Замка и кандидаты – юноши и девушки, возрастом от семнадцати до двадцати лет, счастливо рождённые с благородной кровью в венах. Этой ночью, когда сойдутся в строгую вертикаль над горизонтом три луны, с неба спустятся они. Крылатые кони. Никто не знает, сколько их будет в этот раз. Никому не ведомо, кого выберут они себе в наездники. Кому из кандидатов посчастливится стать новыми Стражами...

Она побывала на Лугу в этот праздник уже дважды – ей тогда было девять, а до этого – три года. Тогда она сидела на плечах у отца. Тогда у неё ещё был отец. И с тех самых пор все, что по-настоящему согревало Чару в жизни, было связано с мыслями о них...

Тинка помог Чаре донести воду до самого крыльца. Её мать, болезненно-худая, желчная и начисто лишённая теплоты женщина, встретила их появление молча, пождав губы. Чаре с трудом верилось, что она была доброй и смешливой, пока отец был ещё жив. Но, потеряв мужа, она остыла сердцем и к дочери, и к самой жизни, навсегда превратившись в ту, которая провожала их сейчас тяжёлым взглядом. А что до Тинки – мать невлюбила его давно, ещё с тех пор, как он здорово поколотил Колдея, её очередного сожителя, заступаясь за Чару. Тинка мгновенно исчез, подмигнув девоч-

ке напоследок. Но тяжёлые ведра были уже во дворе, и она принялась за работу. Ей пришлось ходить к колодцу ещё три раза, и теперь помочь ей было уже некому.

... Чара замерла над лоханью с помутневшей водой. Мокрой рукой она машинально коснулась деревянного кулона с аккуратно вырезанным силуэтом Крылатого коня на фоне плоского диска, то ли – луны, то ли – солнца... Единственную памятку об отце – этот прямоугольник на кожаной тесёмке – она никогда не снимала с шеи. Откуда у отца появился предмет, больше подходивший Стражу, чем сапожнику, Чара не знала. Ей едва исполнилось четыре, когда его не стало. С тех пор мать больше никогда о нем не упоминала, а Чара – не спрашивала. Но спрашивать – это одно, а помнить – совсем другое. Она бережно хранила и этот кулон, и свои воспоминания. Ведь именно он, её отец, (весёлые морщинки в углах глаз, большие, добрые руки...) что-то негромко сказал ослепительно-белому Крылатому коню на самом первом празднике в её жизни. И тот послушно остановился возле отца и сидящей на его плечах маленькой Чары. Удивительный великан позволил крохотной ладошке робко коснуться гладкой шерсти на тёплой щеке, и прикрыл глаза, словно это невесомое прикосновение что-то для него значило.

Она сердито отмахнулась от выющейся над лоханью мухи и от своих воспоминаний. Во всем этом не было никакого смысла. Ей, рождённой не в срок, дочери сапожника и прачки, никогда не промчатся по небу, обгоняя ветер, на широ-

кой спине между холкой и крыльями, пригибаясь навстречу шёлковым прядям гривы... Не носить вести от города к городу, от острова к острову. Не охранять границы мира людей у Мрачных гор или за Водопадами... Не постигать тайны Стражей, служащих всем, но не подчиняющихся никому.

Ей оставалось только увидеть их снова, этой ночью. Так близко, как сможет подобраться. И все же сумасшедшая, отчаянная надежда на чудо не покидала её, вопреки всем доводам рассудка. Она часто сетовала на своё неумение жить, как все – в маленьких печалях и радостях сегодняшнего дня. Но как же это было возможно, если в одном мире с этим мокрым бельём, с раскисающей по осени дорогой, с беспросветной серостью деревенских забав, живут Крылатые кони, Стражи и их тайна? Она столько лет боролась со стойким, неизвестно откуда взявшимся убеждением, что её судьба неразрывно связана с Крылатыми конями, столько раз одёргивала себя, замечтавшуюся о подвигах Стражей, что иногда начинала сомневаться. Но – не сегодня! Самым важным было не опоздать и чётко следовать плану.

Место на лавке рядом с лоханью закончилось – она и не заметила, как перестирала всю гору грязного белья на сегодня. Полоскала и чинила белье мать, а Чаре оставалось только подняться в город, отнести то, что было выстирано и заштопано накануне. Сложив в заплечную корзину кипы, переложенные пучками сухой, душистой травы и аккуратно за-

вёрнутые матерью в чистые полосы холста, Чара быстро переделалась за занавеской в углу и отправилась в путь.

Верёвочные лямки корзины, как всегда сильно отяжелевшей к концу долгого подъёма, врезались в худенькие плечи. Она просовывала под них руки, но ладони резало тоже. Узкие, мощёные неровным булыжником, улицы города, обычно немногочисленные, сегодня заполнили приезжие. Чара ловко огибала их, уворачиваясь от столкновений, обходила грязь и кучки навоза, сгибаясь под тяжестью ноши. И все же, в городе, затерявшаяся в людской суете, она чувствовала себя куда спокойнее, чем в деревне. Там, внизу, её не слишком жаловали. За диковатый нрав и нелепые мечты, даже самые добрые считали странной, остальные – чокнутой. Люди не любят, когда кто-то не желает жить, как все... Девочка поднималась, улица за улицей, вверх, до самого Замка. Там она сдала белье ворчливому кастеляну, получила причитающиеся монеты и разогнулась, наконец. Обратный путь был лёгким, и Чара зашагала вдоль городской стены к неприметной тропке, по которой до деревни идти было ближе. Охваченная радостным предвкушением, она ничего не замечала.

– Куда спешишь, чокнутая? – порция яда в голосе за ее спиной была так велика, что Чара замерла на месте, вместо того, чтобы немедленно броситься бежать. Это был Колдей, бывший ухажёр матери, пьяница и дебошир, которого она однажды огрела по голове тяжёлым валком для белья, за то,

что распускал руки.

Он дёрнул сзади за пустую корзину, и Чара попятилась, едва устояв на ногах. Оказавшись лицом к лицу с невысоким, немногим выше её самой, щуплым, но жилистым Колдеем, она медленно пошевелила плечами, сбрасывая лямки корзины, готовая обороняться. В щёлочках мутноватых серых глаз Колдея тлел огонёк мстительной ярости – мало того, что девчонка чуть не искалечила его прошлой осенью сама, так и её верзила – дружок добавил чуть позже, ещё и угрожая при этом... Сцепиться с козопасом в открытую Колдей не решился – его вздорный папашка не спустил бы ему такого с рук, но Колдей поклялся отомстить. Обоим. И сегодня пришла очередь «дрянной недотроги» Чары. Колдей нехорошо усмехнулся. «Девчонка с ума сходит по Крылатым коням? Отлично. Она их не увидит!»

Он двинулся ей навстречу, дыша перегаром, слегка расставив руки. Чара сбросила корзину и, схватив за обе лямки, размахнулась изо всех сил. Корзина описала широкую дугу, но противник увернулся, с хриплым смешком.

«Не надо было уходить с дороги! Срезала, называется!» – проскочило в голове, запоздалым раскаянием. На узкой тропинке, петляющей в густом кустарнике многолиста, они были одни. «Он следил за мной», – холодея от страха сообразила, наконец, Чара и присела, потянувшись за увесистым булыжником, как раз тогда, когда Колдей ринулся на неё. Он

схватил руками воздух, запнулся о девчонку, и они оба, потеряв равновесие, кубарем покатались вниз по тропинке и слетели в замаскированный кустарником овражек. Чару немного предоохранила куртка, а затасканная рубаша Колдея оказалась разодранной, открывая свежие ссадины. Он зарычал диким зверем. Из налившихся кровью глаз исчезло все человеческое. Первоначальная идея запереть девчонку на время праздника, чтобы погоревала вволю, а после, подломив её непонятную гордыню, добиться, наконец, желаемого, растворилось в приступе безумной ярости. Колдей схватил Чару за горло и сдавил. Отчаяние придало ей сил или что-то другое, но Чара извернулась, выскользнув из-под Колдея. Рискаю сломать себе шею, которую клещами сжимал обезумевший деревенский задира, она начала приподниматься, шаря по земле левой рукой. Правой девочка изо всех сил упиралась в подбородок противника, висевшего на ней. Её пальцы находились в опасной близости от оскаленных зубов и пены, выступившей из вонючего рта. В глазах у Чары уже потемнело, когда под ладонь попал камень. Неожиданно ясная, спокойная мысль, – «сил не хватит», – проскользнула в угасающем сознании, и тьма приблизилась вплотную к глазам.

Она очнулась от боли. Стояли плотные сумерки, но ещё можно было разглядеть неподвижное тело, лежащее совсем рядом. Правый висок Колдея провалился от удара острым

камнем, навсегда отпечатав на лице гримасу неподдельного изумления. Причём правая бровь изумлялась больше левой... Он был мёртв. Чара застонала от ужаса и, следом, от боли в горле. Ей показалось, что руки насильника так и остались на её шее, но это было не так.

Над верхушками кустов показалась Жёлтая луна и Чара забыла о боли. Она крепко зажмурилась и заставила себя не думать об остывающем теле, оставшемся лежать в овражке. Выбравшись на тропинку, она подхватила корзину и, что было сил, побежала в деревню, раздирая горло каждым вдохом пряного ночного воздуха. Быстро темнело. Она торопилась, как могла, все ещё на что-то надеясь. Пустая корзина колодила по спине и пояснице, горло и грудь горели огнём, но Чара едва замечала боль. Показалась третья луна и начала приближаться к своим небесным сёстрам, заливая окрестности голубым светом. Далеко внизу, на Лугу, уже собрался весь город.

– Где тебя носило? – гневно поинтересовалась принарядившаяся для праздника мать, аккуратно пересчитывая монеты, которые Чара, сипло дыша, ссыпала на стол, – и что это ты на себя нацепила? – в её голосе зазвучало подозрение, но тут на крыльце послышался нетрезвый голос очередного «ухажёра» и гнев сменился на привычное равнодушие.

У первых ярмарочных палаток Чара улизнула, прокладывая себе путь поближе к ритуальному кругу. Огромный,

словно отделённый от собравшихся невидимой стеной, он был пуст. Трава, зелёная при свете дня, сейчас отливала синевой. Лица собравшихся плыли белыми пятнами в лунном свете. Кандидаты, а их было много в эту ночь, выстроились полукругом по дальнему краю свободного пространства. Где-то там, напрасно дожидался Тинка. Прямо за их спинами высился помост для господ из Замка и их высоких гостей, сейчас он был заполнен зрителями и окружён охраной. Она безнадежно опоздала... Сердце девочки сдавило от горя и ярости на нелепую, несправедливую случайность. Она вспомнила огонёк безумия в глазах Колдея и снова ощутила его руки на своей шее...

Голоса толпы, окружившей ритуальный круг, сливались в невнятный, монотонный гул, от которого у Чары закружилась голова. Но внезапно все смолкло. Тишина, прокатившаяся по Лугу почти осязаемой волной, поглотила все звуки. Это вышел вперёд Городской голова с медным колоколом в руке. Он, как и все, смотрел теперь в небо. Луны – маленькая белая, жёлтая щербатая и ослепительная голубая – выстроились над Лугом и тогда он ударил в колокол. Чистый звук поплыл над замершей толпой, над деревней и городом, над всеми землями Лугового Замка. И они появились – десять, одиннадцать... двенадцать! крылатых силуэтов, на фоне разноцветных лун. Чара замерла, забыв, что нужно дышать. Все, за годы накопленные возражения самой себе, бесследно исчезли – одно их присутствие наполнило её существование

глубоким, загадочным смыслом.

Огромные кони, складывая крылья, опускались в центр Луга. Фыркая, шумно дыша, взрывая копытами траву вместе с дёрном. Деревенские лошадки и даже породистые скакуны господ, показались бы неуклюжими стригунками перед этими грациозными великанами. Но на Лугу и близко не было обычных лошадей – Крылатых коней они боялись панически.

Городской голова снова выступил вперёд, сзади к нему подоспели два крепких мужика с объёмными бадьями. Чара знала, что в них зерно и вода – часть ритуала. Крылатые кони есть и пить не станут.

Табун привёл тот же вороной жеребец, что и в прошлый раз. Только теперь он стал массивнее, шире. Волнистая грива целиком укрыла мощную шею, а кончик густой чёлки касался носа. Последней приземлилась тоненькая серая кобылка, совсем молодая. Она всхрапывала, бочила, нервно переступая ногами, диковато косили, угольками, глаза, да концы сложенных крыльев чернели по краю.

Три луны освещали Луг. Кони разошлись по широкой дуге и остановились напротив кандидатов. Юноши и девушки выходили к ним по одному. Захватив пригоршню зерна из одной бадьи и подчерпнув лодочкой ладони воды из другой, они, по очереди, подходили к каждому из Крылатых коней. Кто-то оставался, другие возвращались обратно. Никто не

знает, как именно делают свой выбор Крылатые кони. Может быть, только Стражи? Но, насколько было известно Чаре по обрывкам рассказов и сплетен, Стражи, сами по себе – загадка, никогда этого не обсуждали.

Сердце девочки неистово колотилось в груди, в ушах шумело. Всем своим существом она была сейчас там – на другом краю ритуального круга, среди кандидатов....

Вороной жеребец, как и шесть лет назад, участия в церемонии не принимал. Он медленно обходил Луг, совсем близко к притихшим людям. Вот он приблизился к Чаре достаточно, чтобы девочка поняла, насколько он огромен. Неукротимая сила, пугающая и восхищающая одновременно, сквозила в каждом движении, каждом перекате мышц под блестящей шкурой. Ей показалось, что он, как и в прошлый раз, немного задержался прямо возле неё. Из-за чёлки сверкнул лунным бликом глаз, в ладонь, отчаянным порывом осмелившуюся потянуться к морде, тихонько храпнуло теплом и... ничего не случилось. Мимо лица Чары проплыла тень сложенного крыла, в подошвы ударила земля под его удаляющимися шагами. Жеребец завершал свой обход.

А церемония выбора, между тем, подошла к концу. Одиннадцать счастливиц взошли на спины своих Крылатых коней и, почти так же степенно, двинулись по кругу. Успокоилась, неспешно прошагав мимо, серая кобылка, под своей стройной, темноволосой всадницей... Чара даже гла-

за прикрыла от неожиданно острого укола зависти. Вороной великан в центре ждал завершения ритуала, спокойно глядя на плотно окруживших ритуальный круг людей. Девочке отчаянно хотелось надеяться, что, вот сейчас, он направится к ней, и её жизнь переменится навсегда...

Завершая круг, кони поднимались в галоп, за темп до отрыва раскрывали мощные крылья и уходили в небо. Вороной взлетел последним. Люди все ещё продолжали стоять в тишине, словно зачарованные. И только Чара сделала несколько неосознанных шагов, да так и застыла на краю опустевшего круга, вся вытянувшись, подавшись вперёд и вверх – куда звала душа, уносящаяся вслед за Крылатыми конями. Их силуэты растворились в небе, луны начинали медленно расходиться. Толпа загудела, зашевелилась. Разгорались огни костров, зазвучала музыка. От разномастных палаток, кольцом окружавших Луг, потянуло запахами еды. Праздник заполнял теперь все пространство низины. Одиннадцать Стражей и шестеро – из земель Лугового Замка! Им было, что праздновать.

Чара брела через оживлённый люд, обхватив себя за плечи руками, съёжившись, не глядя, куда ставит ноги. Тинка нашёл её, потерянную и оглушённую, на самой границе шумно веселившегося Луга. Там, где начиналась серая петля тропинки, ведущая наверх, в тишину деревни, все звуки и свет из которой стекли с холма на Луг. Не задавая вопросов, толь-

ко скривившись так, словно ему было больно на неё смотреть, он осторожно, но настойчиво, подтолкнул Чару в спину. И она послушно побрела наверх, к дому.

Уже позже, лёжа в своём углу, за занавеской, совершенно опустошённая, Чара заплакала. Молча, без всхлипов и рыданий. Она свернулась в болезненно тугий комочек, подтянула коленки к подбородку, насколько позволила грубая кожа брюк – сил, чтобы раздеться уже не оставалось – и замерла на жёстком топчане, не вытирая свободно бегущих слез.

...Услышав своё имя, она проснулась. Потёрла сухие, воспалённые глаза. Прислушалась к вязкой тишине в доме. Что-то было не так... Сон! Он больше не желал ускользнуть! Ей снилось, что внизу, на Лугу, её ждёт тот, кто звал за миг до пробуждения так много раз! Чара сорвалась с топчана и выскочила за дверь.

Солнце ещё не взошло, только у горизонта начинало зеленеть небо. Следы отшумевшего праздника скрывал стелющийся по Лугу туман, но он не смог полностью поглотить Крылатого коня, одиноко стоящего в центре. Чара, едва касаясь тропинки босыми ногами, летела вниз, словно это у неё выросли за спиной крылья. Она добежала до ритуального круга, утопая в сырой кисее тумана, и нерешительно замерла в шаге от вороного. Крылатый конь тихонько заржал, изогнул шею и уткнулся широким лбом ей в грудь. Она обняла огромную голову обеими руками, щекой прижалась к

жёсткой чёлке возле самых ушей, и захлебнулась от нахлынувших чувств. Мир, в одно мгновение, перестал быть чужим и равнодушным. Она почувствовала, как навсегда обретает в нем своё место.

«Традиции нарушать нельзя, во всяком случае – на глазах у всех, – прогудело у неё в голове, мягко и немного укоризненно, – но мой всадник – ты, Чара. И я ждал достаточно долго. Пришло наше время». Она вздрогнула, но рук не отняла. Только счастливая улыбка, возникшая как-то сама собой, неожиданно обозначила на щеках две ямочки.

Крылатый конь осторожно высвободил голову и подогнул левую ногу. Сгиб крыла опустился ей под ноги и аккуратно приподнял над землёй. Спружинили жёсткие, упругие перья. Она ловко, словно делала это всю жизнь, разместилась на тёплой спине, руки сами ухватились за широкую прядь гривы и в лицо ударил ветер.

Внизу, высвеченный показавшимся из-за горизонта солнцем, быстро уменьшался в размерах привычный ей мирок. И вырастал под крыльями, распахивался во всю обозримую ширь – огромный, незнакомый – новый мир.

Алла Френклах

Родилась в Москве. В печально вспомнить каком году. По образованию химик. Сейчас живу в Нью-Йорке, работаю программистом. До определенного момента жила спокойной и размеренной жизнью, а потом отправила детей в колледжи, перестала убираться дома, посадила мужа на голодную диету и засела писать рассказы. Чем до сих пор и занимаюсь.

Артемида

Почему все новорожденные – кутята, галчата, дети – так пронзительно и жалобно кричат?

Двухмесячная дочка будит меня ровно в два часа ночи, словно сверившись по часам. Рядом вздыхает Юлька. Сонно тараторит:

– Я сама. Я сейчас.

Выбирается из-под одеяла. Приносит захлебывающуюся плачем девочку, которую я ещё толком не привык звать по имени. Ксюшей-Сюшей.

Юлька устраивается поудобнее, подкладывает под спину подушки. Скрипят пружины старого матраса. Малышка судорожно всхлипывает и затихает, завладев грудью, которая, между прочим, раньше безраздельно принадлежала мне.

Укрываюсь с головой одеялом и проваливаюсь в сон. В следующий раз кормить Сюшу моя очередь. Бутылочка сцеженного молока ждёт в холодильнике своего часа.

Утром не могу окончательно проснуться даже под душем. Хожу по комнате как лунатик, собираясь на работу. Роняю одежду, натываюсь на острые углы. Юлька, перебравшаяся на середину кровати, зарылась лицом в подушку. Отросшие светлые кудряшки беспорядочно торчат в разные стороны.

Сюша безмятежно дрыхнет в дареной колыбельке, церемонно сложив губы бантиком. Малышка спит в шапочке.

Она почти совсем лысенькая – на голове только какой-то невнятный пух. Юлька боится, что девочка простудится. Сгребаю со шкафа бумажник, часы и телефон. Выхожу в холодный коридор.

В метро душно. Расстегиваю куртку. Разматываю шарф. В голове звенит, как в полупустой свинье-копилке. Вагон качается, качается... Забыв-а-а-аюсь. Уплыва-а-а-аю.

Осторожно, двери закрываются.

Выныриваю из сна.

Передо мной, на сиденье напротив – Артемида. The goddess. Между коленей зажаты лук и колчан со стрелами. Белое отрешённое лицо будто светится в полумраке. Широкие брови срослись на переносице. Вьющиеся тёмные волосы схвачены лентой. Короткий хитон белым пятном сильно выделяется на фоне пальто и шуб. Девушка не из плоти и крови с грацией молодого, сильного животного. Под тонкой кожей явственно проступают мышцы. Руку выше локтя змеёй охватывает широкий браслет.

Артемида кидает на меня равнодушный взгляд и отворачивается.

Сонь? Явь? Морок?

Зажмуриваюсь. Смотрю снова. Артемида исчезла. Растаяла в спёртом воздухе вагона. На ее месте развалился толстый одышливый дядька. Волосатый живот вольно выпирает из разошедшейся застёжки на рубашке.

Дима, Дима. Фантазёр ты. Представил невесть знает что. Спать по четыре часа в день – вредно. Это ещё никого до добра не доводило.

На работе долго сижу, тупо уставившись в монитор. От выпитого в больших количествах кофе подташнивает. Дебет, спотыкаясь, гоняется по экрану за кредитом. А ведь мне повышение обещали. Плюю на работу и оплачиваю счета за коммунальные услуги.

Звонит Юлька. Жалуется, что моя мама учит её по телефону как правильно жить и ухаживать за ребёнком. Как будто я могу что-то с этим поделаться. Две упаковки подгузников по дороге домой конечно куплю.

Сейчас упаду лицом в клавиатуру.

Иду в туалет ополоснуть лицо. Меня слегка покачивает, как в шторм на палубе.

Набираю в ладони холодную воду. Смотрю на себя в зеркало. За спиной стоит Артемида. Белая кожа сверкает в неверном свете мигающих неоновых ламп, как обсыпанная алмазной крошкой. Лук в руке, колчан за плечом. Поворачиваюсь. Упираюсь в насмешливый взгляд невозможных серых глаз. Крепкая шея гордо откинута назад. Сквозь тонкую ткань отчетливо проступает маленькая грудь.

А я сошла с ума! Какая досада.

Протягиваю руку. Осторожно дотрагиваюсь до тонкого за-

пьястья. Кожа у Артемиды нежная и очень горячая. Богиня отталкивает мою ладонь. Приподнимает в улыбке уголки губ. И исчезает.

По спине у меня течет холодная струйка пота. Обливаясь, отчаянно плещу в лицо ледяной водой.

В воздухе плывет незнакомый смолистый запах.

Дома помогаю Юльке купать малышку. Голенькая Сюня напоминает забавного обезьяньего детёныша. Она блаженно обмирает в теплой воде и обиженно плачет, когда я её оттуда достаю. Успокаивается только тогда, когда Юлька дает ей грудь.

После кормления Сюня, наконец, засыпает.

Зевота раздирает челюсти. Сажусь на край небранной кровати. Притягиваю к себе Юльку. Расстегиваю на ней халатик. Кладу руку на набухшую грудь в старом, застиранном лифчике. Прижимаюсь щекой к мягкому животу. Целую кожу у кромки трусиков.

– Дим, сил нет, – виновато шепчет Юлька, – не сегодня, а?

Сижу с друзьями в баре на Остоженке. Вечер пятницы – святое время даже для молодого папаши. Баюкаю в руках стакан с виски. Петрович заглатывает вторую бутылку Коронны. Олежек, эстет, грызет маслину из мартини.

Впервые за несколько недель удалось по-настоящему расслабиться.

В баре очень шумно. Чтобы тебя услышали соседи по столу, приходится напрягаться. Но когда знаком с людьми со школьной скамьи, то и помолчать друг с другом приятно.

Олежек вертит кудрявой головой – выскивает хорошеньких молодых женщин. Я так никогда не умел – знакомиться на ходу. Со всеми и каждым. Каждые три месяца у Олежки новая пассия. И каждая следующая – красивее предыдущей. И ни в одну он не влюблён. Умеют же некоторые устраиваться.

Петрович подносит к близоруким глазам телефон, мрачнеет и пробирается к выходу. Его жена против походов в бар. Сейчас Петрович будет ей врать, что задержался на работе.

– Можно?

На освободившееся место опускается Артемида. Закидывает ногу на ногу, обнажая круглые коленки. Стопа в тонкой кожаной сандалиии покачивается над грязным полом. В точёной руке – золотой, тяжёлый на вид, кубок.

– Любите вы, смертные, пить всякую дрянь

Голос у Артемиды глубокий и низкий. Красивый.

Сижу как дурак. Не знаю, что ей ответить.

Мадам, вы сегодня прекрасно выглядите.

Откуда вы взяли на мою голову?

Что есть, то и пьём.

– Дима, ты абсолютно неинтересный, неотесанный болван. Олежек бы сразу нашелся, что сказать. Но Олежек занят окружающими нас девушками. Артемида заливисто смеет-

ся, сверкая детскими мелкими зубами. Яркие губы блестят розовым атласом. Бьётся на шее голубая жилка.

Она встаёт с пластикового стула, наклоняется и неожиданно крепко целует меня в губы.

Быстро выпрямляется и, отступив от столика, растворяется в толпе.

Губы горят, словно присыпанные перцем.

– Чего это у тебя вид такой обалделый? – интересуется вернувшийся Петрович. – И чем это здесь так хорошо пахнет?

Отпираю дверь в квартиру. В коридоре стоит запах котлет.

Юлька и её мама, Наталья Игоревна, склонились над пеленальным столиком. Тихо переговариваясь, мажут малышке розовую попу какой-то белой дрянью. Сюня с иступленным наслаждением сосёт свой кулак.

Наталья Игоревна меня не жалует. Считает, что Юлька слишком рано выскочила замуж. А могла бы дождаться кого-нибудь получше.

– Что-то ты сегодня задержался... – ненавязчиво уточняет моя тёща. У Юльки сияют глаза.

– Дим, нас мама отпускает на несколько часов. Пойдем в кино, да?

Смотрю на смартфоне время сеансов. Юлька хватается за куртку, и мы выскакиваем в морозный вечер. До кинотеатра совсем близко. Мы идём пешком. Хрустит под ногами снег.

Юлька радуется, как девчонка. Покупает себе попкорн, большой стакан колы. Во время сеанса, в самый душещипательный момент, вцепляется мне в коленку.

Возвращаемся не торопясь. Идёт снег.

– Поцелуй меня! – требует Юлька. Смеется и закидывает мне руки за шею. Для этого ей приходится встать на носки.

Мы стоим посреди улицы и обнимаемся, как зелёные подростки. Щёки у Юльки холодные и солёные от слез. Накрываю ее губы своими, ещё присыпанными крошкой перца.

Дома Наталья Игоревна ходит из угла в угол с истошно вопящей Сюней на руках. С облегчением отдает внучку Юльке и идёт одеваться.

Отвожу её домой. Уставшая тёща всю дорогу молчит. За что я ей очень благодарен.

Возвращаюсь около часа ночи. Паркую машину. Тру уставшие глаза.

На пассажирском сидении откинулась на спинку Артемиды. Вьющиеся волосы выбились из прически и падают на лоб и щеки. На нежных скулах проступает лёгкий румянец. Белый хитон совсем не прикрывает груди. Лука и колчана со стрелами я не вижу

– Идём со мной! – требует Артемида. – Вчера я о тебе не знала, завтра я о тебе не вспомню. Но сегодня ты моя прихоть, смертный. Радуйся, ты попадёшь в мир нектара, мяты и вечной весны.

Машинально давлю на тормоз.

– ...Меня дома ждут.

Артемида сердито хмурит брови.

– Ты не понимаешь, смертный, тебя зовёт с собой богиня. Другого шанса не будет. Без меня ты никогда не попадёшь за Хрустальную Грань. Никто по эту сторону не сможет дать тебе столько, сколько я. И я не привыкла уговаривать, смертный. Да?

– Нет, но...

Артемида перегибается через сидение и с силой нажимает на кнопку гудка. Пронзительный вой давит на уши.

А Артемиды уже нет. Исчезла.

Мне не нравится, когда меня называют смертным. У меня есть имя. И у меня есть Юлька.

Почему-то у меня ощущение, будто я опоздал на последнюю электричку.

Качу тележку между полок в супермаркете, поминутно сверяясь со списком. Куриные грудки, яйца, хлеб, яблоки. Мясо? Нет, что-то сегодня оно очень дорогое.

Ловлю себя на том, что все время оглядываюсь по сторонам. Жду.

Жди-жди, Дима. Жди у моря погоды. Только зачем? Сказать, как она тебе безразлична? Ха!

Мимо проносится на крейсерской скорости тётка в колючей даже на вид шубе с доверху набитой тележкой. Наверное, пытается побить рекорд Гиннеса по полному опустоше-

нию магазина.

Дорогая дама, не встречали ли вы здесь полки с амброзией и нектаром?

Хватит ли денег до конца месяца, если я завтра заплачу за квартиру?

Выхожу из супермаркета. Два увесистых пакета оттягивают руки.

С другой стороны улицы машет мне рукой Артемида. Тонут в снегу ноги, переплетённые тонкими ремешками сандалий.

Рот мой сам собой расплывается в улыбке.

Кидаюсь через дорогу, даже не посмотрев вокруг.

Артемида вскидывает лук. Звенит тетива. Падает на снег пёстрая птица с красной головкой.

– Ты со мной? – спрашивает Артемида.

Во рту так сухо, что я не могу произнести ни слова.

Опускаю на тротуар несчастные пакеты. Артемида протягивает мне руку. Хватаюсь за уголёк ладони, как утопающий за соломинку.

Мир вокруг уплощается, кружится, переворачивается. Летят золотым новогодним дождём ставшие удивительно близкими звёзды. Блещет зелёно-голубое море Эллады. Меня заглывает нестерпимо яркое солнце.

Перед глазами рассеивается невозможно, немислимо прекрасный сон.

Тёплое море с высоты птичьего полёта. Серебристые облака под ногами. Ложе в неувядающих розовых лепестках. Хитон, сброшенный на рога молодого месяца.

Открываю дверь. Снимаю в коридоре тяжёлые зимние ботинки в разводах соли.

Юлька с Сюней на руках выходят меня встречать.

Девочка широко разевает беззубый, старушечий рот. На щеках и на подбородке у неё яркая розовая сыпь. Большая голова зыбко покачивается на сморщенной куриной шее. Какой же у меня некрасивый ребенок. Они все такие в этом возрасте или только мой так отличился?

Делаю шаг к Юльке, обнимаю, целую в щёку. От жены исходит неприятный сырноватый запах. Она явно не успела сегодня принять душ. Тёмные, набрякшие мешки под глазами. Морщинок, морщинок-то сколько.

Да что же я. Ведь это мой маленький уютный мирок. Где мне всегда рады и всегда ждут. Почему вместо ванили и молока он пахнет теперь мокрым веником?

– С тобой всё в порядке? – встревоженно спрашивает Юлька. – Вид такой встрёпанный. Температуры нет?

– Всё отлично, – деревянными губами улыбаюсь я и ставлю на стол пакеты с продуктами.

– Так свет падает, будто ты загорел. Как в солярии бывал, – смеётся Юлька и гладит мою руку шершавыми как наждак пальцами.

– Есть будешь?

– Я прилягу, Юль. Голова что-то болит.

Захожу в тёмную спальню. Мне кажется, или рядом то-
ненько звенит тетива?

Через какое-то время приходит Юлька. Ложится рядом.
Крепко прижимаюсь к её спине. Утыкаюсь носом в затылок.

– Завтра, – повторяю как заклинание. – Завтра всё вер-
нется на круги своя. Завтра я стану таким, как раньше.

Юлькины волосы нестерпимо пахнут гарью и тленом.

Елена Есакова

Экономист по образованию. Закончила Пятигорский государственный технологический университет, работаю преподавателем уже восемнадцать лет, защитила диссертацию. Писать начала около пяти лет назад. Кроме художественных текстов, пишу научную литературу. Принимала участие в написании учебных пособий, монографий.

Профиль на синем сайте: <https://ficwriter.info/moj-profil/userprofile/Fire%20Lady.html>

Сказ о любви и ненависти

Снег шел уже неделю, всё сильнее укутывая избу в бело-снежную шубу, заставляя жителей деревеньки Кислая Ягода сидеть по горницам. Мороз, невиданный даже седыми старцами, не давал и носа высунуть на улицу. Молодые девки да парни вздыхали – гуляния в честь зимнего Солнцеворота были под угрозой. Кто ж их пустит за ворота, если охотники, возвращающиеся из обледенелых лесов, сказывали, что безжалостный Карачун⁹ пустил на землю своих не знающих устали слуг. Никто не хотел встретиться с буранами, перекидывающимися в медведей-шатунов, или метелью, что стайей волков нагоняет любого путника.

А у Степана Бороды – верхового¹⁰ Кислой Ягоды – завывания и порывы ветра, бессильного перед стенами добротного бревенчатого дома, вызывали лишь довольную улыбку. В щедро натопленной клет¹¹ с огромной печью, украшенной намалёванной жар-птицей, царили мир и уют: стол и пол сверкали чистотой; на стенах закреплены душистые ветви ели, переплетённые красными лентами; запахи угощений

---

⁹ *Карачун* – божество смерти в славянской мифологии, подземный бог, повелевающий морозами, злой дух.

¹⁰ *Верховой* – глава деревни (выдуманно автором).

¹¹ *Клеть* – первые наземные избы славян состояли, как правило, из одной утепленной комнаты – клетки, к которой могли примыкать сени.

чаровали, уговаривая желудок не дожидаться рождения всеблагостного Солнца.

Степан не уставал удивляться тому, что бабья работа спорилась в его руках – будто помогал кто. Уже и не верилось, что почти год назад потерял раскрасавицу любушку-жену вместе с чадом нерождённым. Стирались из памяти думы, что нет более путей, чтобы жизнь к спокойствию души повернуть. Да видно из благословенной Велесом осины в избе доска имелась – уходила день за днем чёрная печаль, оставляя в памяти светлый образ тихой да ласковой супружницы.

Уж срок подходил новую невесту искать и заново брак заключать, помня данное умирающей Машеньке обещание. Та, готовясь ступить в Семарглово царство, еле слышно попросила:

– Сердешный, не выплакивай глаза и не хорони себя заживо в моей могиле. Обещай, что к Жаворонкам¹² в избу приведёшь новую наречённую – пусть станет она тебе опорой и помощницей.

Сначала Степан и слышать не хотел о поисках невесты, как похоронил любимую, так в избе заперся, и запил по-чёрному. Но стали происходить в доме странности: то начатая бутылка потеряется, томышь дохлая в кружке с настойкой перцовой утопится, то сам хозяин стакан с самогоном пере-

---

¹² *Жаворонки* – старинный славянский праздник празднуют 22 марта – в день весеннего равноденствия. Считалось, что в этот день возвращаются на родину жаворонки, а за ними летят и другие перелетные птицы.

вернёт.

«Так пить – только добро переводить», – вспомнил верховой любимые слова свата. Плюнул и прекратил себя жалеть. Да и дел накопилось.

Бабы своими причитаниями под окнами – это сколько же силы надо, чтобы три дня и три ночи завывать о его горе! – душу почище упыря вытягивали. Голосили разное: «Как бы не повесился с горя!», «Какой хозяин сгинул! Вся деревня на нём держалась!», «Жену в гроб загнал – вот и тянет она его к себе!», «Это она от его мужицкой силы занемогла! Не выдержала баба!», «Такой мужик пропадает! Свободный! Теперь держись, девки, верховой у нас завсегда своего добивается!», «Не больно-то он и плечист!», «Зато жилист, хитер, аки голодный волк и... борода знатная!». Много нового узнал о себе Степан. А уж как вышел третьего дня из избы – косматый, в старом тулупе, со стойким перегаром – так и разбежались бабы, собравшиеся во дворе на рыдания-посиделки. Только семечки во все стороны полетели – сиротливым воробушкам угощение, а деревне смеха на неделю.

А ещё, после девятого дня, стали сны приходиться занятные – вроде любушка жива, всё по дому ходит да тихие песни поёт, слов не разобрать, но сердце греют, стужу выгоняют, весну и надежду скликают. А как проснёшься, будто силы прибавляется в руках – все лишь удивлялись, как у верхового за троих работа спорится.

Быстро заметил Степан, что жена грезится только когда

он один в доме. Разогнал сочувствующую родню и баб, готовых в хозяйстве помогать, да и стал вдвоём с котом быт налаживать. Зато Марьюшку почитай каждую ночь видел.

***

Праздник Солнцеворота в Кислой Ягоде готовились встречать с размахом... деревенским размахом. Разбазаривания с трудом наживаемого добра Степан не допускал. Это столичным гулякам деньги легко достаются, а верховому небольшой деревни приходилось каждое зёрнышко учитывать, каждую ягодку примечать, каждую скотинку нумеровать, ну и каждого работника подгонять – куда же без этого!

Самая длинная и тёмная ночь в году только входила в свои права. Уже на рассвете с рождением молодого Солнца должны были начаться празднования: шумные гуляния с обильными яствами да благодарственными песнями щедрому Велесу. Ощущение краткого момента полного покоя и мимолётного счастья прервалось громким стуком в дверь. «Гостей в такой мороз – только чёрт бы и привез!» – успел подумать Степан и, спрятав недовольство поглубже, поспешил к нетерпеливым гостям – человека три, судя по сотрясанию избы.

– Кому не спится?! Жена под бочок не пускает? Все празднования завтра, а сегодня дайте вздохнуть от трудов праведных.

Из-за двери послышался насмешливый голос:

– Открывай, верховой. Иначе всю деревню побудим. По делу я к тебе, – вслед словам последовал удар такой силы, что добротные дубовые доски двери треснули в нескольких местах. – Открывай, Степанушка, иначе хуже будет.

Пришлось отпираться – в мороз с сеньями нараспашку останешься. Не успел Степан засов отодвинуть, как порыв ледяного ветра ворвался в натопленное помещение, распахнув дверь настежь и явив очам не дюжих парней разбойничьего вида, а бледного паренька в рваной рубашонке да дырявых штанах. Больше всего поражало, что малец стоял в быстро тающем под ногами снеге совершенно босой. Спутанные, серые – почти седые – волосёнки завешивали половину лица, оставляя видным один глаз. Остальные черты терялись – стоило поймать взгляд этого ока, подобного и цветом, и бездонностью болоту. Будто проваливался разум, оставляя непонятную тоску и трусливую дрожь в сердце.

С трудом Степан вынырнул из грязно-зелёного омута единственного глаза отрока – громкое и требовательное блеянье чьей-то козы вернуло сознание хозяину.

Верховой огляделся, не понимая как коза могла незаметно пробраться в дом, но заметил только в трёх шагах от себя огромную, худюшую собаку, покрытую множеством проплешин.

– Это моя скотинка! – гордо заявил гость. – К ней не подходить, не пытаться задобрить, не кормить!

Затем щелчком языка заставил собаку утробно зарычать

и оскалить жёлтые клыки. Зубки-то – любой медведь позавидует.

Парнишка, довольный произведённым эффектом, развязал свою засаленную котомку и вытащил свёрнутую берестяную грамотку:

– Читать-то умеешь, Стёпушка? – казалось, ему доставляло удовольствие обижать верхового – ведь без, пусть и небольшого, разумения грамоты и счёта на такие должности не брали. – В избупустишь или продолжишь морозить?

Первый порыв – пригласить парня в дом – получилось придушить почти нерождённым:

– Вначале грамотка с печатью, а уж потом и стол с кроватью...

Отрок лишь величаво кивнул – разрешая читать.

На бересте красиво выведенные букочки сложились в смертный приговор для Степана:

«Степан Борода, верховой деревни Кислая Ягода был обвинён, согласно официальной клевете за номером 1313, в доведении жены до смерти мучительной. Для разъяснения страшных подробностей душегубства, а при необходимости и приведения приговора, зависящего от результатов следственного дознания, в исполнение направлено Лихо Одноглазое, вольнонаёмный Искатель правды 1 ранга (бывший Пётр Горемычный). Пытки применять разрешается. Все расходы и хлопоты на перевыборы верхового деревни, в случае смертельного приговора, ложатся на самого Степана

Бороду (до перевыборов лучше не казнить!).

*Подписано: младший управитель канцелярии Кощея Бес-
смертного, Бров Неподкупленный»*

Вместо грамотки, подтверждающей должность, малец ду-
нул на пряди волос на челе. Оказалось, те скрывали не вто-
рой глаз, а его полное отсутствие.

Степан обречённо подумал: «Вот и дождался обещанной
свояченицей мести», жестом приглашая Лихо в дом:

– Заходи, ежели по казённой надобности.

Верхового ощутило потряхивало, но он старался страх не
показать. Вдруг удастся беду вокруг пальца обвести, ну или
разжалобить.

Парень поправил на плече котомку, по виду совершенно
пустую, и направился в сени. В этот момент избу несиль-
но трянуло, раздался звон разбивающейся посуды, а рыжий
любимец – кот Жалоба – драпанул из хаты, не побоясь мо-
роза.

Степан ахнул:

– Отродясь такой прыти за ним не припомню! Даже в мар-
те ленился гулять.

Лихо горделиво вставило:

– От меня и не так бегут! – потом досадливо продолжи-
ло: – Оберегов у тебя в хате – аж глаз чешется! За посуду
прости – издержки дознания, как говорится. Коли оправда-
ют – всё с клеветника взыщут.

– А что были случаи?

– Ну... поговаривают, что и петух иногда несётся, – пошутило Лихо и засновало по горнице, будто приняховилось. – Начнем, пожалуй... Ночь располагает к разговорам по душам.

– А может, с дорожки согреться да поесть, а уж потом и беседа легче пойдёт? – спросил Степан, а сам забежал от печи к столу – выставлял приготовленную к празднику снедь.

Лихо удивленно поглядывало на суету, но не возражало. Лишь когда хозяин протянул ему красный кафтан, возмутилось:

– Подкуп должностного лица?! Приятен... но не обязателен.

Однако сразу просунуло синеватые ручонки в лучшую праздничную одежду верхового, притянуло обе полы к впалой груди и притихло – будто, и вправду, могло почувствовать тепло. Хотя кафтан был откровенно велик, Лихо снимать его не собиралось.

Степан же вытащил спрятанный в подполе бутыль с перцовой настойкой и жестом предложил наполнить чарку:

– А что, подкуп нынче разрешён?

– Ни в одной грамотке, конечно, такое не писано, но сильно облегчало бы исполнение приговора. Ведь можно сразу голову твою буйную оторвать, а можно и несколько дней тоской и болью твоими наслаждаться.

– Да, есть ещё недоработки в законах...

Лихо встрепенулось, а глаз аж загорелся:

– Ты ещё и бесконечным правлением нашего Кощея-батьюшки недоволен?

– Типун тебе на язык! Пусть его царствование будет вечным! Я про то, что нет границ совершенству. Мы-то каждый в своем дворе крупницы счастья ищем, а ему, бессмертному, виднее, как государством управлять.

– И то верно! – Лихо подвинуло пустую чарку поближе к Степану, который и забыл про бутылку в руке. – Бессмертие штука дивная. Меня ведь тоже смерть не берёт... За это и уважают на службе – сплошная экономия, даже провиант выдавать не надо.

Услышав, что Лихо бессмертное, верховой совсем приуныл. Сел на лавку, наполнил подставленную гостем чарку до краёв, а затем сам её и осушил. Крякнул – крепкая настойка у Марьюшки получалась, закусил пригоршней капусты квашеной и прикрыл глаза.

Лихо только облизнулось, но обиды не высказало, лишь решило допрос начать – раз уж поить и потчевать прекратили:

– Жену-то любил? Бил часто? – одноглазый подождал минутку и начал аккуратно выводить буквы на берестяном свитке: – Сразу запишу, что выпить любишь – сам вижу...

Степан в возмущении уставился на Лихо:

– Да я почти год в рот не брал горячительного! После за-
поя и не брал...

– Знать, и запои были?

Вздыхнул тяжело Степан, подлил настойки себе и, махнув рукой, одноглазому тоже наполнил чарку:

– Один раз только и был... А жену я горячо любил. Никогда руки на ясочку¹³ мою не поднимал. Жили душа в душу...

Лихо с видимым удовольствием втянуло носом аромат настойки, затем отпило треть, чертыхнулось и зашарило по столу в поисках закуски. Только вся снедь, к которой прикасались его руки, тут же портилась: чернела, иссыхала, покрывалась плесенью или протухала. Лишь плошка с солеными огурцами осталась нетронутой на столе – не дотянулось до нее одноглазое.

Степан разочарованно крикнул – он-то надеялся напоследок хоть наестся. Лихо полностью разделяло его чувства:

– Вот так всегда... Прах и тлен...

– А если я предложу? Ведь настойка-то не выдохлась? – сочувственно спросил Степан, выкладывая пару огурцов на тарелку Лиха.

Одноглазый сначала осторожненько пальцем прикоснулся к предложенному угощению. Ничего не происходило. Тут он с неописуемым блаженством на лице впился острыми зубами в огурец. Только хруст стоял в горнице.

– Получилось! А ведь не кормил меня никто из допрашиваемых. Теперь буду их заставлять. Давненько я еды человеческой не пробовал – лет сто, наверное, – выпив остатки на-

---

¹³ *Ясочка* – ласковое обращение к девочке, девушке и женщине; душечка

стойки, доел все заботливо подложенные Степаном огурцы.

– А может, секрет в том, чтобы от чистого сердца предложить?

Лихо вперило глаз в хозяина:

– Сомневаюсь... Я людские мысли насквозь вижу, все тайны и страхи ведаю. Ох и редко вы что-то бескорыстно делаете.

– А ты проверь! – Степану даже обидно стало – ведь не думал он сейчас ничего. Даже подавиться не желал.

Лихо, захмелевшее от крепкой выпивки, заеденной лишь огурцами, а может, просто с непривычки, хихикнуло и заявило:

– Так нечего же – одной трухой угощаешь!

– Погоди-ка, сейчас в погреб схожу и накормлю тебя от пуза!

– Ты только бежать не пробуй, Степанушка. Враз тебя мой зверь поймает и переломанным притащит обратно. А уж беглый завсегда виновен! – Лихо потянулось и добавило: – Не передумал угощать-то?

У Степана от страха не только мысли путались, но и сердце громко стучать боялось. Однако за снedyю он всё равно пошел.

На улице от мороза даже овечий тулуп не спасал, зато в голове немного прояснилось. Осторожно пробравшись в погреб мимо следящей за ним собаки, Степан набрал полные

руки засоленных мяса да рыбы. Хотел в избу вернуться – да ноги не идут. Оглядел он небо бескрайнее, лес, чернеющий вдаль, дома с мирно спящими соседями – так жалко со всем этим расставаться стало, аж завывать захотелось.

Это желание от Степана, видимо, и подхватил облезлый пес Лиха. Громкий – пугающе непохожий на собачий – вой оповестил округу о тяжёлой судьбе монстра. Посчитав свой долг выполненным, зверь с кряхтением, достойным древнего деда, свернулся в калач и полными тоски глазами уставился на окорок, зажатый верховым под мышкой.

– Голодный? – зачем-то спросил Степан. Собака сглотнула и почти неслышно заскулила – боялась, что хозяин услышит.

– Где ты застрял?! – раздался недовольный крик из избы. И намного тише:

*Раз, два, три, четыре, пять,
Смерть идет тебя искать!
А найдет – сожрёт, герой,
Поскорей ей стол накрой!*

Степан было кинулся обратно в сени, но вспомнил безграничную печаль в глазах пса. Одни кости да кожа от животного остались! Хоть тут Лиху насолить!

Положив внушительную свиную ногу на снег, он подпихнул её граблями поближе к голодной собаке и поспешил к «дорогому» гостю.

А Лихо нагло развалилось на лавке и мурлыкало новую песенку:

Если Лихо не кормить –

Будет Лихо громко вить.

Ну, а если не налить –

Будет кто-то сильно бит.

Всех порвать и растерзать,

Коль не будут наливать!

– Да несущ уже! Рук не хватает! – пожаловался Степан.

– Так давай оторвём парочку у соседа! – предложило Лихо, улыбаясь во все клыки. И куда их только прятало, когда трезвым было?!

– Лучше обойдёмся без подобного счастья.

– Я ж подсобить хотел... Кстати, нашел тут у тебя пару вещичек... – на полу валялись выпотрошенная куколка-берегиня, что жена собственными руками скрутила¹⁴, да обрывки рушника свадебного. Одна из ножек стола подломилась – вся еда сползла на Степанову лавку.

– Зачем набедокурил? – спросил хозяин, сметая с лавки вонючую грязь.

---

¹⁴ *Кукла-берегиня* – тряпичные куклы, изготавливаемые посредством скручивания лоскутков и прочих материалов, без ножниц и иголки. Славянские куклы-обереги считались сильными помощницами в быту, в личной и социальной жизни. Было много разновидностей кукол: каждая наполнялась особым смыслом, имела определённое предназначение.

– Привыкай, Стёпушка, с Лихом жить трудно, маотно и для хозяйства одно горе. Пристанем, так и могила в радость будет.

– И после этого я должен тебя с чистым сердцем кормить, настоячки с улыбкой подносить?

Лихо на момент задумалось и согласно кивнуло:

– Некрасиво вышло, но я за это тебе утром на рождение молодого солнца дам полюбоваться – перед смертью оно особенно яркое!

– И на том спасибо, – Степан, заметив, что от чарки лишь черепки остались, предложил: – Ты прям из бутыля и пей. Мне ж не жалко!

Одноглазый на секунду заглянул верховому в глаза:

– Действительно... Не жалко. Уж не упоить меня надумал?

– А разве бессмертного можно этим убить?

Лихо засмеялось-закаркало, приложилось на несколько глотков к заветной бутылке и, довольно икнув, сказало:

– Нельзя! В этом и прелесть вечной жизни.

– А разве ничего больше не радует? – Степан накладывал Лиху побольше еды. И наблюдал, как растёт мёртвенно-белое пузо, выглядывающее из-под рваной рубахи и подаренного кафтана. Теперь он походил не на паренька, а на обожравшуюся бледно-синюшную лягушку.

– Много что радует... Когда плоть разрываю да кровушки свежей напиваюсь. Когда душу из человека тяну, страх наго-

ню, бедою окутываю. – Было видно, что хорошо захмелевшее чудовище тянет на откровенный разговор: – Ведь чем мы – Лиха – сильны?! Слабостью человеческой! Ваши страхи нас кормят, сомнения – тешат, уныние – радует. А как сдастся совсем голова буйная, как сердце покинет последняя капля храбрости, как руки самому на себя наложить захочется, так и пора вас есть – лишь пустая скорлупа и остаётся.

От омерзения Степана передёрнуло:

– И много душ на твоей совести?

– Я счёт не веду. Мы – основа государственности и незыблемости власти Кошечевой! На страхе-то власть крепче.

– Но невинные же есть?!

– Кто?! – Лихо снова каркаяще засмеялось и выпило ещё четверть бутылки. – Все виновны! Все... Думаешь, я разбиться приехал, ты ли жёнушку убил? Залюбил ли её до смерти? Или в объятьях задушил? И так видно, что забыть сих пор не можешь. Ясочкой зовёшь...

Одноглазый монстр уронил голову на грудь и очень громко для своего хрупкого тельца захрапел.

Степан метнулся в сени, стал натягивать тулуп, продумывая куда побежит. Но тут почувствовал, что штанину кто-то настойчиво дёргает. Опустив глаза, заметил коренастого человечка с длинной рыжей бородой, с локоток, покрытого шёрсткой-шубкой. В руке он держал смешную красную куколку-козу¹⁵, а одет был в одну из рубашечек, что шила

---

¹⁵ *Кукла-коза* – кукла радости, веселья. Оберег хорошего настроения. «Коза» –

Марьюшка для дитя нерождённого. Гнев подкатил быстро – даже страх вытеснил. Захотелось сорвать с него одежду да пристукнуть.

Человечьим голосом заговорила коза-оберег:

– Степанушка, не время гневаться – беда чёрная в горнице поселилась. Ты всё правильно делал. Главное, не испугался – для чудища одноглазого это страшнее, чем отрава. Нам бы его в баню заманить. Домовой, – она кивнула на рыжебородого, – сам поможет, и банника уговорит. Очень уж тот не любит, когда беспокоят после полуночи. Благо, что ты ему хлебца с солью исправно носил. Авось и подсобит с Лихом...

Степан только тут смог слово вымолвить:

– Ты живая?

– Когда Марья дыханье смерти почувствовала, стала она заговаривать меня, чтобы тебя оберегала, по дому помогала, тоску чёрную прогоняла. Любовь ведь посильнее беды, смерть и то победить может. Вот и с Лихом сладим. Только не позволяй себя запугать.

Очень хотелось поверить козе, но странно вручить жизнь скрученной из лыка и тряпиц кукле:

– Даже не знаю...

Коза только замахала украшенными лентами ручками:

– Не время спорить. Помни, глаз – его главное оружие! Сила в нём.

всегда весела, всегда беспечна. Призвана помогать серьезным людям смотреть на мир веселее.

Из горницы послышалось сонное бормотание:

– Голова гудит. Во рту суховей поселился. Хороша отрава-настоечка...

Степан замер, раздумывая, бежать али поверить козе и молчаливому домовому.

Голос Лиха слегка окреп:

– А приговоренный к расследованию сбёг... Теперь ищи по морозу...

Верховой решил-таки довериться неожиданным помощникам и направился к одноглазому:

– Я ж за водицей студеной пошёл – нет ничего лучше после настоечки перцовой.

Лихо удивленно глянуло на хозяина, но кружку колодезной приняло. Всё до капли проглотило:

– Добрый ты человек, Степан! Но... глупый.

Верховой только крякнул от такого обвинения:

– Почему же?

– Только глупые в каждом добро видят. Думаешь, я сжалюсь? Признаю безвинным и отпущу, раз пригрел и накормил уродо одноглазого?

Степан нехотя кивнул – ведь крупица надежды на это, вправду, жила в сердце:

– Почему бы не разойтись друзьями?

Лихо даже икнуло от неожиданного предложения:

– Сердешный ты, но наивный больно, – казалось, одноглазый даже рассердился на собеседника. – Меня посылают к тем, кто уже не жилец. Нет никакого суда для оклеветанных! Думаешь, твоя свояченица – Ядвига Хрыз – зазря год пороги канцелярии Кошечевой оббивала, златом сорила, очами чёрными сглазы всем посылала?! Не надо было тебе связываться с родом Великой Яги. Попроще жены не сыскал?! Не пара простому мужику ведунья!

– Любовь... – почти прошептал Степан.

– Вот и помрёшь на рассвете из-за неё. Больше не сможет супружница спасти – выходит отведённое время. Как годик со дня смерти пройдёт, так душа и уйдёт. А Ядвига, хоть и сила её колдовская утекает без сестрицы, своего добьётся – месть сладка.

Степан всхлипнул тихо и спросил:

– А последнее желание можно?

Лихо присвистнуло от наглости верхового, но согласилось:

– Если чего-то простенького да быстренького придумаешь.

– Хочу чистым помереть!

– От грехов?

– Да нет, в баню хочу напоследок.

Лихо икнуло и благосклонно позволило:

– А чего ж косточек не погреть?! Чистым и мне приятнее тебя есть будет! – неприятно заржало и принялось кафтан

скидывать: – Показывай баньку-то.

Степан заспешил во двор. Лихо же неторопливо переваливалось – живот раздался и тянул вниз. Проходя мимо пса, одноглазый пнул его босой ногой и протянул:

– Надо у доброго хозяина ещё и сапогами разжиться – пока не помер.

Степан почти вбежал в предбанник. Сначала он заметил лишь домового, знаками показывающего на большой ржавый нож у своих ног. А когда оглянулся на вход – Лихо как раз протаскивало пузо в узкий дверной проём, увидел косматого и совершенно голого банника, сидящего верхом на поставленной «на козла» лавке. В руках тот держал большой жбан, из которого поднимался густой пар.

Все дальнейшее произошло так быстро, что Степан не успевал за событиями. Домовой рыжей стрелой метнулся в ноги одноглазого. Банник щедро окатил лиходея кипятком – кожа с того стала местами слезать – и в прыжке опрокинул лавку ему на голову.

Только крик козы: «Коли проклятого в глаз!» заставил верхового схватить предложенное оружие и кинуться к поверженному Лиху. Тот, ничего не понимая, стонал, пыхтел и пытался выбраться из-под тяжёлой дубовой ловушки. Но приближающееся к глазу лезвие заставило чудище замереть в испуге и заблеть:

– Стёпочка, м-мы же друзья!

– Ты меня сожрать хотел!

– По должности, а не для удовольствия же...

– Больно ты врать силен!

– Сжался, – умоляло одноглазое чудовище, – я и дышать

не дышу, и жить не живу. Единственная радость – друг появился. Для тебя могу и диво сотворить – глянь в лохань.

Повинуясь Лиху, огромная дубовая бочка перевернулась на бок. Степан удивился, что вода не разлилась, а подёрнулась дымкой. Отражение бледного лица Марьюшки появилось на поверхности. Так захотелось протянуть к нему руки, что верховой на мгновение ослабил давление на лавку. Одноглазый тут же попытался вырваться...

Но тут новое чудо поразило Степана – на помощь пришел пёс Лиха. Огромная туша крепче прижала пузатое тельце к полу. Собака довольно скалила зубы и победно рычала.

Тут Лихо завопило:

– Могу вернуть Марью! Верну твою ясочку. Будет и она бессмертной, и тебя от костлявой отверну. Будешь жить вечно, как я!

– Как ты?.. – Степан ещё раз окинул взглядом мерзкое, белёсо-мертвецкое тело. Тонкие руки и ноги Лиха подрагивали от страха, кожа местами слезала из-за ожогов. Заискивающе скалящееся лицо окончательно потеряло сходство с человеческим, разделённое надвое огромной пастью с гниющими зубами.

Такого бессмертия он не хотел! Но жена... Ведь можно её вернуть. Жить вместе до старости.

Степан хотел ещё раз взглянуть на отражение жены, но она уже во плоти стояла перед ним, тянула руки.

– Сокол мой... – безжизненный голос пугал больше, чем обезображенное Лихо.

Рванулся было к жене Степан. Тут банник его ледяной водой и окатил. Даже Марии брызг досталось – осмысленным стал взор:

– Стёпушка, никак Лихо в дом пробралось – не помогли мои заговоры.

– Ещё как помогли, любушка. Вернулась ко мне...

Красивые глаза наполнились слезами, но голос жены был твёрд:

– Не могу я остаться! Вышло моё время – не судьба, видать, жить вместе. Невзлюбила тебя сестрица Ядвига. Даже сына нашего во чреве ненавидела – извести решила. Да не знала, что и меня этим в сыру землю положит.

– Но вернуться же можно! – вскрикнул Степан. Лихо завозилося под лавкой, попыталось кивнуть – чуть было само себе в глаз нож не всадило.

– Посмотри на него – живое бессмертным быть не может. Разве это жизнь? Он убивает, чтобы не умереть. Не нужны нам его подарки! Отпусти меня... Сил проститься нет – целый год не могла уйти...

Лихо зашипело, но быстро успокоилось – стоило псу крепче стиснуть челюсти.

А Степан пытался наглядеться на жену – черты любимые запомнить навсегда. Если бы можно было не себя, а миг этот сделать бессмертным... Но иногда приходится отпускать самых дорогих сердцу:

– Прощай, ясонька моя светлая...

– Пусть боги хранят тебя. К домовому прислушивайся, козочку не обижай. Прощай, муж мой... – с этими словами она туманом белесым опала и истаяла.

Лихо попыталось напомнить о себе:

– Стёпа, у нас ещё настойка осталась? – это и стало его последними словами. Ржавый нож по самую рукоять воткнулся в глаз.

Но не просто Лихо убить, стало оно когтями пол царапать, зубами клецать, завывать да скользкой змеёй извиваться. Тут не растерялся пёс – стал рвать на части сопротивляющееся тело. Отогнал Степан неожиданного помощника – тяжело на такое зверство смотреть!

Домовой головой покачал: «Непорядок!», а козочка венником да тряпкой зашуршала. Банник зло глянул и занудил:

– Измазали всё в крови чёрной – теперь год отмывать буду. Даже не заходи в баню – как есть обварю!

Степан сложил останки в мешок, прихватил хвороста, да под осину в лес поволок. Хотелось сжечь даже воспоминания о чудище. Вроде маленький был урод, а тяжёлый!

Через сто шагов совсем выдохся верховой. Повезло, что пёс за ним плёлся – зубами схватил груз да на спину закинул. Так и добрались до опушки.

Огонь долго не хотел загораться – припасённые угольки из печи быстро гасли на морозе. Только через четверть часа влажная ткань начала тлеть. Мешок тем временем пришел в движение – и впрямь бессмертным было Лихо. От испуга Степан не только попятился, но и враз поседел.

Тут вспомнил, что крепкую травяную настойку, что Марья наговаривала, с собой прихватил. Грамм сто для храбрости, а остальное на мешок вылил. Хорошо занялся костерок! До рождения молодого солнца прогорали останки, а на рассвете ветер разнес пепел по стылому лесу. Даже бессмертные умирают...

***

Через день на стол младшего управителя канцелярии Кошца Бессмертного легло короткое письмо:

«Правосудие восстановлено – злодейский Степан Борода мертв. Все выполнено быстро и ловко. Даже героически!

Место верхового занял его брат-близнец – Иван Борода. За премиальными зайду третьего дня.

Подпись: Лихо Одноглазое, вольнонаемный Искатель правды I ранга».

Бров хмыкнул:

– Больно шустрое Лихо! Как письмо доставило? Как в кабинет закрытый пробралось? Не на моё ли место метит? А ещё мерзкое оно! – и на письме появилась новая надпись:

«Результат проверки: Лихо – неблагонадёжно. При возвращении задержать. Всё найденное имущество передать младшему управителю канцелярии Коцея Бессмертного Брову Неподкупленному – до окончания дознания».

Нехитрое имущество Лиха отписали казне быстро, а вот подследственного не нашли. Решили, что ударился в бега.

А козочка хихикала в плетёный кулачок – пока домовой на неё не цыкнул. Но за печкой ещё долго были слышно тихое счастливое бляенье – очень уж гордилась лыковая кукла тем, что смогла обмануть Кашееву канцелярию.

***

А в деревне Кислая Ягода власть сменилась. Поговаривали, что Степан за моря отправился – счастье искать. Вместо себя оставил брата Ивана, как две капли воды на него похожего. И такого же домовитого...

Много крестьяне языки чесали и о скорой свадьбе верхового, и о невесте-красавице, поразившей сердце Ивана бойким да весёлым нравом на празднике встречи Весны. Шибче всех она через костры прыгала – будто жар-птичка из огня выскакивала.

Людям любо судачить о любви. Одни врут, что нет её, дру-

гие бают, что она одна на всю жизнь даётся, но правы лишь те, кто знает: заслужить её нужно! Бороться за чувство хрупкое, держать крепко, а иногда и отпустить, словно голубицу в небо.

Через годы жители Кислой Ягоды уже нахваливали и самого верхового, и жену-умницу, и шумных деток.

– Семья Ивана – полная мёда чаща! – без зависти перешёптывались деревенские. – И всем нам через него жить легче.

Сказывают, что новый верховой поседел рано, когда пса гигантского в честной битве победил и себе служить заставил. С той поры везде за ним этот зверь и ходит, глаз не спускает. Народ удивляется – такого помощника ещё поискать! И в санях детишек Ивана катает, и покупки с базара на спине везёт, чтобы жинка верхового не уставала, и на охоте любого зверя догонит. И красив зверь: как медведь упитан, шерсть длинная, бока лоснятся, взгляд только лукавый. Даже из столицы на него приезжают посмотреть.

А вот свояченице Степановой, жившей в стольном граде, не повезло увидеть это диво-дивное – умерла она ровно через год после сестрицы. Если доверять словам мужа Ядвиги, сошедшего с ума в тот же день, то пришла за ней смерть в виде лебедицы, позвала за собой жалобно, да и обратила в птицу.

В ту ночь заметили люди этих величавых красавиц, парящих над столицей. Редкое диво для зимы! Только одни видели белую, как день, другие – чёрную, как ночь. Видно, не смогут они жить друг без друга. А может, обе сестрицы обрели в ту ночь покой?..

Наталья Шемет

Автор пяти книг (издательство «Барк», Гомель, Беларусь). Публиковалась в литературных журналах Беларуси: «Нёман», «Новая Немига литературная», «Метаморфозы» и др., в периодических изданиях России, Украины, Австрии, в альманахах и сборниках: «Калі цвіла чаромха. Аповесці, апавяданні» («Мастацкая літаратура», Минск, Беларусь), «Синяя книга» («Дятловы горы», Россия) и др. Лауреат и дипломант республиканских и международных литературных конкурсов. Член Союза писателей Беларуси, член Международного союза писателей и мастеров искусств, член литературного объединения «Пралеска» (Гомель, Беларусь).

Автор и критик Синего сайта.

Самая непостижимая вещь – отношения между людьми, поэтому мои истории – о любви. Это и юмор, и драма, но прежде всего – романтика, порой с элементами мистики и фэнтези. Миру не хватает тепла и нежности, и я рада подарить читателям немного света и веру в то, что любовь все-таки существует.

Страница автора на Фейсбуке: <https://www.facebook.com/li.nata.shemet/>

Группа автора во ВКонтакте: https://vk.com/veroyatnosti_lyubvi

Профиль на Синем сайте: <https://ficwriter.info/polzovateli/>

[userprofile/Li%20Nata.html](#)

Легенда о Чёрном озере

Давным-давно это было.

Было ли, не было... только так в легенде говорится.

Жили в одной деревеньке Трофим, его жена – Марьяна, да дочь – Любомира. Все хлопцы по ней сохли, друг перед другом хорохорились, только не замечала она никого.

Посматривали на неё косо деревенские: девки завидовали, бабы шипели, старухи плевались вслед – а ей хоть бы что! Идет себе гордо, словно над землёй плывет, да коса, как змея золотистая, за спиной тяжело висит, извивается. Ох, хороша была девка. Ох, хороша!

Только не от мира сего. Ребенком, вроде, как все была, а подросла чуток – так и переменялась. А всё после того, как чуть не утопла в Чёрном озере.

За водой пошла Марьяна – в колодце вода зацвела совсем, испортилась. Доченьку Любомирушку с собой взяла. Набрала озёрной водицы – светлой, как слеза, прозрачной, ведра полные набрала, на себя залюбовалась. В соку ещё баба, хоть и немолода. Коса русая, лицом бела, руки сильные, плечи выносливые. Трофиму добрая пара. Обернулась – нет Любомиры! И вокруг тишина такая, волком выть хочется. Ни звука, ни ветерка. Травинка не шелохнётся.

Нету дитяти.

Тут ветер поднялся. Воду в озере замутил – потемнела,

почернела вода, рябью пошла.

Уж звала Марьяна, голосила, в воде искала – где там! А домой прибежала – вот дочка её, цела-невредима. Мокрая, испуганная, но улыбается.

– Как же... – только и охнула мать, на лавку без сил опустилась, платок в руках комкает.

– А он меня спас да домой принёс. Красивый такой. Краше его на свете нету. Когда вырасту, замуж меня за него отдашь?

– Да кто ж он? – выдохнула Марьяна, благодаря в душе спасителя нежданного.

– Не знаю. Только за него одного пойду. Волосы у него чёрные, а глаза зеленою да серебром светятся...

Слухи об озере нехорошие пошли. Говорили, русалки там завелись да изводят всех, кто им попадетсЯ. Из соседних сёл много народу утопло, но странно – Марьянину-то деревню беда стороной обходила. Перепугалась баба, да смолчала. Работы много, пустым ли голову занимать? Только не выходило забыть о спасителе Любомирином. Чудить дочка начала.

Бывало, ночью тёмной выйдет во двор, к плетню прислонится, так и стоит, на месяц любитсЯ.

Мать за ней эту странность и заметила. Проснулась ночью, словно толкнул кто – глядь – нету Любомиры! Рванула из избы, а дочка на крылечке сидит, на небо смотрит, разговаривает. И ветер свистит. А как подошла к ней Марьяна,

так ветер и стих.

– С кем ты говоришь, доченька?

– Со своим суженым, – отвечает девочка, а щёки как маки на лугу рдеют.

– Откуда ж он выискался-то? – спрашивает Марьяна, а саму холод волной пробирает – словно в стужу лютую на мороз выскочила. Нету ж рядом никого.

– Он с месяца ко мне спускается, – говорит Любомира. – Волосы у него чёрные, как ноченька. А глаза не то серебром, не то зелению отливают.

Страшно напугалась мать. К знахарке местной долго дитя водила, и как муж не прознал? Строгий Трофим у неё был, дюже строгий. А Любомира там и прижилась, у травницы-то. Помогать ворожее вместе с матерью стала.

Бедная Марьяна всё для знахарки делала, что та ни попросит – лишь бы Любомирку родненькую спасти, злые силы от неё отвести. Сживут же люди со свету, коли прознают. Сживут... Не любят в деревне ничего такого, ой, не любят... Была одна девка – скотину заговаривала, когда хворь какая нападала. И ту не пощадили, а вроде ж доброе дело делала. Одну знахарку только в деревне и терпели. Боялись.

Что про Любомиру говорить... Любила мать дочь свою больше всего на свете. У других-то баб по семь-девять детишек по двору бегали, у нее же одна доченька только. Так судьбина злая распорядилась. Второго ребеночка ждали, да заболела Марьяна сильно. На том всё и закончилось. Долго

её знахарка выхаживала. Выходила. Только не женщина она теперь. Хорошо, хоть Трофим не бросил. Так и жили, с одним дитятком.

Любомира росла-росла, расцвела – не было краше в деревне девицы! На ярмарку её одну мать не отпускала – лучше всех плясала дочка, ни у кого не было косы длиннее да светлее, глаз таких ни у кого нет – тёмных, глубоких, как небо в ночьку беззвёздную. Ещё в детстве ведьмаркой звал её парнишка один. Сам насмехался, за волосы таскал, а другим в обиду не давал – выше был на голову ребят деревенских, да и покрепче. Любил, оказывается, её Василь, с тех самых пор. Только сам не люб был дочке Марьяниной. Матушку да батюшку почитала, а больше – никого. Но пойти за хлопца согласилась. Хороший парень, работающий. Отчего ж не пойти? Да и защитит всегда.

По осени, как урожай соберут, свадьбу сыграть решили.

Мать нарадоваться не могла, что давным-давно позабыла Любомирушка про спасителя своего озёрного. Как в невестин возраст входить стала, так реже вспоминала. А теперь и вовсе – словно не было его никогда.

Тем временем слава дурная о Чёрном озере всё ширилась, русалок теперь многие видали. Из других деревень вести горькие доносились. Добры молодцы придут коня напоить, мужики пойдут напиться, красны девицы ли – всё одно русалкам тем. Много народу в озере утопло. Страшно было

туда ходить, никто не отваживался без особой нужды.

Одна Любомира не боялась, с самого детства забредала, смотрела, как русалки плещутся, да невредима возвращалась. Не обижали её утопленницы. Хохотали, ворожили – не трогали. Резвятся, шутят, а к ней не подбираются. Вдали шурдят да поглядывают. Словно запретил кто.

Сколько ни уговаривала её мать не ходить по лесу к Чёрному озеру одной – не слушала. Упрямая была. Таких трав, как Любомира, никто больше не приносил – а ведь они многим помогали. Трофим хмурился и ничего не говорил. Любил жену и дочку, как умел. Журил частенько жёнушку, а дочку словно побаивался.

Пошла как-то раз Любомира снова за травами. Да к озеру свернула.

К самому бережку подошла, ох, манит гладка водица! Словно зеркало. Тронь — пальцы не окупутся, по поверхности скользнут. На себя загляделась девушка. Да и было чего – красы же невиданной!

Помутилось озеро. А когда успокоилось, в отражении увидела Любомира, что не одна она больше. Чуть в воду не свалилась! Да не испугалась. Не из таких была.

Подхватилась с колен, выпрямилась гордо, с вызовом на молодца незнакомого посмотрела. А сердце ёкнуло да кольнуло.

Не боялась она – хотя и надо было. Вроде как знаком?..

Нет, обозналась, чужой. А вроде – совсем родной...

Парень молча стоял, глаз не сводил. Ай, хорош! Волосы ниже плеч – черным-черны, как ноченька, а очи ясные отливают зеленью да серебром. В глаза смотрит, тонкие губы в улыбке изогнулись – точно молоденький месяц серп на небе высветил. Ох, месяц!.. Снова кольнуло Любомиру в груди слева. Аж зашло сердце девичье.

Потому что надо так, а не потому что уйти хотела, рванула прочь. Охалку трав-цветов позабыла, побежала.

Не ровен час, увидит кто! Что в деревне скажут? Хоть не волновал Василь девицу, свадьба же у неё!..

Неслась Любомира быстрее лисы, пуще зайца, скорее белки, а перед глазами парень тот, словно рядом идёт. Неслась, петляя между деревьями, натываясь на молодые сосенки, вот тут-то и страх закрался в сердце – вдруг заблудится? Нет же, как свои пять пальцев эти места знает.

Ветер подул. Сильный, свежий – откуда среди леса? Выскочила она на опушку, побежала по полю – ветер наперегонки летит. Сорвал ленту, вмиг косу растрепал. Волосы белый свет заслонили, а когда откинула Любомира светлые пряди, перед ней тот же молодец оказался. Он был больше ночью, чем днём, да тьмой больше, чем светом – всё это пролетело у Любомиры в голове, как молнией озарило.

Тяжело дышала она. Устала.

– Ты кто? – спросила. – Прежде тебя не встречала.

– Нездешний. А ты что же, не боишься меня? Чего не убе-

гаешь больше?

– Нет, не боюсь! – сверкнула глазами девушка.

Ух, какие глаза! Не зря косились на неё деревенские!

А сама-то как глянула в очи зелёные, так глазоньки вниз и опустила, на вышитом невиданном узором вороте взгляд задержался. Не стерпела, снова глаза подняла – так и тянет же, и манит, что за напасть!

Смотрел парень долго на Любомиру, в глаза колдовские – полные озёра, карие, чёрные почти, а в глубине крапинки зеленоватые, так сразу и не углядишь – как топь болотная, только тёплые, такие тёплые! Смотрел да и наклонился, губами к губам прижался. Оторопела девушка, отпрянула, снова побежала что было сил – падая в высокой траве, путаясь в длинном сарафане, бежала до самой деревни и только там оглянулась – никто не гонится? Нет, лишь далеко-далеко – фигура молодца – красивого, статного, с чёрными, как смоль, волосами и глазами, что зеленью да сталью отливают. Таких она прежде не видала – парни деревни были, как на подбор, коренасты, плечисты, белобрысы, да с глазами светлыми, пустоватыми.

Руку на грудь положила. Сердце, что ж ты колотишься так, а? Ведь невеста уже. Василь её – хороший парень... Плечистый, белобрысый да глуповатый...

...Любомира и прежде часто ходила в лес. Умения хотела ей знахарка передать, а девка и не прочь была. Любила травы

и цветы, бывает, наберет охапку, за ней-то и девицы самой не видать, – тоненькая, как берёзка юная, – да кружится по полю, аж взлетит.

А теперь и вовсе стала в лесу пропадать.

Всё время встречала его. Сама себя не понимала – не то хочет видеть, не то чурается. Не то силится разглядеть парня среди деревьев – не мелькнёт ли, не появится? Не то скорее цветов нарвёт, трав насобирает, да домой бежать без оглядки. Не знала прежде Любомира такого. Никто, кроме него, не нужен... По ночам снился, в ветре его голос чудился, звал за околицу выйти да на небо лунное поглядеть. Не знала, не ведала – как это, когда постоянно видеть кого-то хочется. Только в эти глаза глядеть – да не наглядеться. Только этот голос слышать – и не важно, что за слова произносит, то ли про птиц да зверей рассказывает, то ли про страны дальние, неведомые... Вспомнила, где видела. Он её спас, когда чуть не утопла дитём-то.

Каждый раз встречал в лесу Любомиру пареньё незнакомый. Вскоре дорогим стал, родненьким – словно всю жизнь его знала, будто давным-давно вместе, да росли с младенчества рядышком.

Молчала Любомира. Ничего о своих мыслях не рассказывала. Изнывала только – любя она ему, или нет? Про Василя думать забыла, про жениха своего.

И тот, кто любимым стал, единственным, тоже молчал.

Только веточки с пути в сторону убирал, если по девичьему лицу милому задеть могли да в косах запутаться. На тропинке, где только одному пройти можно, близко-близко шёл, аж замирало сердце у Любомирушки. А когда зацепилась за корень дерева, под локоть подхватил. Удержал – не упала. Только в глаза заглянул – близко.

Смелая Любомира чуть чувств не лишилась.

Не боялась она его. Не причинит вреда – точно знала. Не такой, не злой. Да только с ним рядом ноги подкашивались, не слушались, да сердце из груди выпрыгивало.

А он травы помогал отыскивать нужные, охапками цветы рвал – полевые да неведомо-болотные приносил, те, что на вид невзрачны, но сердцу дороже самых ярких, самых красивых. Только не брала их домой Любомира. Как объяснит, откуда? Самой не нарвать...

Лето к середине катилось.

Потом в озере один дурак из деревни утоп. Пьян был. Переполошился народ. Мол, и за нас уже взялись русалки, говорят. Озорничает нечисть, куражится, вон, на Потапа позарилась. Мужики, кто посмелее, к озеру ходили – чудом вернулись. Видали, говорят, русалок-то. Да только это не самое страшное. В лесу охотники заплутали. Когда воротились, сказывали, будто тьма в лесу поселилась. Мол, слышали да такое видели, едва ума не лишились. А что именно – не поведали. Начинали говорить – как за язык кто держал.

Ни слова не вымолвить.

Неспокойно стало на душе у Любомиры. Долго, ой, долго никого русалки не трогали... В лес теперь как ходить?

Что за тьма там? Страшно. За себя, за него – страшно. Да только ноженьки сами за околицу несут. Плачет сердечко, птичкой в груди бьётся, наружу просится – так бы и выпустила, пусть летит к нему. А ведь она не то что какого он роду-племени, даже имени его не знает.

Не та ли тьма любый её, что в лесу поселилась? То, что не простой человек, давно поняла. В деревне ни разу не объявился, дальше поля носа не кажет. Всё равно каждый день бежала в лес с милым свидеться, а жених её, Василь, становился мрачнее день ото дня – понимал, что сердцем не с ним его суженая, в облаках витает наречённая.

***

– Кто ты, скажи мне? – спрашивала Любомира, голову положив любимому на колени, а он гладил её по волосам, пропуская сквозь пальцы тяжёлые пшеничные пряди. И не отвечал.

У дальней стороны озера русалки друг друга под воду волкли, резвились. На них поглядывали – да только не видела этого Любомира. Ничего вокруг не видела.

– Кто ты, скажи, успокой моё сердце, – домой собираясь да не в силах уйти, то прислонившись к берёзе, то обнимая ствол белый, умоляла она, глядя в глаза ему, в душу проникнуть пытаюсь.

Темно там. Словно и не было у него души-то. Иль прятал хорошо?..

– Кто ты, скажи? – не отвечал. Смотрел, а в глазах огоньки вспыхивали, зелёные да серебристые. Не отвечал.

Спрашивала Любомира. Почти каждый день спрашивала, зная, что нет ответа. Да и не надобен был! Кем бы ни был – ей-то все равно. Кем бы ни оказался – любила, чужого и родного, непонятного, нездешнего...

Только беспокойно было на душе.

Всё лето Любомира в лес ходила чаще обычного. Каждый день убегала, мол, та трава знахарке надобна, иная... С каждым днём всё сильнее ныло у девицы в груди, спать не могла, есть не могла. Маялась.

– Не заболела ли ты, доченька? – спрашивала мать. – Неужто свадьбой себя изводишь?

Извелась Любомира, совсем извелась. Да только не свадьбой.

Всё внимательнее смотрела на дочку Марьяна.

Всё чаще бросала на Любомиру знахарка тяжелый взгляд из-под бровей, на тощей груди тёплый платок поправляя.

Всё мрачнее становился Василь.

...Беда, как водится, не одна ходит. Снова в деревне человек пропал. На этот раз баба в озере утопла. Слыхали, вроде разговаривала с кем-то ночью, наутро к озеру отправилась. Да не вернулась.

А за Любомирой Стася следила. Бедовая девка была! Невысокая да неказистая: и лицом не вышла, и характером хитрая да злая. За Василём давно увивалась – больно хорош был – серьёзный, работающий. Жаль, никого, кроме Любомиры, не замечал. Вот уж свет клином сошёлся на ведьмарке черноглазой!

Шарахался от Стаси Василь. На кой ему такая, всех мужиков деревенских через себя пропустила? Ну и что, на Купалу и он не удержался, получила, что хотела, приставучая. Чай, не обещал ничего. Другое дело – Любомира. Гордая, неприступная. Нецелованная. Хорошая жена будет.

Да только люб Стаське был Василь, и Марьяниной дочери завидовала она чёрной завистью. Всё у той получалось лучше – и рушники ткать, и вышивать, и хлеб испечь, и песни петь. Жених – самый видный на селе парень! И стать Любомире дана, и коса цвета пшеницы! У неё-то, у Стаси, три волосины тусклые, и те кудрявятся, мелким бесом выются. Как ни мыла волосы отваром трав, какие снадобья ни втирала – не густели волосы, не получался оттенок ромашковой золотинки, что у Любомиры от природы был. Не везло, так не везло. За что такое счастье одному человеку? Она, Стася, ведь лучше! Просто невезучая.

Но Василя твёрдо решила отбить. Она ему пара, а не Любомирка, дура набитая!

Раз увязалась следом за ней в лес. Страшно, да всё равно пошла.

Шла Стася тихо-тихо, чтоб ни травинки не смять, чтоб ни веточка не хрустнула. Так и добрела до озера.

Ах, Любомирка, ах, недотрога! С мужиком по лесу таскается! А хлопец видный, да только не нашенский какой-то. Нечеловечье в нем что-то.

Вдруг показалось, что заметил её парень Любомиркин. Как-то странно в ту сторону глянул, где Стася схоронилась.

– Ох ты ж, нечистый, – пробормотала она да сделала, не глядя, шаг в сторону. Оступилась, упала с обрыва в светлое, как стекло, озеро. Вода замутилась, забурлила, почернела, не успела девка глазом моргнуть, как со всех сторон к ней потянулись тела длинные, гибкие. Бледные руки схватили за плечи, за волосы, за ноги да на дно потянули. Чудом вырвалась, вынырнула на поверхность и заорала что было силы.

– Кто?! Кто там? – испугалась Любомира.

Парень на ноги подхватился, на озеро посмотрел. Мрачнее неба грозового стал.

– Спаси, – зашептала Любомира. – Тонет же!

Стоит её любый, не шевелится.

За руки его схватила, в глаза заглядывает.

– Ну спаси же! Нет? Я сама! – и к озеру рванула.

Догнал, схватил в охапку, держит. Не пускает. Только два сердца рядом колотятся, шальные.

– Русалкина добыча. Не отнимешь, Любомирушка!

А со стороны озера плеск отчаянный слышится.

– Спаси же, – умоляла Любомира. – Можешь же! Не знаю,

почему – верю, можешь!

Вздыхнул парень. Отпустил девицу, как зверь перед прыжком присобрался, зашипел по-змеиному – отпрянула Любомира, испугалась не на шутку, а её возлюбленный вдруг стал облик менять. В змея обратился, не в простого, а о четырёх лапах, с крыльями огромными, серебристыми. Зарычал утробно, сделал пару мощных взмахов, над озером взлетел. И нырнул, крылья сложив. Даже с берега видела Любомира, как забурлила вода, совсем почернела, слышала звуки, что доносились из толщи озера, крики нечеловеческие, и вдруг всё стихло. Вода успокоилась, посветлела.

Вынырнул змей. К берегу поплыл, в пасти девицу держит. – Стаська, – прошептала Любомира. На змея глянула – чуть наземь не грохнулась.

Ни жива ни мертва стояла, глаз отвести не могла. Страшен был змей! Голову огромную рожки венчали, тёмные крылья растопырились, чешуя мокрая блестела и переливалась. Лапы – когтистые, мерзкие лапы. Очи сверкают сталью, зеленою. На Любомиру посмотрел – сердце зашло, да не от страха. Глаза хоть и змеиные, да всё равно – его глаза! Да что ж она! Это ж он, её ненаглядный. Пусть змей, пусть – но это же он, он! Стасю спас.

Но ведь он же – тьма... Он людей губит. Про него говорили охотники? Похолодела девица, словно обручами железными сердце сковало. Что делать – не знает, не ведает.

А змей отвернулся, вздохнул горестно, как человек со-

всем, на землю девку спасённую положил. Бережно опустил, стоит – не шелохнётся, с кожистых крыльев вода стекает.

Стася очнулась, закашлялась, всё болит как! Змея увидела да застонала, глаза прикрыла в ужасе. А когда снова открыла, перед ней уже парень стоял. Красивый очень. Любомиркин любовничек! Может, и не великого ума была Стася-то, да всё поняла. Хоть чуть не утопла, а мысли в нужном направлении потекли. Сразу про боль в груди да про Василя позабыла. Зачем ей парень деревенский, когда тут змей живой, чародей-колдун! Он даст ей и силу, и красоту, и власть! Перестанут смеяться над доступной девкой, всем покажет, кто она, когда змеиной королевой станет!

Тихо лежала Стаська, полумёртвой притворялась. О чём говорят пыталась подслушать.

– Вот, почему ты имя своё не называл... – едва шевеля побелевшими губами, произнесла Любомира.

– Нет у меня имени. Змей я.

– Так, значит, это ты – нечисть, которую боятся? Значит, это ты... И в озеро тоже ты увлекаешь? А говорил, не обидишь. Вреда никому не причинишь. Я поверила. Как могла – поверить тебе, отродью змеиному?!

– Не врал я, любушка! Не говорил только что змей я. Напугать боялся.

Змей шагнул было к девушке, обнять хотел – отпрянула. В глазах такой ужас увидел, что руки опустил.

– Не подходи. Не подходи ко мне, – а саму трясёт, словно

это она в озере побывала.

– Всё не так! Погоди! Не я зло...

– Верила, – прошептала Любомира. – Отца-мать оставить хотела. Всё ради тебя, всё...

Слёзы потекли по щекам, несколько шагов назад сделала, развернулась круто и понеслась прочь, не разбирая дороги.

Змей Любомире вслед смотрел, пока та с глаз не скрылась. Хотел за ней броситься да не посмел. Оглянулся на лежащую Стасю, сплюнул с досады. Обернулся тварью крылатой и, подхватив девку когтями, отнёс да на дороге оставил. Не знал, что Стаська давно очнулась.

А та, только крыльев шум затих, подхватилась – как раз кто-то из деревенских мимо ехал. На беду, успел углядеть змея вдали. Как ни уговаривала Стаська молчать, мол, померещилось! Ни в какую. Ты, говорит, слова мои подтвердишь, а то не поверят.

В деревне мужик, от страха трясась, каждому встречному рассказывал, что змея видел крылатого. Смеялись все, говорили, пьян, мол. Нет, не пьян! Рубаху на себе рвал:

– Правду говорю! Ну скажи хоть ты, – на Стасю кивал.

– Привиделось всё тебе, – отвечала девка. А сама только о змее и думает. Ой, как хорош, ой как быть с ним хочется! Аж внутри все пламенеет, неймётся совсем.

Да только у одного из охотников язык развязался. Подтвердил мужичок, что тоже змея в лесу видал. Крылатого да

четырёхлапого.

Как утро занялось, пошла Стася по лесу шастать, в надежде змея повстречать.

День искала, два, семь дней подряд бродила, высматривала, – нет никого! Как сквозь землю провалился ирод проклятый. Не было сил ждать, не было мочи терпеть! Сейчас, сразу хотела получить парня Любомиркиного. Хоть и не парень он вовсе. Потому ещё желаннее.

Тем временем в озере ещё один мужик утоп.

А Любомира дома сидит, на свет белый не показывается. Почернела с тоски да с горя, с лица сошла. По ночам снова за околицу хаживать стала.

Вот Стаська и подслушала разговор ночной.

Ветром змей оборачивался, вился вокруг девицы. Прийти звал, поговорить. Тут, мол, не с руки – вдруг кто увидит, выйдет... А там – тихо и спокойно, в лесу-то, никто не помешает. Мол, объясниться надо. Говорил, что дороже Любомиры для него никого нет, ну а то, что змей он – так не виноват же, уродился таким. И тогда, давнечко, случайно у озера оказался, когда тонула Любомира, да и остался в этих местах жить. А русалки сами появились, эта нечисть ни у кого не спрашивает, заводится, где вздумается. Он же, наоборот, ярость их сдерживает – кабы не он, русалки в деревню пришли бы да съели всех заживо.

Хотела верить Любомира и не верила, да отвечала:

– Не пойду, уйди, сгинь! Не приходи больше. И место наше тайное забудь, где встречались мы, то, что от озера недалеко. Как я забыла, так и ты забудь, змеюка окаянный!

Стася змеевых слов не слыхала, потому как ни слышать, ни видеть его не могла. А вот Любомирины слова про место заповедное запомнила.

Прогоняла Любомира змея любимого, а у самой сердце на кусочки разрывалось: так бы и кинулась к нему, показаться попросила, так бы и пошла за ним, куда глаза глядят.

– Не приходи больше. Не люб ты мне!.. – выкрикнула, а в горле перехватило, слова застряли – словно ножи острые, ни сказать ничего, ни звука выдавить.

Еле прошептала:

– Не приходи.

Да только значило это: придёшь ещё раз – всё брошу да с тобой уйду.

Ушёл змей. Но на место заповедное всё равно приходил, то, что с озером рядом. Каждый день приходил, всё надеялся, что Любомира появится.

– Зме-е-ей, – как-то голос сладкий послышался. – Подойди, господин наш.

Хмурясь, подошел змей к берегу.

– Чего тебе, окаянная?

Вперед выплыла, к самому берегу подобралась русалка, видать, главная в стае. Крупнее, и волосы зеленее, и кожа бе-

лее да и покрасивее. Остальные поодаль держатся, хвостами в воде нетерпеливо поводят да глаза поднять бояться.

– Голодны мы, хозяин. Разреши мяском да душенькой попотчеваться!

– Велел не трогать. Хоть и не хозяин я вам. Не троньте, не то!..

– А они ж сами приходят, – облизнулась острым чёрным язычком русалка. – Те, кому белый свет не мил или совсем на земле делать нечего. Мы только зовём. Если слышат – приходят. Путников неудалых тоже забираем, что ж мы от свежего мяса да от душеньки откажемся?

– Твари злобные, – в сердцах плюнул змей, прямо в воду с русалкой рядышком.

Зашипела девка озёрная, оскалилась:

– Всё по человеччке сохххнешшшь!..

– Тебе ли дело? – рявкнул змей, а глаза огнем стальным сверкают, прожечь насквозь хотят. Так и кажется – задымит-ся сейчас мокрая девица с рыбьим хвостом: огонь да вода в битве сошлись.

– Зачем тебе человеческая, возьми из нас любую – смотри, одна другой краше. Да и жить тебе с нами полегче будет. Всё для тебя сделаем. Хочешь – утопим, убьём, на кусочки разорвём. Хочешь – заживо съедим...

Руки тонкие протянула, за сапог ухватилась. Брезгливо глянул змей, ногу из цепких рук высвобождая.

– Я сказал – не трогать!.. И так уже ослушались! Из де-

ревни никого не дам больше!

– А уж как ублажить сможем... Ни одной человечесьей девке не сумеешь...

– Ишь, разошлась, дрянь озёрная! Вон, – в сердцах ногой оттолкнул.

– На себя посмотри, – огрызнулась русалка. – Думаешь, змеиное нутро за красотой человечесьей не видать?

Совсем разозлился змей. Перекинулся, тварью крылатой обратился. Зло рычит, на русалку наступает. Глаза огнём стальным пылают.

– Не боюсь я тебя, – говорит нечисть озёрная. А у самой страх в глазах плещется. Не выдержала взгляда змеиного, развернулась круто, хвостом ударила сильно да водой змея обдала. Уплыла, товарок с собой позвала. На дно ушли, обиженные да голодные.

Стася всё думу думала, как к змею подобраться. Ничего другого не пришло в голову, как Любомирой прикинуться. Пошла к знахарке, в ноги повалилась.

– Сделай меня Любомирой хоть на день! Хоть на час, сделай!

– Что дашь взамен? – без обиняков спросила та.

– Не знаю... Что обычно дают?

– Кто что. Каждый по-разному.

– Всё отдам! – горячо отвечала.

– Так уж всё, – недобро усмехнулась травница-колдунья. –

А впрочем... Стребую с тебя должок, как срок придёт.

– Согласна!

– Только крови мне своей дашь. Но помни – что кровью начато, то на крови и закончится. Согласна?

На всё согласна была Стася. На всё! Только не ведала, что такой силой знахарка обладает. Знамо дело, боялись её да стороной хату обходили, не трогали. Выпила зелье гадкое Стаська и вмиг в Любомиру обратилась.

Волосы стали гуще и тяжелой косой за спину опустились. Талия – стройнее, сарафан повис мешком. Ведьма протянула ей мутное зеркало: глянула в него девка и засмеялась. Любомира на неё смотрела, красивая, как всегда, только глаза светились иначе. Злом светились да завистью.

Змей на том же месте ждал, на тайном месте у озера. Ждал, как и каждый день до этого, нервно веточку ломая, когда показалась перед ним Стася-Любомира. Обезумел от радости, в охапку сгрёб:

– Пришла моя любушка...

Да в губы нежные поцеловал.

А Любомира сама бежала к змею ненаглядному. Не выдержало разлуки сердце девичье, безразлично, кто он – змей ли, человек, лишь бы рядом был. Лишь бы в губы целовал да руки не отпускал. Лишь бы...

Хрустнула ветка под ногой, охнула девица.

На месте, только двоим им и ведомом, обнимал да целовал змей другую.

С криком горестным кинулась прочь Любомира.

Очнулся змей, от себя оторвал морок колдовской, в глаза посмотрел – зарычал глухо, отшвырнул девку, словно змею ядовитую. За ненаглядной своей сломя голову кинулся. От горя в змея крылатого обратиться забыл. Не догнал любимую.

Стася же в себя превратилась – не выдержало колдовство силы любви настоящей.

– Отомщу, – выплюнула девка. – Пожалеешь, отродье змеиное!

Любомира к жениху примчалась, чуть в ноги ему не кинулась.

Подхватил её Василь, к груди прижал.

– Спаси меня, спаси, – зашептала. – Женись на мне.

Ничего не сказал Василь. Брови нахмурил да тулуп с гвоздя снял, Любомиру укутал – трясло бедную, как в лихорадке. Назавтра свадьбу велел поторопить.

***

Вот и всё. Теперь она мужняя жена. Как во сне всё было, ничегошеньки Любомира не помнила. Только сейчас очнулась: вот к ней муж войдёт, и станет она навсегда к нему привязана. Поплохело ей. Василь-то себе за столом свадебным ни в чём не отказывал, пил за жену молодую, ох, пил!.. Не люб ей был Василь. Не люб. Зелёные с серебром глаза мерещились.

Пришел Василь в спальню к жене своей да как был, в одежде, на постель повалился. Пьяный, по-хозяйски к себе рукой притянул и захрапел. Тихо-тихо лежала Любомира, тише озера поутру, да ночь не спала, пошевелиться боялась. Разбудить ненароком мужа опасалась. Все думы передумала, чуть глаза не выплакала слезами беззвучными. Как светать начало, высвободилась осторожно. Василь только на другой бок поворотился. Выскользнула и, как была босая, в рубашке одной, в лес понеслась.

Ошиблась она. Ошиблась!.. Единственного, кто дороже отца-матери, рода-племени, единственного потеряла. Себя нелюбимому отдала. Зачем? Что наделала-то?..

На опушке остановилась Любомира. Ещё шаг – назад не вернуться. Вдруг не любя она больше, вдруг не нужна никому своему?.. Оглянулась на деревню – всё там оставляет, всё... мать, отца... ох, и ладно!..

Сомкнулись за ней деревья высокие.

Над деревней солнышко красное встаёт, а в лесу сыро, холодно, темно. Страшно. Тихо – ни человек не вздохнёт, ни зверь не пробежит, ни птица не цвиркнет. Петухам пора проснуться – недалеко ещё убежала, слышно было бы...

Вдруг завыло что-то, заплакало. Заухало, засмеялось злобно, забормотало не по-нашенски. Жуткие тени за деревьями, страсти мерещатся!.. Ещё больше напугалась, ещё быстрее побежала Любомирушка. Вот и место заповедное, от озера недалече. Да только нет никого. Не ждут её больше.

– Я пришла. Пришла... – на землю без сил опускаясь, шептала Любомира, а голоса крикнуть не было. Кто он, человек ли, змей, тварь ли всеми проклятая – всё равно. – Я пришла... Выйди, покажись...

Как всегда, незаметно появился – словно деревья расступились. Подхватилась, к своему ненаглядному на шею бросилась, всем телом прижалась:

– Твоя, твоя, – пересохшими губами шептала, лицо поцелуями покрывала, к любимым губам неумело своими прижималась. – Поздно, но пришла... Забери меня. Куда хочешь – забери, с собой забери, насовсем забери...

От змея пахло квасом и мёдом, и дымом, и чуть-чуть сырой землицей, да ещё чем-то острым, пряным. А губы на вкус, как земляника лесная. Зарывшись руками в волосы смоляные, целовалась среди леса красна девица со змеем, а неподалеку, в Чёрном озере, плескались, шептали-перешёптывались да играли русалки.

С тех пор Любомиру не видал никто.

Мрачнее тучи ходил Василь. Пить начал. К Марьяне да Трофиму заявился, грозился хату поджечь. Думал, они дочку спрятали. Только Марьяна сама от горя почернела. Не знали они ничего.

А Стася маялась-маялась, проклиная Любомиру исчезнувшую, да решила снова за Василём приударить. Второй раз к травнице пошла. Случай улучила да поднесла парню

чашу вина пьяную с зельем намешанную, что знахарка из её крови приготовила.

Не успело солнце закатиться, получила Стаська что хотела. Только не так, как мечталось.

Побил после Василь её крепко.

Но от себя не отпустил – в хату привёл, хоть и не женился. Так и жили. Поколачивал часто, переменялся совсем. Недобрым стал, пил всё время. Не было счастья Стаське с Василём, да и быть не могло, коли оно на крови да на привороте замешано. Стася по мужикам ходить начала, утешения искать. Василь прознал про это да научил бабу уму-разуму, так отходил – долго отлёживалась. Полегчало – к знахарке снова побежала.

Та только посмеялась недобро.

– Предупреждала же, – говорит, – добром не кончится. Что, отворожить хочешь?

– Нет, – стиснув зубы, отвечала Стася. – Любомире отомстить. Знаю, живет она со змеем со своим, милуется!

– Не виновата она в твоих бедах, – знахарка отвечала. – А про змея ты, девка, молчала бы – мой тебе совет.

– Она одна во всём виновата, виновата, что змей мне не достался. А Василь меня со свету сживает! Жизни нету! Убить хочу змея её.

– Как знаешь. Но помнишь? Что кровью начнётся, то ею и закончится.

– Боишься никак? – усмехнулась Стася.

– Нет, не боюсь, – покачала головой старая ведьма. – Давно на этом свете живу. Мне помирать скоро. Так что дашь?

– Что хочешь бери! Крови надо? Всю заberi! – горячо отвечала Стаська.

– Нет, твоей не надо. Твоя не поможет. Через шесть месяцев приходи. Там и поглядим.

Разозлилась Стася, вылетела из избы. Шесть месяцев ждать?! Да потом поняла, что ребёночка ждёт. Не от Василия только...

Ох, смертным боем лупил её мужик. Сильно уж ласковая стала баба да податливая, как мёд, сладкая. Понял, что не его дитя носит под сердцем Стаська-то. Не выдержала та, за жизнь свою испугалась да и рассказала Василию про змея-то. Не поверил поначалу, снова дуру-бабу отлупил. Потом засомневался. Вдвоём к знахарке отправились, она и показала им в зеркале зачарованном змеевы хоромы. И Любомиру, со своим ненаглядным милующуюся.

Словно бес в Василия вселился. Ночь пил, день пил, ещё ночь пил, а наутро к Стаське пришёл, говорит – знаю, мол, отомстить хочешь. И я хочу. За жизни наши неудалые. Да и змея по-любому выловить надо, нечего ему округу тиранить.

В озере-то снова баба утопилась.

Шесть месяцев пролетели как день. Тяжко было Стасе дитя носить. Отправилась она к знахарке в назначенный срок и родила ребёночка недоношенного, да помер он. А из его

кости да крови лезвие ведьма для ножа сделала – заговорила, крепче стали оно стало. Стасе в руку вложила и сказала:

– Вот этим змея убьёшь. Только нож, ненавистью закаленный, шкуру его проткнёт да в самое сердце вонзится. Если силы у тебя будут.

– Будут, – отвечала Стася да смехом безумным засмеялась.

– Может, вернется ко мне Любомира, будет кому дар-во-рожку передать. А то не найти покоя мне... – пробормотала старуха, да не слышала её Стася.

Любомира, и верно, жила-не тужила со змеем своим. Была у него под землёй хата – не хата, дом – не дом, дворец – не дворец, но хоромы богатые. Любил девицу змей, на руках носил, насмотреться не мог. Любушкой своей да Любомирушкой называл, от всего ограждал. И она не могла наглядеться на милого, на родненького. Больше жизни любила. Не жалела, что деревню покинула.

Только по матери скучала да иногда отца вспоминала.

Порой улетал змей, наказывал – не ходи в деревню. Придумаем, как с ними свидеться.

Не выдержала однажды Любомира, заскучала сильно и к матери с отцом отправилась. Хоть одним глазком на родных посмотреть!

Тут-то и поймал её Василь, косу на кулак намотал, в деревню волоком поволок.

Вся деревня собралась: охота посмотреть на жену змееву! Вот кто во всех бедах виноват! Теперь только самого змея изловить да убить тварь поганую! Глядишь, и русалки перестанут деревенских донимать, к себе зазывать, успокоится озеро-то.

Да только не в русалках дело было, а в том, что Стася, как безумная, – глаза очумелые, в уголках губ пена застыла, – по хатам бегала, везде про Любомиру рассказывала – что от той все беды. Где скотина захворала или кормилец ногу сломал да недвижим лежит – всё это Любомирка со змеем со своим наколдовали!

Озверели деревенские. Разорвать на части хотели Любомиру, да заступилась за неё Стаська – не трожьте, говорит. Змей-то её проклятый сам к нам придёт, бабу свою вызволять! Чай, в лесу он хозяин, а тут мы его встретим!

Совсем Стася облик человеческий потеряла, на русалку похожа стала, зубы скалит, страшная. Как ведьма прямо.

Привязали Любомиру к дереву недалеко от хаты отца с матерью, да так и оставили. Стася верёвку принесла, сама узлы проверила, крепки ли, да ещё и в лицо пленнице плюнула.

Губы запёкшиеся с трудом разомкнув, прошептала девица:

– За что, Стасенька? Никому мы зла не делаем. Он от русалок вас бережёт, только он их и сдерживает. И тебя спас...

Что же ты делаешь, за что губишь нас?..

– Спас?! – взвыла Стася. – Надругаться надо мной хотел, чести девичьей лишить, а ты – ведьма, ведьма, ведьма!..

Сказала – и сама поверила, от злости да ненависти и за-была, как дело было-то.

Плакали отец и мать, в ногах валялись, дочку отпустить просили. Как ночь пришла, освободить хотели. Там их и пой-мали, в хате заперли. Двери-окна заколотили, кто-то нечаян-но огонь обронил – занялась хата Марьянина да Трофимова, прямо на глазах у дочери и занялась.

Нечеловечески кричала Любомира, в путах билась, как бесноватая.

– Ма-а-атушка! Ба-а-атенька!..

– Вот! Вот, смотрите! Говорила я, ведьма она! Ишь, как выкручивается! – совсем Стася умом тронулась.

А Василь посмотрел на Любомиру, на дом Трофима да Марьяны, приворотное зелье свои чары и потеряло. В голове прояснилось – что ж он делает-то?!

В хате горящей уже и вопли стихли. Ринулся Василь го-лыми руками поленья откидывать, завыл дико, руки обжѐг-ши. Снова кинулся, да оттащили его мужики от пожарища.

Белым-бела стояла Любомира, пустыми и уже сухими гла-зами на дом пылающий смотрела.

А тут и крылья огромные захлопали.

Прилетел змей, перед Любомирой приземлился, пасть

страшную оскалил.

Мужики только того и ждали, на змея пошли – не брали шкуру толстую ни заточенные колья, ни ножи, ни топоры. Ничего не брало.

Огрызался змей, рычал, пугал, да ни одного деревенского не поранил – отпихивал, отталкивал, не трогал, не увечил. Сами друг друга покалечили-поранились, гурьбой на тварь окаянную набрасываясь. От вида да крови запаха еще больше зверели.

Ни слова не проронила Любомира, к дереву привязанная, ни звука. С побоища глаз не сводила. Только слёзы текли.

Василь образумить хотел мужиков-то, да сам пострадал, сильно ему досталось. Очнулся, к бывшей невесте подполз да отвязал её, освободил несчастную. Шатаясь, двинулась Любомира прямо к змею. Позвала, руки протянула. Обернулся он, на любушку свою посмотрел.

Стася же нож заговоренный достала, да в этот момент в сердце змея и вонзила. Змей на Стаську удивленно взглянул, на рану, из которой кровь чёрная рекой хлынула. Лапы когтистые к Любомире протянул и, ей в глаза глядя, на землю осел.

Страшно закричала Любомира да замертво и упала, разорвалось сердце девичье. Прямо на мёртвого змея и рухнула, только руки скользнули по обе стороны чешуйчатого тела, обнимая в последний раз любимого.

Тут и травница-знахарка явилась, на змея с Любомирой

посмотрела да на Стасю безумную:

– Не вышло у тебя, Стаська. Всё одно они вместе останутся, хоть и не здесь. А тебе прощения нет. Как и мне за воровку мою. Нам обеим вовек не расплатиться, ни на этом свете, ни на том.

В этот миг шум послышался – никак ещё змей летит? Нет, это озеро из берегов вышло, деревню захлестнуло. С чёрными водами и девы озёрные явились.

Дико визжали русалки, на куски разрывая всех – и кто участвовал в страшном деянии, и кто невиновен был. Вой людской до неба поднимался. Стасю схватили девицы хвостатые, за космы поволокли, зубами острыми в тело грешное вгрызались, сжирая заживо. Пламя от дома Марьяны да Трофима на другие хаты перекинулось, а когда огонь с водой сошлись, зрелище невиданное открылось – горела вода и лилось ручьём пламя. Орала русалки, кричали, волю почуяв. В вопле нечеловеческом тоска смертная слышалась – любили русалки змея-то, любили и мстили людям неразумным, которые сами заступника убили, зло на свободу выпустили.

От того, что с голоду слишком много мяса человеческого съели, большая часть русалок тут и передохла.

...Рухнули дома в потоки чёрные, водой покрылось всё.

Когда ушла вода, ничего не осталось на этом месте. Ни хат, ни тел людских, ни змея мертвого с любимой своей. Всё огонь да вода забрали.

Один Василь уцелел. То ли потому что в содеянном рас-

каялся, то ли по какой другой причине – неведомо. Да только выбросило его волной на пригорок. Там и очнулся.

Говорят, в соседней деревне появился мужик седой с опаленной кожей да с глазами молодыми. Руки как у старца древнего трясутся. Страшные вещи рассказывал – про змеев, которые девиц в жёны берут, про русалок, что людей заживо сжирают, косточки обгладывают.

С тех самых пор Чёрное озеро люди стороной обходят. Воды там мутные, кровью пахнут. Говорят, водятся там и русалки, да не беснуют сильно – плачут больше. Да так жалобно, что топиться хочется. В округе ни птица гнезда не вьёт, ни зверьё не селится. Только лес стеной стоит.

А в полнолуние призраки возле озера бродят, на два голоса друг друга любым да любушкой называют. Ласково так, нежно. Милуются. И ветер ниоткуда поднимается.

Говорят, ежели случилось что, вопрос какой неразрешимый или беда большая приключилась, да что делать неведомо – то путь твой на Чёрное озеро лежит. Приходи да оставайся.

Коли выйдет к тебе парень черноволосый, у которого глаза сталью да зеленью отливают, быть тебе удачливому, все беды уйдут, напасти минуют. Всё обойдется да наладится.

Коли змей страшный, четырёхлапый с крыльями серебристыми покажется – богатому быть, нужды не знать. Коли девица-красавица – счастье в любви ожидает, потомство здо-

ровое, род продолжится, да радости прибудет. Тут-то любому вопрос и задавай.

Помогают змей да Любомира тем, кто с чистой душой на Чёрное озеро приходит. Как ведьма сказывала, не расстались они – по сей день вместе.

А уж коли Стаська безумная примерещится – значит, грешный ты, чёрная душа твоя, как вода в том озере. Радуйся, если живым уйдёшь, да зло, тобой совершенное, постарайся добрыми делами искупить. Ну, а коли ты совсем плохой человек – русалки утащат да заживо сожрут.

Так легенда сказывает.

Не верите? Отправляйтесь на Чёрное озеро. Сами узнаете.

Тим Яланский

Совладелец литературного сайта, автор-составитель сборника «Странники» (2018, «АСТ»). Рассказы опубликованы в сборнике «Синяя Книга» (2014, «Дятловы горы»), неоднократно становились победителями в сетевых конкурсах.

Пишу прозу, преимущественно, фантастику и фэнтези, статьи. Любимые темы – приключения, о дружбе и любви.

Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Thinnad.html>

Феевод

– А ну-тко слазь! – говоривший детина был хром, костляв, в полторы сажени от стоптанных сапогов до маковки. Рыжая борода выдавала намешанную демон знает с какой гномью кровь.

Пахнутка сжал вожжи в кулаках и исподлобья глянул на разбойников:

– Чем измываться, шли бы вы своею дорогою, люди добрые. Нет у меня ничего, не с торгов еду, улы с зимовки везу.

– Феевод, значицо, – детина улыбался, но из-за шрама, пересекавшего нос от левого уха до правого глаза, усмешка выглядела жутко. – Слазий, грю, хватит финтить, знамо, скоро ваш брат за лечбу почечуя берёт – небось, ящички золотишком набиты!

– Зима ещё, не сезон, только фей зря разбудите. Они же маленькие и нежные, – терпеливо принялся объяснять Пахнутка, но голодранцы, гыгыкая, уже сдёргивали мешковину с фейских ульев.

– Плохо фей будить после зимовки-то, – бормотал парень уже сам себе, потому что разбойники не могли его слышать: с дикими воплями они катались по изрытому снегу, орошая участки горячей кровью, корчились. Слепые от зимнего голода феи пикировали на них, вырывали куски живого мяса и глотали, как жадные чайки коврижку.

– Ну вот, опять снегом умываться, надоели всяческие лодыри, – продолжал бурчать Пахнутка, сволакивая обгрызенные остовы бродяг на обочину безлюдной дороги, мимо заляпанного стылой кровью Путевого камня. Плохо дело.

Он ботинками пинал сугробы в корочке наста, снег обрушивался и впитывал стынущие алые лужицы. Затем феевод попытался оттереть ледяным крошечком кровь с Путевого камня. Авось пронесёт. Жаль, один рой потерял. Отяжелевшие от сытной еды феи затерялись в подлеске, но вернуться по такому морозу у них сил не хватит.

Затрещал валежник под меховыми сапогами, щёки закололо пеленой инея, что сыпался с деревьев. Одна фея лежала калачиком под еловой лапой, вторую феевод нашёл закутавшейся в обронённый разбойником лоскут старой попоны. Обе неподвижные, но ещё живые тушки Пахнутка сунул за пазуху. Они теперь сытые и до утра безопасные, только щекотаться могут.

Пахнутка ткнул ногой в небольшой разбойничий мешок – тот лежал в истоптанном снегу, недалеко от лоскута. Награбленное у менее удачливых путников? По-хорошему, отдать его в городскую Башню или не трогать вовсе. Феевод ухватил мешок за завязь и понёс по борозде к пути, где закинул на розвальни рядом с нетронутым ульем. С драного огра хоть ломаный рог, как говорится.

Он легонечко хлопнул вожжами – и послушный ласковому слову автонагр зашуршал колёсиками, поднял голову, за

стёклышками глаз разгорелось голубое магическое пламя. Равномерно перебирая копытами, запряжённый механ продолжил путь домой.

Исполосованный редкими колеями тракт сыпался грязной ледяной крупой, в кусты порскнул заяц – закачались ветви, роняя белую пелену, трескуче взвыла гуглядь. Снег сыпался и сыпался, когда Пахнутка вдруг сообразил, что не заяц запутался в пролеске, а кто-то гораздо крупнее выдирается из чащобы и при этом тонко верещит.

Он нервно тряхнул вожжами – что за день-то сегодня такой? – автонагр выпустил облако пара, прибавил ходу. Скорее на хутор, запустить выживших фей в теплицу и отдохнуть. Пахнутка оттопырил губу. Нет, не отдыхать – поначалу внести в амбарную книгу убытки от гибели улья, а поскольку дядька Прых поехал в Кернудейл на Предвесеннюю ярмарку, то и отсылать записку барону о разгулявшихся во владениях лихих людях придётся ему, Пахнутке. Феевод осторожно, стараясь без нужды не мять жёсткие прозрачные крылья, ошупал два дрыхнувших тельца за пазухой.

Выскочившая перед повозкой вертлявая приземистая фигура прервала ход важных мыслей. Существо схватило за узду автонагра и тонко закричало:

– Сто-о-о-ой!

Пахнутка едва успел свалиться с передка и оттолкнуть идиота – голубая вспышка из пасти механа лишь опалила

космы приبلуды.

– Придурок! – заорал Пахнутка. – Жизнь не мила, недоумок?

Опрокинувшаяся в грязную колею фигура завозилась, изпод обмотанного пухового платка на Пахнутку глянули голубые глазищи на бледном личике с узким подбородком. В глазищах прибывала влага – миг – и струйки неожиданных слёз побежали по веснушкам.

– Д-дяденька, прости-и-и, – девчонка шмыгнула в рукавицу и села. – Я д-ду-мала...

– Думала она, – получилось хоть и ворчливо, но уже без былой сердитости. Девка, сельская, небось, что с неё взять? – Почто по лесу одна бродишь, где твой обоз? – Пахнутка взгляделся в частокол тонких стволов, прикидывая, где может быть транспорт и спутники приبلуды.

– Одна я, дяденька, – шмыгнула снова девчонка. – Лисапедом ехала до Остожа и оттудова в Кернудейл, да испугалась и... и...

– Зимой – лисапедом? Ну и ну! В лесу пряталась? – хмыкнул Пахнутка и протянул руку, чтобы помочь девке подняться. Та ловким коlobком перекадилась и как-то сразу оказалась на ногах.

– Ага, – выдохнула она и потёрла рукавицей покрасневший нос. – А там овраг, и лисапед мой... Подвези, дяденька?

Автонагр задвигал жестяными ушами, голубое марево в его голове замигало. Снова завела вдали вой птица-гулядь.

Пахнутка и сам чуял уже некоторое время тонкую нить напряжения, которая тихонько звенела с того самого момента, как скрылись за поворотом кровавые останки бывших грабителей. Феевод отмахивался от неё, как от сентябрьской паутины, но вот теперь, после того как автонагр засёк преследователя, Пахнутка понял, что времени нет.

– Гуглит и гуглит, – поёжился он. – Клятая птица. Полежай на розвальни, девка, – кивнул феевод в сторону крытых мешковиной ульев. – Только не трогай ничего и держись. Быстро ехать будем.

Пахнутка вскарабкался на передок и стеганул автонагра вожжами. Сейчас он отчётливо чувствовал даже сквозь морозец особый холод, который случается, когда по твоему следу идёт кто-то очень голодный. Например... Пахнутка одёрнул себя: нельзя называть, охотник почувствует своё имя и это придаст ему сил.

От волколака должны уйти, опушка уж близко, а там и хуторская огорожа.

Копыта автонагра лупили по рыхлой колее, розвальни потряхивало на ухабах, Пахнутка нащупал в сундучке мешочек соли. Мало, слишком мало. Давно не водилось тут нечисти, да и разбойники года два не хаживали.

По позвонкам продрало ужасом. Захотелось обернуться и глянуть на тракт, но что-то внутри визжало, противясь сделать это и узреть то самое, неотвратимое.

Колёсики автонагра щёлкали часто-часто, улы дребезжа-

ли, девица подобралась сзади и задышала почти в ухо:

– Дяденька, быстрее...

– Возьми мешок, приبلуда, – протянул он ей соль. – Применяй с умом, вишь, мало совсем.

– Хорошо, – пальчики уже без рукавиц скомкали мешковину. Пахнутка мимолётно подивился, что ногти у девицы ровные и чистые – не селянка, стало быть.

Быстрее не получится.

Послеполуденное небо подёрнулось пеленой – Пахнутка знал, что это не так, что преследователь наводит морок на жертв. словно в подтверждение, бег придорожных кустов замедлился, розвальни увязли в грязной каше дороги, несмотря на истеричный треск шестерёнок тяглогового механа. Всё ж таки не волколак следом идёт.

– Ах ты ж, дедка пархатый, – ругнулся Пахнутка.

Несмотря на то что просвет, в котором путь устремлялся по чистому полю к хуторской огороже, был всего в четырёх дюжинах шагов, феевод знал, что и сам, если соскочит с розвальней, не добежит. Не в человеческих силах побороть колдунство цыгры. Будешь месить сапогами снег и оставаться на месте, пока преследователь, утробно урча, подберётся и... Нет!

Пахнутка обернулся, мазнув взглядом по съёжившейся в мохнатый комок девице на розвальнях. Вот же увязалась, глазастая. Не она приманила цыгру из берлоги, а кровища на Путевом камне, как есть. Съели бы девку вместе с лисапе-

дом. Феевод нахмурился и деловито полез к крытым мешковиной ульям. Воздух помутнел чёрной метелью, будто гнус болотный, невесомый, застил пространство до небес.

Холодно поглядывая на змеящуюся в сотне шагов тварь, Пахнутка отпихнул зазвеневший суставчатый съёмник и пузырь с маслом, пальцы нащупали рукоять ригеля – стального тёмного прута в три пальца у основания. Кольца насечек уходили к истончающемуся острию-конусу и, пожалуй, инструмент, шутовски изображающий боевую шпагу, как нельзя лучше подходил своему владельцу – молодому хуторянину в длинной домотканой куртке и суконном берете.

– Ну, погодь, тварюка, – Пахнутка стянул с головы берет и швырнул под ноги.

В трёх шагах за повозкой морщинистая извилистая тварь в рост человека, с пастью в полголовы и на десятке когтистых лап торжествующе засипела. Полосатая, словно залепленная паутиной шкура передёрнулась.

Страх перетравился в сосредоточение – ригель удобно оттягивал ладонь, вот только куда тыкать им? – глаз у цыгры не видать. Сердце билось часто-часто, воздух не хотел выдыхаться.

Ленивое клаянье пучками зубьев – Пахнутка махнул стержнем и промахнулся, под курткой покатился жаркий пот. В следующий бросок пасти ригель пумкнул о лаково-серую губу чудовища, в лицо пахнуло подвальной гнилью, нестерпимо захотелось утереться.

Позади слышалось движение, но Пахнутка не мог оторвать взгляда от длинного полосато-белёсого тела, он чувал себя мышью перед змеюкою.

Безглазая голова засипела, справа выскочил кончик хвоста и хлестнул по локтю, ригель вылетел и зазвенел о лёд. Метнулась девка – широкая дуга молотой соли шваркнула по пасти-сундуку, девка с недюжинной силой вцепилась в локоть:

– Бежим, дяденька, время!

Ноги сами оттолкнулись от бортика и понесли хозяина прочь, к спасительному просвету. Пахнутка мчался и чувал, что не успевает за собственными ногами – девица бежала шаг в шаг, не отпуская рукава, и феевод понял, что если заплетётся и шмякнется, то второго шанса цыгра ему не даст.

Они кубарем скатились с тропы, которая на опушке пошла под уклон.

Пахнутка вскочил и теперь уж сам потянул девицу вперёд – защитная огорожа не пустит ни огра, ни волколака, ни цыгру... Приблуда не стала спорить и вслед за ним проскочила в воротца, затем оба хлопнулись в снег, тяжело дыша. Зелено-малиновое марево над огорожею плёнкой колыхнулось, узнавая хозяина, и затихло.

– Что за день? – Пахнутка тоскливо пригладил волосы, без шапки на морозе было неудобно. – И второй улей загубил, да ещё и автонагра почти нового, о прошлом годе дядькой Прыхом как раз на ярмарке и взятого. Вернётся хозяин, угля-

дит, чего племянник-то натворил... – Феевод покачал головой и кивнул девке: – Сегодня в Остож ты не попадёшь, цыгра кругами ходить станет, караулить нас. Барон пока охотников пришлёт, так и двое днёв может миновать.

Девушка захлопала ресницами, её васильковые глазищи блестели так, что Пахнутке показалось, что она снова заплачет.

– Нельзя мне два дня, дяденька, никак нельзя. У меня нет ни хоть чуточки времени! Батянька мой искать станет.

Правильно, должен быть у девиц глазастых жених али батяня, кто уму учить и искать станет. У самого-то Пахнутки родителей давно уж не было в живых, вырастил его родной дядька в строгости, так что ещё мальчонкою Пахнутка привык защищаться сам и нести наказание також – спину и чуть ниже защицало в предвкушении солёных розог или чего похуже.

– Выбирать не приходится, приبلуда, – пожал плечами феевод. – Чудо, что цыгра нас выпустила, небывалое дело! А ведь не должна была, у ней колдунство сильное, будешь бежать, а на месте завязнешь. Ловко ты солью ей по мордасам! Только это и спасло, похоже.

Девушка кусала губу, на белом лбу пролегла тонкая морщинка:

– А оружие на хуторе есть, дяденька?

– Даже с оружием я на цыгру не пойду, извиняй. Да и какой я тебе дяденька? Не сильно-то и старше, почитай, тебя,

приблуда. Пахнутый я, Пахнуткою кличут. У своего дядьки на ферме управляюсь. Пережди у нас, барон скоро пришлёт подмогу. Загибнешь ты вслед за лисапедом.

– А меня Дарой зовут, дядь... Пахнутый, – кивнула девица.

Она прижала к себе узел с вещами и покорно потрусила мимо теплиц к дому на холме.

Две спасённые феи продолжали спать. Они сонно повели слюдяными крылышками, когда Пахнутка затолкал их в большую банку и прикрыл крышкой. Пора перекусить, проверить рунные гасители в хранилище фейской пылицы – благо, прошлогодние её остатки дядька продавать повёз – а там уж садиться считать убытки. Ох и получит он на пряники! Зимы три назад, когда гаситель во втором хранилище заискрился и пожёг треть унции драгоценной пылицы, дядька Прых его так отходил, что Пахнутка день подняться не мог, а хромотал, почитай, до осени.

– Младшой хозяин! – завопил Падыграйка, дворовый работник. – Едет, едет, дедка пархатый, ить не перекинется!

Пахнутка выглянул в окошко, замер, а потом помчался вниз. Розвальни! Розвальни его целые и невредимые, показались из лесу, и автонагр, тихонько трюхая по колее, опускался к хуторской ограде, стремясь не опрокинуть поклажу. Насколько Пахнутка мог видеть, оба закутанных в мешковину улья стояли невредимы – и пустой, и полный.

– Отпустила цыгра, отпустила, негодная! – бормотал он, сбегая по лестнице и всовывая ноги в широкие голенища сапог.

Как был, в овчинном жилете поверх рубахи, помчался к воротцам – встречать и впускать имущество. Хоть автонагр походил на мерина, но был механом – не живым – и преодолеть ограду сам не мог. И для чудища лесного в еду не годился.

Как здорово, что Пахнутка не успел записать в амбарные книги потерю! Ежели правильно всё обставить, то дядька Прых и не узнает, что племянник чуть было не загубил имущества на полторы сотни дуцелей.

Уже у самой огорожи он заметил неладное и едва успел перехватить найденную девицу, Дару, у открывающегося пола. Она, похоже, вовсе не заходила в комнатку – одну из служебных, куда её определил Пахнутка. По-прежнему замотанная в косматую бесформенную одежду, девица пыталась вышмыгнуть наружу, но где ей было справиться с крепким и ловким хуторянином!

– Этот мешок, часом, не тот ли, что я у разбойников взял? – Пахнутка вдруг понял, что узел, который всю дорогу Дара прижимала к себе, он собственноручно на розвальни и закинул, думая сдать чужое имущество в городскую Башню – да и позабыл в суете.

Девица вцепилась в мешок, прижала к себе, глаза зазеле-

нели и сверкнули, как у дикой кошки. Пахнутка понял, что она в панике – едва ли не большей, чем при встрече с цыгрой. Даже обратно в лес бежать собралась, когда в придорожной поросли ещё кружит чёрный «снег» и мелькает полосато-белёное тело. Со стороны тонких стволов потянуло злобой и голодом.

– Отпусти, – сказала она сквозь зубы, враз утерев заискивающее «дяденька».

– Значит, ты заодно с душегубцами промышляла, – с удовлетворением сказал Пахнутка. – Про сломанный лисапед и Остож ты мне наврала. А теперь взад с награбленным бежать хочешь.

– Нет! – воскликнула Дара и задёргалась в его крепкой хватке. – Я не разбойница, это моё... Это они меня ограбили!

– Я похож на полудурка? – покачал головой Пахнутка и кивнул подбежавшим работникам: – В острог девку. Пальцем не тронь, Падыграйка, барон пушай разберётся.

– Дурак! – закричала Дара, белое облако пара срывалось с её раскрасневшихся губ. – Если не отпустишь, отец станет искать меня, и тебе не поздоровится!

– Будешь меня ещё своим разбойным родом пугать, – пробормотал Пахнутка, на всякий случай проверил рефлекторы на огороже и пошёл в дом.

Не надо было бы трогать мешок вообще. Однако раз он

здесь – лежит на скоблённой столешнице рядом со стопкой амбарных книг – то отчего ж не взглянуть на разбойные сокровища? Брать их себе Пахнутка не собирался, однако любопытство глодало его, как волколак лошадиный остов.

Коротко стукнуло – в мешке оказался один-единственный предмет. Более всего он напоминал раковину, подобную тем, которые привозят на ярмарки из краёв, что лежат на берегах южного океана. Круто извитый тёмный конический корпус выгибался, словно был когда-то живым, но застыл. Раковина металлически блестела и, на ощупь тёплая, была бархатисто заполирована до синевы.

– Что это за штукавина? – удивился Пахнутка. Не то часть механа, не то животины какой – не разберёшь.

Он покрутил увесистую находку в руках, позаглядывал в раструб, прикрытый тонкими косточками проволоки, и спрятал назад в мешок. Она может быть опасной, не след держать в доме то, что неизвестно для чего предназначено да ещё и ценно для разбойников.

Пахнутка задумался – всё же, пушай барон разбирается, фееводу лишние заботы ни к чему. Сейчас шкуру бы сохранить. Он сграбастал мешок и потопал вниз, к острогу.

– Эй, как тебя... Дара! – окликнул он девицу через окошко в двери.

Острог на самом деле был всего лишь комнатухой на земляном этаже, рядом с кузней, и использовался больше

как пугалка для детишек работников. Сам он только пару раз в ней сиживал за провины – ещё в отрочестве. Крепкое дерево двери и решётка были гораздо менее действенными защитниками, чем полог вокруг хутора...

За прутья ухватились нежные гладкие пальцы – ничуть не крестьянские! – и Пахнутка засомневался, разбойница ли девка. Душегубцы лесные живут как звери, их лица и руки в корках грязи, в мозолях от оружия. Однако пламя, метавшееся в глазах пленницы, грозило убийством более страшным, чем от ножа или петли.

– Ты, часом, не колдунья? – поинтересовался Пахнутка. – Сама посуди, нашлась в лесу в мороз, спромоглася убежать от цыгры – что обычному человеку не под силу, да и сама выглядишь чудно – вон глаза поменялись, зелёные, ажно змеючьи.

Что-то неправильное было в девице, деталь, что маячила на краю, но не давалась для осознания.

– Ты же меня не освободишь, верно? – она отпустила прутья и сделала шаг от решётки. – Даже если я скажу, что я не опасна тебе... Вернее, опасно только то, что я здесь, в этом карцере.

Пахнутка никогда не слышал последнего слова, но понял, что так она называет темницу.

– Пущай барон разбирается, – сказал он. – Обед принесут скоро, на закате. Та штука, что у тебя в мешке – она, и правда, твоя, верно? Разбойники были людьми, а ты – нет.

– Да, – помолчав, кивнула она. – И меня нельзя к барону. Отпусти.

– Мне спокойнее, если ты побудешь тут, – покачал головой Пахнутка и вышел из острога.

За окнами тьма переливалась зелёно-малиновым маревом защитной огорожи, засветились фонари под плёнками теплиц. Обитатели чудом спасённого улья, небось, пробуждались после встряски. Пахнутка вспомнил о спасённых, склонился, заглядывая в банку. Что ни говори, любил он этих тварей малых, и по осени, когда они вечерами снимались в лес по фейским брачным делам, Пахнутка глядел в облака танцующих искр в небе, и душа его умиротворялась. Ну а перед весной он собирал фей из долблённых брёвен в лесу, куда они набивались зимовать, и вёз на хутор – всё лето собирать волшебную пыльцу.

Ему даже казалось, что феи его тоже любят и почти не кусают из-за этого, а не из-за оберегов.

Феи не спали. Они, перебирая тонкими ножками, бегали по дну, прижимались ладошками к стеклу и корчили свирепые личики. Нужно их в теплицу, там как раз корм задают. Пахнутка прижал банку к груди и начал спускаться.

– Младшой хозяйин! – на лестнице его встретил Падыграйка. – Госпожия того да этого... Вас хотят.

– Какая госпожия? – опешил Пахнутка. Дядька был вдовцом, а Пахнутка слишком юным, чтобы обзавестись

справным хозяйством и женою. Из приезжих, пожалуй, только приبلуда...

– Дык, госпожия Дара, – подтвердил догадки Падыграйка. – Говорят, дело есть крайней срочности.

– Ну раз крайней срочности, – вздохнул Пахнутка, – то ладнеть, пошли к «госпожине».

Девушка была бледна и взъерошена короткою причёской. Она скинула нелепую шубейку и теперь щеголяла в бело-чёрных облегающих одеяниях. Завидев Пахнутку, припала к решётке:

– Я расскажу тебе правду, насколько она тебе не повредит, Пахнутый, а ты меня отпустишь, хорошо?

– Ты никогда не слыхала сказочку про глухого волколака и доверчивую гуглядь? – улыбнулся Пахнутка и поставил банку с феями на лавку у стены. – Я тебе не верю и уж точно на ночь глядя не отпущу. Я не знаю, кто ты и какое у тебя колдунство.

– Та штука... В мешке... Волнотруб... – Дара закивала, в глазах её зажглась безуминка. – Он умирает... Без него меня не найдут.

Сердце на миг защекотало жалостью, но Пахнутка взял себя в руки. Жалость – это людское, к не-людям подходить с такой мерою не следует – потому что становишься слабым.

– Ты прав, ты совершенно прав, я не человек в том же смысле, что и ты, но всё-таки человек! – лихорадочно забор-

мотала Дара. – Ты же знаешь, у вас есть механы и светильники, мобили и торговые автоматы. Представь, есть особая машина, которая останавливает поток времени, фиксирует его точку относительно наблюдателя и позволяет переместиться. Я, мой отец и другие – мы... путешествуем.

– Зачем? – Пахнутка решил, что чем больше будет говорить девица, тем скорее он узнает о её замыслах.

– Изучаем, у нас есть несколько... контрольных потоков, где установлены маяки. Местные дикари нашли одну из станций и сняли волнотруб – наверное, думали, что это сокровище. Нет, ну сокровище, конечно, – Дара говорила забавно, словно сама с собой. – Только оно отсоединено от энергии станции и умирает. Если я его не верну туда...

– В лес? – уточнил Пахнутка.

– Да, в лес, – кивнула Дара. – Недалеко, собственно, если бы всё обернулось нормально, то я с тобой попрощалась бы на опушке, и больше ты меня не увидал бы.

– Там цыгра, – напомнил Пахнутка. – Как ты собиралась пройти через её засаду? Убежать-то мы убегли, да ты не справишься с нею, даром что у тебя есть механ для путешествий.

– Он не работает так, – опустила углы губ девица. Её кожа странно блестела, словно состояла из мельчайших чешуек. – Его надо на станцию, однако если волнотруб умрёт, то меня по его излучению уже не найдут, и что со мной сделает барон – боюсь вообразить.

– Ты меня, конечно, разжалобила, – зевнул Пахнутка. – Но сама подумай: к фермеру в дом пробирается некая нечисть, которая навешала на уши рассказней, а теперь знает, что когда прибудет барон, то ей одна дорога – несладкая причём. И этой нечисти во что бы то ни стало надо спастись. А значит, навешать ещё.

Под пронизывающим взглядом зелёных глазищ он откинул крышку вещевого короба и достал мешок с механом. Тот выпал на лавку, как окоченевший трупик птицы. Синева и тепло исчезли, полированный металл подёрнулся пепельной дымкой.

Девушка схватилась за решётку напротив и ожесточённо её затрясла. По щекам текли слёзы, губы кривились. Пахнутка заколебался. Может, и не врёт девчонка-то.

Однако ошибка часто означает погибель. Жалость к чужакам – слабость.

Он махнул в раздражении рукою, завязки мешка хлестнули по банке, и та опрокинулась – две феи кубарем вывалились на механа и, сердито треща крыльями, осыпали его драгоценной пылью. Механ зазвенел и налился медово-голубыми отблесками, феи испуганно метнулись под потолок.

Дара восторженно закричала и опустилась на колени, а Пахнутка глядел, разинув рот, на чудесно ожившую раковину, которая слала неслышимый ухом шум прибоя, и казалось, что воздух вокруг неё сворачивается и разворачивается.

Стены затрещали и затряслись, Пахнутка пригнулся рядом с коробом.

– Что это? – кричал он сквозь оглушительный треск.

– Папа! – ликовала Дара. – Папочка, нашёл меня!

В лицо ударило ледяным воздухом ночи, посыпался снег, угол помещения зазиял провалом.

В дыру протиснулась драконья морда размером с розвальни, запахло сушёной грушею и мышбирём.

– Вечер добрый, – сказал дракон. – Профессор Зеленцов, с вашего позволения. Дарацителя здесь гостит?

– Д-да, здравствуйте, – Пахнутка панически соображал, где ключи от дверей острога. – П-простите, если что не так.

Он видал разных тварей, и боялся их – куда ж без этого? – но в драконов не верил. Не бывает их, сказки! Все земли учёные исходили и излетали, нашли даже элѐфантов и кентавров, а драконов – нет. Говорящий же ящер буквально парализовал.

– Живая, – мурлыкнул дракон, когда освобождённая девица в два прыжка оказалась у его морды и обняла её. – Я так волновался, когда тебя утянуло. Частота поплыла, прости, что не сразу нашёл.

Морда всунулась в темноту, и Пахнутка выкарабкался вслед за драконом и Дарой во двор через пролом. Намётанный глаз углядел вывернутый булыжник и сорванную привязь, которые надо будет восстановить, отметил разрушения

пристройки с острогом... Феевод горестно вздохнул.

– Спасибо, что подобрал меня, – волосы Дары растрепались перьями, глаза сияли зеленью, а облегающие бело-чёрные одежды оттеняли бледную чешую щёк. – И что не мучил. Я не в обиде, Пахнутий.

Феевод покачал головой. Нелюди и есть.

Издали донеслись крики и вспышки.

– Да там какие-то человечки, – пояснил дракон. – Собрались вокруг, шумят, меня увидали – стрелять начали.

– Дракон!.. – вычленил из воплей Пахнутка и помрачнел. Люди барона, не иначе. С дядькой они бы уже вошли на надел... Собственно, дядька Прых, небось, на подходе – от Кернудейлской ярмарки только чуть далече, чем от баронской Башни.

Пожалуй, тут батогом по спине и острогом не отделаешься. Сам натворил, сам и жизнью отвечай.

Только недавно лишь Пахнутка радовался, что сохранил улей и упряжку, а, выходит, вдобавок разгромил хутор и получил скандал и беду в виде дракона. Дуцели-то, монеты, тишину любят и покой.

А драконов не любят.

Да и не бывает их, драконов-то, вообще. Вернее, не бывало...

– Пора уходить, – ткнула пальцем Дара.

Через распахнувшиеся воротца вливалась толпа с факелами, от пылающих стрел занялись крыши двух теплиц.

Да, пожалуй, не только репутации, но и хутору, и самому Пахнутке пришёл пархатый дедка.

От горящих теплиц взмывали в ночь искорки разбуженных фей, и парень понял, что плачет. Куда они теперь?..

– Нам тут не рады, исчезаем! – донеслось с драконьей спины. Дара, не теряя времени, вскарабкалась на загривок чудовищного родителя и свесилась, глядела на феевода – зелёные глаза светились жалостью и любопытством.

– Энергии на скачок не хватит, – дёрнул в раздражении хвостом «папочка». – Будем отходить так. Извиняйте за беспорядок. Я на вашем месте эту орду сюда не пускал бы, но как знаете.

– Энергия... Да тут сколько угодно энергии, – возразил Пахнутка и ухватился за край тепличной крыши. Он ловил руками маленьких подопечных, и светящаяся пыльца опускалась облачками на ладони, овчинный жилет и мокрые щёки.

Слушая команды любимого хозяина, феи метнулись к дракону, рассыпались по голове и шее чудовища. Дара смеялась и закрывала лицо от сыплющейся с хрупких крыльев золотой пыли. Драконья морда, опустившаяся к плечу Пахнутки, довольно хрипнула, зелёные глаза прижмурились:

– Вот это дело, – пробасило чудовище, выпрямилось и ударило крыльями воздух.

Пахнутка стоял, задрал голову, и глядел на танец фей в

освещённом заревом пожара небе. Тёмный крылатый силуэт поднимался по спирали выше, и бело-чёрной хрупкой фигурки отсюда было не видать. Он никогда больше не увидит ни чудную приبلуду-путешественницу, ни драконов – они отправились домой по реке Времени. Пожалуй, вообще ничего не увидит более после устроенного разорения.

Около ног воткнулась обмазанная чем-то горящим стрела.

Пахнутка вздрогнул и оглянулся: куда бежать-то? Огненные стрелы взмывали в ночную вышину и падали, не досягая цели, а вот бывший феевод, да под горячую руку – вполне себе подходящая жертва. Сквозь клубы дыма и снопы искр он услышал чёткие злые приказы барона и скрипучий дядькин голос, повернулся и помчался прочь – петляя между ещё целыми теплицами.

Коротко стукнула стрела по плёнке, Пахнутка чуть не упал, что-то неотвратимо накатывало со спины – миг – и он заорал что есть мочи, когда шею окатило горячим дыханием, а земля ухнула вниз. Подвешенный за шиворот, он чувствовал, что выскальзывает, руки хватались за гладкие аршинные клыки над затылком – однако тут же хлопнулся на твёрдую драконью спину.

Слева и справа махали гигантские крылья, над головой разверзалась тёмная бездна, на земле золотились корочки пожара. Сзади прижалась Дара, обхватила трясущегося Пахнутку тонкими сильными руками и мурлыкнула в ухо:

– Тс-с-с-с. Хуже точно не будет! Верь мне.

Феевод боялся даже кивнуть. Он до боли вцепился пальцами в гладкие рельефные чешуйки и зажмурился, когда дракон выпустил струю пламени по одной ему видной цели.

За пазухой зашевелились две забравшиеся туда феи.

Мир мигнул и изменился.

Даха Тараторина

С двенадцати лет я мечтала стать писателем. Вот нормальные девочки мечтают встретить принца, а Даха – ~~за-работать нервный срыв и депрессию~~ уйти в творчество. Мама говорит, что у меня получается, а поскольку она хвалит меня больше и лучше всех, я склонна верить.

Поэтому был филфак, были попытки набить руку, было очень много отличных чужих и ужасных собственных произведений.

Летом 2017 Даха Тараторина впервые появилось в сети. Я боялась, нервничала и литрами поглощала валерианку, но, главное, работала, работала, работала...

Представленный рассказ связывает моё первое серьёзное творение, диологию «Бабкины сказки», с «Равноденствием», написанным сразу после и на первый взгляд никак с ним не перекликающимся. Что ж поделать? Некоторые герои настолько упрямы, что навещают авторов и постоянно требуют рассказать про себя ещё немного.

Группа автора ВК: https://vk.com/volchia_tropa

На ЛумРес: <https://www.litres.ru/daha-taratorina/>

Велесов сад

– Плохо тебе, добрый молодец? – думал Радомир, не сбавляя шага. – Плохо? А это тебе потому плохо, что вчера пришлось шибко хорошо. Ну вот надо оно тебе было, а? Надо?

– Стой, паршивец! – преследователь, запыхавшись, остановился и согнулся в поясе, пытаясь отдышаться: сразу видать, не привык трудовой человек к беготне; ему бы в полюшке косой размеренно чирк-вжух, чирк-вжу-у-ух! В полюшке, спокойно, не торопясь, изредка прерываясь, чтобы пригубить молока из заботливо принесённой женой крынки, а если повезёт и та самая жена не углядит, то и сесть в теньке спревшего стога сена с кумом, достать бутылку, укутанную в тряпицу, чтобы не сильно нагревалась, да и закончить работу сильно раньше, чем припечёт солнце. Но нет: ему приходилось бежать, часто громко ругаясь, размахивать топором, коий, что уж, давно не мешало бы подточить, да прятать раскрасневшуюся позорно физиономию от соседей: как-никак, все видели, с какой довольной мордой выходил из их избы поутру конопатый наглый паршивец.

По правде сказать, Всеславу гнаться за тайным гостем жены не хотелось совершенно. По-первой, сам виноват. Коли не хочешь, чтобы Марфа-красавица абы с кем ночи коротала, так будь добр сам в эти ночи дома сиди. А сидеть Всеславу ох как не хотелось! Как же усидишь, когда Всемила очен-

но явственно намекнула, что ждёт его к полуночи в гости. Кто ж к Всемиле зайти не рад? К тому же и Марфу понять можно. Правду сказала, когда вслед ему запустила котелок с кислыми щами: она о нерадивом муженьке заботится, что сил хватает, а он в её сторону и не глядит. А как глядеть-то? Всемила же...

Эх, вот вернуть бы старые времена! Раньше жену-изменницу впрягли бы в телегу вместо лошади, да погнали бы всем селом, а мужа бы только плетью разок-другой взмахнуть позвали. Ныне не то. Тут над ним, над Всеславом зубо-скалить станут, а гулящую бабу даже плечом не толкнут: сам не уследил.

– Стой! Бить тебя стану! – взмахнул рогоносец топором больше в надежде ухватиться за воздух и не упасть от усталости, чем устрашая беглеца.

– Странные вещи говоришь, друг! – рыжий залихватски поправил яркую шапку с дорогой, хоть и ошипанной временем меховой опушкой: пусть с ней, что не по погоде, зато смотрится как! – Я тебе, почитай, услугу оказал, а ты мне слова доброго не молвил!

Проходящая мимо бабка, легко помахивающая полным ведром воды до того, внезапно согнулась под неподъёмной тяжестью и пошла вдвое медленнее, дабы не пропустить ни слова.

– Лови охальника! Бей! – тяжело дыша, указал оружием на рыжего Всеслав.

Старуха тоненько захихикала, поставила ведро наземь и замерла в шаге от Радомира:

– Куды мне, милой! Ты погляди-тка, кака я старая, тош-ш-шая! Едва ноги переставляю, а уж эдакого лиса ухватить, – бабка демонстративно протянула руку, не разгибая локтя, нарочно, чтобы до плеча рыжего не достать какую-то пядь, – и говорить нечего, – безнадёжно закончила она, выживая из кармана передника семечки и пощёлкивая их, всем видом демонстрируя, что уходить до развязки представления не собирается.

Радомир подставил пригоршню и тоже получил немного угощения:

– Что ж это ты, тьфу, – аккуратно в кулак сплёвывал шелуху он, – остолоп, то есть, мил человек, бабулечку-красотулечку гоняешь почём зря? Она к тебе, тьфу, в гончие не нанималась! – возмутился он.

– У-у-у-у! – глубокомысленно потряс топором Всеслав, не в силах вымолвить боле ни одного ругательства: рыжий оказался не только наглым, но и шустрым. Видать, не впервой от разъярённого мужа убегал, вон, ажно не вспотел!

– Дело говоришь, – бабка погрозила в пространство пальцем. – Я тебе, сынок, не молодка, чтобы за красавцами бегать.

– А так сразу и не скажешь, – вставил Радомир.

– Срамник! – зарделась старушка и отсыпала ещё немного семечек подхалиму. – Приходи вечером в гости. Что смот-

ришь? Не бойсь, бабка приставать не начнёт. Хотя, будь я помоложе годков на...

– Дюжину? – тактично предположил хитрец.

– Дюжины на три, – сощурилась бабка, явно тоже слегка себе польстив. – Ты приходи, не бойся. Пирогами накормлю. А то давно пора было этому олуху в зенки-то его наглые плюнуть. Слышь, Всеслав! Ещё раз узнаю, что ты Марфу обижал, не спущу!

Всеслав не только слушал и слышал, но ещё и собирался с силами для последнего рывка. Одно дело, когда смеётся над ним пришелец: бесстыдник сегодня есть, завтра нет и поминай как звали. Перекати-полем уйдёт в другую деревеньку Озёрного края и забудется. Но чтоб свои же да прямо в лицо смеялись! К тому ж, старая ведьма давно на него зуб точит, значит не смолчит, всем разнесёт, как он не только за женой не уследил, но ещё и за собственную честь постоять не сумел.

– Голову снесу! – взревел обманутый муж, не то убеждая себя же в том, что сможет, не то угрожая, и покачнувшись, ускоряясь и оставляя всё человеческое и разумное, что в нём иногда находилось, за спиной. Выпучился, замахнулся, взвыл... И заорал уже от собственной боли, с разбегу шараясь плашмя на тропинку.

– М-м-м-ме! – презрительно протянула изящная чёрная козочка и почесала рога об изорванные штаны страдальца, словно вытирая. – Ме-е-е-е-е! – обиженно выпучилась на Радомира: как посмел оставить её без присмотра! Привязать

верёвкой за тонкую лоснящуюся шею, и, главное, забыть покормить! Тоже, хозяин выискался. На рога таких!

– Ой я дура-а-а-ак! – сообразил тот, хватаясь за лоб и падая на колени, раскрывая руки для объятий. – Чернушка, милая, прости остолопа! Забыл совсем!

Козочка показала хвост и демонстративно уронила из-под него пару шариков, очень явственно намекая на то, что до прощения Радомиру – как на корабле до Витании.

– Фр-р-р-р! – шевельнула губами она.

– Дурак, это да, – старушка приподнялась на цыпочки, дабы в полной мере оценить падение мужика, коему собиралась присвоить звание главного посмешища деревни. – Теперь он от тебя так просто не отстанет, так что, милой, на пироги не жду. Забирай-ка свою рогатую защитницу и того...

– Да понял, понял, – вздохнул Радомир. В Озёрном краю он надеялся задержаться, коль скоро люди тут такие приветливые. Признаться, в бытность его богатым купцом гостеприимства у них находилось поболее, но что ж поделывать, если вместе с лишней звонкой монетой тает и большинство знакомцев. В этот раз половина деревни его и вовсе не узнала, хотя едва пара зим минула с последнего визита торговца. Но что уж, не впервой! В конце концов, вовсе не сюда рыжий держал путь. Заглянул только передохнуть денёк-другой. А коли ему тут не слишком рады, нечего и загуливаться.

– Ничего, бабуль, авось ещё свидимся, – поднял он вверх кулак с зажатой в ней семечковой шелухой.

– Это навряд, но кто ж запретит надеяться, – улыбнулась старушка.

***

В Озёрный край Радомир явился не просто так. Искал добрый молодец покой и сон; долго искал. Куда только не заглядывал, под какой юбкой... то есть, в чьей только избе не смотрел! Нету!

Потерял бывший купец радость жизни. Страшное дело: стало ему мало. Всего мало: солнца, дороги, бурления в крови и страха в жилах... И слова-то иного не подберёшь: угораздило!

Угораздило когда-то встретить тощую вертлявую девчонку с хитрыми глазами, угораздило получить за неё оплеуху, угораздило...

Радомир привычно двумя пальцами коснулся некогда сломанного носа и криво ухмыльнулся: здесь давно уже не болит, а вот в другом месте...

Саднит, стучится, требует заполнить чем-то неведомым.

Не нашлось его сердцу покоя ни на тракте, где раньше с друзьями, Толстым и Тонким, сбывал товары, ни в столице, вдруг начавшей процветать, открывшей ворота гостям при новом городничем, до сих пор не признающим свою должность: дескать, некогда старому Бересту Городищем заниматься, едва сил достаёт на болящего сыночка.

В Озёрном краю Радомиру были рады. Нет, не в деревень-

ке, из которой он ныне спешил убраться, не то чтобы в страхе оглядываясь, но всё ж таки и не медля. Радовались ему в волчьем селении, где уже и не ожидали увидеть того, кого чуть живота не лишили по приказу злобной лиходейки.

Данко стал неумелым вожаком. Молодым, глупым и очень уж гордым. Худшим, чем мог бы стать Серый. Но лучшим, чем стая видела за все эти годы.

Оборотни боле не прятались в глуши. Нет, конечно, людям свою звериную суть они не раскрывали, но и за ворота выглянуть больше не боялись, как и впустить внутрь одинокого путника.

Стая обрадовалась Радомиру. Радомир обрадовался стае. И ушёл.

Долгие недели молодец искал место, где сердце перестало бы трепыхаться в ожидании неизведанного. Думал, найдёт среди волков, да куда человеку к оборотням? Помяли друг дружке кости, выпили хмельного мёда. А дальше-то что?

Мало.

Мало волчьего селения, мало огромной страны Пригории, целого мира мало Радомиру, влезшему в чужую тайну. Пошутил Велес: переплёл его путь с дорогой волков. А к добру ли? К худу ли?

– Что, Чернушка, куда теперь путь держать?

Радомир опустил ладонь на рогатую козью голову. Защитница фыркнула, чтобы дурень не решил вдруг, что прощён, но отстраняться не стала: она тоже не знала, куда дальше. И

тоже тосковала о чём-то.

Когда друзья-оборотни отправились домой, в родные Выселки, Радомир увязался с ними, уверенный, что поступает правильно. А куда ещё? Не к купцам же! Забыть о приключениях, о богах и героях, о волках и страшной Марене?

Нет уж, дудки. Жизнь должна была, обязана забурлить, как вода в огненной реке Смородине!

Но не вышло. Смотреть каждый день за чужим счастьем, наблюдать, как дикая, злобная волчица становится ручной и ластится к мужу, как всё сильнее заволакивает её очи, некогда полные искрящейся свободы, спокойное, домашнее, правильное...

Он ушёл даже раньше, чем она сама поняла, что пора. Обострённым волчьим слухом ни Фроська, ни Серый ещё не чуяли биения третьего сердца. Только домовой, принявший Радомира, хоть и с бурчанием, но как родного, поделился секретом, когда они сидели на порожке маленького лесного домика и потягивали квасок, переданный дочке с другом Настасьей Гавриловной. И тогда Радомир понял, что день-другой – и станет лишним, что боле ходить меж деревней и домиком в лесу не придётся, хоть и принимали его что там, что там.

Допил квас, прислонил осторожно берестяную кружку к стене и поднялся, чтобы не обернуться уже никогда. Верная Чернушка, едва пригревшись в зарослях лопухов, недовольно заворчала, но поднялась и засемила следом: каких ещё

бед этот рыжий найдёт себе на голову? Не дай боги, без неё!

– Далеко собрался? – Фроська, как за ней водилось, уперла руки в бока и с вызовом посмотрела на рыжего, собирающегося на ночь глядя невесть куда.

– Куда глаза глядят, красавица! – привычно отшутился он, обнимая её за плечи и указывая вдаль. Даль, исполосованная стволами деревьев и перечёркнутая густыми ветками, лишь встрепенулась лёгкой паутиной, говоря, что где-то там, может, воля и есть, да добраться до неё куда сложнее, чем кажется. – Столько всего неизведанного впереди! Столько прекрасного! Что ж сиднем на месте сидеть?!

– Куда глаза глядят? – задумчиво протянула Фроська, шлёпая Радомира по сползшей куда ниже плеча руке. – А что ж это они у тебя глядят как-то косо?

Уличённый охальник поскорее перевёл взгляд с расстёгнутого ворота Фроськиной рубахи снова на заросли, прячущие манящие просторы:

– Так на неизведанное же! Там мне тоже ничего изведать не довелось.

– И не доведётся! – пообещал Серый, подходя с другой стороны и заключая Радомира в столь крепкие дружеские объятия, что, скоси рыжий взгляд ещё раз, – всерьёз рискнул бы костями.

– М-м-м-ме! – пригрозила Чернушка не то Серому, не то Радомиру.

– Так стемнеет скоро. До Выселок не успеешь, – забеспо-

коилась волчица, недовольно морщась: она и сама не понимала, откуда в ней проснулась странная заботливость, злилась, ругалась почём зря и... садилась месить тесто, с каждым разом получающееся всё более съедобным. Серый пробы терпел и стоически съедал все попытки, включая неудачные. А как иначе? У жены тоже нюх что надо. Припрячешь пересоленный пирожок за печкой – а волчица услышит запах раньше, чем успеешь сбежать на охоту. И ведь не отговоришься, что домовому попробовать оставил: старичок сразу брезгливо махонькой ножкой выкидывал из угла подгоревший кусок, заявляя, что не для того в дом постояльцев пускал, чтобы они его выжить пытались.

– До Выселок не дойду, ещё где заночую. Мало ли мест интересных на свете?

– Олух, – беззлобно сообщила ему Фроська.

– Знаю, – согласился он, опуская глаза. – Такой олух, каких поискать.

Он обнял её; крепко-крепко, как обнимают старого, очень старого и давно забытого друга, и на этот раз Серый не стал ревниво сверкать глазами или утробно рычать, уже не надеясь припугнуть привычного к его проделкам приятеля.

– Надолго? – вздохнула волчица, неосознанно чуя ответ.

– Надолго, – шепнул он. Навсегда, наверное. Но ей он этого ни за что не скажет.

– К Мариной ночи заглянуть не забудь. Обычай чать.

– Постараюсь, – он не солгал. Он правда собирался очень-

очень постараться.

Когда Радомир отошёл на добрую версту, а маленький домик спрятался в складках узорчатого лесного покрывала, с ним поравнялся Серый. Год назад бывший купец схватился бы за сердце и упал замертво: полузверь-получеловек нагоял его, едва слышно впиваясь в тягучую сырую землю когтями. Но то год назад. Рыжий лишь остановился, удивлённо хлопая длинными ресницами.

– Попрощались же, – смущённо колупнул он носком сапога пятипалый почти волчий след.

– Мы не так попрощались, – наметившаяся волчья морда втянулась обратно, когти скрылись под бледной по-девичьи тонкой кожей. Высокий худой мужчина с серыми, как у старика, волосами, молча облапил широкоплечего купца, казавшегося вдвое больше него, и Радомир, всегда слышший неслабым малым, почувствовал, что глаза вот-вот вылезут наружу от крепких объятий кажущегося хилым мужичка. – Прощай, друг. Скатертью дорога.

Смешные боги! Сколько раз не сталкивали они двух мужчин, сколько не рядили стать им врагами, а всё одно вышло иначе.

– Прощай. Береги её, хорошо?

Серый посмотрел туда, где, скрывшись от приближающейся вечерней прохлады в укутанном пушистыми листьями домике, сидела его жена: всё такая же смешливая, едкая, ершистая, как в детстве, когда он встретил её впервые; но

теперь ещё и сильная, смелая, родная...

– Скорее, это она меня бережёт.

– Тоже верно.

Радомир махнул рукой, когда уже отвернулся. Когда отошёл на десяток саженой, и когда Серый уже и не должен был смотреть ему в спину. Но Серый смотрел. И смотрел с пониманием.

***

Он шёл бесцельно, неспешно и ровно, не страшась, не беспокоясь, не ожидая, что сказка ворвётся в жизнь и направит по новому, неизведанному пути. Сапоги, некогда начищенные и блестящие, покрылись пылью и пятнами болотистой северной земли. Мох натруженно выдыхал, подталкивая ступающие по нему ноги, тут же снова напитываясь лесной сыростью и расправляясь: проходил ли кто, нет ли – не разобрать.

А рыжий шёл, не оглядываясь, не всматриваясь в прячущиеся меж узкими колючими ветками огоньки, не выискивая приключений. Просто шёл: вот он я, великие Боги! Скучаете? Ну так позабавьтесь с добрым молодцем, укажите стезю, по которой не жалко будет продолжить дорогу.

А Боги и правда скучали. Кто там сетует на тоску? Кого мирная доля гложет? Всегда порадуем, всегда подскажем, как бы нас повеселить, где бы буйной головушкой рискнуть.

– Чернушка? Чего ты?

Но козочка хозяйина слушать не желала. Семенила-семенила следом по непроходимой чаще, не смотрела, волком ли пахнет, медведем ли, и вдруг замерла.

Радомир вернулся: верно ногу защемила рогатая, застряла где-то. Нет. Козочка стояла ровно, поместив все четыре копытца на кочку, чтобы не намочить шёрстку в мокрой поросли.

– М-м-м-м-м! – неуверенно протянула она.

– Что? Испугалась?

Козочка укоризненно склонила голову: мы с тобой и не такое видали, чтобы какого-то леса пугаться. Нет, другое...

– Бе-е-е-е-е! – предупредила она, пятясь, вместо того чтобы подойти.

Радомир, стараясь не пугать животинку, осторожно достал прихваченный утром у красавицы-Марфы пирог, чуть пожалев, разломил надвое и потянул часть подруге:

– На, бери. От сердца отрываю! Чернушка?

Козочка всерьёз задумалась: и пирог вкусно пах, и лес – подозрительно.

Пирог оказался с капустой и победил. Пока рогатая дожёвывала уже вторую, оставленную без присмотра в опущенной руке половину, Радомир с опозданием сообразил, что тревожило животное: лес принялся жить. Не той привычной деревенскому сердцу жизнью, когда ветви трещат в унисон ветру, когда быстрая белка мелькает меж обнимающимися деревьями, когда вдалеке подаёт голос ворона, а совсем ря-

дом, будто бы прямо позади, ухаёт ей в ответ косматое нечто, ухаёт – и сразу прячется, спешит схорониться под корягой, будто его и не было.

Лес жил иначе.

Тяжело вздыхал, словно ломая корку сковавшего его по весне инея, потягивался, просыпаясь, открывал глаза, протирая их ото сна тёплыми мохнатыми кулаками. Жил.

– Эй, кто там? – неуверенно начал Радомир и тут же закрыл себе рот ладонью: не впервой, знает, что лучше беду не кликать; и так найдёт, коли за ним по пятам идёт.

Тень мелькнула перед глазами, точно муха прожужжала полуденным зноем, и юркнула в листву.

– Ме-е-е-е-е! – Чернушка зубами схватила нерасторопного мужика за штанину и потянула прочь.

– Да ладно тебе! – отмахнулся Радомир, успокаивающе почёсывая её меж рогов. – Интересно же! Тс-с-с-с!

И двинулся бочком, как можно тише ступая, проверяя, не умчится ли козочка куда подальше, чтобы найти на свою рогатую голову куда менее таинственных и более зубастых злоключений.

Чернушке не нравилось. Она фыркала, норовила куснуть, неуклюже клонила голову, вглядываясь в заросли то одним, то другим глазом, а Радомир, леший его возьми, улыбался, озорно сверкая очами.

– Сюда, молодец! Сюда, хороший! – не то речка вдали шумит, не то прохладный ветер мягко перебирает макушки де-

ревьев. – Сюда, сюда!

– Ай! Больно же! – потёр рыжий укушенную целину.

– Ф! – презрительно пошевелила мягкими губами Чернушка.

Добрый молодец только руками развёл:

– Всё равно пойду! А куда мне ещё?

– Сюда! Сюда! – тоненько подсказал лес.

Тень снова промелькнула перед глазами. Прыгнула, юркнула и рассыпалась на мелких мушек, столкнувшись с тяжёлым кряжистым дубом, невесть как вымахавшим посреди хвойного леса.

– Ты кто? – любопытствовал Радомир, смещая шапку набекрень, чтоб смотреться лучше: голосок-то тоненький, женский. Нельзя лицом в грязь ударить.

– Никто, никто! – засмеялся лес, а тень, собравшись воедино из шуршащих в траве мушек, вытянулась, оформилась, изгибаясь девичьим станом, и мелькнула уже где-то впереди.

Рыжее солнце выглянуло из-за низких туч, протянуло тонкие руки меж ветвей, хватая молодца за плечи, не то подталкивая, не то силясь удержать. В золотых пятнах, перечерченных тёмными стволами, отразилась танцующая фигурка, промелькнули поднятые в танце руки, затрепетали птичьими крыльями разомкнутые пальцы. Как тут устоять?

– К добру? К худу? – весело спросил Радомир у плясуньи. Ну как ответит?

– К худу, к худу! – эхом засмеялась тень.

Чернушка поддала рогами по заду, подтверждая.

– Ну никто же не обещал, что это мне худо будет? – рассудил весёлый дурень.

– К твоему, к твоему! – уточнило эхо, а тень заплясала совсем рядом, у ближайшего дерева, да только против солнца – не разглядеть.

Радомир рассмеялся с такой честности:

– А я смелый! Веди, что ты?!

Тень, не ожидавшая встретить лихого парня, замерла на миг, а после вытянулась тонкой лентой, обиженная, что не поплясать боле, да разлеглась тропкой меж исполинов, указывая в самое болото.

– В трясину, что ли, завести хочешь? – расстроился Радомир. – А поинтереснее чего, а?

Тропка промолчала, лишь дрогнув оскорблённо: чать не леший, чтобы с путниками шутить.

Ощупал ногой туманную дорожку, стал, пробуя, да и пошёл Радомир, не задумываясь. Чернушка, кабы могла, копытом бы по лбу себе постучала, но умела лишь покачать рога той головой, дожевать отрыгнутую жвачку да двинуться следом: ладно, если беду какую накликает, а ежели интересное? Да без неё? Не бывать такому!

Тропка направляла недолго. Оборвалась, свернулась клубком и была такова через полверсты. А вот куда привела?

Черепя щерились с веток, взмахивая из пустых глазниц

ресницами прутьев. Коровьи, лошадиные, козы...

– Ме-е-е-е! – прижалась к ногам Радомира Чернушка, жалобно поджимая куцый хвостик.

– Не бойсь, подруга! В обиду тебя не дам! Велес не попустит такого: ты ж в его саду всех перебодаешь!

Поразмыслив, решив, что и правда перебодает, козочка осмелела. Да и поздно бояться. Рыжий вон уже осторожно, чтобы не сломать, отводит ветки с дороги, словно и не видит, как хитро подмигивают ему глазницы мёртвых охранников капища.

А может и видит. Да ему ли Велеса бояться?

Бог, может, и не добрый, и не самый ласковый, да смелый, сильный, горящий страстью. Достойный преемник нашёл его обиталище – горел Радомир, ох как горел! Сам пока не ведал, как сильно!

Думал ли, гадал ли, что долгие годы служил его воле, что не просто так Доля за ним присматривала, щедро отмеряя удачи, а по велению Великого Бога?

Уже мало какая бабка вспомнит, редкий старик внукам расскажет, но давным-давно были Велес с Перуном добрыми братьями. Судили-рядили вместе, мёд хмельной пили, веселились. Мирно жили. Пока не довелось Перуну взять в жёны пресветлую Додолу. А кто ж ещё может братьев разлучить, как не дева неземной красоты?

Любил Перун Додолу. Но и Велес любил прекраснейшую

из всех богинь. Неведома людям та любовь, незнакома. Никому не понять, как рвало все сильного бога на части, как сердце вынимало. Ушёл Велес далеко-далеко, чтобы рану не бередить, да разве от любви убежишь? Сам ли хозяин дорог перекрестил пусть красавицы со своим, али есть на свете что-то, что сильнее даже верховных богов, но, когда вновь встретились Додола и Велес, не совладал с собой бог-мудрец. Взял ли силой? Нежностью ли покорил? То никому не ведомо. Но сдалась, не справилась с собой Додолушка, а ревнивец-Перун, обратив супругу в мелкую мушку, низверг на землю, вызвал брата на поединок. Долго бились, жестоко. Ослабел ли Велес, али добром согласился покинуть Правь, чтобы оказаться в Яви и хоть мало надеяться найти любимую? По-разному бают. Кто верит, кто нет. Но остался Велес, мудрый древний бог-оборотень на земле.

Самые древние и самые хитрые старухи балакают, что не просто так Велес среди людей странствовал, что нашёл Додолу, да не одну, а с сынком: могучим буйным богом Ярилой, что родился у них весенней силой, буйным потоком, способным прогнать, напугать холодную Марену, защитити да согреть теплом каждого, кому худо и одиноко. Правда ли?

– Тяжко тебе? Заплутал?

Могучий Бог сидел на корточках у толстеного дуба и заботливо мазал перетёртыми травами из мисы изодранный зверем ствол. Мохнатая шуба его, что нельзя снять самым

жарким летом, вращала в широкие медвежьи плечи, рога лишь слегка виднелись из спутанных волос с затерявшимися в них листьями да иголками.

– Заплутал, тятенька, – прошептал Радомир, размышляя, бежать ли или падать на колени.

Чернушка думать не стала: мигом припала на передние ноги.

– Так что, дорогу показать?

Бог, кряхтя, поднялся на ноги, оказавшись на три головы выше рослого Радомира, размял затёкшую шею:

– Стар стал, – пояснил он, – устаю. На покой скоро.

– Как так? А вместо тебя кто же?

– Найдутся, – усмехнулся Бог. – Всегда находятся. Не впервой.

Чуть прихрамывая, тяжело дыша, словно и правда истекало опущенное время, Бог доковылял до самой середины капища и уселся на землю. Радомир, помедлив, устроился рядом.

– Поклонился бы, дурень! С Велесом, никак, разговариваешь! – рыжий попытался испуганно вскочить, чтобы поклониться как подобает, но остановился, пойманный за руку: – Чего суетишься? Шучу я, шучу! Учишь их учишь... Гляди! Да не на меня! В воду гляди!

Пока Бог подкручивал усы, похихикивая, меж мужчинами, прямо в земле, и правда проступил родник. Око в твердыне, тёмное, таинственное, хранящее в себе или ответы на

все вопросы или самую страшную погибель.

– Чёрная, – только и смог вымолвить Радомир.

– А какой ей ещё быть, дурень? Ключ же.

– Ключ, – согласился молодец. – Так не видать же ничего!

– Не видать? А ты лучше гляди. Рукой там пошебуршать можешь.

Чернушка, забыв про страшное божество, ломанулась и ухватила хозяина за рукав: пойдём отсюда, пойдём скорее! Чего мы в том роднике не видели! И так ведь хорошо живём! Но Радомир осторожно высвободился и приобнял подругу, готовый, случись что, защищать.

– А там что? На дне?

– На дне-то? – Велес погрыз ноготь на руке, полюбовался, ровно ли, ещё чуть поправил. – А бог его знает! Ты хотел, чтобы Велес тебе дорогу указал?

– Хотел...

– Ну так вот она. Какую достанешь, какую выберешь, та и твоя. Можешь и вовсе не выбирать, возвращайся домой, к друзьям. У тебя две зимы товар простаивает – непорядок.

– А там, – рыжий искоса заглянул в холодный омут; омут пугал и... манил, – там интересное что?

– А мне почём знать?

– Сам же сказал, «бог знает». Ты ж того... И есть Бог.

– Да? – Велес хлопнул себя по лбу. – Вечно забываю! Да, тогда я знаю. Но тебе не скажу. Иначе какой мне интерес?

– Оно того стоит? – Радомир прижал Чернушку к груди

уже понимая, что решится. Что бы Велес ему не ответил.

– Ты ведь лучше меня это знаешь, так?

Не отвечая, Радомир зажмурился и сунул руку глубоко-глубоко в обжигающий льдом родник.

Так холодно!

И так страшно...

Слишком много, слишком...

Здесь он будет счастлив сытым, обыденным счастьем; здесь умрёт, едва шагнув из леса; здесь начнёт забываться в хмельном, лишь бы заглушить неясную пустоту внутри; одинок; весел; обижен; безумен...

Пути сменяли один другой, кто царапая пальцы, кто прилипая к ним цеплючей травой. Путая, даря надежду, исчезая, взмахивая радужным хвостом.

Жарко!

Холодно...

Этот!

Нет, тот.

Прилип – не избавиться.

Юркий – не ухватить.

Чужие голоса, судьбы, вплетающиеся в его собственную, глаза, которые ему больше никогда не придётся увидеть и крепкие изящные руки, твёрдо держащие арбалет, чтобы защитить неразумного остолопа – его. Как выбрать один из исходов, когда хочется всего и сразу?

Радомир с усилием освободил руку. Пустую.

– Что ж ничего не выбрал? – подивился Велес.

– А я выбрал, – Радомир уверенно поднялся и смело подал руку: Бог-не бог, а всё старик, так что помочь надо.

Велес ухватился и без усилий вскочил:

– И что же?

– Что-то очень-очень интересное, – таинственно улыбнулся Радомир, поглаживая по холке прильнувшую к нему Чернушку.

– Весь в отца, – довольно хмыкнул Велес. – Ну иди, иди, неслух. Чую, много испытаний ещё у тебя впереди.

Когда Велесов сад с его тайнами и искушениями остался далеко позади, Радомир всё-таки обернулся. Лес стоял на месте, словно улыбаясь тенью, и медленно, достойно покачивался, прощаясь.

– Чернушка?

– М-м-м-ме?

– А ты бывала когда-нибудь в Витании?

В Витании Чернушка не бывала. Она вообще никогда до встречи с Радомиром не бывала нигде, кроме как в паре очень странных, но очень весёлых деревушек.

– Значит, пора, – рыжий смело направился в ту сторону, где, по его разумению, должен был находиться порт. Справедливости ради, порта там отродясь не водилось, поэтому парочке предстояло сделать немалый крюк, чтобы перебраться через море.

Чернушка смолчала. Почему-то ей казалось, что неприят-

НОСТИ ТОЛЬКО НАЧИНАЮТСЯ.

Жанна Бочманова

Родилась и живу в Санкт-Петербурге. Пишу рассказы и повести в разных жанрах: реализм, фантастика, детектив, детская проза. В 2015 году окончила литературные курсы «Мастер текста» при издательстве «Астрель-С-Пб». Печаталась в издательствах «Stella», «Дикси-пресс», «Петра-эдр», «АСТ».

Дипломант второй степени конкурса «Рукопись года» за 2017г в номинации «Детская проза».

Ссылки на сайты

<https://www.litres.ru/z/hanna-bochmanova-13327567/>

<https://www.litres.ru/z/hanna-bochmanova/>

Где ты, там я

– Ты все же хочешь её купить? – Марина нахмурилась. Опять Максим завел этот разговор!

– Ну, конечно, дурашка! Бэха, пять лет, за такие деньги! Это почти даром! Ты бы её видела! Машина – зверь! – глаза у Максима горели. – Ты только не злись! – погладил он её по плечу и повернул к ней экран планшета. – Посмотри.

На экране красовался черный внедорожник: и правда, зверь – мощный, приземистый, надёжно опирающийся на лапы-колеса. Марина покачала головой.

– Мне кажется, тут какой-то подвох. Сам подумай, почему за такую цену продают? – её не оставляла надежда образумить мужа.

– Да там хозяин совсем с катушек слетел – якобы в машине привидение живет или что-то вроде того.

– Ой, – она прижала руки к груди, – ты серьезно?

– Люди иногда сходят с ума. Зато такой шанс! – он лукаво улыбнулся, подошел и легонько провёл пальцами по тонкому столбику позвонков от шеи до пояса и как бы невзначай потянул язычок молнии на спине. – Маришка! Не будь букой! Слышишь? Наша песня. Это знак.

Из гостиной доносились ритмичные аккорды, и неповторимый голос Джо Кокера призывал любимую скинуть платье. Марина зарделась и закусила губу, стараясь не рассме-

яться.

– А если и правда в машине есть нечто... э... сверхъестественное? Что ты с этим будешь делать? – попыталась она все же отпихнуть его руку, блуждающую по телу.

– Я с ним договорюсь, – Максим сверкнул белозубой улыбкой и потянул ее к себе. – Ты же знаешь, какой я неотразимый! You can leave you hat on... – пропел он ей в ушко.

– Делай что хочешь, – не выдержала она, рассмеявшись. Вот такой он у неё: бесшабашный и самоуверенный. Самый лучший. – Покупай свое привидение с моторчиком, только учти, я в твоих шабашах участвовать не буду.

Максим обнял её, закружил, как бы ненароком увлекая в сторону спальни.

***

– Марина, Мариночка, – Настин голос выдернул её из полусна. Марина подняла тёмные, словно опавшие осенние листья, глаза. – Тебе поесть нужно. Давай чайку сделаю? – подруга присела на диван, с тревогой вглядываясь в лицо.

«Мне нужен Максим, – сказала она про себя, – а больше ничего не нужно», – и снова накрылась пледом, уйдя в спасительную темноту.

Она потеряла счёт времени после похорон. Вот как такое может быть? Вот был Максим, и вот – нет. И больше не будет. Никогда, никогда. Страшное непостижимое «никогда». И от этого она бессильно выла и в ярости кидала в стену всё, что попадало в руки. Утром приезжала Настя, давняя подруга,

убирала разбросанные разбитые вещи, качала головой, что-то говорила, говорила – про то, что жизнь продолжается, что время лечит, каких-то врачей предлагала – Марина просто кивала и продолжала лежать.

...В тот день ей не терпелось дождаться конца рабочего дня. Цветы от сотрудников в честь дня рождения стояли в вазе, а на вечер был заказан столик в ресторане.

«Марина? – напряжённый голос в телефоне заставил её поморщиться. Брат Макса вечно звонил в самый неподходящий момент и всегда нагружал своими проблемами. – Марина... приезжай, пожалуйста. Максим... с ним очень плохо. Ты приезжай», – он назвал адрес и быстро отключился, она даже не успела ничего понять. По дороге в больницу она всё уверяла себя, что это ошибка, что этого не может быть, это очередная шутка, розыгрыш, которые Максим частенько устраивал.

– Он остановился посередине дороги. Наверное, заглох. Я ему говорил, что эти бортовые компьютеры вечно зависают. – Брат Максима, дёрнул плечом и потёр глаза. – Там трасса оживлённая, фуры летают, как бешеные. Наверное, вышел аварийный знак поставить, и его сбил этот чёртов грузовик! – Костя стукнул рукой по стенке.

Марина неподвижно сидела у дверей морга, сжав побелевшие пальцы в тугий замок. Она слышала его, но не осознавала.

– Мне гаишник сказал – кто-то видел, как он метнулся

прямо под колеса. Темно, дождь начинался, так что никто не понял. А грузовик даже не затормозил... так и уехал. – Костя скорбно поджал губы и вздохнул.

Марина крепко зажмурилась, стараясь не видеть несущийся многотонный грузовик и маленького человека, отброшенного, словно тряпичная кукла. Изломанное тело на асфальте.

***

БМВ стояла в гараже – притаившийся зверь с хищным оскалом. Максима нет, а она есть. Гараж примыкал к дому, в него из прихожей вела дверь. Она впервые со смерти мужа зашла туда, села напротив, прямо на пол, и долго смотрела в пустые стеклянные глаза-фары. Из-за неё погиб Максим. Из-за неё. Машину проверили, та была полностью исправна, но Марина знала, что та специально заглохла, других объяснений не было.

«Это ты виновата, – сказала она, – ты. Ты убила его». В недрах мотора что-то щелкнуло, и на секунду ей показалось, что в глубине фар мигнул слабенький огонёк.

Марина села на мягкое сиденье, погладила светлую кожу. Казалось, что та еще хранит тепло тела Максима и запах его одеколona. Она зажмурилась, сдерживая слёзы, повернула ключ – стартер закричал, засипел и замолк – попыталась еще несколько раз, но без толку. Наконец Марина сдалась и вышла, громко хлопнув дверцей.

Ночью ей приснился звук работающего мотора. Она рез-

ко села в кровати. Звук не приснился. Мотор работал. Там, внизу, в гараже. Замерла, прислушиваясь. Нет, ей не кажется, это она – чёрная бездушная железка. Марина упала на подушку и накрылась с головой одеялом, пролежав без сна до восхода солнца.

Утром она долго прислушивалась к тишине в гараже, потом рискнула войти. БМВ блестела в полумраке матово-чёрными обводами. Она вздохнула с облегчением – приснилось. Провела ладонью по капоту и тут же отдернула руку. Не поверив, дотронулась еще раз. Капот был тёплый, почти горячий. Значит, не приснилось? Ключи висели в замке зажигания, Марина села внутрь и положила руки на руль, вдохнула знакомый запах, перевела дыхание, повернула ключ – негромко и ритмично застучало сердце машины. Приборная панель мигнула, вспыхнула разноцветьем лампочек, и хриплый голос Джо Кокера взорвался в тишине страстным призывом «...baby take off your dress. Yes, yes, yes...»

Она замерла, мгновенно покрывшись мурашками. «Ты, мразь! Не смей!» – и бросилась прочь сломя голову.

Эвакуатор подъехал к дому через два часа. Марина открыла ворота гаража, трос подцепили к фаркопу, и машина медленно поползла к выходу. Пусть её заберут, пусть она сгниёт где-нибудь на свалке...

Сначала заело лебёдку. Потом заглох эвакуатор. Копаясь в моторе, поранил руку водитель. Пока он с озабоченным видом отсасывал из раны кровь, туго натянутый трос лебёдки

лопнул и с хлестом ударил его по ногам. С громким воплем тот отскочил и принялся задирать штанину. На голени багровел огромный кровоподтёк.

Марина молча смотрела вслед уезжающему эвакуатору. Закрыла ворота. Долго сидела, тупо глядя в окно. Ночью из гаража снова доносился звук работающего двигателя, и иногда еле-еле слышалась мелодия.

***

Такси долго петляло по узким улочкам и, наконец, остановилось перед панельной пятиэтажкой. Марина нерешительно нажала на кнопку домофона, не особо надеясь на ответ. Но ей ответили и впустили, даже не спросив имени.

– Проходите, – седой дядька в халате и шлёпках буквально втащил её в квартиру, окинув цепким взглядом лестничную клетку. – Мне сегодня сколько? Два кубика или один? – И он принялся на ходу задирать полы халата.

– Я к вам по делу, – сказала Марина, войдя вслед за ним в комнату, обставленную старенькой мебелью.

Напротив продавленного дивана висел на стене плазменный телевизор.

– Вы кто? – встрепенулся дядька.

– Полгода назад вы продали машину, – сказала она и присела на стул. Ноги плохо держали её.

Глаза у дядьки раскрылись, как ей показалось, от ужаса. Он бросился к окну и, приоткрыв занавеску, стал озирать окрестности.

– Где она? – прошептал он хрипло.

– Кто?

– Она. Машина.

– Дома. В гараже. Я пришла...

– Я помню вашего мужа, – перебил он. – Что, он тоже?

А ведь я честно его предупреждал... предупреждал. А он смеялся, я помню. Помню. Никто мне не верит. Никто...

Марина сглотнула пересохшим горлом. Дядька прошлепал на кухню и вернулся со стаканом воды. Пока она пила, он сочувственно смотрел на её дрожащие руки. Да и сам-то он выглядел не лучше – дедок неопределённого возраста, с подергивающимся веком.

– Мне тоже никто не верит. – Марина стукнула стаканом об стол. – Мне кажется, я с ума схожу. Скажите, она что, правда, живая?

Дядька с тревогой посмотрел на неё, потом на дверь.

– О чем вы? Я ничего не знаю. У меня всё хорошо. Я не сумасшедший.

Марина оглянулась. Никого.

– Простите, вы, может, не поняли – мой муж купил у вас машину. С привидением. Я хотела узнать...

– Т-с-с! – дядька приложи палец к губам. – Она всё слышит. Её нельзя ругать. Понимаете?

– Нельзя ругать? – Марина недоуменно уставилась на него. – Машину нельзя ругать? А что будет?

– Она накажет, – дядька нервно дёрнул шейю.

Марина вспотела и провела рукой по мокрому лбу.

– Помогите мне! Мой муж погиб. А машина по ночам включается, и музыка играет. Я в гараж не захожу, боюсь. Подругу просила на ночь у меня остаться. Она в гараж спускалась, говорит, с машиной всё в порядке, никакой музыки. Но я-то слышу! Я спятила?

– Все немного сумасшедшие, – тоненько захихикал дядька, – а мы с вами особенно! Я вам ничем не смогу помочь. Ничем. Понимаете?

– Ну, как-то можно от неё избавиться? Что мне делать? – она почти кричала.

Дядька безучастно смотрел в окно, качая шлепком.

– Знаете, я завтра привезу её вам. На эвакуаторе. И оставлю под окном. Поняли?

Лицо у дядьки исказилось, он прижал дёрнувшееся веко ладонью и потянулся за пультом. Телевизор вспыхнул экраном и разразился громкими трелями – шла какая-то музыкальная передача. Марина зажала уши руками. Дядька поманил её пальцем и указал на место рядом с собой на диване. Она осторожно приблизилась и присела на краешек.

– Она всё слышит, – зашептал дядька ей в ухо. – Она очень мстительная. Я сразу понял. Я пытался избавиться от неё – хотел в кювет столкнуть. Вот видите, – он задрал полу халата и продемонстрировал ногу в шерстяном носке – перелом со смещением.

– А если я её продам? – в свою очередь зашептала Марина.

– Если она не захочет, её никто не купит. Я намучился...

– И продали её моему мужу, – громко сказала Марина и выключила телевизор. В оглушительно тишине, слышно было шумное дыхание дядьки. – Что мне делать? Говорите, иначе я точно сделаю, как обещала!

– Её нельзя убить, – забормотал дядька, – она уже умерла. Умерла...

– Кто?

– Она... Анна. Прямо в машине. Отравилась выхлопными газами, когда муж её бросил... О! Она не прощает измен...

– Но почему никто не слышит кроме меня музыки? Я сумасшедшая?

– Это она может... – дядька косился на дверь и к чему-то прислушивался. – Меня тоже в психи записали. Но я не псих, нет. Я ещё легко отделался, только неврозом. Другим повезло меньше... – он нервно хихикнул. – Простите, ко мне сейчас должны прийти. Я вам ничем не смогу помочь. Вы же видите...

Дядька принялся подталкивать Марину к двери. Она почувствовала нарастающее отчаяние.

– Это вы продали ее Максиму! Это вы его убили! – она схватила мужика за отвороты велюрового халата и принялась трясти. Голова у дядьки замоталась из стороны в сторону. От него пахло лекарствами и грязным бельём.

– После самоубийства Анны муж её недолго прожил. В квартире пожар случился, – просипел дядька, пытаясь ото-

драть её пальцы от халата. Совсем близко она увидела его мутные блеклые глаза. – Любовница его тоже вскоре погибла – нашли её возле машины на асфальте с пробитой головой, типа поскользнулась на льду. Следующий владелец машины ставил москитную сетку на окно и выпал прямо на глазах у семьи. А того, кто за ним, придавило дверью в гараже. Лежит теперь овощем на больничной койке. Вам мало? И это всё она! – Дядька всё же вырвался и отбежал от Марины подальше. – Уходите! Я не хочу снова влезать в это дерьмо! Вот! Она нос мне сломала, – он ткнул пальцем в костистый нос. – Выстрелила подушкой безопасности. На ровном месте. За то, что я её не помыл.

Домофон в прихожей заверещал. Дядька дёрнулся и умоляюще посмотрел на неё. «Уходите, пожалуйста», – прошептал он одними губами и метнулся к дверям. Марина пошла к выходу, опираясь рукой о стену. Стальной обруч сжал рёбра, не давая дышать.

Замок за спиной щёлкнул. Марина принялась медленно спускаться. Навстречу бодро поднимались мужчина и женщина, оба в чёрных костюмах с одинаковыми улыбками на лице. Она посторонилась, пропуская их на узкой лестнице. Мужчина улыбнулся и протянул тонкую брошюрку. «Хотите ли вы жить вечно?» прочитала Марина и, резко отшатнувшись, выбежала на улицу.

Сидя на лавочке у подъезда в ожидании такси, она всё дышала открытым ртом, пытаясь прогнать из лёгких спёртый

воздух убогой квартирки – ей казалось, что воздуха не хватает.

***

Вечером Марина снова решилась войти в гараж.

«Я знаю, что с тобой произошло, – сказала она. – Наверное, с тобой поступили несправедливо. Но при чём тут я и Максим?» Ответа не последовало, да она и не ждала. «Я точно сбрендила – разговариваю с грудой металлолома». Фары мигнули. Она вздрогнула и попятилась. Нашарила ручку двери гаража. Фары мигали без остановки в одном им ведомом ритме. Ручка повернулась и... осталась в руке. Марина посмотрела на фигурную железку. Безрезультатно потолкала дверь плечом. Нет, гараж строился на совесть. Максим всегда всё делал основательно. Ворота закрыты снаружи. Ей не выбраться. Телефон остался в сумке. Она попалась глупо, как крольчиха! И что теперь?

Мотор плавно и размерено заурчал. Заиграла музыка. Снова Джо Кокер. Из выхлопной трубы тоненькой струйкой потёк зловонный дым. Страх паучьими лапками побежал по спине. Марина подбежала к машине – ключей в замке зажигания нет – она умрёт, как та, неведомая ей женщина? А, может, так оно и лучше? Уснуть, не видеть, не слышать, не страдать? А что потом? Кому достанется это чудовище? Наверное, брату Максима. Молодой парень – тусовки, клубы. Его она тоже убьёт? Кто-то же должен остановить эту дьявольщину! Она вытерла слёзы, открыла дверцу и полезла под

приборную доску. Надо что-то отрезать или оторвать, чтобы отключить, знать бы как. Нечто блеснуло под педалью газа, и рука нашарила небольшой гладкий предмет. Марина выпрямилась, держа в руках золотой футлярчик помады. Все ещё не веря глазам, открыла, провернула основание, вытягивая наружу ярко-красный стержень, закусил губу. Не может этого быть! Нет!

***

– Марина! – кто-то тряс её за плечо. Она вскинула голову и с изумлением огляделась. Настя, нахмурившись, с тревогой смотрела на неё. – Ну, ты и напугала! Я тебе весь вечер звонила. А утром не выдержала, поехала. Еле нашла тебя. Ты всю ночь в машине проспала? Нет, надо тебе куда-то поехать, развеяться. Хочешь, путёвки посмотрю?

Марина вылезла из машины, с трудом разгибая затекшие ноги. Что вчера произошло? Она вспомнила, как машина внезапно заглохла, и гараж погрузился в тишину. Настя что-то говорила, Марина почти не слышала. Пальцы её ощутимо дрожали. Так и до психушки недалеко. Вскоре Настя, наконец, уехала.

– Привет! – Марина открыла дверь с водительской стороны. – Покатаешь меня?

Дрожащие руки не сразу вставили ключ в замок. Втайне она надеялась, что мотор не заведётся. Напрасно.

Мягко шурша гравием, БМВ плавно выкатилась со двора. Марина мчалась по кольцевой, не следя за спидометром. Ма-

шина послушно совершала манёвры, повинуясь малейшему движению руля. Казалось, она тоже соскучилась по трассе, по скорости, по ветру в лобовое стекло.

– Молодец! – шептала Марина. – Молодец! Хорошая девочка!

Они вернулись домой за полночь. При ярком свете прожектора она вымыла машину, насухо протёрла тряпкой. А потом набросилась на еду, как голодная кошка. Она уже сто лет не ела нормально и сто лет не была в душе. Марина принюхалась к себе и сморщилась. Мыться и спать. Если машина и работала ночью, то она не слышала, провалившись в глубокий сон.

Утром Марина пришла поздороваться с машиной, ловя себя на мысли, что такое сумасшествие ничуть не лучше, чем другое. Пила кофе в салоне и разговаривала обо всём, даже о том, о чём с лучшей подругой не могла. Сидеть в машине было приятно. Мягкое сиденье обволакивало тело, и руль сам ложился в руки. Она начала понимать, почему муж так много времени проводил со своей бэхой. Да и что делать в доме? Огромный, он казался сейчас пустым и холодным. И еще она постоянно думала о найденной помаде.

Вечером телефон тихонько тренькнул. Кто-то с неизвестного номера прислал ей видео. Марина нажала на кнопку воспроизведения и застыла. На экране на огромной скорости мчался грузовик, сминая колёсами того, кто ещё секун-

ду назад был полон жизни, надежды, любви, пусть не к ней, вернее, не только к ней. Что это такое? Кто это прислал?

Она отважилась посмотреть ролик ещё несколько раз. Зачем? Зачем он выбежал на трассу? Вот он достает из багажника аварийный знак, вот ставит его позади машины. А это что? Что-то мелькнуло сбоку, и Максим бросился за этой тенью. И тут же мимо пронесся грузовик. Она потёрла виски, в голове стоял туман.

Мощный рык оторвал её от экрана, улицу заливал свет фар огромной фуры.

– Хозяин! – зычно раздалось у ворот. – Хозяин! Откройвай, сова, медведь пришел!

За калиткой стоял улыбающийся мужик лет тридцати пяти, в бандане и белой майке, заправленной в спортивные штаны.

– Максимка-то дома? – спросил он. – Гостинцев я ему припер! Аж из самой Астрахани.

– Его нет! – выдавила она через силу и осела на пол.

***

– Ты уж прости! – мужик стоял над ней и махал перед носом платком – своей же банданой. – Я ж не знал, – он кивнул на фотографию Максима в траурной рамке на полке.

Марина огляделась: лежит на своём диване в гостиной, какой-то заросший щетиной бугай машет над ней вонючей тряпкой и сам тоже пахнет не розами.

– Вы кто? – прошептала она.

– Лёха. Лёха Маркелов. Не слыхала? Маркелыч, ну?

Она помотала головой. Сколько у Макса друзей? Всех раз-
уме упомнишь? Макс где только не работал и где только не
бывал.

– Ладно, пойду я. А рыбу возьми. Не пропадать же. Скажи
только, где могила? Схожу как-нибудь, проведаю.

– Стойте, – она потрясла головой и с трудом встала. – Куда
вы пойдёте? Ночь на дворе.

– Ничего. Машина мне и дом, и стол, и кровать. Три в
одном.

– Переночуете у нас. У меня. Вы же с дороги. – Она не
знала, что на неё нашло. Макс любил гостей, друзей у него
всегда было много, и часто кто-то приезжал, ночевал.

– Лады, – Лёху не пришлось долго уговаривать. – Тогда и
от чая не откажусь, – он улыбнулся и по-хозяйски огляделся.

***

– Так, значит, – Лёха задумчиво ковырял вилкой в тарел-
ке с картошкой. Марина уже всё ему рассказала. – Глупости
это всё. Прости, но после такого у кого угодно крышу снесет.
Психов кругом навалом, может, даже больше, чем нормаль-
ных людей. Всех слушать, сам чокнешься.

– Но ведь я слышала сама, и капот тёплый, так не бывает.
Он с сочувствием посмотрел и пожал плечами. Никто ей
не верит. Может, она давно уже сошла с ума и просто ещё
не поняла?

Лежала без сна, слушая раскатистый храп неожиданного го-

стя, ждала. Вот, началось. Тихонько загудел мотор, и чуть погодя раздались знакомые аккорды. Она закусила пододе-
-ьяльник зубами и заплакала. Как они любили друг друга под
эту музыку! Правильно, она сегодня не зашла в гараж, не по-
-желала машине спокойной ночи. Вот она и обиделась.

На первом этаже послышался шум. Лёха ходил по комна-
-те, шуршал чем-то. Раздался скрип двери, ведущей в гараж.
Он, что, собирается войти туда?

Марина пулей слетела вниз и застыла у входа. Леха само-
-забвенно возился под капотом, и что-то даже присвистывал.

– Вы что делаете? – хрипло прошептала она.

– Призраков твоих ищу, – он глянул на неё из-под локтя: –
Хитро придумано, однако.

– Что? Что? – Она спустилась со ступенек, пошатываясь,
опираясь на стену.

– Про сигналку с обратной связью слышала? – Марина
неуверенно кивнула. – Хрень такая, машину заводит дистан-
-ционно. Макс не ставил? – Она пожала плечами. – Кто-то её
тебе по ночам включает.

– А музыка? Всегда одна и та же песня?

– И с этим разберёмся, – Леха закрыл капот и полез в са-
-лон. Что-то там покрутил, повертел и поманил её сесть ря-
-дом. – Видишь, у тебя трек выставлен – одна и та же мелодия
записана по кругу. Как только зажигание включается, плеер
начинает играть. Как ты сама не догадалась?

Марина покачала головой. Она ведь выключила плеер и

даже радио не слушала – боялась.

– Значит, кто-то опять включил. Чудес-то не бывает. И машину заводят дистанционно, правда, радиус действия у этой штуки не сильно большой. Надо к самому дому подъехать. И не лень же кому-то было.

Но она всё ещё не верила.

– А как же эвакуатор? А ручка от двери в гараже?

– Разберёмся, – Лёха потянулся, с хрустом разминая суставы. – Кофейку бы сейчас, – протянул он мечтательно и скосил на неё глаз.

Она кивнула и побрела на кухню, запахиваясь в шаль.

***

– А ну-ка, малышка, покажи дяде, на что способна! – Лёшка уверенно сел за руль, отрегулировал сиденье. Машина плавно выехала на дорогу. Яркое утреннее солнце заиграло на чёрном капоте.

– Ты разговариваешь с машиной? Вчера ты говорил, что это бред!

– Машинка, как женщина, ласку любит, – хохотнул Лёха. – Я со своей всегда болтаю. А бред – считать, что в машину вселился дьявол или кто там ещё...

Настина машина стояла во дворе, значит, она еще не уехала на работу, правильно они рассчитали.

– Привет! – Настя, уже одетая и покрашенная, удивленно смотрела на здоровяка Лёху. – Как дела? Ты ко мне? Мне на работу скоро.

– Мы быстро, – Марина прошла в комнату и достала из сумки планшет.

Вчера Лёха, просмотрев запись аварии, заинтересовался мелькнувшей тенью. Что-то он там долго колдовал, она даже успела вздремнуть, положив руки на голову. Ему удалось увеличить тень – и они увидели фигуру в светлом плаще. Женскую фигуру. В знакомом Марине плаще.

– Ну и что? – Настя, все ещё бледная после просмотра видео, подняла на неё глаза. – Да, это я. Но это совсем не то, что ты думаешь. Мы покупали тебе подарок. Когда машина сломалась, я побежала через дорогу, хотела такси поймать. Макс... Он меня спас. Я не видела этот грузовик. Ты же знаешь, какая я растяпа! Он оттолкнул меня, а сам... – она махнула рукой и заплакала, размазывая косметику по лицу. – Я ничего не сказала никому, просто сбежала. Как бы я объяснила? Ты бы считала, что он погиб из-за меня, и как мне с этим жить?

– Ты и так с этим живёшь, – пробормотала Марина. – Помада твоя? – она вынула золотой футляр.

– Нет, не моя, – Настя удивлённо вскинула брови. – Это, кажется, Алёны. Помнишь, мы ей на день рождения набор подарили? Точно!

– Это всё лирика, – Леха хлопнул ладонью по столу, и все примолкли. – Кто, скажи мне, машину по ночам включает?

Настя уставилась на него, а потом как припадочная замотала головой.

Так они ничего от неё и не добились. Настя плакала и уверяла, что ничего не знает. Наконец Лёха встал и показал Марине глазами на выход.

***

– Ладно, хозяйка, – сказал Лёха, вылезая из машины. – Спасибо за приют. Поеду я. В рейс пора.

Марина только кивнула. Хорошо ему – поедет сейчас на Камчатку или в Астрахань. А ей-то что делать? Кто-то пытался её с ума свести, одна подруга врала, другая спала с её мужем... Фура зарычала и, пыхтя, словно огромное грузное животное, лязгая рессорами, отъехала прочь. Она долго смотрела вслед, зябко обняв себя руками. Опять одна в этом пустом и холодном доме – хоть умри, никто и не узнает.

До ночи Марина просидела на диване, закутавшись в плед. Получается, все её предали, даже машина – нет в ней никакой души, в этой грудё штампованного железа. А ведь она и правда разговаривала с ней, рассказывала, как они с Максимом познакомились, как в отпуск на море ездили... Смешно. Но ведь кто-то включал эту штуку? Чего он хотел добиться? Её смерти? Зачем? А может, он или они как раз сегодня придут убивать её? Или завтра... Она потерла лоб холодной рукой. Зачем ждать?

Нож лежал, как обычно, в ящике стола. Максим всегда точил его, когда затевал шашлыки. Странно, она ведь видела, видела, с каким обожанием на него смотрят другие женщины, но даже представить не могла, что всё так банально: её

муж – обычный смазливый бабник. Она примерилась лезвием к запястью: говорят, это самая лёгкая смерть – сознание медленно гаснет, и всё – представила, как острая сталь рассекает пульсирующую вену и на пол медленно потечёт тонкая алая струйка. Сердце забилось часто и громко. Она надавила сильнее и закрыла глаза. В кармане завибрировал мобильник. Нож с тихим звяком упал на пол. Дрожащими руками она вытащила телефон. Кто это? Кто? Лёха?!

«Ты дома? Открывай, давай», – приказал он. Марина радостно рванулась к дверям. На крыльце, и правда, возвышался Лёха, а подмышкой у него кто-то копошился, повизгивая и поскуливая. Она попятилась. Лёха со своей ношей перевалился через порог, огляделся, рукой провел по косяку, нашарил выключатель, жёлтый свет озарил комнату. Щуря ослепшие глаза, она не сразу разглядела, кого притащил Лёха.

– Костя?

– Пусти! – завопил брат Максима, выдираясь из Лёхиных рук. – Блин! Что за хрень!

– А, так ты его знаешь? – хмыкнул Лёха.

– Это брат мужа, – удивлённо кивнула она. – А ты что здесь делаешь? Ты же уехал?

– Никуда я не уехал, – снисходительно усмехнулся Лёха. – Я фуру отогнал на стоянку, а сам в засаду. Хотелось мне посмотреть, кто тут привидение изображает.

– Марина, – почти фальцетом произнес Костя. – Кто это? Тебе не кажется немного непорядочным приводить в дом му-

жика, когда ещё и сорока дней не прошло? А?!

– Лёша, – Марина потрогала щёки руками – ледяные пальцы обожгли кожу, – ты хотел помочь, спасибо тебе, но это уже слишком...

– А пойдёмте-ка, – Лёша сгрёб Костю за плечи и легонько подтолкнул вглубь дома. – Сейчас мы всё и выясним.

Ей ничего не оставалось, как пойти за ними в гараж. Мотор БМВ размеренно урчал.

– Но почему? – Марина удивлённо посмотрела на Лёху.

– А потому. – Он прислонил Костю к стеночке и аккуратно обхлопал его по карманам. Вытащил связку ключей и вложил ей в руки. – Брелок от машины узнаёшь? Нажми.

Она нажала. Машина замолчала. Марина нажала еще раз. Машина завелась. Она закусила губу и заглушила мотор.

– Костя? – голос её прозвучал по-детски жалобно. – Костя? Зачем?

– Я специально не стал отключать сигналку, – похвастался Лёха, – знал, что не угомонится, паскуда! На горячем поймал!

– Ну и что? – с вызовом посмотрел на них Костя. – Что? Это даже на хулиганку не тянет. Какие у вас доказательства? Я брелок на улице нашел. Или вы мне его подбросили! И вообще, кто это такой? Марина, ты уверена, что не он это всё подстроил?

– Мне-то зачем? – удивился Лёха.

– А затем! Откуда ты взялся?

– Это друг Максима, – не очень уверенно ответила она.

– Ага! Я друзей Максима всех знаю. Не было у него такого!

– Что ты знаешь! – вскипел Леха. – Что ты знаешь, кроме своих баров да клубов? Едрить тебя через коромысло!

– Стойте! – Марина сжала голову руками. – Костя! Зачем ты включал машину? Ты хотел меня с ума свести? Зачем? Видео тоже ты прислал? За что? Что я тебе сделала?

Костя угрюмо отвернулся.

– Я тебе скажу, зачем, – Лёха прислонился к капоту. – Помнишь, я у тебя спрашивал, как машина в гараж попала, да кто ею после аварии занимался? Ты сказала, брат мужа. Значит, была у него возможность и с сигналкой разобраться, и музыку на плеер закачать. Я тут справки-то навёл – есть у меня связи – долгов у нашего Кости, аки блох у барбоски. А отдавать нечем, квартира давно у банка в залоге. А тут дом с приличным участком. Брат погиб, его вдова руки на себя наложила – и вот он уже в права наследства вступает. Так ведь? – он тряхнул Костю за шиворот. – Только вот интересно, стал бы он ждать, пока ты сама в петлю залезешь или помог бы? Судя по тому, кому он задолжал, не стал бы. К тому же все дружно подтвердят, что у вдовы башню снесло после смерти горячо любимого мужа, так что и разбираться не будут. Всё одно к одному сложилось: и псих этот, бывший владелец, который тебя уверил, что в машине нечистая сила завелась, и подруга, которая якобы не слышала, как машина

работает и музыка играет.

– Она и правда не слышала.

– Я-то услышал, – Лёха рубанул воздух рукой. – А вот почему она не слышала, вопрос!

– Настя? – Марина посмотрела на Костю. Тот демонстративно отвернулся.

– Ага, – Лёха ослабился и, ловко цапнув Костю за плечо, вытащил из нагрудного кармана его джинсовки телефон. – Уверен, что Костя с Настей ни дня друг без друга прожить не могут.

Костя бессильно подёргал руками у Лехи перед носом, но тот отмахнулся, как от комара.

– Ну что я говорил! Смотри! – он сунул Марине под нос телефон. – Помнишь, ты в гараже застряла, когда ручка оторвалась? Кто-то шурупчики-то отвинтил! Я не зря расспрашивал, кто у тебя бывает. Ты только одно имя называла – Настя. Настя ручку открутила и аккуратно на место поставила. Расчет, конечно, хиленький был – могла пойти в гараж, могла не пойти. Но если бы пошла – а ты пошла – обратно уже не вернулась бы. Не зря Настя с утра примчалась – посмотреть, получилось ли. Опять же музыка эта. Кто мог знать про вашу любимую песню? Лучшая подруга. Ты ведь ей рассказывала?

Марина кивнула. Ладно, Костя – паршивая овца. Максим вечно его из передряг вытаскивал, долги покрывал. Но Настя? Зачем?

– Да чёрт его знает! – Лёха пожал плечами. – Пойми этих

уродов. Это ж не люди, так... недоразумение одно. – Слышь, ты, недоразумение? Если вы свои штучки-дрючки не прекратите, я вас рядом положу и пару раз туда-сюда на своей маа-аленькой машинке прокачусь, усек? – Лёха потрянул Костю за шкирку. Тот мотал головой, словно китайский болванчик, и Леха, еще раз потрянув его словно грушу, поволок к выходу.

– Ну вот, – Леха вернулся, отряхивая руки, – в позу поставил и придал начальное ускорение. – Он покачал в воздухе ботинком сорок пятого размера.

Марина присела на диван. Все казалось нереальным, зыбким, как сон.

– Ты чего? – Лёха налил в кружку холодный чай.

Марина пожалала плечами, с неловкостью вспомнив, как чуть не бросилась ему на шею. Господи, она так одинока!

– Да так... выходит, никому верить нельзя?

Вообще-то, она ожидала ответа «мне можно», но не дождалась.

– Ничего, всё пройдет. Люди, они разные. Хороших много. Я по стране всю жизнь мотаюсь, всяких встречал, но хороших больше. А ты не раскисай. Эти тебя больше не тронут – знаю я их – от страха в штаны наложили, теперь паиньками будут.

Огромным глотком он допил чай и прежде, чем она что-то успела сказать, вышел за дверь, махнув рукой на прощание. Конечно, кто она ему? Максим другом был, а она?

***

Утром Марина критически осматривала в зеркале осунувшееся лицо, тусклые, сбитые в колтун волосы. Н-да! Вот кто на привидение похож! Любой бы сбежал. Нет, ну как она могла поддаться на всю эту мистическую чепуху? Видно, с горя разум помутился, в таком состоянии в любую ересь поверишь. Но ведь владельцы машины умирали? Да. Или это стечение обстоятельств? И ещё ей очень хотелось поговорить с Настей, в глаза ей посмотреть. Неужели всё из-за той истории с повышением? Они обе претендовали на эту должность, но начальство выбрало Марину. Телефонный звонок прервал размышления.

– Смирнова Марина Игоревна? – Казённый и усталый голос заставил её замереть в предчувствии беды. – Старший инспектор ГИБДД...

Она молча слушала, с трудом понимая, что ей говорят – Смирнов Константин и Воробьёва Настя попали в ДТП сегодня рано утром.

Марина поехала в отделение ГИБДД. Долго сидела там, тиская руки, но, в конце концов, дождалась инспектора, выезжавшего на аварию. Ей показали запись с видеорегистратора Настиной машины.

Широко открытыми глазами Марина с ужасом смотрела на экран, на летящую прямо в лоб чёрную смерть с еле различимым логотипом БМВ. Настя, пытаясь избежать столкновения, уходит вправо, налетает на ограждение и дальше только мелькающие в беспорядке кадры.

«Водитель и пассажир скончались от травм, несовместимых с жизнью. Виновник аварии скрылся, номер установить не удалось».

Марина слушала сухой протокольный отчет, ощущая колокольный звон в ушах. Это просто совпадение. Мало ли чёрных БМВ в городе? «Совпадение, совпадение», – твердила она себе, как мантру. Машина смиренно стояла на парковке. Марина села за руль, погладила приборную панель, скорее, по привычке. Она иногда думала о той, что умерла здесь, на этом самом месте, и всегда становилось жутковато. Как её звали? Анна, кажется.

– Ведь ты не при чём, да? – прошептала она. – Не при чём? Они сами? Сами? И я не при чём. Не при чём.

Они мчались по трассе куда глаза глядят. Марина то разгоняла машину чуть не до максимума, то еле плелась. Скорость успокаивала, не давала возможности думать ни о чём, кроме дороги. Впереди показался карман, где стайкой сгрудились несколько фур. Ей показалось, она узнала машину! Резко крутанув руль, ворвалась на стоянку. Водилы, курившие группкой, изумленно уставились на неё.

– А где Алексей? – спросила она, кивнув на первый с края грузовик.

Рослый парень в кожаной жилетке бросил под ноги окурок и цапнул её взглядом.

– Нет его, – буркнул он и полез в кабину.

***

Она давила на кнопку звонка так, что онемел палец. Наконец за дверью зашаркали шаги и кто-то, глянув в глазок, помедлив немного, всё же открыл.

– Проходи, – Лёха с мокрой головой, с полотенцем вокруг бёдер, посторонился, пропуская её внутрь. – Извини за вид, я мылся.

– А я думала, пускать не хочешь.

Марина с любопытством огляделась. Просторная комната, не идеально, но чистая – нора холостяка. Из мебели диван, шкаф, стол и полки, много полок. А ещё фотографии, которые висели на стенах, лежали на столе, полу и вообще везде.

Лешка сменил полотенце на джинсы и майку. Трёхдневная щетина уже не украшала его лицо, гладко выбритый, он мало походил на водителя грузовика.

– Ты не в рейсе? – спросила она.

– Перестань, – махнул он. – Раз ты здесь, значит, знаешь, что я не дальнбойщик. Мне Серый звонил, рассказал, как ты его измором взяла, выпытала адрес.

– Зачем тебе это? – Марина пытливо смотрела на него.

Водитель фуры долго отнекивался, мол, не знаю ничего, уж она и грозила, и подлизывалась, он сдался, когда Марина заплакала, и признался, что одолжил машину на пару дней знакомому. А вот зачем это было надо, она надеялась услышать от него самого, от Лёшки. И ещё – кого-то он ей напоминал. Кого?

– Ты меня, наверное, возненавидишь, но так и быть, расскажу. Фуру, сбившую твоего мужа, так и не нашли. Моросило, номеров никто не запомнил. – Он перевёл дыхание. – Это друг мой. Хороший друг. Он ехал с грузом, с липовыми накладными, испугался, что гаишники докопаются, и он не только под статью попадет, но еще и на бабки. Жена у него вторым беременна, вот-вот родит. Нельзя ему в тюрьму. Вот и уехал. Но он же не урод, переживал сильно. Позвонил, рассказал. Я и решил найти родственников, узнать что да как, может, надо деньгами помочь или еще чем.

– Помог? – Она всё не могла посмотреть ему в глаза.

– Ты мне скажи, – Лёшка присел на подлокотник дивана. – Не знаю, Марин. Я тебя увидел, такая испуганная – пять минут до смерти, глаза в пол-лица, ну, думаю, беда совсем. Мне беда.

– Ты поэтому умчался, как ошпаренный?

– Надо было Серёге машину вернуть, ему в рейс, он мне плешь проел. Я бы потом приехал. Честно.

– Ты врал. Так бы и дальше врал?

– Я не знал, как сказать.

– Да ты бы никогда не сказал! А вдруг я в полицию пойду?

– Право твоё. Делай, как хочешь. Друг-то не виноват, муж твой сам под колёса выбежал, ты видела. Это просто несчастный случай. Максима не вернёшь, а мужик на нары сядет, семья без кормильца останется. Он и так себя казнит.

Взгляд её упал на снимок в рамке над рабочим столом.

Легко узнаваемый министр обороны пожимал руку мужчине, в котором с трудом, но угадывался лжедальнобойщик Лёха.

– Ты врал. Другом Максима прикинулся. Я поверила. А ещё говорил, что хороших людей много. Где? Где? Пошли вы все!

Хлопнула дверь. Раздался дробный стук каблуков. Лёшка мрачно смотрел в стену и размеренно бил кулаком в ладонь.

***

– Представляешь! – кричала Марина, вжимая педаль акселератора в пол, – он мне врал! Я чего угодно ожидала, думала, может, он женат или ещё что. Но такого – нет! – машина возмущённо редела в ответ и яростно рвалась вперёд.

Дом стоял тёмный, нахохлившийся. Она почувствовала вину – совсем его забросила. Хотя бы камин надо по вечерам разжигать. Марина щёлкнула тумблер у калитки. Лампочки во дворе не загорелись. Опять что-то с проводкой. А машину-то надо помыть и в гараж поставить. «Я только чаю попью, передохну немного, фонарик найду и всё сделаю», – пообещала она не то себе, не то ей.

Света не было и в доме. Тьфу! Как утомил сельский быт – без мужских рук туго придётся. За спиной послышался шорох, кто-то толкнул её на пол, она ударилась об угол стола и сдавленно вскрикнула. В темноте угадывалось несколько размытых фигур.

– Молчи, тварь! – прошипела ей на ухо одна из них.

Люстра под потолком вспыхнула, осветив комнату и трёх мрачного вида парней.

– Вы кто? – задыхаясь от страха, просипела Марина.

– Пихто! – низенький здоровяк, видно, главный в компании, окинул помещение взглядом. – Похоронная команда! Костя нам бабок должен.

– Костя погиб, – выдавила она с трудом.

– В курсе, – коротыш кивнул. – А мне по барабану. Долги надо возвращать. Не по-людски это.

– У меня нет денег.

– А мне по барабану. Жить захочешь, найдёшь. Три лимона с тебя.

Марина закусил губу и поднялась с пола. Села на диван.

– Я к Костиным долгам отношения не имею. Он брат моего покойного мужа. Денег нет. Хоть убейте. Деньги же от этого не появятся. Можете машину забрать.

– Да что она стоит? – презрительно скривился коротыш. – Мне бабки нужны, бабки! Ты что, не сечёшь? Или ты бессмертная? Или на круг тебя никогда не ставили? А нас тут трое, и мы тебя, как Тузик грелку!

– Как хотите. Машина, единственное, что есть. Дом мужу покойному принадлежал, раньше чем через полгода всё равно не смогу продать. Забирайте машину. Остальные деньги буду собирать, – она говорила механически, словно робот. Даже страх прошел – устала бояться.

Коротыш о чём-то посоветался с остальными, она слы-

шала только невнятное бормотание. У неё в голове гудело, и всё опять казалось нереальным, зыбким, как во сне.

– Ладно, – он вытряхнул её сумку на стол, выхватил из кучи пластиковый конверт с документами и брелок с ключами. – Ещё надо оценить твою колымагу, что стоит. И деньги собирай. Срок – неделя. Ментам стукнешь – не жить тебе, падла! На куски порежу. Пойдём машину смотреть.

Он сдернул её с дивана и, грубо толкая в спину, погнал на улицу. У неё даже мыслей никаких не было. Пустота какая-то. Она безучастно смотрела, как коротыш залез в БМВ и повернул ключ. Стартер чихал, кашлял, но не заводился.

Коротыш высунулся из машины, щедро сыпля ругательствами.

– У тебя же бензина нет, твою мать! Как ты на ней ехала-то?

Марина еле пожала плечами, наверное, бесполезно рассказывать, что час назад она залила полный бак.

– Давай с нашей отольем, – к бэхе подбежал один из парней. – До заправки хватит.

Она прислонилась к забору и прикрыла глаза, приказав себе потерпеть ещё немного.

«А-а-а-а!» – раздался страшный крик.

Марина встрепенулась и отшатнулась в испуге. На чёрных боках БМВ кроваво отсвечивали языки пламени. Возле «Тойоты», воя от боли, катался по земле один из подельников коротыша, пытаясь сбить пламя с одежды. Вокруг него

метался в панике второй. Коротыш, чертыхаясь, побежал, на ходу снимая куртку, принялся лупить по огненным языкам, уже лижущим бока автомобиля. Потом метнулся к багажнику, выхватил оттуда огнетушитель, направил сопло на огонь – раздался хлопок, и коротыш упал, хрипя и зажимая лицо руками. Ноги его мелко-мелко сучили по земле. К её ногам подкатился развороченный огнетушитель. На улицу высыпали соседи.

– Марина! – громкий крик заставил обернуться. К ней со всех ног мчался Лёха. – Марина! – он подбежал и схватил её за руки. – Ты цела? Ты в порядке? – Она кивнула, все еще пребывая в ступоре. – Что тут у вас происходит? Там же бензобак сейчас взорвется! Эй! – закричал Лёха. – Всем отойти! Отойти! Слушай, надо бэху отогнать, неровен час, загорится, – и прежде чем Марина поняла, что он собирается делать, сел в машину, завёл мотор и тронулся с места.

Впереди начиналась развилка, посередине стоял толстый бетонный столб, на котором крепилась трансформаторная будка, и Леха, не сворачивая, пёр прямо на этот столб, быстро набирая скорость. Марина внезапно ахнула и бросилась вслед.

– Стой! Стой! – заорала она. Как её звали? Анна, Аня? Нет, не то. Что-то щёлкнуло у неё в уме. – Нюша! Остановись! Нюша! Я люблю его! Стой! – Отчаянный крик взлетел в ночное небо и вспыхнул мириадами огненных брызг.

Когда Марина, задыхаясь, добежала до машины, до стол-

ба оставалось пара сантиметров. Леха всё ещё сидел за рулём, неподвижно уставившись в одну точку. Она распахнула дверь и вытащила его наружу.

– Ты цел, цел? – Марина смотрела на него во все глаза и трясла за куртку.

– Живой, – потрясённо откликнулся он. – Что это было? Тормоза отказали, я за ручник – он заел, хотел дверь открыть – не получается, а эта прёт и прёт вперед, прямо в трансформатор, у меня вся жизнь перед глазами пронеслась. Не врут люди-то! Я так и не понял, как я её остановил?

– Она сама остановилась, – Марина прижалась щекой к его груди. – Она такая, с характером. Но я тебе расскажу, как с ней нужно обращаться. Вы должны подружиться.

На их лицах плясали сполохи огня – вдали догорала «Тойота».

***

«Нюша – вот значит, как тебя зовут, – Марина, прошлась последний раз тряпкой по лобовому стеклу, убирая разводы. – Смотри, какая ты чистенькая и красивая. Спокойной ночи, Нюша».

– Намыла? – Лёха стоял рядом и прихлёбывал чай из огромной кружки. – И всё же это какая-то мистическая хрень. Чтоб машина на имя отзывалась да ещё и правила свои тебе диктовала. Не находишь?

– Мне пофиг. Она живая, и тебе придётся с этим смириться. Всё равно тебе на ней не ездить.

– Это ещё почему?

– Она тебя не повезёт.

– Раньше возила.

– Когда ты мне помогал. А сейчас у тебя непонятный статус. И вообще ты подозрительная личность, хоть и журналист или кто?

– Военкор, – Лёха почесал голову. – Ладно, со статусом определимся. Главное, чтобы она по ночам не пила кровь невинных младенцев. – Он скорчил зверскую рожу, и Марина невольно рассмеялась.

Может, Лешка прав, всё это просто цепь случайностей – пролившийся бензин вспыхнул от искры, неисправный огне-тушитель взорвался, тормоза отказали. Но она не будет искушать судьбу. Она не стала допытываться у него, зачем он приперся ночью к ней домой. Раз приехал, значит, так нужно. Ему. И ей тоже.

– Пойдём? – Лёшка открыл дверь гаража.

– Подожди, – ей вдруг захотелось сделать одну вещь, и она, на шарив в кармане брелок с ключом, нажала кнопку.

«Пускай всегда где ты, там я...» – раздалось из динамиков. И Марина громко засмеялась.

– Ты чего? – удивился Лешка.

– Это Нюша поет. Певица такая есть, – Марина вытерла заслезившийся глаз. – Скажи Нюше спокойной ночи. Пожалуйста.

– Вот блин! – Лёшка нахмурил лоб. – Ну, ладно. Спокой-

ной ночи... Ньюша.

Марина задержалась в дверях, ещё раз оглянувшись. Пусть Лёшка не верит. Даже если у них ничего не получится, она не будет одинока – теперь у неё есть свое личное привидение. С моторчиком. Подружка. Ньюша.

– Пока, Ньюша, до завтра, – прошептала она. – Пускай где ты, там я. Теперь так. Навсегда.

Папина дочка

1

Дом встретил Егора непривычной тишиной. Пока он раздевался, из кухни выглянула Аля, расцвела улыбкой и радостно помахала лопаткой в руке. Ноздри его затрепетали, уловив запах выпечки. Желудок, целый день живший на одном кофе, радостно заурчал. А вот Тошка почему-то не выбежала навстречу как обычно. Опять дуется? Что на этот раз? Из-за Серафимы, что ли? Неделю назад Егор решил отказаться от услуг старушки-няньки, приглядывавшей за дочерью. Серафима с Алей не сошлись характером, а ему дома хотелось покоя, а не кухонных битв.

Егор заглянул в комнату дочери. Тошка калачиком лежала на диване.

– По какому поводу грусть? Двойку, что ли, получила? – он присел рядом и дернул дочь за тонкую косичку. Тошка вздохнула.

Взгляд Егора задержался на семейной фотографии над столом. Снимок из той жизни, из счастливой. Егор и Ни-на весело улыбаются. Тошка, с пышными бантами на голове, сжимает в руках букет. Первоклассница. Серые глаза, пепельно-русые волосы, упрямый подбородок. Папина дочка. Как будто вчера все было, и вот уже четвертый класс.

– Пойдем ужинать, хватит страдать! – Он решительно

сгрел дочь с дивана, поставил на ноги и увидел широко открытые серые глаза, полные слез, распухшую красную щеку и темнеющий на скуле синяк.

– Это что? – изумился Егор. – Откуда? Кто? Это в школе?! Да не молчи ты!

– Она не хотела, пап, – прошептала Тошка. – Я сама... сама виновата. Я блузку испачкала...

Кровь мгновенно бросилась Егору в голову, в ушах зашумело, он выбежал из комнаты и помчался в сторону кухни.

– Егор! – Аля обернулась от плиты. – Ну, где вы там? Все готово, – она кивнула на горку золотистых оладий в фарфоровой миске. – Ты почему не переоделся? А руки помыл?

– Не помыл, – глухо сказал Егор, раздувая ноздри, пытаюсь сдержать ярость, рвущуюся наружу. – Мне тоже по морде съездишь?

– Ты что? – пролепетала она. – Ты о чем?

– Дрянь! – прошипел он багровея. – Убирайся! Немедленно! Сейчас! Пошла вон! – лицо его исказилось, и Егор с грохотом саданул стулом об пол.

Аля медленно обогнула стол и попятилась в прихожую. Какая муха его укусила? Егора она знала уже лет пятнадцать ну и любила примерно столько же. Из них получилась бы красивая пара. Оба высокие, светловолосые. Да, Аля любила Егора, а он любил Нину. И Аля смирилась. Пусть хоть так, краешком по судьбе, но пройти. Да, характер у Егора непростой и вспыльчивый, но никогда раньше он не кричал на нее,

Алю, вот так – бешено сверкая глазами и брызгая слюной.

– Послушай, – пролепетала она, – может, объяснишь, что случилось?

– Заткнись! – рывкнул Егор, и Аля мгновенно захлебнулась слезами.

Замок щелкнул, Егор прислонился лбом к холодной поверхности двери. В висках все еще стучало. Он пару раз глубоко вздохнул. Стало легче. Наверное, и правда, есть на свете только одна любовь. Единственная. Все остальное лишь попытка заменить оригинал, избавиться от ноющей боли в груди.

– Па-а-п? – раздался голос дочери. – А ты чего?

– Все хорошо, – улыбнулся он через силу. – Я Алю проводил. Она уехала.

– Совсем? – Тошка держалась рукой за щеку. Егор кивнул. – А я есть хочу, – шмыгнула она. – Я деньги дома забыла. Я потому сразу на кухню и пошла, что мне кушать очень хотелось, а она... и потом я... – одинокая слезинка скатилась по ее щеке.

– Ну, все, все, – Егор подхватил дочку на руки и понес на кухню. – Сейчас мы чаю попьем. С бутербродами. Да?

Тошка кивнула, слабо улыбнувшись сквозь слезы. К миске с оладьями они так и не притронулись. Утром Егор скинул их в мусорку, туда же отправились и всевозможные амулеты и обереги, щедро развешанные Алей по всему дому.

***

Телевизор на стене беззвучно работал, цветные сполохи плясали по комнате. Егор плотно закрыл дверь в детскую, чтобы не разбудить Тошку. Павел, старый друг, заехал поздно вечером, и они негромко обсуждали завтрашнюю поездку.

– Нам бы завтра пораньше тронуться, до пробок. Давно мы с тобой на речку не ездили! Помнишь, как раньше? – начал Павел и осекся.

Егор, странно вздрогнув плечами, кивнул. Да, давно. Год с небольшим. С тех пор как заболела жена.

– Зря ты на клинику в суд не подал, – правильно истолковал его вздох Павел. – Я бы тебе толкового адвоката из своих парней выделил, зря, ей-богу, зря.

Павел заведовал юридической фирмой и, несмотря на внешность весельчака-балагура, обладал бульдожьей хваткой успешного адвоката. Егор вздохнул.

– Они сделали, что могли. Кто же знал, что этот прибор выключится? Чертовщина какая-то, – Егор залпом допил коньяк из стакана. – Как будто проклял кто. Ты же помнишь, какая Нина была веселая, легкая? И вдруг как подменили – ревность без причины, скандалы, истерики, головные боли эти ужасные. Надо было сразу ее к врачам тащить, а я с ней ругался. Думал, бабья блажь... А теперь уже ничего не изменишь...

– Ладно, – сказал Павел поднимаясь, – время позднее, пойду. На моей машине поедем? Может, тогда сразу вещи в

багажник сложим, чтоб завтра время не терять?

Пока Егор искал в недрах квартиры рыбацкое снаряжение, Павел шумно возился в прихожей, натягивая ботинки.

– Привет, Тонечка, – кивнул он, заметив выглядывающую из-за угла смущенную физиономию девочки. – Ты чего не спишь? Поздно уже.

– Привет. Дядя Паша, а вы с папой куда-то завтра едете? – Тошка вышла в коридор.

– Едем, едем! – Павел улыбнулся. – Сто лет не выбирались. Егор вон зеленого цвета уже. Ему свежий воздух нужен.

– А я? – губы ее капризно надулись.

– Ну, Тонечка, мы же на денек только. Вечером приедем. Тошка нахмурила светлые бровки и, казалось, задумалась.

– А вот я папе скажу, что вы ко мне приставали, – решительно вскинула она голову.

– Как приставал, ты о чем?

– А вот так. Щупали меня, вот!

– Ты что мелешь? Тонька, ты что? – громким шепотом возмутился Павел, мгновенно вспотев. – Да ты в своем уме? Ты сериалов, что ли, посмотрелась? Я вот Егору скажу...

Тошка лишь плечами пожала. Павел посмотрел в ее ясные серые глаза. Как, откуда в этой головенке такие мысли? Да не трогал он ее никогда. Ну, возился с малышкой, летом на даче. Неужели она могла решить, что?.. И пока мысли сайгака-

ми носились в его голове, девочка улыбнулась. Улыбнулась совсем по-взрослому, той самой улыбкой, какую Павел не раз видел у взрослых прожженных сук. И вспотел еще больше. Даже если и не поверит Егор дочери, все равно дружбе их, многолетней и прочной, в одно мгновение придет конец... Хотя какое не поверит! Он за Тошку и убить может! И ничего ты не докажешь, хоть умри! И тут он сдался и чуть слышно пробормотал:

– Ты чего добиваешься, а?

– Мы с папой в аквапарке давно не были, – скромно потупилась Тошка.

– Понятно, – кивнул Павел и провел рукой по мокрому лбу.

Егор вынырнул из комнаты с рюкзаком и спиннингом.

– Еле нашел, – выдохнул он. – О, дочурка! Ну-ка марш в постель. Я рано уеду, а ты с Серафимой Борисовной останешься.

После разрыва с Алей, Егор искал кого-то с кем можно оставлять дочь, но лучше старой Серафимы так и не нашел.

Тошка послушно кивнула, продолжая смотреть на Павла влажными глазами.

– Тут, знаешь, какое дело, – пробормотал Павел, не сводя взгляда с безмятежного лица девочки. – Жена только что позвонила, мать у нее заболела. Придется ехать. Сам понимаешь, теща – это святое!

– Черт! – Егор уронил рюкзак на пол. – Ладно, Павел, не

судьба, видать. Ну, может, на следующие выходные?

– Ага, давай попробуем, – Павел заспешил, засуетился. Наскоро пожал руку Егору и вывалился за дверь, чувствуя, как колотится сердце и ноет в правом боку.

Егор задумчиво смотрел на рюкзак под ногами. Этот рюкзак тоже из той жизни, из счастливой. Вспомнил, как плясали тонкие пальцы по грифу гитары. Нину он увидел у костра в одном из студенческих турпоходов. Нет, сначала услышал. Низкий грудной голос. «Я здесь, Инезилья, я здесь под окном...» – пела она, и ладная шапочка каштановых волос на ее голове вздрагивала в такт аккордам. И Егор почувствовал себя сразу и Дон Жуаном, и Доном Сезаром...

– Па-а-ап! – Тошка потрясла его за руку. – А мы в аквапарк завтра пойдем?

– Да, – машинально кивнул Егор, – пойдем, да. – Он посмотрел на дочь, переминающуюся босыми ногами на холодном полу. Ее глаза с надеждой смотрели из-под растрепанной челки. Егор почувствовал комок в горле. – Ну что ты, мышка? Конечно, пойдем! – он подхватил дочь на руки и подбросил в воздух. – Ну и тяжелая ты стала, однако! Скоро меня перерастешь!

Уложив дочку и бережно накрыв одеялом, Егор вернулся в комнату, долго смотрел на недопитую бутылку, борясь с искушением. Иногда он завидовал алкоголикам. Если б можно было напиться и забыться. Забыть, что где-то умирает самый любимый человек, и ты ничем не можешь ему помочь.

Он ясно помнил тот день. После сложной операции Нина лежала в реанимации, подключенная к какому-то хитрому аппарату, но мужу и дочери разрешили навестить ее. Он и вышел-то переговорить с лечащим врачом на минутку. А когда вернулся, первое, что увидел – ровную зеленую линию на мониторе, дефибриллятор в руках у врача, а уж потом испуганные глаза дочери, которую медсестра тащила из палаты. Нину удалось откачать, но из комы она так и не вышла. Егор вздохнул и потер лицо. Никак нельзя раскисать. У Тошки, кроме него, никого нет.

Часы на стене тихо шептали «тик-так, тик-так». Тошка прислушивалась к звукам из гостиной – вот папа выключил телевизор и ушел к себе. Наверное, будет сидеть полночи за компьютером, работать. Как хорошо знать, что папа всегда рядом с тобой – умный и смелый, самый лучший на свете. Только ее и больше ничей. Тошка улыбнулась, вспомнив растерянность и даже страх в глазах дяди Паши. Избавиться от него оказалось еще проще, чем от ненавистной Али. Так же легко, как нажать кнопку на серо-белом корпусе аппарата. А потом молча наблюдать, как зеленые зигзаги на мониторе становятся меньше, реже и постепенно затухают совсем, превращаясь в унылую ровную линию. Главное, не смотреть на неподвижную фигуру на кровати, опутанную проводами и трубками. Это не мама. Это не может быть мамой. Это что-то, отнявшее у нее отца, то, из-за чего его никогда не бывало дома. Она просто хотела освободить папу. Но теперь все бу-

дет иначе, все будет хорошо. Завтра они пойдут в аквапарк, и на следующие выходные тоже куда-нибудь пойдут, и так будет всегда. Тошка повернулась на бок, подложив ладошки под щеку. Через минуту она уже крепко спала.

2

Непривычно теплый ноябрь выдался в этом году. Несмотря на сумерки, во дворах все еще гуляли детишки. Бабульки бурно обсуждали чужие дела: «...так я ж и говорю! Не дай бог, такую жизнь! Третий год лежит. Да хоть бы уже отмучилась, что ли! А детям ее каково? Ты ж характер ее помнишь? Всю кровь у них выпила...»

Егор припарковался и пошел к ярко освещенным дверям супермаркета. На входе он посторонился, пропуская женщину с коляской. Та мельком глянула на него из-под капюшона голубой куртки.

– Аля? – воскликнул он с удивлением.

Аля откинула капюшон и внимательно посмотрела ему в лицо.

– Плохо выглядишь, Егор. Как ты?

– Как видишь, – он усмехнулся и полез за сигаретами.

– Много куришь, – Аля покачала головой. – Как Нина?

Прости, если...

Егор махнул рукой.

– Ничего. Все так же. Тошка в пятый перешла. Серафима нам помогает.

Аля кивнула.

– Как сама? – Егор посмотрел на малыша, укрытого одеялом.

Аля мигом развернула коляску, пряча ребенка от любопытных глаз.

– Как видишь. Извини, нам кушать пора, – она махнула рукой, прощаясь, и быстро пошла прочь.

Егор задумчиво смотрел ей вслед. После их ссоры прошло чуть больше года. Аля тогда долго еще пыталась помириться, звонила, что-то говорила и плакала в трубку, но Егор был непреклонен. В задумчивости он сделал покупки и поехал домой.

Тошка выскочила из своей комнаты и обняла его обеими руками. Егор отметил помятое лицо, всклокоченные волосы. Опять днем спала? И уроки наверняка не сделала.

Егор ковырялся вилкой в тарелке, просматривая почту на планшете, а сам то и дело возвращался мыслями к Але. А что, если она и правда не была девочку? Неужели Тошка соврала? Зачем? И с кем посоветоваться? Паша, друг закадычный, почему-то звонить перестал. Помнится, хотели на рыбалку, да так и не собрались. То теща заболела, то аврал на работе, Егору даже показалось, что Павел избегает его. Может, он друга чем обидел, да не понял? Недолго думая, он набрал номер.

***

Они встретились на следующий день, и Егор, к лишним церемониям непривычный, сразу спросил, мол, что не так,

Паша? Обидел чем – скажи.

Павел тяжело вздохнул и рассказал. Но то, что он говорил, казалось невероятным. Не могла Тошка такое придумать. Не могла!

– Ну вот, я тебе все сказал, прямо гора с плеч. Хочешь – верь, хочешь – не верь. Но ты меня сто лет знаешь. Как по-твоему, педофил я или нет?

Егор молча развернулся и ушел, играя желваками на лице. Тошка выбежала навстречу, повисла на шее. Худенькие плечики, острые лопатки. Совсем не ест ничего, жаловалась нянька. И спит плохо. Мечется во сне, вскрикивает. Разбудишь, не помнит, что снилось, только глаза огромные таращит да руками в одеяло вцепится, будто видит что страшное. Темноты стала бояться.

– Привет, мышонок, – Егор легонько подкинул ее в воздух. – А я на днях Алю встретил, – сказал он Серафиме Борисовне, которая стояла на пороге в нелепых войлочных ботах, и сразу почувствовал, как напряглась Тошкина спина. – С коляской.

– Ишь ты! – прошамкала Серафима, поджав розово-перламутровые морщинистые губки. – Кто ж такую стервозину замуж взял? Или так, без мужа? Ох, и девки ныне пошли!

Егор проводил няньку и задумался. Нина и Алевтина – давние подруги, еще с института. Он догадывался, что Аля была влюблена в него, но не придавал этому значения. Нина медленно угасала в больнице, и Аля всегда была рядом с ней

и с ним. С ними. Он даже сам не заметил, как их отношения перешли за грань просто дружбы. Мог это быть его ребенок? Почему же она не сказала? Егор качнул головой. Наверное, он виноват перед Алей – заморочил голову, дал надежду, а потом выгнал, как собачонку. Конечно, она не простила.

***

Егор сгружал в багажник пакеты с продуктами, а дочка уже сидела в машине, уткнувшись в телефон. По выходным они вместе ездили за покупками в ближайший супермаркет. Метрах в пятидесяти, у пешеходного перехода, мелькнула голубая куртка. Оглянувшись на Тошку, увлеченную игрой, Егор быстрым шагом догнал Алю. Ему показалось, что она испуганно отпрянула.

– Ты не рада, я вижу?

Аля пожала плечами.

– Все уже отболело и прошло, Егор.

– А как же ребенок?

– При чем тут ребенок? Никакого отношения к тебе он не имеет. У нас не мексиканский сериал...

– Аля!

– Не кричи, – громко зашептала она и несильно оттолкнула его от коляски, – разбудишь.

Загорелся зеленый свет, толпа хлынула через переход, оттеснив их в сторону. Егор все пытался взять Алю за руку, та вырывалась.

– Скажи правду! Я должен знать!

– У тебя уже есть ребенок, – горько ответила она. – Неподражаемая Антонина, вот и наслаждайся.

– Ой! Держите! – раздался истошный вопль.

Они разом повернули головы. Медленно, но постепенно набирая ход, коляска катилась по проезжей части прямо под колеса черного джипа. Егор выскочил на дорогу, расталкивая прохожих. В несколько гигантских скачков догнал коляску, ухватился за ручку, дернул на себя. Джип, отчаянно скрипя тормозами, вильнул колесами и с грохотом выкинулся на тротуар. Раздался лязг металла, перекрытый пронзительным женским криком. Аля подбежала, взглянула на ребенка, зашаталась, и Егор еле успел подхватить ее под руку. Из джипа медленно выкарабкался молодой мужик с перекошенным лицом. Заглянув в коляску, где обиженно орал младенец, он облегченно вздохнул. Губы его дрожали.

***

– Мы нашли видеозапись с камеры уличного наблюдения, – сказал, вызвавший Егора через пару дней дознаватель ГИБДД. – Посмотрите.

Егор насторожился, чувствуя подвох. Водитель джипа оказался, в принципе, неплохим парнем. Да и ремонт машины Егор оплатил.

Вот коляска, вон там, за толпой виднеется спина Егора и рукав Алиной куртки. Что это? Егор вытаращился изо всех сил, не смея поверить.

– Вы узнали ее? – спросил дознаватель, как ему показа-

лось, сочувственно.

– Это моя дочь, Тошка. Антонина, – хрипло выдавил он, все еще не веря своим глазам, – это Тошка толкнула коляску на дорогу. Толкнула и пошла дальше как ни в чем не бывало. Он потер лицо, стирая наваждение.

Егор вошел в дом, мрачно кинул пальто на вешалку. Он все еще не придумал, как ему говорить с дочерью. Он смотрел на нее и не видел. Такая милая маленькая мышка, его девочка – чудовище...

– Я все знаю, – сказал он, сев напротив дочери. Тошка вздрогнула. – Есть запись, где видно, как ты толкаешь коляску. – Тошка выкатила огромные глаза и застыла, вцепившись руками в косички. – Не знаю, зачем ты это сделала. Но можешь не бояться, ты еще маленькая, тебе ничего не будет. По закону за детей отвечают родители. Так что в тюрьму посадят меня. А тебя отдадут в детдом. – Егор сурово смотрел на дочь.

– Папа! Папочка! – закричала Тошка, мгновенно залившись слезами. – Не отдавай меня в детдом! Не отдавай! – она сорвалась с места и вцепилась в него руками, уткнувшись лицом в рубашку. – Она тоже меня хотела отдать! Не отдавай! Как у вас ребенок появится, так вы меня в детдом сдадите!

– Да кто тебе это сказал? – Егор силился оторвать от себя ее руки, но Тошка вцепилась в него мертвой хваткой. – Что за бред!

– Я знаю, знаю! Ненужных детей всегда сдают!

– Бред! А Павел? Он-то чем тебе помешал? Ты ж его любила?

– Вы с дядей Пашей пьете все время! Если будешь пить, меня от тебя заберут, – всхлипнула она.

– Да кто ж тебе такое наговорил? Кто?

Тошка тряслась от рыданий, что-то лепетала, но толком объяснить ничего не могла. Егор еле-еле смог ее успокоить.

***

– Ну, слава богу, значит, ты все же мне поверил, – воскликнул Павел, выслушав рассказ Егора. Тот приехал к нему в офис после работы.

– Тебя только это волнует? – раздраженно воскликнул Егор.

– И это тоже, не кипятись! Вот же фантазия у девчонки! Кто ж ее так настроил? Не Аля же. Может, это Сима-Серафима твоя? Откуда она вообще взялась?

– Нина с ней познакомилась на детской площадке, там бабки вечно лясы точат. Ну и предложила ей работу няни – Тошку со школы забрать, на музыку отвести. Не знаю, что делать. Тошка тает на глазах. Совсем как Нина. Сначала истерики, скандалы, потом вялая стала, аппетит пропал. Может, это наследственная болезнь? Я боюсь, Паш. Я не могу ее потерять. Мне тогда и жить незачем.

Павел мрачно вздохнул и похлопал друга по плечу.

– Не паникуй раньше времени. А давай камеру установим? Я тебе как адвокат скажу, что это суровая необходи-

мость в наше время. Ты же ни черта про ребенка не знаешь, чем они там с этой Серафимой занимаются?

Егор скривился и неуверенно пожал плечами.

***

Проводив Тошку с нянькой на сольфеджио, Егор включил компьютер. Вняв совету друга, он установил видеонаблюдение. Теперь он задумчиво смотрел на монитор и через какое-то время позвонил Павлу. Тот вскоре приехал и теперь тоже смотрел на экран, по которому плясали сполохи и цветная рябь.

– Ты что китайскую камеру-то купил? Ни черта не записалось.

– Обычная камера, – буркнул Егор. – Вон вначале все же нормально видно.

– Ага. Нормально. Пустая комната. И что?

– Да то! Камера срабатывает на движение. А в комнате никого нет. А потом вот такая фигня – рябь и шум.

– Полтергейст? – усмехнулся Павел. – У тебя серой не пахивает в квартире?

– Не до шуток. – Егор мрачно посмотрел на друга. – Или помоги хоть чем-то, или...

– Чтоб ты без меня делал. – Пашка отодвинул его от монитора и достал из портфеля флешку. – Есть у меня такая вот замечательная программка – убирает помехи. Я же диктофоном постоянно пользуюсь, а звук иногда вообще никакой, вот и помогает эта чудесная штучка. – Он вставил флешку и

недолго повозился в настройках. – Ну вот – немного удалось помехи убрать.

По экрану гуляли разноцветные сполохи, раздался какой-то космический шум, треск, потом как будто издалека донесся шепот. Егор напряг слух. «...ирод проклятый (шипение) опять поздно придет, шляется, паразит... а я скажу, где... водку пьет с дружками... алкаши все... придут (снова шипение)... заберут от такого папаша... как пить дать заберут... трое детей... всех забрали... будут теперь сырые корку хлеба глотать...»

– Ну, это, это... – Егор все еще не мог прийти в себя. – Это кто говорит? Серафима? Но в комнате же нет никого. И голос-то какой... неживой, что ли?

– Не знаю, Егор, но сам подумай – в квартире только ты, Тошка и Серафима. Тебя и Тошку исключаем. Кто остается?

– И что мне теперь с этим делать? – Егор мрачно сдвинул брови.

Павел пожал плечами.

Телефон Егора затренькал.

– Егор Николаевич! – заверещал в трубке голос Серафимы. – Беда! Ох ты, батюшки, беда у нас...

Егор побледнел, стиснул трубку так, что пальцы побелели.

– Что случилось? – чужим голосом спросил он, и минуту слушал ее сбивчивый рассказ. Павел застыл рядом, вывернув голову, пытаясь понять масштаб потери. – Аля... Аля увезла Тошку, – шепотом пояснил ему Егор.

Павел вытаращил глаза и покрутил пальцем у виска.

– Она, что, совсем того?

Егор уже судорожно рассовывал по карманам вещи.

– Если она с телефоном ее забрала, мы ее найдем. У Тошки там маячок стоит.

***

Павел гнал «Ауди» по кольцевой. Егор не отрывал взгляд от зеленой точки на экране. Точка быстро перемещалась вдоль Киевского шоссе.

– Куда она едет, как думаешь? – Павел искоса бросил взгляд на карту.

– Не знаю, догадываюсь только. – Егор мрачно потер лоб. Когда-то давно Алька возила их с Ниной к своей бабке – то ли колдунье, то ли ведунье. Алька и сама во всю эту чушь верит.

Сзади причитала Серафима:

– Ой, батюшки, что ж это делается, о-с-споди ты, боже мой! Мы с музыки-то идем, а она как подлетит! Хвать ее за руку, в машину и фьють!

Серафиму пришлось взять с собой, а то помрет, не дай бог, прямо на улице от волнения.

Егор не сразу понял, что произошло. А потом его как громом ударило – Аля узнала, что Тошка толкнула коляску! Какая мать не рассвирепела бы. Лишь бы успеть!

Они съехали с кольцевой на Киевское шоссе и влились в поток машин, рвущихся за город.

– Смотри, свернули, – кивнул Павел. – Черт, минут на тридцать опаздываем! Ладно, сейчас будем нарушать.

За городом дорога почти опустела, и Павел вдавил педаль газа в пол. Вскоре началась грунтовка, скорость пришлось снизить. Дорога слабо освещалась редкими фонарями, но вскоре и они кончились. Автомобиль осторожно пробирался по зажатой меж деревьев дороге, выхватывая светом фар изломанные тени стволов.

Возле небольшой деревянной конструкции Павел притормозил и указал Егору на белеющий возле кустов силуэт «Тойоты». Они выскочили из машины. Где-то рядом шумела вода. Зеленая точка на планшете стояла неподвижно и находилась совсем рядом с ними.

– Смотри, – ткнул его Павел, – свет!

Егор побежал на мерцающий за деревьями огонь, спотыкаясь и крепко жмурясь от веток, хлещущих его по глазам, где-то сзади топал Павел.

У большого дерева спиной к ним стояла женщина, факел в ее руке освещал поляну. Она медленно повернулась. Позади нее Егор с ужасом увидел привязанную к стволу дерева маленькую фигурку, завернутую в белую ткань, словно в кокон.

– Стой, Егор! – Аля выкинула вперед руку с факелом. – Не подходи!

Егор застыл, глядя на ее странно искажившееся лицо. Растрепанные волосы в отблесках пламени светились кроваво-красным, горящие безумием глаза перебежали с одного

мужчины на другого. Остро пахло какой-то химией – то ли бензином, то ли ацетоном.

Павел сзади тоже приняховивался.

– Черт! Егор, тут все бензином залито, – прошептал он.

– Аля, просто отпусти ребенка, и все будет хорошо, – Егор медленно, буквально по сантиметру приближался в женщине.

– Ты не понимаешь, – покачала она головой, – ее надо убить. Она не остановится.

– Ох ты, батюшки! – раздалось рядом.

Аля сверкнула глазами на Серафиму, доковылявшую до поляны, и тут же молниеносно сделала выпад. Факел прошелся над головой Егора, тот отшатнулся, чувствуя, как затрещали волосы. Яркий сноп искр взлетел в воздух, рядом истошно заголосила Серафима, охнул Павел. Егор помахал руками перед лицом, отгоняя красные сполохи. Еще выпад, и снова искры посыпались на землю. Серафима верещала безостановочно.

Аля сделала пару быстрых шагов назад и поднесла факел к белому кокону. Он вспыхнул весь и сразу. Егор рванулся, но не смог сдвинуться с места. Ноги его приросли к земле. Крик застыл на онемевших губах. Глаза с ужасом смотрели, как огонь пожирает маленькую фигурку. Рядом в таком же ступоре застыл Павел.

«Огонь! Найди злодея, зло направившего, зло пославшего...» – иступленно выкрикнула Аля. Красные языки пла-

мени взвились вверх, вспыхнули ярче и вдруг потянулись в сторону, будто многочисленные хищные руки. Егор почувствовал, как огонь лизнул лицо. Сквозь красную пелену перед глазами он с трудом различил силуэт Серафимы, от которой исходило ядовитое желто-зеленое свечение. Оно тянулось, вытягивалось, словно жирная змея, устремляясь к объятый пламенем фигурке у дерева. Огонь с жадностью накинулся на эту змею, раздирая ее в клочья. Серафима взвыла, бросилась на колени и принялась кататься по земле, беспорядочно суча по ней сухонькими ногами в войлочных ботах. «И-и-и-и-и», – тонко и жалобно выла она, корчась и скребя землю старческими птичьими лапками.

Егор смотрел на борьбу красного с зеленым, не мигая и даже, кажется, не дыша.

«... и увеличь тысячекратно, отправь назад – убей!» – выкрикнула огненная фурия, воздев руки. Истошный вопль ринулся ввысь, остатки зеленой змеи вспыхнули, выстрелили вверх россыпью мелких искр. Огонь фыркнул, хлопнул и погас. На секунду воцарилась тишина, прерванная всхлипом – Аля упала на колени, словно подрубленная, голова ее склонилась к земле, плечи сотряслись в беззвучных рыданиях.

Егор очнулся от странного оцепенения, бросился к дереву, сдернул закопченную ткань, увидел безвольно повисшую голову, схватил ее руками, поднял. Слава богу, жива! Даже не обгорела. Веревка лопнула, и Тошка свалилась ему на руки.

– Купель, – раздался хриплый голос. – В купель. Окуни ее туда и сам... сам тоже! Три раза. С головой, – голос затих.

Егор подхватил дочку и бросился на шум журчащей воды. Он осторожно спустился по деревянным перилам и, не чувствуя ни холода, ни дрожи, крепко прижав Тошку к груди, погрузился в темный провал купели с головой. Стылая вода залилась в нос, в уши, в рот. Егор вынырнул, фыркнул и тут окончательно пришел в себя. В груди сильно билось сердце, разгоняя замершую кровь, а рядом часто-часто стучало маленькое сердечко дочери. Он перевел дыхание и снова ушел под воду.

– Вы там живы? – фигура Павла склонилась над деревянными поручнями. Он протянул руку и помог Егору подняться по скользким ступеням. – У меня в багажнике одеяло есть и куртка охотничья. Сейчас принесу.

Егор мотнул головой, собираясь сказать, что ему совсем не холодно. По телу разливалась мощная волна жара.

– Жарко, – прошептала Тошка. – Очень жарко.

– Тошка, Тошенька! – Егор опустился на колени и заглянул ей в лицо, убирая со лба мокрые пряди. – Как ты? Что-то болит? Где?

– Жарко, папа, – Тошка прижалась к нему.

– Девочка ты моя! – радостно засмеялся Егор. – Мышка моя маленькая!

– И все же куртку принесу, – кивнул Павел и протопал по хрустким листьям к машине.

Егор встал, держа Тошку на руках, и посмотрел в сторону поляны, где догорал факел. Сгорбленная фигура неподвижно сидела на земле. Егор осторожно подошел.

– Я никогда, никогда не проводила этот ритуал. Никогда, – бормотала Аля. – Бабушка рассказывала... но сама никогда, никогда!

– Ты совсем с ума сошла, – Егор опустился рядом, пристроив Тошку на коленях. – А если бы ты Тошку убила? Ты понимаешь, что ты наделала?

– Я ее убила, – прошептала Аля, – убила.

Павел подошел и накинул на Егора с Тошкой одеяло. Подумал секунду, подошел к Але и надел ей на плечи большую камуфляжную куртку. – Смотрите, от Серафимы только боты остались! – Он пнул темную кучку пепла на земле.

– Я защищала своего ребенка, – Аля всхлипнула и закуталась в куртку.

– Аля, ребенок... ну, скажи, мой?

– Нет, Егор, – она подняла глаза и твердо посмотрела ему в лицо. – Не твой.

– Мне хоть кто-нибудь объяснит, что это было? – вмешался Павел.

– Вампир. Энергетический. Из тонкого мира, – Аля вскинула глаза, ожидая усмешек. Но все смотрели на нее серьезно. – Бабушка их лярвами называла. Присасывается такая тварь к человеку и питается его эмоциями. Я только ни разу не слышала, чтобы лярва в физическом теле воплощалась.

Думаю, кто-то очень злой ее в мир выпустил.

У Павла зазвонил телефон, он отошел на несколько шагов и через минуту вернулся, возбужденно махая руками:

– Я тут просил у своих спецов кое-что выяснить. Представьте! Серафима Борисовна Нефедова уже третий год из дома не выходит – ноги отнялись после инсульта. Говорят, черт в юбке, а не женщина. Весь дом от нее стонет – до сих пор жалобы во все инстанции строчит на соседей.

– Ты же помнишь, бабушка моя целительницей была, – тихо сказала Аля. – Учила меня немного. Я и раньше себя при Серафиме не очень хорошо чувствовала. А после рождения ребенка я вдруг видеть начала. Присмотрелась к Серафиме, а это и не человек совсем. Я знала, что она с вами придет, это же пища ее, не может она просто так ее отпустить.

Егор плотнее закутал Тошку в одеяло, та свернулась клубочком и тихонько посапывала, спала.

– Сначала она к Нине прицепилась, высосала ее, потом за Тоню принялась. Эта тварь в человеке все самое плохое, низменное пробуждает, все страхи, а потом, когда его совесть грызть начинает, тут она энергию и высасывает. И чем больше человек терзается, тем вкуснее ей, тем сильнее она.

Откуда-то, словно сбоку, зазвонил мобильник. Павел хлопал себя по карманам, огляделся и поднял с земли телефон.

– Егор, твой! Выронил, наверное.

– Слушаю, – обреченно проговорил Егор, закрыв глаза,

как будто это отсрочило, изменило что-либо. Так поздно могли звонить только из одного места. – Да. Я. Что? – вскричал он диким, не своим голосом. – Когда? – Телефон упал на землю, Егор стиснул мигом проснувшуюся от его крика Тошку. – Господи, господи, – шептал он, уткнувшись в пепельно-русые, все еще мокрые и пахнувшие липовым цветом волосы дочери.

– Папа, папочка, что случилось? – Тошка гладила его по лицу.

Аля с Павлом переглянулись. Аля прижала руки к груди. Павел скорбно сжал губы.

– Егор! – он тоже опустился на землю и обнял друга за шею. – Крепись! У тебя Тошка... жизнь – штука такая...

– Нина вышла из комы, – Егор поднял заблестевшие глаза. – Тошка! – он тряхнул дочь за плечи. – Мама очнулась! Она в сознании. Про тебя спрашивает. Тошка! Мама будет жить!

Охнул Павел. Засмеялась Аля, прикрыв лицо руками.

– Смотрите, снег! – закричала Тошка и поймала на ладошку мохнатую бесформенную снежинку.

С темного неба густо сыпались чистые белые хлопья.

– Первый, – сказала Аля.

– Что-то рано, – сказал Павел.

– В самый раз, – сказал Егор и потерся носом о теплую щеку дочери. Ее волосы уже покрылись белой шапочкой снега. Он набрал воздух в легкие и сильно дунул. Снежинки взви-

лись над ними белыми мотыльками, и Тошка весело засмеялась, откинув голову назад. Совсем как мама. Его девочка. Папина дочка.

Дарья Сойфер

Филолог, писатель, лауреат премии "Рукопись года-2017", автор серии книг в ЭКСМО, начинающий сценарист. Рассказ "Увертюра для Красной Шапочки" – спин-офф к мистическому детективу "Эффект зеркала". С моими работами можно познакомиться в моей творческой группе <https://vk.com/soiferwriter>, а также на страничке интернет-магазина Лабиринт <https://www.labyrinth.ru/authors/189254/>

Увертюра для Красной Шапочки

Она манила меня своей красной макушкой.

Дразнила, как нарочно, подмигивая в толпе алым пятном, кровавой ягодкой. Она говорила со мной – и для этого ей даже не надо было оборачиваться. Я слышал этот зов кожей, кончиками пальцев, в голове звучали первые аккорды запретного удовольствия.

Она родилась, чтобы я касался её, дышала, чтобы я забрал её последний вдох. Чтобы он щекотал мое лицо теплой струёй, а потом растекся по стенам, потолку, а губы замерли приоткрытыми.

Я следил за ней уже два дня, и как назло, сплошь людные места. Будоражила меня, заводила – и растворялась в осеннем чернильном сумраке. Вот как? Как ей удавалось спрятаться каждый раз? Или девочка просто решила растянуть удовольствие от игры? Маленькая проказница.

Но сегодня все будет кончено. Хотя... Понятие конца и начала – размытая штука. Она покончит со своей мещанской суетой. Эти лекции, дешёвая столовская еда, тетрадки, тетрадки, тетрадки. Ведь ей станет легче. А телефон? Она же совсем перестала чувствовать жизнь, моя красноволосая пастушка. Я наблюдал за ней через окно, через стёкла витрин, сидел напротив в трамвае. А она что? Разве она ощутила моё присутствие? Эти незримые нити, это напряжение,

крохотные токи между нами? Девочка – и её хозяин, разве не это должно было пронизать её естество, едва мы встретились взглядом? Страх, пятна на щеках, искусанные губки – где это всё? Почему не откликается на меня, как камертон? Нет, равнодушие и скука. И снова её бледное личико подсвечено голубоватым неоном экрана... Глупенькая малышка. Я больше не дам тебе скучать.

Я ждал её у института третий час, и даже замерз и разозлился, но заставил себя дышать медленнее, сбавил обороты пульса. Гнев – он рождает спешку, а спешка в моем деле ни к чему, разве нет?

Я всё продумал. Подогнал машину к тому месту, где она ходит каждый день. Нашёл слепое пятно в маршруте: ни наружных камер, ни лишних свидетелей, в кармане – готовый шприц с лёгкой дозой сна. Не люблю попутчиков – по крайней мере, говорливых.

Она вышла – и я ощутил сладкое волнение, такое, как бывает перед выходом на публику. До тебя уже доносится гомон зала, скрипуче, фальшиво разыгрывается оркестр, и вот всё стихает – все ждут только тебя одного. Эхо шагов по сцене, всё замирает на секунду – и разряжается аплодисментами. Да, наша маленькая увертюра началась.

Моя девочка, моя хрупкая, узкоплечая красная шапочка, исполняла свою партию, как послушная школьница. Каждым движением попадала в ноты, и у меня в груди разлилось тугое тепло гордости. Умничка! Вот так, так, ещё шажок, сво-

рачиваем, и здесь крещендо¹⁶ – укол – и мелодия обрывается в тишину, чтобы продолжиться нашим дуэтом. Пронзительным – и гениальным.

Мир заиграл. Светофоры, стоп-сигналы, вывески и фонари, вступив из затакта¹⁷, слились в многоголосье света, и меня охватила эйфория. В невесомости я сжимал руль, в нетерпении вдавливал педаль газа, и каким-то немислимим чудом удерживал себя в серой обыденности дорожных лабиринтов. Я должен был сосредоточиться, продержаться ещё немного, минут двадцать, не больше. И мы приедем, мы будем дома.

Я затаскивал ее отяжелевшее тело по влажным покатым ступеням. Как это волнительно! У всех на виду – и в то же время никем не замеченный. Старый ДК, обнищавший, облупленный, как варёное яйцо. Зелёная сетка реставрации, ограждения... Зал заброшен, но акустика в силе. Не первая девушка исполнит предсмертную арию по моей партитуре¹⁸... А какой был бы хор! Умели ведь. Умели строить в советские годы, не скупилась на сводчатые потолки, чтобы какой-нибудь кружок самодеятельности «Берёзка» насилывал инструменты на публике.

Я тоже выступал здесь. Ещё в училище. Я помню этот кон-

---

¹⁶ *Крещендо* – музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

¹⁷ *Затакт* – один или несколько звуков в начале пьесы, которые записываются перед первой тактовой чертой.

¹⁸ *Партитура* – нотная запись многоголосного музыкального произведения.

церт, моих бездарных коллег с зажатými пальцами. Калек, уж скорее. Которые смычок держат, как древко флага на демонстрации, и давят, давят на струны растрёпанным волосом, пока у редких бабулек с абонементом не скакнёт давление.

Я выделялся из них, это понял бы любой с мало-мальски развитым слухом. Я стоял перед ними с инструментом – и чувствовал, что весь мир существует только для меня. Внимает мне. Благоговеет. Я читал это во влажном блеске глаз, в напряженно поднятых плечах, я чувствовал это в воздухе. Я помню эту рыжую девочку с накрахмаленным воротничком. Я помню, как столкнулся с ней в булочной на следующий день. Она подошла ко мне сзади и робким, тоненьким голоском:

– Простите, пожалуйста...

– Автограф? Конечно, милая.

– Какая я вам милая? Мужчина, вы в очереди стоите?

Она мне снилась потом. Часто. «Мужчина, вы в очереди стоите?» Мужчина... Обезличеннее ты ничего не могла выбрать? Ты накануне слушала меня, затаив дыхание, вытянувшись в струну... Мужчина, да? Очередь?..

Все они, быдло, одинаковые. Их память не дольше, чем у рыбёшки в аквариуме. Они видят тебя, ты трогаешь их души, проникаешь в самое естество... А они? «Мне половинку «бородинского» и калорийку»... Они узнают только распиаренных бездарей – и под носом не увидят истинного творца.

Они не имеют морально права существовать, слушать. Они должны исчезать, но исчезать тогда, когда в них звучит музыка, когда из-под жирка потребления выглядывает закормленная, затоптанная душа. Я спасал их. Самых достойных, самых чистых, тех, кого ещё можно было спасти.

Я привязал красноволосую к стулу. Теперь я чувствую такие моменты: дрожание ресниц, шумное дыхание... Она проснётся через минуту-другую – и я буду готов обнажить её суть.

Старый концертный зал ещё помнил зрительские сидища; истлевший, выгоревший бархатный занавес мог рассказать много закулисных сплетен. Всё это превратится в прах. Всё преходяще – музыка вечна.

Моя маленькая пленница кашлянула, застонала, ещё не раскрывая глаз, мотнула головой. Я терпеливо ждал, она ведь дожидалась меня так долго. Интересно, она покрасила волосы в красный, намекая на особую казнь? Да, я привык душить, а привычка – вторая натура, но вот таких алых у меня ещё не было. Может, сменить тактику? Может, сделать для неё исключение? Я представляю: остолопы в погонах найдут её с красными волосами.

– Кровь, – скажут они. – Никакого сомнения.

А потом смоят – и обнаружат, что волосы и без того красные. Разве не забавно? Матрёшка в матрёшке.

– Где я... – голос её пока сиплый, не распелась.

Это ничего, к первым крикам разойдётся, войдёт в то-

нальность.

– Здравствуй, Красная Шапочка.

– Здравствуй, Серый Волк, – она моргает и щурится. – Ты кто?

Я сжимаю челюсти, сглатывая первую обиду. Снова это. «Мужчина, вы в очереди стоите?». Ничего, ничего. Я должен её спасти – а благородство требует снисходительности.

– Ты даже не будешь кричать? – начинаю злиться: в её глазах всё то же будничное равнодушие.

– А есть смысл?

Да что с ней такое? Откуда эта лень? Скука? Пресыщенность? Она что, не понимает, что это – её последние минуты?!

– Я напомню тебе, кто я такой, – тянусь к футляру за инструментом. Вынимаю бережно, с любовью. Гладкое дерево холодит ладони, но я готов его согреть. Прижимаю подбородком, смотрю искоса на девицу: вот сейчас. Сейчас она узнает, как слушала меня в Рахманиновском три дня назад.

Обычно к этому моменту мои девочки уже начинали плакать, и с ними инструмент звучал не так сиротливо. Эта молчит. Я играю один – без остальных струнных. Первую сольминорную увертюру Баха. Как тогда, в зале.

Моя мелодия вздыхает – и плачет, порхает под сводами зала. Звук летит, звук резонирует и охватывает пространство вокруг нас. Я сам слушаю себя – и радуюсь, как никогда. Да, девочка. Причастись моего величия...

Но стоит мне опустить смычок и глянуть на красново-
лосую, как вместо радости в груди клубами поднимается
злость.

Её глаза пусты. Ни узнавания, ни восторга, ни слёз.

– То есть я не подала тебе в переходе, и ты мне за это
мстишь? – нет, её голос был сильным не от лекарства.

Эта наглая пэтэушная хрипотца. Прокуренная? Спитая?
Кто ты такая, чтобы я для тебя играл?!

– Ты слушала меня в Рахманиновском и знаешь об этом, –
я убираю инструмент и подхожу к ней.

Она недостойна особой смерти. Она вообще не достойна
спасения – но и жить я её не оставлю.

– Ты ведь убить меня собрался? – на её лице ни тени испу-
га. – Давай, убивай. Только не будь садистом, не играй боль-
ше.

– Ах, ты... – глаза заволакивает кровавая пелена.

Кидаюсь на грязную девку, сжимаю шею голыми руками.
Её лицо краснеет, вены вздуваются подкожными червями,
но она улыбается, глядя мне прямо в глаза. А потом...

А потом её зрачки разливаются чернотой по всей радуж-
ке. Будто кто-то впрыснул тушь в глазные яблоки. На меня
смотрит тьма, влажная, холодная, пустая.

Я отскакиваю, разжав пальцы, паника подкатывает к гор-
лу. Девица, обмякнув, полувисит, как тряпичная кукла, и
только верёвки удерживают её сидя. Голова безвольно упала
набок. Но глаза... Они открыты и будто смотрят на меня...

И хочется спрятаться, укрыться, сжаться в комок в дальнем углу зала...

Нет. Великие умеют преодолеть себя. Превозмогая страх, я подхожу к ней, чтобы закрыть веки. Странная смерть. Ни последнего вздоха, ни хрипа, и эти чёрные глаза... Может, какое-то кровоизлияние?..

Стоит мне коснуться её, она вздрагивает, выпрямляется, зрачки – точками.

Меня парализует. Хочу шевельнуться, покончить с ней – или отшатнуться назад. И не могу, с трудом нахожу в себе силы дышать, рёбра словно придавило гранитной плитой.

– Какая я вам милая? Мужчина, вы в очереди стоите?.. – из её рта вылетает чужой, но до боли знакомый голос.

Кровь волной отливает к ногам, глухие удары дрожи... Тух-тух-тух... Тух-тух-тух... В три четверти... Таня? Ты же больше двадцати лет назад...

– Ты шёл за ней от булочной, – её мерзкий шепот оглушает, в ушах свист контузии. – Вёл до электрички, следил в набитом вагоне... Весна, душный запах черёмухи... Аллергия, мразь? Ты душил её – и исходился слезами, чихал... А она лежала на мокрой, ещё тоненькой траве и смотрела на тебя с отвращением. Потому что ты – ничтожество...

– Нет! – я кричу, разрывая лёгкие, но даже голоса своего не слышу, в ушах её шепот. Щупальцами щекочет мозг.

Заткнуть уши, не слышать, не видеть... Бред! Сон! Она не может знать, не может! Сколько ей было тогда: годик? Два?

Она не видела мою Танечку...

– Как её звали? Она была первой, – монотонно бормочет проклятое отродье. – Имена, называй мне имена, всех, по очереди. Я вижу их. Отражения стоят в твоих глазах, стучатся, зовут меня... Они ждут мести, слышишь? Дождутся. Ну же! Имена, даты. И говори, ублюдок, как убивал их. В деталях...

– Кто ты? – только и смог выдохнуть я, пятясь к двери.

На меня обрушились звуки. Треск, шум, топот.

– Стоять, руки за голову!

Кто-то схватил меня, и пыльный бетонный пол ударил по лицу. Меня мяли, что-то кричали мне, холод металла сомкнулся на запястьях. Всё превратилось в месиво, я перестал понимать, что происходит. И только слёзы лились сами собой. Слезы облегчения. Мне стало плевать, что будет дальше, другие люди были вокруг меня. Они заберут меня от неё...

– Айя, какого чёрта?! – выстрелил из общей массы жёсткий мужской голос. – Чем ты думала?! Мать твою, ты в конец больная?

– А ты зачем приперся так рано? Ты что, не слышал, что он ещё не раскололся?

– Ах, рано?! Ты предпочла бы явку посмертно?! Чокнутая девица! Ты хоть представляешь, что со мной было? Это твоё: «Только не клади трубку»? И тишина... А если бы я не ответил? А если бы занят был?

– Олег, ну ответил же! Хоть бы спасибо сказал, что мы его нашли!

Зашелестела одежда, глухо застучали шаги. Проклятый абсолютный слух! Я не хочу их слышать, не хочу! Но из всей мешанины звуков всё равно выделяются только два голоса. красноволосяя Айя и этот Олег. Зачем он отвел её в сторонку? Почему их бормотание царапает мне уши?!

– Ну, спасибо, уточка ты наша подсадная! – в голосе Олега больше облегчения, чем злости. Совсем другая тональность, совсем другая. – Спасибо, что чуть не довела меня до инфаркта!.. Какого дьявола ты его злила?

– Ты знаешь, зачем!

– А по-другому никак?

– Некогда было настраиваться! Боль – проверенный способ. Подумаешь, немного придушил меня. Зато транс был такой красочный! Послушай, я видела всё в деталях: то место, первую жертву. Ты мне её даже не показывал, это более старый случай. Значит, их было гораздо больше, понимаешь? Не только три последних. По осколкам в его глазах трудно было сосчитать, но десяток! Если не больше! Пусти меня на дознание, я вытащу из него всех...

Я всё-таки сошел с ума?.. Где я? Кто эти люди? Какие осколки, почему он ей верит, ведь этого не может, просто не может быть!

– Не учи меня делать мою работу, Айя! И если ты еще раз влезешь в моё дело...

– В твой висяк, да?..

– Да, в мой! Если хоть кто-то узнает, что я показывал материалы дела экстрасенсу...

– Куда его, майор? – этот голос прозвучал над самой моей головой, и меня затрясло, будто по телу пустили двести двадцать.

– Только не к ней! – крик раздирал мне гортань. – Она сатанистка, ведьма! Уберите её! Я всё скажу, всё: Татьяна Анохина, девяносто пятый. Алина Остапчук, девяносто седьмой...

– Тише, тише, Паганини, – меня схватили за шкирку и развернули: надо мной навис какой-то мужик. – Я – старший следователь по особо важным делам следственного управления по Москве, майор юстиции Горовой Олег Васильевич, – он говорил медленно, разжёвывая каждое слово, будто я слабоумный. – А ты, мой друг, поедешь с нами, и все свои боевые заслуги запишешь на видео, а потом нарисуешь автограф на протоколе допроса.

– Всё... Всё сделаю... – я краем глаза заметил красную макушку и дёрнулся, что было сил. – Уберите ведьму...

– Он что, из психических? – мордоворот в форме брезгливо посмотрел на меня сверху. – Вот твою ж налево... Засса-ли мне всю машину...

– Не бойсь, этот не засыт, – майор хмыкнул. – Вы, ребят, отойдите, дайте мне пару минут приватной беседы.

– А он не...

– Удержу, не переживай.

Майор дождался, пока мужики в бронежилетах отойдут, и присел рядом со мной на корточки. И она. Красная... Она подошла ко мне, наклонилась, и лихорадка встряхнула мне кости.

– Убери, убери, убери... – я захлёбывался слюной, но язык слипся комком и не слушался.

– А ну молчать, – тихо сказал майор, и внутри меня будто опустился выключатель. – Значит, так. Ты ничего не видел, ясно? Здесь. Ничего. Не было. Никаких чёрных глаз. Повтори.

– Откуда вы... Откуда вы...

– Я знаю. Здесь. Ничего. Не было. Повторяй, кому сказал!

Но красная наклонилась ко мне, приблизилась к лицу, щелкнула зажигалкой перед самым носом и прищурилась, что-то подсчитывая и всматриваясь в мои глаза поверх рыжего огонька.

– Нет, нет... – вырывался я.

Что происходит?! Она ведь сожжёт меня, сожжёт мне глаза!

– Не дёргайся и не моргай, – приказал майор.

– Пятнадцать, Олег, – наконец, девчонка выключила зажигалку, и я обмяк от облегчения. – Их было пятнадцать.

Холодный пот заливал мне лицо, разъедал глаза.

– Как?.. – выдавил я.

– Фокус-покус, – она отстранилась на мгновение, склони-

ла голову набок – и я опять увидел влажный блеск черноты.
– Не-е-ет... – только и успел прохрипеть я, прежде чем
всё вокруг растворилось в её зрачках.

Евгения Кротова

Мне 38 лет. Живу в г. Благовещенск, а сама из Москвы. По образованию юрист, книги пишу со школы, последние 5 лет – наиболее плотно. Закончила литературные курсы «Мастера текста». Есть рассказы, опубликованные в сборниках и литературных журналах, сетевые публикации. Автор пяти романов в жанрах современная проза, детектив и триллер. Член Союза писателей России.

Победитель номинации "Подростковое фэнтези" национальной литературной премии «Рукопись года» и финалист Конкурса детской и юношеской книги ЛитРес и ЛайвЛиб (3-е место) за рукопись «Вершителы: посох Велеса». Финалист конкурса «Новая детская книга» в номинации «Фэнтези. Мистика. Триллер» и победитель читательского голосования за мистический триллер «Альтераты: миссия для усопших».

Предлагаемый вашему вниманию рассказ «Дом с панорамными окнами» стал победителем литературной премии «Электронная буква» в составе одноименного сборника (номинация Малая проза) и открывает жутковатую историю об альтератах.

Буду рада встретиться с вами на своей страничке ЛитРес <https://www.litres.ru/evgeniya-kretova-13071576/>

Дом с панорамными окнами

В целом и в частности, день сегодня удался. Лерка с облегчением стянула резинки для волос, которыми были закреплены косички, не расплетая их, перехватила на затылке в один небрежный пучок. Нацепила шапочку для душа – тонкую оранжевую клеёнку с кислотными бабочками на макушке – включила воду и с удовольствием нырнула под тёплые струи.

Какое наслаждение! Девушка зажмурилась, наслаждаясь моментом и улыбаясь собственным мыслям.

Они с мамой переехали в этот дом несколько дней назад. Суетились, хлопотали, чтобы Новый год – в новой квартире. О которой давно мечтали. Сколько Лерка себя помнила, мечтали. По прежнему адресу остались подруги, хорошая, если не лучшая в округе, школа. Но всегда чем-то приходится жертвовать. Тем более что с подругами она расставаться не собиралась – проехать несколько автобусных остановок в наше время не проблема.

Новое жильё сразу очаровало их головокружительным запахом свежей штукатурки, краски, чистотой и устроенностью. Шикарный жилой комплекс, со своим подземным гаражом, многочисленными магазинами, SPA, тренажёрными залами, прачечными. Оборудование в доме и в квартирах – по последнему слову техники: сплошные датчики и теплови-

зоры. Иногда кажется, что жилец ещё не успел сформулировать своё желание, лишь почувствовал некую потребность, движение мыслей, а всё уже исполнено.

Прекрасный вид на город из панорамных окон в человеческий рост.

Мечта, воплощенная в реальности.

Лерка улыбнулась: вспомнила, как мама, еле дыша, бродила по комнатам, кончиком пальца дотрагиваясь то до лакированного столика, то до зеркальной поверхности кухонного гарнитура.

Это было две недели назад.

Сегодня, в последний день каникул, она решила сходить в новую школу.

Центр разгрызания гранита науки, в общем, ей тоже понравился. Конечно, не её бывшая школа, но вполне ничего. Она забрала учебники из библиотеки, заодно зашла к классной, познакомиться, так сказать. А у той весь класс. С тортом и газировкой. Лерку представили одноклассникам, от торта она отказалась, на неё потарачились, словно на музейный экспонат, но вроде агрессии никто не проявлял. На том знакомство с альма-матер закончилось.

Она понимала, что ей будет тяжело: ребята вместе учатся с пятого класса. Все возможные и невозможные комбинации кто-с-кем-против-кого-дружит уже использованы, все разбились по группкам, не прорвёшься. Да и середина года уже.

«Хотя, – Лерка задумалась, – может, это и к лучшему, меньше цепляться будут. Да и вообще, не маленькая уже, как-никак десятый класс».

Девушка намылила волосы. Мягкая ароматная пена скользила по рукам, плечам, приятно успокаивая.

«Вот сейчас помоюсь, разогрею ужин, включу телек, гирлянду на ёлке... Мама придёт, закатим пирушку».

Вода внезапно стала ледяной.

Лерка протянула руку, стараясь ощупью найти переключатель, но струи снова потеплели.

– Ещё борются за звание дома высокой культуры быта,¹⁹ – вздохнула она фразой из известного кинофильма советских лет, яростно смывая с лица остатки мыла. – Жалобу на них надо написать, коллективную.

И открыла, наконец, глаза.

Рядом с ней, под струями горячей воды, стояла высокая темноволосая женщина с уставшим лицом и испуганно-удивлёнными серыми глазами. Кажется, незнакомка была не готова к тому, что её заметят.

– Вы кто?! – зашипела Лерка, хватаясь одновременно за скользкий кафель и полупрозрачную занавеску с наивными дельфинчиками.

Женщина шумно выдохнула и выпрыгнула из ванной, в одно мгновение оказавшись за дверью.

---

¹⁹ Фраза из советской фантастической комедии «Иван Васильевич меняет профессию», реж. Л.Гайдай

– Стой! – снова заорала Лерка. – Я сейчас полицию вызову!

Она, в самом деле, решила, что нужно звать на помощь: мало ли кто проник в квартиру вместе с этой ненормальной? Куда охрана смотрит?!

Лерка сиганула к двери, захлопнула её за незнакомкой, дрожащими пальцами передёрнув задвижку. И только тут поняла, что оказалась в западне: телефона с собой нет, позвонить и позвать на помощь не сможет, предупредить маму – тоже, защититься здесь нечем, разве что пенкой для умывания. Да и щеколда эта – так, мелкое недоразумение для злоумышленников, а не преграда, дверь легко вынести. Лерка, быстро натягивая махровый халат, прислушалась.

В квартире стояла мёртвая тишина. Ни шороха. Ни скрипа. Ни шёпота.

Всё внутри похолодело: получается, там, в коридоре, тоже прислушиваются.

Лерка отпрянула вглубь ванной, в то же мгновение заметив, что ручка дёрнулась... и дверь отворилась.

В нос ударил резкий запах гари.

Нет, не такой, когда убегает молоко из кастрюли или подгорает гороховый суп. Это была едкая, привязчивая вонь смеси обугленного дерева, пластика. Это был запах большого горя.

Лерка, плотнее кутаясь в халат, осторожно ступила босыми ногами на покрытые рыхлым пеплом головешки. Вокруг

всё: стены, потолок, пол, – оказались чёрными от копоти, проёмы прогорели. Повиснув на покосившихся петлях обугленными стружьями, на них скрипели покорёженные картонки дверей.

– Эй! – её жалобный голос пропал в топкой тишине, в которой было слышно, как поднимаются в воздух и снова медленно оседают белёдые хлопья. – Кто здесь?

Она сделала ещё несколько осторожных шагов.

Это был не её дом. Она ещё ничего не могла понять, но могла бы поклясться, что это не её дом, не её квартира.

Она стояла посреди жуткого пепелища. Страшным скелетом поверженного великана торчали дымящиеся ещё брёвна, фрагменты перекрытий с выгрызенными огнём кусками. Под ногами хрустели обломки старой черепичной крыши, куски обугленной штукатурки, в углу, на выгоревших дошла досках, лежали почерневшие от сажи кастрюли. Удивительно чистый посреди этого ужаса белый плюшевый мишка скорбно смотрел на неё с облупившегося подоконника. Лерка только сейчас увидела, сколько игрушек вокруг: покоробившиеся от жара пластиковые погремушки, куски яркого тряпья, кукольные глаза-пуговики.

Лерка сделала ещё несколько шагов в сторону, чтобы посмотреть, на каком этаже она находится.

Ну, точно, это не её дом: они с мамой купили квартиру на пятом этаже, а это убогое жилище явно находилось на первом. Вон и забор видно покосившийся, и... Лерка замерла.

Да, их с мамой квартира расположилась на пятом этаже, но вид из их окна до мелочей совпадал с тем, что она видела в эту секунду: серое трехэтажное здание с малиновой вывеской магазина женской одежды «Colliostro» на первом этаже, чуть левее, через перекресток, кафе. С той только разницей, что час назад, когда она заходила в подъезд, был январский вечер, а сейчас над знакомыми крышами утопающего в зелени переулочка занималась летняя заря.

Девушка почувствовала движение за спиной и резко обернулась: перед ней снова оказалась та самая темноволосая женщина. Только сейчас она была собрана и даже решительна.

– Где я? – прошептала Лерка.

– Мой дом, – донеслось. Незнакомка находилась рядом, буквально в метре от неё, говорила чётко, но слышно было так, словно звонила она по разбитой рации с Северного полюса. Слово догадавшись, что не услышана, та повторила чуть громче: – Мой дом.

– Не понимаю, – развела руками Лера. – Как «ваш дом»?

Женщина стояла и молча на неё смотрела, словно ожидая следующего вопроса.

– Как я здесь оказалась? – темноволосая отрицательно покачала головой и тяжело выдохнула. Только сейчас Лерка поняла, что женщина выглядит очень усталой, измождённой. Её светлое платье, больше похожее на ночную сорочку, было испачкано в саже, худые руки подрагивали. Ей стало жаль её.

– Я вам могу чем-то помочь? – женщина медленно кивнула. Её черты обострились, а взгляд приобрёл ясность. Девочка невольно вздрогнула, увидев неистовую ярость, даже ненависть в этом казавшемся таким милым и несчастным лице. Темноволосая протянула вперёд руку, показывая за Леркину спину:

– Найди его! – прохрипела она. Девушка оглянулась. В нескольких метрах от дымящихся развалин припарковались несколько машин. Около одной из них столпились люди, человек пять, что-то живо обсуждая. Иногда их компанию сотрясал истерический хохот. Но незнакомка показывала на одного. Здорового такого. С тяжёлым взглядом и улыбкой бульдога. Это ему заискивающе рассказывали, неистово лебезя и доказывая свою верность. А он уставился на белёсые развалины и брезгливо кривился. – Найди его...

Лера перевела взгляд на незнакомку.

– Почему? Я не хочу этого, – она понимала, что происходит что-то ужасное. Вернее, нет, «ужасное» произошло, жирный бульдог и эта несчастная, дрожащая от ненависти и бессилия женщина к нему причастны. Они оба связаны на века. Но при чём здесь она, Лера Ушакова?

Её уже никто не слышал. И не спрашивал, хочет ли она, сделает ли она то, о чём её просили. Просили? Или приказывали?

Белый пепел поплыл перед глазами, унося с собой вопросы, оставшиеся без ответа. Исчезла незнакомая женщи-

на, толстый боров, изувеченный дом, ворох детских игрушек и скорбный белоснежный медведь. Остался лишь нестерпимый запах гари.

***

– Лера, Лерочка!

Густой пар в ванной. Испуганное лицо мамы.

– Лера, что случилось? Тебе плохо? – мама перевернула её на спину, подложила что-то мягкое под голову, укрыла голову прохладным, растирая онемевшие Леркины руки. – Потерпи, милая, «скорая» уже едет...

– Мама, зачем «скорая»? – Лерка попробовала сесть, но мама её с силой уложила назад. Девушка оглянулась: она лежала в ванной на полу, прозрачная занавеска с дельфинчиками наполовину оборвана, несколько полок снесено вместе со всем их содержимым, вывалившийся из душевой кабины шланг неистово залил всё кругом, наверно, сейчас соседи прибегут жаловаться.

Но вместо соседей появились врачи в толстых тёмно-синих комбинезонах, с большим оранжевым сундуком. Её переложили на диван в холле, долго мерили давление, слушали сердце, светили в глаза, простукивали, похлопывали. В итоге сделали укол и велели спать.

Сквозь надвигающуюся пелену Лера слышала, как мама звонит на работу и предупреждает, что её завтра не будет, что дочь заболела, а потом в глубине сонного марева осталась только та темноволосая, в длинной ночной сорочке и

печально-требовательным взглядом.

Лера проснулась внезапно, выныривая из тревожного безвременья. Мама дремала рядом, почувствовав движение, тут же подскочила к дочери:

– Ты как?

– Нормально я, мам, правда, – и Лерка, повинуясь мягкому, но повелительному жесту, снова опустила голову на подушку. Она осторожно взглянула на часы: половина двенадцатого ночи. Из кухни доносился аромат свежесваренного цейлонского чая и ванили, от которых крепло чувство защищенности.

– Что случилось-то? Ты упала?

Лерка отрицательно покачала головой, мучительно изображая, что сказать матери. И та поняла:

– Что, *опять*? – всхлипнула та, медленно оседая в кресло. Её и без того озабоченное лицо стало серым, а глаза наполнились слезами. Лерка кивнула.

– Не так, как обычно, мам. Вообще всё иначе. Я была в душе, и тут смотрю – рядом со мной женщина незнакомая, темноволосая такая, и глаза у неё то ли печальные, то ли испуганные. Я из ванны выхожу, и оказываюсь не в нашей квартире, а где-то в другом месте, вокруг – пепелище. И эта, темноволосая, прямо рядом со мной оказалась, говорит мне...

– Говорит? – у мамы глаза округлились.

– Да, только её так плохо слышно было, будто она не рядом со мной стоит, а в сотне метров.

Мама испуганно прошептала:

– И что она тебе сказала?

У Лерки холодок пробежал по спине, когда она вспомнила лицо той темноволосой. «Найди его!».

Кто этот дядька, интересно? И вообще, что произошло? Уходя от расспросов, Лерка сделал вид, что засыпает.

Мама, подождав несколько минут, вышла из комнаты. Девушка облегчённо вздохнула и села, прогоняя образ странной темноволосой незнакомки прочь. Сунула ноги в дурацкие тапки в виде слоников, резко встала и... оказалась на кладбище...

«Господи! Да как же это!», – Лерка огляделась по сторонам: аккуратные ряды крестов, украшенные неестественно яркими цветами тёмные оградки, обелиски, прикрытые от любопытных глаз заиндевевшими берёзками и пушистыми елями. Вид торжественный и печальный.

Рядом с ней, всего в полуметре, тоскливо поскрипывала приоткрытая калитка. Четыре гранитных памятника, потускневшие венки, погасшие лампадки, слегка присыпанные снегом. Лерка пригляделась.

С портрета на неё смотрела улыбающаяся молодая женщина: тёмные длинные волосы разметались на ветру, светлые глаза чуть прищурились, мягкая, светлая улыбка озаряла лицо. У Леры всё похолодело внутри. Это та самая женщина, что привиделась ей несколько часов назад... Это её могила.

Девушка бросила взгляд на могилы рядом: блондинистая

девочка лет семи, пацан с немного угрюмой улыбкой, на вид лет тринадцати-четырнадцати, и малышка совсем, годика полтора, в смешном кружевном колпачке. Лера шагнула ближе, приглядевшись к табличкам: Селивёрстова Татьяна Ивановна. И Селивёрстовы же Артём, Маргарита и Алёна, они все умерли в один день – 17 мая 2014 года, чуть более трех лет назад.

Лера поняла, что не может дышать. Женщина на фотографии будто ожила, чуть повернула к девочке голову, одними губами прошептала «Найди его».

– МАМА! – заорала Лера, что было сил, и поняла, что снова находится в комнате. Вот мягкий и удобный диван, вот ковёр и наряженная к Новому году ёлочка. До неё доносился аромат цейлонского чая и ванили, только больше он не вызывал чувство защищённости.

***

Впервые нечто непонятное и необъяснимое с ней произошло в пятилетнем возрасте. В тот день она читала книгу и увидела, как мимо неё прошла другая девочка. Смешная такая, с тощими косичками и бантами из коричневой капроновой ленты, в цветастом ситцевом халатике. Просто спокойно прошла, не обращая на Лерку ни малейшего внимания. Но ощущение страха и холода навсегда запомнилось.

Потом уже десятилетняя Лерка стала слышать странные голоса, шёпот и шумы по ночам, особенно в грозу. Тогда они не на шутку перепугались. Ходили с мамой к врачу: толсто-

му дядьке в круглых очках и со смешными усами, как у почтальона в мультике. Тот прописал кучу таблеток, сказав, что у неё стресс, переутомление и гормональный сбой, дал направление на физиопроцедуры.

Голоса стали тише, но не исчезли.

Лерке жутко не хотелось пугать маму, пить опять эти противные таблетки, от которых мутно в голове и чувствуешь себя растением. Поэтому она сказала, что ей стало лучше, и больше не заговаривала на тему странных образов, приходивших к ней в полутьме.

Около года назад, ещё на старой квартире, они с мамой смотрели какой-то непонятный фильм: тягучая музыка, запутанный сюжет, невесть откуда взявшаяся героиня, которая оказалась не героиней, а её двойником-клоном, – Лерка откровенно скучала.

Она заметила, как около неё возникла небольшая воронка, словно крохотный смерч. Из него вышла освещённая лунным сиянием женщина в длинном кружевном платье и медленно направилась к стене. Лерка провожала её взглядом, и видимо, так вылупилась, что это не осталось незамеченным.

– Лер, ты чего там увидела? – прошептала мама рядом, вглядываясь в пустоту тёмного угла.

Лерка от неожиданности подпрыгнула и завопила:

– Я? Нет! Ничего!

И в этот момент полупрозрачная фигура, почти скрывша-

яся в камне, резко остановилась и обернулась. Удивлённо, словно сама только заметила сидящих людей, она внимательно разглядывала девочку. Та шарахнулась к окну, по пути перевернув журнальный столик.

– Лера! Что случилось?! – закричала мама, а незнакомка, не отрываясь, следила за девочкой, потом в её полупрозрачных глазах мелькнула то ли радость, то ли злорадство, то ли какая-то идея, она качнулась и растаяла в дымке.

С тех пор Лера старалась не оставаться одна, спала с включённым светом, до бесчувствия смотрела фильмы и сидела в соцсетях, лишь бы отключиться и не слышать ничего: с того вечера её не покидало ощущение, что до неё кто-то пытается достучаться, дотронуться холодными влажными руками.

Знаете, бывает твой телефон «вне зоны доступа», но ты всё равно знаешь, что тебе звонят, и беспокоишься.

И вот сейчас, видимо, «дозвонились»...

По спине сползал змеем холодок. Лерка только сейчас, увидев фотографию темноволосой женщины, Татьяны Селивёрстовой, отчётливо поняла, *кто* была она, и та женщина в кружевах, и девочка в ситцевом халатике. Все они были *духи*, призраки... Она, Лерка, видела и слышала давно умерших людей.

И вот теперь одна из них хочет её руками что-то сделать. Кого-то найти.

И, видимо, не отпустит, пока Лерка этого не сделает.

– Татьяна, ты здесь? – прошептала Лерка в темноту, из-

немогая от любопытства и страха. Под рёбрами что-то томительно ухало, обрываясь. Что, интересно? Сердце? Действительно, похоже, что падает в пятки.

Затылком девочка почувствовала знакомый уже холодок. Она оглянулась: рядом с ней стояла Татьяна, всё такая же сосредоточенная, напряжённая и испуганная.

– Это была твоя могила?

Медленный кивок.

– Кто эти дети? Артём, Маргарита и Алёна?

Стон, похожий на крик. Лицо Татьяны подёрнулось плёнкой, мерцание поблекло.

– Это твои дети? – продолжала допрос Лерка. Она сама не знала, откуда у неё взялась сила. Сердце бешено колотилось, руки похолодели и покрылись испариной, коленки дрожали. Но она понимала, что должна знать больше. И ещё, что у неё есть право спрашивать, а эта несчастная женщина обязана отвечать. И Татьяна едва заметно кивнула.

– Ты хочешь, чтобы я нашла того толстого дядьку?

Женщина с силой стиснула зубы, подняла на Леру глаза, полные слёз и ненависти, и снова кивнула.

– Где я его могу найти? – Лера спросила и поняла, что ответа на этот вопрос не получит – если бы Татьяна знала, она бы и сама его нашла. Поэтому задала другой вопрос, который её беспокоил даже больше. – Что будет со мной потом? Я не хочу попасть в психушку, выполняя ваши поручения. Ты же не одна там такая, которой кто-то зачем-то нужен здесь?

Темноволосая женщина покачала головой и задумалась.

– Я не пущу, – прошептала она наконец.

– То есть я помогаю тебе, а ты меня охраняешь от других просьб?

Татьяна кивнула. Это Лерку вполне устраивало. Она кивнула в ответ и улыбнулась:

– Я тебе помогу. Найду тебе этого толстого борова.

Татьяна прищурилась. Она подняла руки и протянула Лерке белого плюшевого медвежонка, того самого, с пожара, девушка его хорошо запомнила.

– Это ему. Когда найдёшь.

И растаяла.

Лерка устало опустилась на диван. Её било мелкой дрожью, подташнивало, суставы нещадно ломило, холодный пот струился по побледневшему лицу. В этот момент в комнату заглянула мама.

– Лерочка! Да ты вся горишь! – запричитала она, укладывая дочь в постель, теплее укутывая пушистым пледом ноги. – Вот и сразу стало ясно, откуда это бред... Ты просто больна, моя милая! У тебя жар. Вот и всё...

Лерка не стала спорить. Сил не было. В конце концов, если это всё сейчас закончится, то пусть мать так и думает, её это успокоит. Меньше всего Лерке хотелось причинять боль родному человеку.

И она позволила себя уложить, напоить тёплым чаем с мёдом и лимоном, микстурой. Мама, увлечённая заботой о ре-

бёнке, даже не заметила белого пушистого медвежонка, жалобно притулившегося в углу дивана.

***

Утром Лера чувствовала себя гораздо лучше. Всё-таки мысль, что не будет больше этого противного холодка по спине, этих шёпотов и стонов, придавала ей сил и уверенности.

Пока мама, думая, что дочь крепко спит, убежала в аптеку, девушка включила ноутбук, и забила поисковый запрос: «Татьяна Селивёрстова». Поисковик выдал кучу ненужных страничек из соцсетей.

Тогда Лерка уточнилась, забив свой нынешний адрес с пометкой «происшествия».

Оказывается, домик-то у них беспокойный. За последний год он упоминался в СМИ с таким тегом трижды: драка с поножовщиной, ограбление и, батюшки мои, убийство на бытовой почве в соседнем подъезде! Прямо «нехороший» дом у них. И это всё на глазах у круглосуточной охраны, датчиков и тепловизоров! Да и жильцы в доме относятся к разряду «благополучных».

Но информации о Татьяне Селивёрстовой не было.

В памяти всплыла, словно подсказка, золотая табличка с чёрного обелиска. Лера забила в поисковик дату «17 мая 2014 года». И почти сразу наткнулась на страшное сообщение.

«Жуткая трагедия произошла прошедшей ночью по адре-

су... (Лерка поняла, что адрес её нынешнего дома отличается буквой «а» от адреса Татьяны): в пожаре, возникшем в частном доме, погибла молодая женщина с тремя несовершеннолетними детьми. По предварительным данным, произошёл взрыв бытового газа. Отец семейства в настоящее время находится в больнице, его увезли накануне с приступом острого аппендицита, и по счастливой случайности его не оказалось дома в момент трагедии (Лерку передёрнуло на словах «счастливая случайность», явно идиот какой-то писал). Журналистов к нему не пускают.

Как сообщили нам в следственных органах, семья не состояла на учёте в качестве неблагополучной, погибшая Татьяна С. работала в аптеке, её супруг и отец троих погибших детей работает водителем автоколонны 2278 нашего города.

По факту гибели четырёх человек возбуждено уголовное дело».

И фотографии того самого дома, в котором она оказалась вчера: обугленные, выжженные дотла стены, изуродованные огнем игрушки.

Ошибки быть не может. Это она.

Лера до тошноты ощутила удушье, запах гари и жуткое, ничем не поправимое горе, перед глазами вновь поплыли покорёженные карнизы и фрагменты черепицы.

Она взглянула на белого медвежонка.

Там, на пожарище, он был совсем чистый. Может, его принесли позже? Она взяла его в руки.

Пальцы утонули в мягком мехе, а по рукам потянулся холодок. Лера закрыла глаза.

Тёплый вечер окутал её. Она оказалась в комнате с низким потолком, старенькими, местами отошедшими от стены, изрисованными детскими наивными каракулями, обоями. Запах кипяченого молока и гречневой каши. Детская кроватка, на спинке брошенное невпопад одеяльце с розовыми слониками. Продавленный диван в углу. На нём сидит, насупившись и уставившись в учебник, мальчик лет четырнадцати. У Леры часто забилось сердце. Артём Селивёрстов.

Рядом с ним, на вязаном из лоскутков круглом аляповатом ковре, устроилась с куклой его сестра Маргарита. Она сосредоточенно застёгивала на платье любимицы пуговку, сопя и простуженно шмыгая носом. Артём на неё не обращал внимания, иногда тревожно прислушиваясь к происходящему в коридоре. Лерка подошла к стеклу и тоже прислушалась.

Женский голос, тревожный и сдавленный. И мужской, шипяще-угрожающий.

– Я вас предупредил, Татьяна. Вы испытываете терпение и моё, и моего шефа.

– Я ничего не хочу знать ни про вас, ни про вашего шефа! Мы вам сказали уже раз сто, наверное, – дом не продаётся. Оставьте уже нас в покое, в самом деле!

– Я оставлю... оставлю. Только зря вы так, Танюша!

– Да какая я вам «Танюша»! Я вас чуть ли не вдвое стар-

ше! – вспылила женщина. Лера услышала шум, возню там, за стеклом. Артём тоже напрягся и привстал.

– Слушай, ты, старая карга, – Лера едва различала слова в этом зловещем шёпоте, больше похожем на шипение, – мне по барабану, что ты там о себе думаешь. Я тебе сказал – срок вышел! С вами хотели, как с нормальными людьми договориться, деньги предлагали, а вы... Короче, лахудра, я тебе так скажу: и для тебя, и для твоих выродков лучше будет, если уже сегодня ночью вас здесь не окажется, поняла? – какой-то стук, что-то с грохотом разбилось в коридоре, Артём бросился к двери. Но выйти не успел, в комнату проскользнула испуганная Татьяна с заплаканным лицом, по которому чёрными ручейками растеклась дешёвая косметика. Она сжала сына в объятьях так, что у того, наверно, половина костей сломалось.

– Мам, ты чего? – бормотал мальчик. – Чего он хотел, этот дядька...

– Ничего, ничего, – в исступлении шептала женщина, отстраняясь от сына и невидящим взглядом обшаривая комнату. Её обезумевший взгляд остановился на игравшей на полу дочери. – Маргоша, ты почему не спишь!

И снова начала отрывисто бормотать, перехватывая тонкими руками горло:

– Ничего, ничего... Ничего они не сделают, это наш дом... Паша договорился... Они не посмеют.

– Мам, это кто был? – Артём насупился и уставился на

мать. Та под его взглядом вроде немного пришла в себя, перестала лихорадочно суетиться и постаралась улыбнуться:

– Да никто, Тёмушка, так, человек один. Ты его не знаешь.

– А чего ты тогда так всполошилась? – Он пригляделся к матери и дотронулся до её скулы. – Он что, ударил тебя?!

Татьяна потёрла щёку, словно стирая неприятные воспоминания, и снова заметалась по комнате, бросаясь то к одному ребёнку, то к другому, словно прячась за заботой о них от страшного.

Лера посмотрела на белоснежного медвежонка, повисшего в её похолодевших руках.

Татьяне угрожали. Кто-то, кого она сильно боится, кто оказался способен ударить женщину, приходил накануне пожара. Он, и это Лера слышала собственными ушами, сказал, что Татьяне и её семье уже этой ночью не надо находиться в этом доме, их доме. Дальше уже можно было догадаться: семья улеглась спать, а ночью дом подожгли. Не оставив шанса спастись. Этот дом стал могилой для них.

Она взглянула на печального плюшевого мишку и заплакала от бессилия.

Глядя на встревоженную Татьяну, укладывавшую Маргариту спать, она поняла, что и сама теперь не сможет спокойно дышать, пока не найдёт того толстого борова из чёрной машины, отдавшего жуткий приказ. Теперь это и её дело.

Она перечитала сообщение о пожаре в доме Селивёрстовых ещё раз. Забивала в поисковик запросы о результатах

расследования. Ведь уголовное дело-то возбудили! Но нет, никаких следов, единственная коротенькая заметка – и тишина.

Лера подумала о Павле, муже Татьяны. Во всяком случае, девушка помнила, что Татьяна упоминала какого-то Пашу, вероятно, это и есть муж. В заметке сказано, что три года назад он работал водителем в автоколонне. Может, он ещё там же работает. Может, ей удастся с ним переговорить... Хотя Лерка не понимала, как можно объяснить ему свой интерес. Как вызвать на разговор?

На всякий случай, она решила поехать и узнать, там ли он.

В отделе кадров она представилась его племянницей из соседнего городка, сказала, что он давно не отвечает на звонки и на письма, и что семья волнуется. Женщина на неё странно посмотрела и покачала головой:

– Родственники... А где вы были, родственники, всё это время, пока мужик погибал? А? Чего глаза вылупила? Помер твой дядька, уже год скоро будет, как помер... Вот оттого и не пишет и не звонит. А вы, родственники, только спохватились...

Женщина ещё долго что-то кричала ей в след, но она уже не слушала. Пунцовая, Лерка выскочила из кабинета и стремглав бросилась к проходной.

«Идиотка! – пульсировало в мозгу. – Как я сразу об этом не подумала! Чего сюда сунулась?! А?»

Словно спасаясь от погони, девочка пробежала мимо ав-

тобусной остановки в сторону центра, не разбирая дороги, сталкиваясь с пешеходами, поскользываясь на тонком льду мостовой.

«Идиотка»!

Уже около парка она остановилась и перевела дух. Итак, выяснить подробности не у кого. Надо искать самой. Интернет в помощь... И журналист, который писал заметку!

Лерка потопала в редакцию.

Сейчас у всех порядочных СМИ несколько ресурсов: и газета, и веб-сайт, и странички в соцсетях. Она нашла статью на их сайте. Автор, кажется, Василий Строев. Ну, что ж... Найдём тебя, Василий!

Лера вошла в полумрак трехэтажного здания редакции местной газеты, опубликовавшей заметку. Её оглушил запах сырости, смешанный с запахами свежей типографской краски и борща из столовой.

В узкий, обшарпанный коридор выходило штук десять дверей с потёртыми и выцветшими табличками без имён и фамилий. Только «редакторы», «рекламный отдел», «технический отдел», «бухгалтерия», «заместитель главного редактора», «главный редактор». Лера толкнула дверь редакторского отдела.

В глаза бросился организованный и даже какой-то уютный хаос, поверх которого старательно были разбросаны куски разноцветной, весьма потрёпанной мишуры, мятые ленты «дождика», за ниточки приклеенные скотчем к обоям раз-

ноцветные ёлочные игрушки. Из-за высокой стопки распечаток на неё выглянуло скуластое лицо:

– Девушка, вам кого? Обед же...

Лера взглянула на темноволосого парня, с нескрываемым любопытством её разглядывавшего, потом на часы. Действительно, час-двадцать.

– Ой, извините, – смутилась она, и кажется, покраснела под внимательным и чуть удивлённым взором. – Я просто хотела одного человека найти, Василия Строева... Но, я, наверно, зайду после двух.

Стопка распечаток качнулась, едва не разлетевшись по кабинету. Темноволосый прихлопнул её сверху.

– А зачем вам Василий?

Лера остановилась.

– Хотела кое-что узнать у него об одном старом материале... Так, ничего особенного. Вы не знаете, он после обеда будет?

Парень ещё раз придавил стопку распечаток, на этот раз, здоровенным степплером и криво улыбнулся:

– Да, он, собственно, и не уходил ещё.

– Так это вы – Василий Строев? – обрадовалась Лера.

Она надеялась увидеть серьёзного журналиста, представительного, в очках с тонкой золотистой оправой, толстом свитере с широкими (неприменно широкими) рукавами, а перед ней высился неуклюжий парень лет двадцати пяти, расрёпанный, в заляпанной клеем футболке, в видавших виды

джинсах.

– Ну, был когда-то, – он неопределённо махнул рукой.

– То есть?

– Знаете ли, мы часто используем псевдонимы. И газете хорошо – типа она серьёзная и большая со здоровенным штатом спецкоров, и тебе тоже неплохо – всегда можно схватиться и сказать, что это не ты написал всякую муть... Клиент побегает – побегает, а доказать ничего не сможет... Но именем «Василий Строев» я и воспользовался-то всего пару раз, и с тех пор уже больше года как про него забыл. Так что даже странно, что им интересуется такая юная леди...

Парень улыбнулся.

– Да, тот старый материал, про который хотела Вас спросить примерно тогда и был опубликован, – девушка замолчала. «Василий» её тем временем продолжал разглядывать, ухмыляясь и даже не собираясь поддерживать разговор. Лера окончательно растерялась. Парень ей не внушал доверия: он, верно, и не вспомнит, что это была за статья. И не отслеживал результат расследования потому, что разгильдяй.

– Ну, и? – не выдержал он наконец.

«А, к чёрту, всё равно, больше никаких ниточек!»

– Около трёх лет назад, в мае 2014-го, по улице Хрусталева, сгорел частный дом. В пожаре погибла женщина и трое её детей. Вы писали заметку.

Парень перестал улыбаться. Лицо сразу стало яснее, умнее даже, глаза заискрились настороженным интересом. По

тому, как изменилось его лицо, Лера поняла – он помнит.

– Знаете, я же ещё не обедал, – неожиданно предложил он, – есть очень хочется, и от этого не думается вовсе. Пойдёмте!

Он порывисто сорвал с вешалки куртку и, не спрашивая, согласна ли Лера обедать с ним, подцепил её под локоть, буквально выволок из кабинета. Протащив по коридору в сторону выхода и не дойдя до него буквально метра, втолкнул её в узкую дверь, которую она, входя, даже не заметила. За ней оказалось махонькое пыльное, давно не обитаемое помещение со столом и вытертым стулом восьмидесятых годов прошлого века.

– Вы что?! – только теперь Лерка струхнула не на шутку.

– Чё те надо? – «Василий» припёр её к стене, больно надавив локтем на горло. – Ты чё вынюхиваешь, а? Тебя Камрад подослал?

– Что? К-какой Камрад?! – Лерка вообще потерялась. Этот парень, «Василий», вроде только что был нормальным, интеллигентным даже, а сейчас буквально позеленел весь, и глаза чёрные такие стали, мутные. Словно и не человеческие. – Стойте, отпустите меня, – хрипела она, – никто меня не подсылал!

– Значит так, – зашипел «Василий» более спокойно, но от этого ещё более страшно, – скажешь Камраду, чтобы больше ко мне не совались. Я всё ему отдал, поняла, ВСЕ! Никаких материалов, фотографий, копий, у меня больше нет... НЕЕ-

ЕЕЕТ!

Его глаза снова стали мутными, он схватил Лерку за шиворот и так тряхнул, что у неё едва позвоночник не рассыпался. «Василий» распахнул дверь коморки и с силой вышвырнул в коридор.

Лерка пролетела тот несчастный метр до выхода, но не стала дожидаться, что будет дальше – с визгом рванула с лестницы мимо ошалевших блондинок на высоченных каблуках.

Лишь добежав до автобусной остановки и не чувствуя погони, она оглянулась. Полоумный «Василий» за ней не бежал.

– Ну что за день-то сегодня такой, – шмыгая носом, Лерка торопливо топала по пустынной улице, вдоль бесконечного сине-зелёного забора. Садиться в автобус под любопытные взгляды пассажиров ей не хотелось, да и стоять в ожидании своего рейса тоже – не особо, ещё этот ненормальный передумает, и решит переломать ей парочку костей.

Уже дойдя до перекрёстка, вывернув на более людную улицу, она успокоилась. Купила ароматную булочку в пекарне и села на скамейке: ей не давало покоя слово «камрад». Где-то она его уже слышала. Причём, совсем недавно. Вот на днях буквально.

Лерка набрала в телефоне «камрад»... Всезнающий поисковик сообщил, что это «товарищ, друг», от испанского «camarade». Но «Василий» явно не это имел в виду. Более

того, Лерка готова была поклясться, что парень этого «товарища» жутко боялся...

***

Подошёл Леркин автобус, она забралась в жарко натопленное нутро, устроилась на свободном сидении, а из головы всё не выходил этот «товарищ». Что-то не отпускало её. Какая-то догадка. Слово, действительно, было ей знакомо.

Она добралась до дома, сбросила куртку...

Вот! Она не слышала это слово! Она его ВИДЕЛА!

Лерка бросилась к серванту с документами. Три дня назад она распаковывала коробку с бумагами: мамины папки, счета за старую квартиру, альбомы с фотографиями... И тонкая красная папка. Мама много раз говорила, что в ней очень важные документы, и Лерка, конечно, засунула любопытный нос внутрь. Вот где она видела этого «товарища»!

Она перелистывала уложенные в тонкие хрустящие файлы документы. Свидетельство о праве собственности на квартиру. «Нет, не то», – Лерка лихорадочно просматривала одинаковые страницы.

Кредитный договор... Банк такой-то, это ясно... Ушакова Светлана Павловна. Это мама...

Вот он! «Договор купли-продажи № 1634. Общество с ограниченной ответственности «КАМРАД» в лице генерального директора Молина Хорхе Эдуардовича, и Ушакова Светлана Павловна»...

Руки Лерки похолодели. Она теперь поняла всё.

Камрад – это фирма-застройщик. Они с мамой купили у них квартиру в доме, построенном на месте сгоревшего жилища Татьяны Селивёрстовой. Камрад – это прозвище человека, которого так боится «Василий», которому он «отдал всё, все материалы и фотографии».

Девушка включила ноутбук. Голубой экран быстро откликнулся, выйдя из режима сна.

Она набрала фразу, которая должна была ответить на последний оставшийся вопрос.

«ООО «Камрад», генеральный директор».

Мгновенно загрузился официальный сайт фирмы. Текущие стройки, завершённые объекты, фотографии, награды и сертификаты.

Лера выбрала вкладку «О компании».

С большой фотографии на неё уставилось лицо довольно полного человека, почти лысого, с тяжёлым взглядом и улыбкой бульдога.

Подпись гласила, что это Молина Хорхе Эдуардович, генеральный директор ООО «Камрад», тот человек, что криво ухмылялся, глядя на дымящиеся руины дома Татьяны Селивёрстовой. Тот, кого ей нужно найти.

Лера взглянула на адрес фирмы... Хрусталёва, 27, 1 подъезд.

Это их дом. Они держат офис в этом же доме.

Лерка выдохнула.

Она взяла белого медвежонка и вышла из квартиры.

Ещё через пятнадцать минут она уже стояла в офисе ООО «Камрад» перед шикарной секретаршей. Там уже отмечали старый Новый год. Через огромные матово-чёрные двери конференц-зала прорывались ароматы застолья: гремучая смесь салатов, майонеза, копчёного мяса, рыбы и шампанского.

– Шефа нет, – ухмыльнулась секретарша, глядя на Леркиного белоснежного медвежонка, – но я всё передам, не волнуйтесь, девушка.

А Лерка больше и не волновалась.

Она шла через пустынный двор дома с панорамными окнами, шикарного, в котором многие лишь мечтают иметь крохотный кусочек комфорта, а Эми Ли шептала в наушниках, Лерка автоматически переводила:

Снова улыбнусь – ты пойми:

Лишь завтра очнусь от беды,

Не утешай меня, не лги мне.

Привет, знаешь, мне теперь не стать уж прежней,

*Не плачь.*²⁰

Говорят, никакие деньги не стоят жизни.

Врут.

Говорят, деньги не пахнут.

Врут.

---

²⁰ *If I smile and don't believe Soon I know I'll wake from this dream Don't try to fix me, I'm not broken Hello, I'm the lie living for you so you can hide Don't cry* (Гр. Evanescence, «Hello») *Эквиметрический перевод Кретовой Е.*

Деньги пахнут. Ещё как. Воняют кровью и потом. Лёгкие деньги – кровью, трудовые – потом.

За каждой бумажкой – чья-то судьба. За каждой монетой – свобода. И никто по-настоящему не свободен.

Мы свободны только в выборе своей зависимости, так, кажется?

В этом плане Лерка теперь совершенно свободна.

– Лер, ты чего? Ты куда ходила, больная же!.. – мама вернулась с работы раньше, в недоумении складывая в папку разбросанные по столу файлы с документами. Нарядная ёлка разноцветно подмигивала в углу.

– Мам, мы можем вернуться в нашу старую квартиру? Прямо сейчас? А?

***

Уже подходя к кладбищу, Лерка заглянула в павильон, где торговали цветами. Она хотела купить настоящие живые цветы. И маленькую игрушку.

На входе стоял стеллаж со свежей прессой.

В глаза сразу бросилась огромная, на всю первую страницу, фотография крупного мужчины, лысоватого, с тяжёлым самоуверенным взглядом. Сердце оборвалось: на неё смотрел Молина Хорхе Эдуардович.

Лерка схватила газету, с первых слов заголовка поняв, о чём статья.

«Трагическая смерть руководителя крупной строительной компании. Пожар после корпоратива».

Девушка оплатила покупку и медленно пошла в сторону калитки, на ходу просматривая статью.

«...По информации следственных органов, причина пожара пока не установлена. Известно, что дом, в котором расположен офис ООО «Камрад», сдан застройщиком в начале прошлого года. Претензий и замечаний в процессе госприёмки не выявлено.

Пожар разгорелся между двумя и тремя часами ночи в кабинете генерального директора. Возможно, причиной возгорания стала непотушенная сигарета».

Лера точно знала, куда идти, словно бывала здесь много раз. Аккуратные ряды крестов. Украшенные неестественно яркими цветами тёмные оградки,obelisks, прикрытые от любопытных глаз заиндевевшими берёзками или пушистыми елями. Вид торжественный и печальный

Вот она, тёмная оградка. Только за ней пять каменных плит: молодая, улыбающаяся женщина, мальчик-подросток, смешливая девочка, крошка в кружевном чепчике, погибшие одной смертью в одну ночь, и рядом с ними худощавый мужчина, не выживший без них.

Татьяна, Артём, Маргарита, Алёна и Павел.

Порванная в клочья судьба.

Лера стряхнула иней с побелевших табличек, присела на скамейку рядом с могилой Татьяны, положила на гранитную плиту газету и цветы.

– Татьяна, здравствуйте. Не знаю, слышите ли вы меня те-

перь. Ведь я сделала то, о чём вы меня просили, и вы добились того, что хотели. Наверное, вам не зачем здесь больше находиться... Знаете, мне очень жаль, что с вами так произошло. Правда.

Она встала, положила игрушку на могилу Алёны Селивёрстовой, ещё раз взглянула на детское наивное личико, ручки, прижимающие к себе... белоснежного медвежонка... того самого...

– Выходит, это её медвежонок, Алёны? Его не принесли на пожарище?

У Леры внутри всё похолодело. И нашёлся ответ на вопрос, бившийся в мозгу.

– Ладно, Татьяна, – выдохнула она, наконец, – если ты меня слышишь, то я освобождаю тебя от данного мне обещания... ну, в том плане, что больше ко мне никого не пускать. Если есть кто-то ещё рядом с тобой, кому я могу помочь... то, валяйте...

По позвоночнику полился тонкий холодок. Словно апрельский сквозняк пробрался под куртку.

Лерка закрыла глаза и приготовилась.